

Олег ТЕЛЕШСКИЙ

На темной стороне Луны

Боги, демоны, архетипы,
от Персефоны до Азазеля.

Касталия
Москва

2017

СОДЕРЖАНИЕ:

Увидимся на темной стороне луны!	
От редактора.....	7
Предисловие	11

ЧАСТЬ 1

ВВЕДЕНИЕ.

Что такое оккультизм.....	39
---------------------------	----

ГЛАВА 1.

Основы эзотерического мировоззрения.....	51
--	----

ГЛАВА 2.

Древние и классические мистерии.....	59
--------------------------------------	----

ГЛАВА 3.

Гностицизм — оккультное христианство.....	67
---	----

ГЛАВА 4.

Тайна ордена тамплиеров.....	91
------------------------------	----

ГЛАВА 5.

Алхимия и герметизм.....	97
--------------------------	----

ГЛАВА 6.

Розенкрейцеры и масоны: новые горизонты.....	111
--	-----

ГЛАВА 7.

Девятнадцатый век: романтический оккультизм.....	119
--	-----

ГЛАВА 8.

Карл Юнг: оккультная психология глубин.....	125
---	-----

ГЛАВА 9.

Учение Телемы.....	137
--------------------	-----

ГЛАВА 10.

Другие оккультные феномены двадцатого века.....	147
---	-----

Георгий Гурджиев и Школа Четвертого пути.....	148
---	-----

Остин Осман Спепар и Магия Хаоса.....	155
---------------------------------------	-----

Восток на Западе.....	161
Роберт Антон Уилсон.....	167
Карлос Кастанеда и нагуализм.....	177
Викка — незаконнорожденная дочь Телемы.....	181
Антон Шандор Лавей и сатанизм.....	184
ГЛАВА 11.	
Проблемы современного оккультизма.....	191
Популяризация оккультизма, или эзотерический «фаст-фуд».....	191
Тоталитарный компонент в оккультизме.....	194
Шизотерика.....	198
Шаблон отказа от Эго.....	209
Утилитаризм, или духовный материализм.....	202
ГЛАВА 12.	
Проект «Касталия».....	205
 ЧАСТЬ 2	
Предисловие Владислава Лебедько «Книга-Инициация».....	229
ГЛАВА 0.	
Ступени на другую сторону.....	235
ГЛАВА 1.	
Люцифер.....	245
ГЛАВА 2.	
Офитус (Змей).....	265
ГЛАВА 3.	
Лилит.....	283
ГЛАВА 4.	
Алистер Кроули, его демон и его сын.....	301
ГЛАВА 5.	
Бабалон (Иштар).....	319

ГЛАВА 6.	
Сет.....	327.
ГЛАВА 7.	
Симон Маг (Фауст).....	339.
ГЛАВА 8.	
Мистер Джон Голт (Маммона).....	351.
ГЛАВА 9.	
Азазель.....	367.
ГЛАВА 10.	
Акташ. Древние Боги.....	423.
Послесловие	437.
Ритуал Последнего Символа.....	437.
Приложение 1	
Инструкции по сексуальной магии.....	444.
Приложение 2	
Ритуал Ньюит Бабалон.....	448.
Приложение 3	
Рекомендуемая литература.....	456.
Аналитическая психология Юнга.....	457.
Телема.....	459.
Теория и практика оккультизма.....	460.
Таро.....	461.
Алхимия и герметизм.....	463.
Каббала.....	465.
Гностицизм.....	466.
Художественная литература.....	467.
Приложение 4	
Касталийские ритуалы Колеса Года.....	470.
Приложение 5	
Стихи разных лет.....	527.

УВИДИМЕСЯ НА ТЕМНОЙ СТОРОНЕ ЛУНЫ!

От редактора

And if the band you're in starts playing different tunes

I'll see you on the dark side of the moon

— Pink Floyd, 1973

Для меня честь и удовольствие быть редактором уже второй книги Олега Телемского. (Первая называлась «Таро для всех и для никого: арканология новой эпохи» и была выпущена издательством «София» в 2015 году.) Работа с его текстами — процесс не самый легкий, но очень интересный. Сочетая в себе огромную эрудицию и горячую пассионарность, Олег заставляет не только читателя, но даже и редактора переосмыслить многие вещи, которые прежде казались чем-то само собой разумеющимся. Он затрагивает темы, которые люди в наше время предпочитают обходить стороной, и это не модные «маргинальные» темы наркотиков, сексуальных ориентаций и политического экстремизма. Олег пишет о другом. О «темных» богах человеческой культуры и «теневого» архетипах человеческого бессознательного, которые суть одно и то же.

Две части этой книги изначально задумывались Олегом Телемским как две отдельные работы: одну можно было бы назвать «очерками психоистории человечества», а другую — «очерками личной духовной истории автора». Но в процессе работы над книгой оба нарратива обрастали перекрестными ссылками и в конце концов настолько тесно срослись, что теперь представляют собой органическое целое — которое, впрочем, можно начинать читать с первой части, а можно и со второй. И это психологически очень правильно. Ведь, с одной стороны, психоистория человечества (ну, хорошо — западного человечества; эта книга не замахивается на охват всех мировых культур) отражается в духовной биографии каждого отдельного человека, а с другой стороны, она и складывается как векторная сумма, как доминирующая тенденция миллиардов индивидуальных духовных биографий. И в этом смысле один в поле вполне себе воин, как еще раз доказывает Олег Телемский не только своей книгой, но и своей яркой жизнью и подвижнической деятельностью.

Боги и демоны, инициация и падение, освобождение и порабощение, Душа Мира и Тень, Люцифер и Иалдабаоф, жертвоприношения и сексуальная магия, Бог и Маммона — очень многие темы затрагивает автор, рассматривая их в макрокосме истории западного мира и микрокосме своей жизни. Все это само по себе интересно, но главное в этой книге — для большинства потенциальных читателей, надеюсь, особенно привлекательное и ценное, а для слабых духом пугающее и отвратительное, — то, что автор уделяет основное внимание «темным», «теневым», «противоречивым» и «странным» аспектам духовного поиска. Но, повторюсь, не модной «маргинальности» (читай «чернухи») ради, а ради установления истины, которая с древнейших времен все еще рождается в спорах. Не надо бояться «страшных» и «запретных» имен вроде Люцифера, Азазеля, Лилит и — о боже! — Кроули! Надо разбираться с тем, какие обстоятельства сделали их страшными и запретными для нашей культуры и для каждого из нас лично. Это

и помогает нам делать Олег Телемский, бесстрашный трансгрессор и прогрессор.

В свете вышесказанного могу в заключение отметить, что очень удачно выбрано название этой книги. «На темной стороне Луны» — это, я думаю, цитата из «Пинк Флойд». Но вот что интересно. По мере того как мир становится все более просвещенным, «темную» сторону Луны все чаще называют «обратной». И это правильно. Ведь она «темная» только в том смысле, что мы, земляне, ее не видим. На самом же деле в новолуние (когда мы ее не видим) вся она ярко освещена солнечным светом. Не в том ли же самом смысле «темны» мифологические демоны и юнгианские архетипы? Эта книга, может, и не даст вам всех ответов, но поможет правильно поставить вопросы. Давайте попробуем сделать так, чтобы наши оркестры сыграли какие-то другие мелодии, — и когда-нибудь встретимся на темной стороне Луны!

Андрей Костенко

Киев, 17 августа 2017.

художник Полина Снисаренко

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сейчас, когда я пишу эти строки, на дворе 2017 год. Вопреки всем календарям, утверждающим, что сейчас май, идет снег. Несколько минут назад я перебирал недавно изданные нашим проектом книги, а еще час назад готовился к очередной лекции нашего проекта, посвященной великому алхимику Джону Ди.

Солон, один из эллинских мудрецов, писал, что о человеке нельзя говорить, что он счастлив, пока он жив. И тем более нельзя такое говорить о себе — ведь боги всегда стоят на страже равновесия, и их месть может быть беспощадной. Потому перед небом и землей, перед Лилит и Люцифером я предпочту сказать более корректно: сейчас 9 мая 2017 года, и последние несколько лет, достигнув всего, о чем я мог мечтать, — я счастлив. Что будет впереди — это в руках высшей силы. Возможно, за углом меня ждет крушение. Возможно — взлет, о котором я не могу даже подозревать. Но уже сейчас мне есть за что благодарить моих богов, ибо на своем пути я получал такие переживания и такие достижения, о которых в самом его начале даже не мечтал. И пусть эта книга будет моим выражением моей самой искренней и самой глубокой благодарности. Пожалуй, это главная цель ее написания.

Впрочем, я еще не представился. Давайте же знакомиться.

Олег Телемский. Как нетрудно догадаться, фамилию я сменил, желая, с одной стороны, порвать с родом, из которого я вышел, а с другой — соединиться с избравшей меня традицией. Решение сменить фамилию было одним из самых правильных решений в моей жизни, ведь уже много лет именно

по тому, что делаю я, многие люди формируют свое представление об этике, символике и вообще правилах игры в Телеме.

В основном меня знают как автора двух книг о Таро, которые, кажется, сделали меня современным классиком тарологии. Но я очень странный таролог. Таролог, который почти не гадает. То есть в каких-то важных ситуациях, на праздничных ритуалах, для близких друзей — да. Но консультированием я не занимаюсь уже много лет. Не исключено, что жизнь заставит меня изменить свою позицию, но сейчас я предпочитаю зарабатывать деньги изданием книг. В Таро мне интересны не расклады, а те архетипические силы, что сокрыты за удивительным переплетением образов больших и малых арканов. Поэтому, оттолкнувшись от того, что было известно до меня, я смог найти свой неповторимый путь во вселенную Таро. Таро стало для меня ключом моего служения и моего пути: за символическим языком я видел реальные живые силы самых глубинных уровней души, и возможность разговора, взаимодействия с этими уровнями стала темой двух моих первых книг.

Я руководитель проекта «Касталия». Этот проект — пожалуй, одно из главных измерений моей жизни. Мое утверждение себя и одновременно мое смиренное служение тем, кто хранил меня все эти годы. Проект, который я создал и возглавляю уже восемь лет, проект, который прошел немало кризисов и перерождений, в последние месяцы достиг вершины своего развития.

К сожалению, представления об оккультизме, эзотеризме, магии и мистицизме, которые преобладают в пространстве современного интеллектуального дискурса, по большей мере отстали на пару веков.

Для большинства современных «эзотериков» как будто не было ни полутора веков египтологии, доказавшей нелепость фантазии о «происхождении Таро из Египта», ни лингвистических экспертиз, доказавших, что герметические тексты

были написаны в поздней Римской империи. Наивность, инфантильность, буквализм современного эзотерического дискурса существуют на уровне восемнадцатого, в лучшем случае девятнадцатого веков.

Мне удалось невозможное. Мне удалось создать действительно современный эзотерический проект.

Благодаря «Касталии» сотни людей получили возможность бесплатно ознакомиться с самыми глубокими современными эзотерическими исследованиями. Это и биографии магов, формировавших эзотерический дискурс, и труды магов самых разных традиций и школ, которые осмыслиют свой опыт с точки зрения современной психологии. Это и работы по «глубинной психологии» Карла Юнга и его ближайших учеников, которые первыми стали изучать те самые глубокие уровни Психэ, которые прежде рассматривали только оккультисты и натурфилософы. Это и академические исследования эзотеризма как культурного, исторического, психологического феномена.

Я читаю лекции, веду курсы, пишу статьи, эссе, выступаю на конференциях, пытаюсь донести действительно современный взгляд на эти вопросы. И, что самое главное, вокруг меня собралась команда. И за эту команду искренних, осознанных, творческих и свободных людей я особенно благодарен моим богам. Это переводчики с английского, редакторы, художники, поэты, музыканты, исследователи и просто искренние слушатели, заинтересованные в реальном знании, а не в удобной, трижды пережеванной кашнице, которой кормят своих последователей 90 процентов школ, имеющих товарный знак «эзотерическая».

Иногда мне кажется, что в этой реальности есть две принципиально разные «эзотерики», две разные вселенные, которые носят одно и то же название, и одна из них, ложная, внешняя, заслоняет собой другую — подлинную.

В своих первых книгах через арканы Таро я попытался описать те архетипические, или духовные, силы, которые ведут меня. 11-й аркан — Бабалон, Иштар, Лилит, 5-й и 20-й арканы — Люцифер, 15-й — Азазель, 13-й — Сет. Образный язык Таро невероятно удобен и дает возможность говорить о самых глубоких уровнях души. И я очень надеюсь, что мои исследования Таро со временем заложат основу принципиально нового подхода к этой уникальной карте души.

В настоящей же книге я хочу говорить о богах, об архетипах напрямую, не используя опосредованную систему знаков.

Это книга без определенного жанра. Местами это исповедь, местами мифологический трактат, местами активная апологетика глубин, местами магия, местами психология. Такое смешение жанров может создать немалую проблему для читателя, привыкшего к определенности границ.

В предисловии я хочу порассуждать об одном из самых сложных вопросов эзотерики и постараться дать на него свой ответ. Вопрос, который резонно может возникнуть у читателя. Насколько реальны, объективны, персонифицированы те силы, о которых я рассказываю? Как я сам отношусь к ним? Реальны ли боги объективно или они — лишь психические феномены? Какие ответы могу предложить я, если мое мировоззрение находится между двумя различными, но в чем-то глубинно близкими моделями реальности — аналитической психологией Карла Юнга и оккультной традицией Телемы Алистера Кроули?

Прежде чем говорить об архетипах, я должен был написать это предисловие. Оно не гарантирует, что я буду понят правильно, ведь, как говорил Роберт Антон Уилсон, «что бы ни думал Думающий, Доказывающий это докажет». Но, по крайней мере, я сохраню интеллектуальную честность.

Я хочу начать издавека, проведя границу между «старой» (или буквалистской) эзотерикой и «новой» (символистской). Когда началась новая эзотерика? Возможно, когда примерно

сто лет назад Алистер Кроули начал собирать свой оккультный орден, построенный на принципиально иных принципах, чем все предшествовавшие. «Наш метод — наука, наша цель — религия», — провозгласил Кроули, отрицавший любую веру, догматизм, гуруизм, которыми до него и, к сожалению, после него полнился эзотерический дискурс. А может быть, когда Карл Густав Юнг, изрядно разочарованный во всех академических попытках понять глубины человеческой души — попытках, которые неизменно вырождались в примитивные и пошлые редукции, — решил войти в самые тайные и самые глубокие двери и стал писать свою «Красную книгу».

Главный вопрос, который задавал себе Юнг, может показаться странным: «В чем же на самом деле мой миф? Мой миф — это не миф этих благонамеренных профессоров, не видящих дальше своих концепций. Мой миф — это и не христианский миф, которым цивилизация жила последние полторы тысячи лет. Каков же он — мой миф, миф, движущий меня вперед и позволяющий видеть то, что не осмеливаются видеть другие?»

Надо понять, что для Юнга, как и для всех его последователей, слово «миф» означает отнюдь не заблуждение или фантазию, как для рационалистов. Напротив, миф — это та глубинная уверенность, та глубинная истина, которая лежит в основании душевной жизни как отдельно взятого человека, так и целых культур и цивилизаций.

Поэтому Юнг решил сделать то, чего никто из ученых не делал до него. Он решил выйти навстречу своим снам и фантазиям так, словно они были абсолютно реальны. Он решил вступить в разговор с персонажами своей души, и можно себе представить, как ему, профессиональному психиатру, было страшно оживлять эти силы, ведь с точки зрения всего, что он знал прежде, это было равно психозу. Да, творческие люди всегда творили, входя в эти двери, но Юнг был первым, кто решил сделать это сознательно, сознательно признать для себя реальность образов и символов души. Чем не шаг в

безумие, хаос, смешение? Многие до сих пор отвергают Юнга, считая его «всего лишь одним из длинного списка мистиков».

Но воистину этот маленький шаг для человека, шаг вовнутрь, стал огромным шагом для той части человечества, которая заинтересована в познании глубин души так же, как и в познании окружающего мира. Юнг встречался с мифологическими персонажами — старцем Ильей, слепой и прекрасной Саломеей, мудрым Филемоном — и то, как ответы этих персонажей отражались в его внутреннем храме, стало основой для сверхновой психологии, разорвавшей связь с отжившими традициями.

Говорят, однажды Юнг сказал, что каждый должен написать свою «Красную книгу». То есть каждый должен спуститься в глубины своей души и установить там связь со своими персонажами глубин.

Да, до сих пор Юнг остается непонятым научным истеблишментом, который заинтересован только в точных и экспериментально проверяемых данных. Но, что бы ни утверждали дешевые лжесенсации, ученым так и не удалось взвесить и измерить душу, а все научные рассуждения на этот счет остались не более чем такой же абстракцией.

В чем же заключалась принципиальная новизна психологии Юнга? А в том, что впервые во главу угла психической жизни были поставлены не рефлексy, движения либидо или рациональные представления мозга, а мифологические образы и символы.

И в самом деле, если задуматься, рациональное значит в душевной жизни ничтожно мало. Скажем, для того чтобы сделать коммунистическую идею привлекательной для масс, власть семьдесят лет создавала символические образы: мавзоль, подобный египетским пирамидам; легенды из жизни революционеров, подозрительно напоминающие жития святых; да и старые символы вроде пятиконечной звезды наделились новым, нужным партии смыслом.

Человек может сколько угодно отрицать значимость символа, отрицать, что архетипы, то есть те же боги, живут в основании его души. Но когда необходимо донести до людей свою мысль, даже самый большой рационалист «проговаривается», начиная говорить языком отвергаемой им мифологии. Приведу один пример. Американская писательница Айн Рэнд, основательница нового рационализма, материалистка до мозга костей, не признавала на словах ничего, кроме жесткой логики и власти денег. Однако, когда ей понадобилось изложить свои идеи, она написала роман «Атлант расправил плечи», читая который мы чувствуем, что соприкасаемся с титаническим мифом, в котором главный герой оказывается своего рода квазимессией, проходящим путь смерти и воскресения, а главная метафора, нерв романа — мифологический образ Атланта, держащего на своих плечах всю тяжесть цивилизации. Роман во славу рационализма и в обличение мифологизма оказывается сам насквозь мифологичен. И, быть может, есть еще тысячи рационалистов — сторонников Айн Рэнд, не обращающихся к мифу совсем, но... в отличие от нее, они обречены оставаться в безвестности. Потому что только миф является языком, на котором говорит наша душа, и даже послание против мифологии, чтобы оно было действительно услышано, должно быть сказано на языке мифа. Точно так же рационалисты эпохи Просвещения, сделав революцию, торжественно возвели на трон богиню разума...

В отношении к мифу, мифологии, легендам, религиозным историям есть две одинаково грубые ошибки, от которых я хочу сразу предостеречь вас, читающих мою книгу. Первая — ошибка рационалиста, для которого миф — это «всего лишь выдумка». Такому вообще лучше сразу же закрыть эту книгу — она будет для него не более чем безумием. Последовательные рационалисты обречены болтаться на поверхности, не в силах заглянуть вглубь вещей и утверждая, что ничего, кроме этой поверхности, не существует.

Для более наглядной иллюстрации давайте представим себе, что есть некий куб, который субстанционально состоит из зеленого пластика. Если мы разрежем этот куб в любом месте, мы увидим зеленую субстанцию.

Однако сверху этот куб покрыли красной краской. И вот философский вопрос: какой этот куб — зеленый или красный? Если вы будете утверждать, что куб красный, вы будете правы с точки зрения внешнего впечатления. Более того — тысяча человек, которые взглянут на поверхность этого куба, согласятся с вами. С другой стороны, для того чтобы утверждать, что куб зеленый, необходим совершенно особый опыт, который доступен при некоторых усилиях: например, поскрести или надрезать поверхность. Самым точным будет утверждение, что куб по своей сути зеленый, но покрыт красной краской, не так ли?

Наша душа и наша культура — это вот такой куб, который по поверхности покрыт налетом рациональных рационализаций, уж простите мне эту тавтологию, а по сути является сочетанием сложных мифологических структур, символов, кодов и связей.

Сейчас даже популярная психология начала понимать эту простую закономерность, ведь в каждом психологическом магазине вы можете купить книги наподобие трудов Джин Шиноды Болен «Боги в каждом мужчине» или «Богини в каждой женщине». Действительно, объяснять закономерности движений нашей сознательной и бессознательной души через мифологические образы гораздо проще, хотя этот метод исключает возможность «замера и взвешивания», столь любимого академической психологией. Однако у такого популярного подхода есть и свои ошибки. Очень часто, читая подобные книги, читатель или читательница говорят: «О, я абсолютная Артемида» или «О, я абсолютный Марс». Таким образом сознание как бы невольно приватизирует архетип или божество, в то время как боги и архетипы представляют

собой очень глубинные силы, отождествление с которыми иногда может быть опасно для психического здоровья, а иногда просто является неправильным пониманием. Нет ли здесь опасности смешения между нашим Эго и архетипами, богами, неизмеримо превосходящими его? На самом деле в основе нашей души есть все боги, и в разные периоды жизни на ведущих позициях оказываются многие из них.

Юнговская теория архетипа вернула образу и символу свое законное место, так что искренний исследователь, желающий познать себя, уже не будет чувствовать себя шизофреником, вздумай он мысленно поговорить с одной из архетипических персоналий. Отличие безумца от здорового человека не в наличии видений, а в том, что безумец не в состоянии как-либо интегрировать эти видения, он принимает их за объективную реальность, не отличая от реальности социальных правил, в то время как здоровый человек четко понимает границу двух реальностей.

Итак, первая распространенная ошибка в отношении к мифу — отрицание мифа, образа, архетипа как «всего лишь вымысла». Вторая же ошибка прямо противоположна первой. Это чрезмерно буквалистское понимание мифа.

Крайняя форма мифологического буквализма — шизофренические бредовые идеи, когда человек начинает объективно полагать себя посланцем Сириуса и пытается обратить в свой миф всех, от родителей до полицейских, а в конце концов — и до санитаров. Конечно, до такого не всегда доходит, однако мифологический буквализм встречается и в ситуациях, далеких от непосредственных психических патологий.

Например, философия традиционализма резко критиковала Юнга за «психизацию духовного» и за якобы сведение объективных трансцендентных богов к «всего лишь психике». Для традиционалистов очень важно утверждение объективного и безусловного статуса тех символов, ценностей, богов и идей, которых они придерживаются. Но честный философ

всегда спросит такого традиционалиста: а откуда ты знаешь о том, что это знание объективно? Ответ из глубины себя, то есть из своей субъективности, был бы самым честным ответом, однако он не может быть дан, поскольку это мгновенно разрушит всю магию, которую с такой тщательностью выстраивает традиционалист. (Под традиционалистами я имею в виду не только и не столько последователей Генона и Эволы, но всех сторонников традиционных религий, рассматривающих догматы своей религии буквально и конкретно.)

Утверждение мифологического буквализма, как правило, связано с глубинным комплексом власти. Стоит задуматься: почему абсолютному большинству так важно утверждать абсолютную объективность своих прозрений? Скрытая логика этой претензии такова: если мое откровение абсолютно объективно и закон, открытый мне, так же реален, как закон тяготения, значит, я имею право решать, как другим людям жить и куда идти. В этом основа мифологического буквализма всех домодернистских религий — от мировых религий до какого-нибудь культа племени мумбо-юмбо. Такой буквалист как бы получает право на единственную истину и готов клеймить другие откровения как ложь, ересь и заблуждение.

Но если бы мифологический буквализм был прав хоть на йоту, почему тогда само содержание откровения или видения столь многообразно? Мы можем согласиться с тем, что Бог как высший принцип бытия — есть. Но если одни видят его единым, другие тройственным, третьи — творящим мир в паре со своей божественной супругой Шакти, для четвертых Бог — это сила гнева, для пятых — сила милосердия, то можем ли мы сказать, что Бог объективно является только таким и никаким больше, и на каком основании мы можем это утверждать? Эти логичные возражения Юнга, конечно, не были услышаны, ведь утверждение комплекса власти, который всегда лежит в основе мифологического буквализма, для его оппонентов неизмеримо важнее поиска истины. Предмет, вещь, идея всегда

существует в своих определенных качествах, к которым можно применить аристотелевскую логику исключения «А равно А, но не равно Б». Но может ли Бог быть одновременно троичным, бинарным, единым, гневным, любящим только одного пророка Васю и любящим всех людей? Качества оказываются взаимоисключающими, так что зачастую проще сказать, что Бога нет, чем пытаться осмысленно ответить на эти непростые вопросы.

Проблема мифологического буквализма заключается в том, что психика в нем ужасающе обесценена и всегда идет с приставкой «всего лишь». А представить себе, что существуют глубинные уровни психики, на которых парадоксальным образом соприкасаются материя и психика и где соприкосновение с архетипом ведет не только к субъективным переживаниям, но и к объективным совпадениям (синхронистичности, о которой особо пойдет речь в этой книге), такому человеку достаточно сложно.

Здесь мы подходим к «основному вопросу психологии глубин», который является одновременно и основным вопросом оккультизма. Насколько феномены глубин — архетипы, боги — являются объективными, автономными и имеющими свое индивидуальное сознание, независимое от наблюдателя? Не являются ли они феноменами субъективными, порожденными личной фантазией?

Доказательства объективности архетипов очевидны. Люди, которые НЕ ЗНАЮТ мифа, сюжета, образа, снова и снова продолжают транслировать одни и те же архетипические структуры и сюжеты. Немало примеров тому можно найти в работах того же Юнга и его последователей.

Чтобы не быть голословным, приведу и свой пример. Когда мне было 14, я увидел сон, в котором существовал Бог, замкнутый в своей бесконечности. Внутри своей бесконечности он мог превращать все во все, однако неведомым законом ему было запрещено прикасаться к вороне, которая находит-

ся в центре этого мира. В один прекрасный момент ему становится скучно, и он «направляет свой свет» на ворону, и в результате ворона поглощает его, и это божество рассыпается на атомы, так что появляется надпись «Ниже уровня ада».

Когда я вырос, я познакомился с целым рядом герметических и каббалистических сюжетов, которые фактически воспроизводили этот миф. В этих мифах некий Нус (Божественный Ум), Первосын изначального Бога, направлял свой взор на первоматерию и в результате падал из своего небесного дворца и растворялся в нижних водах. Точно так же как в моем детском сне, Нус, или Логос, оказывался расщеплен на тысячи тысяч отдельных искр, которые удерживала в плену материя. В Каббале есть понятие швират келим («разбиения сосудов») — космической катастрофы, в результате которой божественный и целостный свет рухнул в материю и рассыпался на тысячи искр. Задачей каббалиста является восстановление божественной целостности и воссоединение искр.

Больше всего поразило меня то, что, как пишет Юнг в своем итоговом труде по алхимии, первоматерия у герметических философов чаще всего символизировалась вороной или вороньей головой. Собственно, именно потому ворона — один из ключевых символов начальных стадий алхимической работы, требующих погружения в хаос и мрак.

Без этой маленькой детали можно было бы сказать, что структура мифа слишком условна, и мое бессознательное просто «изобрело» ее. Однако весьма конкретный образ вороны, переходящий из одного алхимического текста в другой, придает мифологеме вполне конкретный объективный статус. Мифы воспроизводят себя, кажется, помимо какого-либо участия сознания. До сих пор странное сходство мифологий не связанных друг с другом культур объясняли либо теорией заимствования, либо криптомнезией — то есть забыванием предыдущего опыта и его последующим воспроизведением. Очевидно, что в данном случае эта теория не выдерживает

никакой критики: образ вороны, засасывающей первобожество, в которой оно рассыпается на частицы света, я точно не мог нигде увидеть или узнать в свои 14 лет, тем более что мое окружение явно не имело никакого отношения к эзотеризму.

Подобных примеров существует огромное множество, и само их наличие доказывает нам одну простую истину: существует некий психический пласт, который является своего рода «предбытием», «изначальной реальностью», из которой вырастает индивидуальная душа.

Но если вопрос объективности архетипов и их, по крайней мере, частичной независимости от сознательного опыта мы можем решить достаточно просто, приведя примеры манифестации неизвестных человеку мифов и сюжетов в его психической реальности, то насколько мы можем утверждать, что эти архетипы имеют свою личность и полностью независимы от нашего восприятия? Насколько далеко имеет право человек утверждать свое знание природы архетипического?

Буквалистское заблуждение заключается в том, что буквалисты не только наделяют архетипические единицы объективным бытием (что, по сути, верно), но в том, что они утверждают возможность объективного знания о природе, качествах и даже субъектности архетипических единиц. Именно здесь сокрыта опасная психологическая ловушка, которая ведет к «инфляции знания» и «гордыне обладания». Индивид, имеющий исключительный опыт архетипического, искренне полагает себя единственным знающим природу богов, их избранником, что чревато в худшем случае безумием, а в лучшем — гордыней собственной исключительности. Описывая свой опыт взаимодействия с архетипическими божествами, я преследую цель не продемонстрировать свою исключительность, а показать читателю, что посредством практик, будь то оккультные ритуалы или активное воображение, он может получить схожий или принципиально другой, но столь же ценный (и даже более ценный для него) опыт, как мой.

Карл Густав Юнг в своей теории познания регулярно апеллирует к Иммануилу Канту с его разделением на феномены и ноумены. Феномены могут быть абсолютно различны, это могут быть физические феномены, как стол или яблоко, это могут быть образные, психические феномены — скажем, в сновидении мы можем видеть образ, который не имеет физического существования, но так же феноменален, — и мыслительные. Даже такие понятия, как время и пространство, Кант рассматривает исключительно как субъективные категории разума, которые позволяют разуму каким-то образом упорядочивать феноменальную реальность. Мир же ноуменов, или «вещей в себе», принципиально непостижим ни при каких обстоятельствах. И условием сохранения интеллектуальной честности является полное и безусловное принятие этого факта. То, каким образом явление предстает перед нами в своей феноменальности, — это лишь результат соединения нашего восприятия с непостижимым для него ноуменом, но никак не видение ноумена как такового. Никакое «духовное зрение» или «экстрасенсорное восприятие» не поможет человеку постичь «вещь в себе», потому что это «шестое (седьмое, восьмое, девятое) чувство» все равно будет исходить из субъекта. Это не уничтожает ценность такого восприятия, точно так же как ценность зрения не умаляет то, что цвета — лишь субъективное отображение света, но не объективное свойство вещей. Однако эта важная поправка позволяет избежать психической инфляции, которая, как чума, косит ряды тех, кто вольно или невольно ступает в пространство психических глубин.

Даже время и пространство Кант рассматривает не как объективные данности, но как феноменальные категории мышления. Понадобился гений Эйнштейна с последующим развитием квантовой физики, чтобы через два века это интуитивное философское прозрение обрело твердое научное подтверждение.

Несмотря на то, что архетипические модальности в своих манифестациях могут быть крайне схожи (вспомним пример алхимических фантазий и моего детского сна) в деталях, причем в очень важных деталях, опыт разных людей может отличаться, и отличаться принципиально. Субъект просто не в состоянии воздержаться от привнесения в свой опыт восприятия субъективного компонента и видеть «вещи в себе».

Эту проблему легко проиллюстрировать забавным эпизодом из практики Юнга. Хорошо известно, что сам Юнг начал свою практику с того, что наблюдал свою кузину Хелен Прайсвик, которая была талантливым медиумом и общалась с разного рода духами. В один из таких сеансов Хелен с ужасом сказала, что ее сестра родила негритенка. Ее сестра в это время находилась на другом континенте, и вот уже несколько лет семья не поддерживала с ней связь. И, тем не менее, через месяц было получено письмо, подтверждавшее прозрение кузины. Одного такого поражающего воображение факта, казалось бы, достаточно, чтобы провозгласить не только объективность, но и субъектность тех духов, с которыми кузина вступала в контакт в трансовых состояниях. Однако впоследствии Юнг заметил, что большинство ее «откровений» было абсолютно субъективным; эти откровения подстраивались под их слушателя, поскольку Хелен была очарована своим дядей и жаждала его внимания. Сознательно Хелен не обманывала, но ее бессознательная субъективность как будто «заставляла» этих самых духов говорить то, что она хотела. Если бы духи были полностью автономными субъектами со своей волей и характером, это было бы невозможно.

Вот такое очень тонкое смешение личного и архетипического весьма опасно, и нет методологии, которая позволила бы отделить одно от другого. Эзотерическая среда полнится такого рода «откровениями», которые сам проводник воспринимает как истину в последней инстанции и подает ее именно таким образом, однако достаточно совсем немного беспристрастно

проанализировать эти откровения, как становится понятно, что за ними стоит ненасытная воля к власти визионера. Но невероятные «попадания в точку» таких видящих, как в случае с негритенком, не позволяют нам сказать, что все, что они видят, есть лишь порождение их комплексов. Получается, что во взаимодействии с архетипическим планом субъект и объект сильно перемешаны.

В этом величайшая сила и величайшая слабость не только оккультизма, который и обязан своей дурной славой подобным смещениям, порой доходящим до гротеска, но и психологии глубин.

Какой ответ мы можем дать на основной вопрос оккультизма? Безусловно, архетипические структуры, сюжеты, мифы, боги имеют свое объективное бытие как кантовские «вещи в себе». В пользу их объективности говорит то, что наша душа способна воспринимать и воспроизводить эти сюжеты, даже когда сознательное Эго не имеет о них никакого понятия. Однако мы ничего не можем сказать о природе архетипов как «вещей в себе». В нашей внутренней реальности мы взаимодействуем с ними как с отдельными субъектами, поэтому в рамках мистерии целесообразно так к ним и относиться, но за пределами мистерии мы обязаны сохранять позицию «благородного незнания», дабы не оказаться жертвой психической инфляции.

Казалось бы, если мы с помощью философских интуиций понимаем, что все наше восприятие, включая время и пространство, субъективно (что не мешает нам в повседневной реальности рассматривать его как объективную реальность), то какая разница, насколько субъектны феномены глубинной психики, о которых идет речь?

Однако здесь мы сталкиваемся с целым рядом проблем, связанных с фундаментальным искажением не только на уровне познания, но и на уровне этики. Ответы, которые дают нам популярный оккультизм и психология, не просто относитель-

ны и субъективны — они «субъективны в субъективном», то есть отстаивают свои относительные интересы ценой истины. Так, для большинства сторонников чисто психологического взгляда определяющей является потребность оставаться в рамках общепринятого дискурса и сохранить так называемую «нормальность» любой ценой. Такой психолог, даже получив объективные подтверждения другого взгляда, будет придерживаться своей позиции, потому что это может повлиять на его репутацию, перевести его из ранга представителей науки в ранг еще одного эзотерика.

С другой стороны, жесткое отстаивание позиции «абсолютно объективных существ», вплоть до откровенного абсурда (когда, скажем, переживание контакта с «обитателем Сириуса» рассматривается как разговор с вполне конкретным субъектом с вполне конкретного Сириуса, которому почему-то есть дело до того, как живет этот человек) на самом деле скрывает неосознанный комплекс власти — говорящий от лица некоей высшей инстанции, конечно, наделяется дополнительным авторитетом и полномочиями, которых он без боя не отдаст.

Поскольку я решительно свободен от любой цеховой принадлежности и необходимости отстаивать «честь мундира», в этом вопросе я могу позволить себе быть если не объективным (боюсь, что для человека эта возможность вовсе закрыта), то, по крайней мере, непредвзятым, и предложить некоторые пути.

Небезынтересно то, что разделение на объективное и субъективное не проходит жестко по линии «психология — оккультизм». Так, в своей автобиографии Карл Юнг писал, что, когда он разговаривал с внутренними персонажами, его переживание было идентичным переживанию общения с другим субъектом: они ставили его перед вопросами, над которыми он не задумывался, давали ответы, которые никогда бы не пришли ему в голову, а их появления сопровождались странными совпадениями во внешнем мире (например, в день, когда Юнгу впервые представился старец Филемон с крыльями

зимородка, вечером в саду был найден мертвый зимородок, что вообще достаточно редкое событие). С другой стороны, на определенном этапе своей работы Кроули, который, безусловно, является представителем оккультного, а не психологического подхода, тем не менее, склонялся к психологическому обоснованию феноменов, говоря, к примеру, что «72 демона гоэтии — это всего лишь 72 различных участка мозга». Так что мы не можем сказать, что вся психология и весь оккультизм здесь расходятся — расхождения есть даже внутри психологии и оккультизма.

Непростые вопросы в принципе не могут удовлетворяться простыми ответами. И чтобы попытаться найти хотя бы относительно удовлетворительные ответы, нам необходимо спуститься еще на уровень ниже. Как вообще мы определяем то, насколько наше суждение или восприятие истинно? И в каких случаях мы считаем, что нам нужно подвергнуть наш опыт дополнительной верификации, поскольку он несет в себе субъективное искажение?

Представим себе вполне объективное явление. Например, вкус яблока или вкус разлагающегося трупа. Для человека есть вполне известный ему вкус первого и, к счастью, не известный, но точно потенциально смертельный и отвратительный — второго. Однако если мы представим себе на месте человека, скажем, любое животное, питающееся падалью, для него труп будет гастрономическим изыском, а яблоко — мерзкой гадостью, сравнимой для человека со вкусом сена. Иными словами, при соприкосновении двух различных субъектов с одним и тем же явлением мы получаем два разных явления.

Даже для двух разных представителей одного вида один и тот же предмет может давать различный вкус. Например, если я попытаюсь съесть творог, результатом будет немедленная и мучительная рвота, в то время как для абсолютного большинства моих друзей творог — прекрасная еда, а уж если с изюмчиком, то прямо-таки деликатес.

То есть, несмотря на то, что вкус яблока — это одно из самых конкретных и объективных переживаний, какие мы можем представить, только глупец будет утверждать, что это объективная категория, поскольку, дескать, вкус яблока или того же творога — это то, что каждый может проверить и убедиться, что он всегда одинаков.

Но если это неверно по отношению к вкусу, как можем мы утверждать это по отношению к глубинным духовным универсалиям? Может быть, здесь скрывается ответ, который позволит нам создать принципиально иную модель реальности, модель более честную и последовательную.

В психологическом взгляде на фигуры внутреннего мира как на «всего лишь продукт моего подсознания» упускаются два важных момента. Во-первых, любой, кто имел реальный архетипический опыт, согласится, что это переживание сопровождается цепочкой значимых и осмысленных совпадений во внешнем мире, которые едва ли возможно свести к простому совпадению. В этой книге будет приведено немало примеров. Во-вторых, что гораздо более важно, если мы можем допустить, что подсознание способно породить силы, причем силы осмысленно персонифицированные, которые сильнее, мудрее, больше сознательного Эго, силы, встреча с которыми может оказаться потрясением, переворачивающим все убеждения и ценности, то не логичнее ли принять, что их значимость в любом случае не меньше значимости того, что мы называем нашим Эго?

Возвращаясь к вкусу яблока и творога, стоит задаться вопросом: почему, когда мы говорим о вкусах, мы понимаем эту простую закономерность и не настаиваем на объективной картине общего для всех вкуса, а когда речь заходит о куда более тонких, сложных и многогранных феноменах, моментально об этом забываем?

Когда мы говорим о явлениях души, тем более о самых глу-

бинных, архетипических структурах, разница восприятия куда более многогранна и широка, нежели в вопросах вкусов и цветов. Один и тот же архетип может проживаться в десятках разных граней, нюансов и тонкостей. Божество, которое для одного вдохновитель и источник силы, для другого станет источником помешательства и навязчивой идеи. Но и в первом, и во втором случаях мы не вправе говорить о качествах этого божества КАК ТАКОВОГО. Мы вправе говорить исключительно о том, как оно проявляется в психической реальности как психический образ. Есть ли оно и что НА САМОМ ДЕЛЕ оно собой представляет — это останется для нас закрытым всегда, поскольку человек не может выйти за пределы своей субъективности. Это единственный честный подход при взаимодействии с глубинными силами, а все остальное — не более чем интеллектуальное мошенничество и комплекс власти, когда «мой пророк — истинный пророк, а твой пророк — лжепророк и шайтанов слуга».

Потому любой бог — это абсолютно объективная реалья, абсолютный «другой», который не может быть постигнут нами как кантовская «вещь в себе», но точно так же это субъективный опыт, отражение нашего восприятия глубин, которые сами по себе не выразимы ни словом, ни образом, ни символом. Символ приближает нас, но все равно в любом прожитом нами символе будет неизбежная субъективность.

Здесь я хотел бы предложить метафору, которая хотя бы немного поможет прочувствовать эту тонкую грань. Все образованные люди видели фильм Андрея Тарковского «Солярис». В этом фильме главный герой попадает на планету с «мыслящим океаном», который, взаимодействуя с прибывшими людьми, извлекает из их бессознательного «гостей», которые вполне осязаемы и видимы.

Каждый из этих «гостей», с одной стороны, безусловно, имеет свое объективное бытие, а с другой — является порождением грандиозного, непостижимого, тотально иного бытия

Соляриса. Сам по себе «гость» не может существовать вне своей связи с человеком, его породившим, — он, несмотря даже на его физическую зримость, не более чем материализация мыслей субъекта, которая исчезнет в момент его смерти. Если бы кто-то из космонавтов предположил, что гость имеет свой, отдельный от него характер и на этом основании стал бы пытаться делать какие-то выводы относительно мотивов самого Соляриса, его намерений, он был бы глупым ослом — Солярис остается непостижим как вещь в себе.

При этом у космонавтов есть выбор — избегать, уничтожать, вытеснять «гостей», как это делает невротик с автономной жизнью бессознательного, либо, наоборот, установить с ними более тесное взаимодействие, силой своей личности и своего сознания вдохнуть в них сознание — как это делает главный герой. В этом случае «гость» обретает полноценную личность, как это произошло с умершей женой главного героя Кирой, и — возможно, очень возможно, — это делает его взаимодействием с самим Солярисом более глубоким и полным. Но даже в этом случае поверить, что это «та самая» Кира, означало бы совершить опасную гносеологическую ошибку.

Разница между Солярисом и «гостями» иллюстрирует разницу между *идеей архетипа* как вещи в себе, структурирующей реальность нашего опыта, и *архетипическим образом*, персонификацией, божеством, характером, с которым мы можем взаимодействовать. И чем более тонким и личным становится наше взаимодействие, тем более полноценны мы в осуществлении нашего предназначения. Утверждение о предназначении — не более чем моя субъективная гипотеза, основанная на прозрениях Юнга, Эдингера и на своем опыте.

Книга, которую вы читаете, — о самом глубоком опыте души, опыте, который приобретался порой в рамках психологического анализа, а порой в рамках магического ритуала. Эта книга может быть интересна и глубинному психологу, заинтересованному в исследовании того, как архетипические

образы и мифологемы проявляются в психике человека, и оккультисту, чье отличие лишь в том, что он называет их «богами» или «духами».

Книга описывает опыт души, полученный в самых разных ситуациях — от черномагической операции с жертвоприношением животных до переживания пробуждения архетипов в результате психологического тренинга. При некоторых различиях структурно это один и тот же опыт встречи с реальностью глубин, реальностью образа, реальностью архетипа, которая является матрицей психической жизни. А все методы, будь то холотропное дыхание, ритуал на пересечении четырех дорог или использование 2,22 — суть различные технологии, позволяющие войти во взаимодействие с этими уровнями.

При этом я еще раз подчеркиваю, что не настаиваю на том, что мой опыт — это единственно возможный опыт. Ваш опыт может отличаться. Боги могут проявляться другими гранями и образами, это могут быть другие боги и другие сюжеты. Лучший результат этой книги — если найдутся те, кто напишет подобную книгу, основываясь уже на своем собственном опыте.

Взаимодействуя с представителями разных традиций, я встречал самые разные интерпретации, классификации, персонафикации архетипов. Этот опыт имеет абсолютное значение только для одного человека — автора, описывающего его. Для остальных это может быть полезная информация, которая поможет осмыслить свой опыт и найти для него слова.

Однако есть и другая тонкость. Феномен синхронистичности, о котором будет много сказано в одной из глав, заставляет нас поверить, что в нашей реальности действует интересный закон притяжения подобного к подобному. Синхронистичность является самым крайним и заметным проявлением и подтверждением этого закона. Феномен синхронистичности заключается в том, что при переживании архетипа мы сталкиваемся с цепочкой совпадений, осмысленно связанных с

этим архетипом и символом. В книге приводится немало примеров подобного.

Но, по большому счету, вся наша жизнь является такой синхронистичностью, и все, с чем мы по той или иной причине соприкасаемся, все, что мы познаём, имеет к нам отношение просто уже потому, что оно оказалось в нашем пространстве. И то, что сейчас вы читаете эту книгу, а не одну из ста тысяч других книг, которые могли бы читать, с точки зрения синхронистичности и всесвязности значит то, что для вас содержащаяся здесь информация имеет несколько большее значение, чем для тех, кому эта книга не попала в руки. Возможно, в вашей душе играют те же боги. Возможно, книга покажет вам, как можно выразить и прожить своих богов. Возможно, это ключ к осмыслению прошлого или будущего опыта, некая методология, которая позволит вам найти слова и смыслы для опыта, который прежде не мог быть осмыслен в силу отсутствия должных определений. Но не более того. Вы должны написать свою «Красную книгу» и познать своих богов.

Я убежден: поскольку архетип (божество) принадлежит к коллективному бессознательному, честное описание проживания связи с ним может помочь в построении хотя бы приблизительной навигационной карты, и мой опыт, связанный с синхронистичностью, может быть реально полезен по крайней мере тем, кто имел схожий опыт.

Единственное, чего мне хотелось бы избежать, — это создание некоей новой догмы, в которую необходимо уверовать. Вероятно, кому-то мои предосторожности покажутся проявлением излишней мнительности, но, поверьте, я не раз наблюдал, как из мечей свободы выплавляли оковы рабства, поэтому не могу не опасаться того, что при должном успехе этой книги с моим трудом произойдет нечто подобное. Поэтому позволю себе процитировать ироничное стихотворение Алистера Кроули (в переводе Анны Блейз):

Новообращенная (Сто лет спустя)

*Лесною тропкой дева шла под вечер,
Глядь — Человек ужасный ей навстречу:
— Куда так поздно, милая девица?
— Во храм иду я, Кроули молиться.
— Да что ж он — Бог?! И где тому приметы?
— Апостол Фуллер нам поведал это.
— Но Фуллер, право, мог и ошибаться!
— Вы, сударь, злой! Счастливо оставаться!
Коль это называется успехом,
То неудачу я приму со смехом.*

Чтобы наше введение было полным, нельзя не упомянуть еще о двух важных персонах глубинной психологии, знакомство с идеями которых существенно повлияло на меня на моем пути. Первая из этих персон — Джеймс Хиллман, последователь Юнга, ставший, пожалуй, самым креативным и независимым из его последователей. Обращаясь к реальности души и реальности образа и архетипа, Хиллман высказывает целый ряд идей, многие из которых полемизируют с идеями самого Юнга.

Главное отличие между Юнгом и Хиллманом в том, что Юнг был приверженцем идеи существования единой Самости, то есть некоего объективного архетипического образа Мандалы, вокруг которой вращается психическая жизнь, в то время как для Хиллмана, жившего в эпоху постмодерна, любая идея единства была подозрительна. Вместо образа единой Самости Хиллман предложил идею Мировой Души, проявляющейся в образах множества богов и героев, каждый из которых одинаково ценен. Хиллман фактически возвращается к мировоззрению эпохи Ренессанса, о котором мы поговорим подробнее в этой книге.

Самое важное в идеях Хиллмана — то, что он еще больше сблизил психологию и эзотерическую практику. В самом деле, так ли велика разница между теургом, призывающим Меркурия по методу Фичино, и последователем Хиллмана, призывающим того же Меркурия в процессе психологической практики, которая называется «активным воображением»? Возможно, хиллманианец более осведомлен о психическом характере своего опыта, однако феномен синхронистичности делает все попытки провести границу между физическим и психическим абсолютно безнадежными.

Хиллман отрицает монотеизм не только как религиозную систему, но как психологическую установку, мифологему, в которой в центре находится некий ОДИН архетип или ОДНА великая истина. Фрейд, будучи абсолютным атеистом, является с точки зрения Хиллмана чудовищным монотеистом, поскольку верит, что в основе ВСЕХ психических процессов лежит только сексуальность. Таким же монотеистом для Хиллмана является и Альфред Адлер, выводящий все психические закономерности из воли к власти. Даже Юнг при всей его широте с точки зрения Хиллмана монотеист, поскольку его «образ Бога», или «Самость», — это некий монообраз.

Деконструируя монотеистического Бога, мы столкнемся с множеством Богов, выражающих Душу Мира. Но точно так же, деконструируя образ Дьявола как единой персонификации абсолютного зла, мы обнаружим множество богов, ушедших глубоко в тень. Для обывателя последнее будет наверняка излишним, ведь даже осмысление политеистических богов есть немалый вызов для души, сопряженный с целым рядом эмоциональных встрясок.

Эта книга посвящена как раз тем самым богам или архетипам, которые в преобладающей мифологии считаются «темными», «злыми» и «опасными». Многие из них представляют персонификации Дьявола в христианской мифологии, а другие — образы зла в дохристианских генотеистических мифах. Отказавшись от монотеистического взгляда на мир, жестко

разделяющего мироздание на добро и зло, мы увидим, что необходимо отказаться и от фантазии о некоем едином источнике зла, а те силы, которые считаются злыми для большинства, для немногих могут оказаться силами благими, ведь, в сущности, вся наша психическая реальность есть манифестация различных образов Мировой Души.

Отдельную благодарность хочу выразить Мартиэль — гениальному поэту, менестрелю, визионеру, Мастеру и моему учителю, чьи советы не раз спасали меня от падения. Отдельная благодарность ей за редакторскую работу над этой книгой и ряд ценных замечаний, которые позволили более четко раскрыть некоторые смыслы.

Безусловно, то, о чем будет написано в нашей книге, может быть адресовано далеко не всем. Сначала я даже хотел позаимствовать для нее подзаголовок из Ницше: «Книга для всех и для никого». Но, пока писал ее, успел назвать очень похоже другую свою работу, посвященную Таро. Воистину, для большинства лучше отложить эту книгу и никогда к ней не возвращаться, ведь она может взорвать сами основы вашего мифа. Конечно, каждый из нас считает себя единственным и неповторимым и имеет на это право, так что это предупреждение может показаться лишь примитивной манипуляцией. Поэтому слова «для всех и для никого» не вынесены на обложку, но скрываются в предисловии.

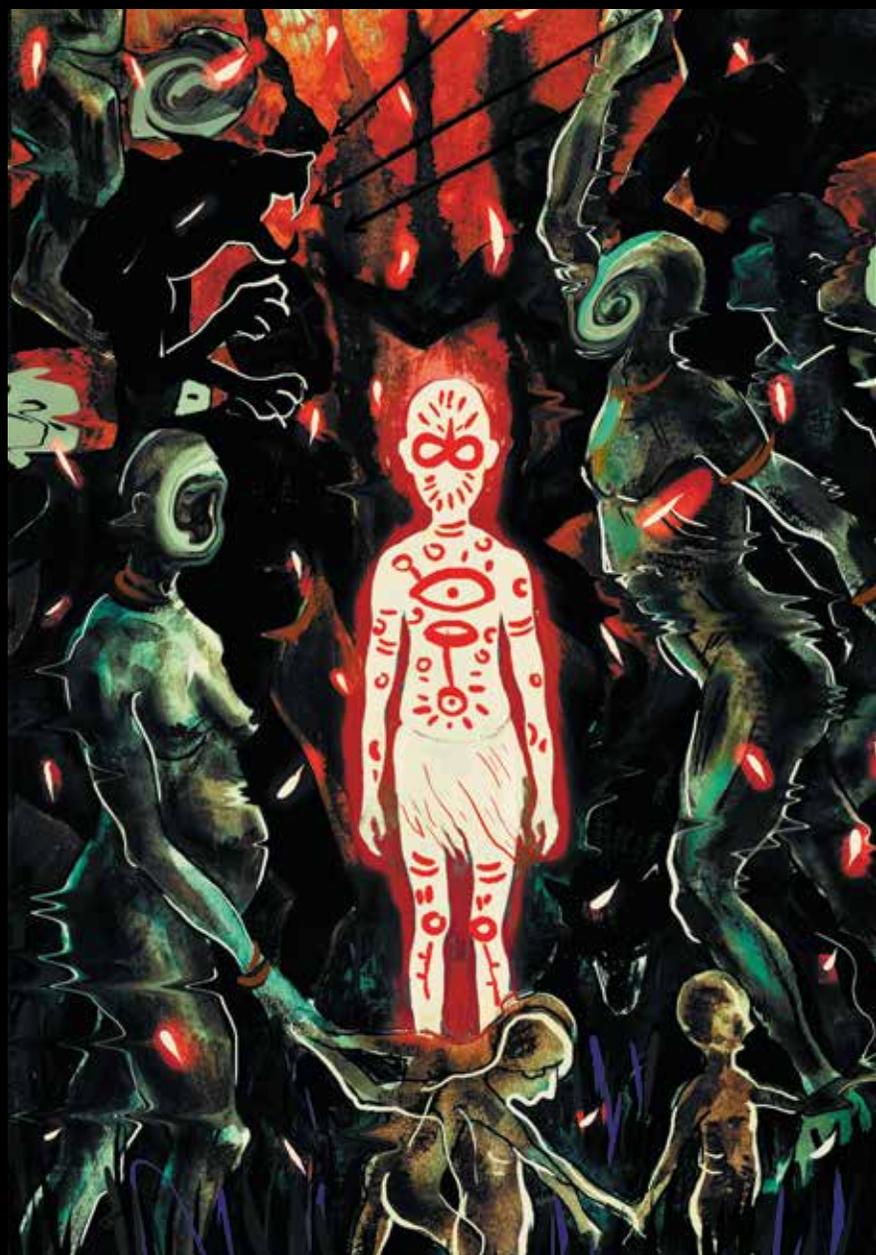
Достаточно честно ответить себе на некоторые вопросы, чтобы понять, насколько вы готовы к той модели психической реальности, которая дается в этой книге. Вы способны на риск? Если да — я приглашаю вас на прогулку по табуированным, пугающим, запретным садам, где плоды познания сами готовы упасть вам в рот, но вкус их может оказаться горек. И — добро пожаловать, равные! Добро пожаловать на темную сторону Луны!

Последняя благодарность, которую я хочу выразить здесь, — благодарность Владиславу Лебедько, человеку, без работ

которого эта книга никогда не была бы написана.

От психологии первый шаг делает Юнг, второй Хиллман, а третий и решающий шаг, сближающий эзотеризм и психологию, делает Владислав, предложивший ряд действенных техник и методов работы с Глубинами. Кроме того, Влад первым поставил вопрос о необходимости переосмысления «изгнанных богинь» в психологическом дискурсе, посвятив ряд лекций таким табуированным ликам, как Горгона, Лилит и Геката. И я продолжаю этот труд Влада, обращаясь к табуированным образам, выброшенным в тень культуры. Ведь еще средневековые алхимики знали: в тени сокрыто философское золото.

В завершение этого несколько подзатянувшегося предисловия я позволю себе повториться: далее в книге многие утверждения даются так, словно они являются объективными и безусловными данностями. И для меня, в рамках моей личной вселенной и личного мифа, это так и есть, ведь наш миф всегда требует всего человека. Однако лично ваш психологический и духовный опыт может существенно отличаться. И эта книга написана не для того, чтобы привести всех к новой вере, но для того, чтобы расширить границы привычных тоннелей реальности и научить смотреть с разных сторон. Ну, а если у кого-то из вас случится синхрония с моим опытом или вы захотите поделиться своим — я буду рад продолжить с вами общение в виртуальном пространстве сети или, быть может, в реальном пространстве нашего клуба.

художник Полина Снисаренко

ВВЕДЕНИЕ.

Что такое оккультизм

Мой интерес к оккультизму впервые проявился в начале нового тысячелетия, когда я, пережив пробуждение Кундалини, впервые со всей очевидностью осознал, что наш мир — не то, чем он может казаться при поверхностном наблюдении. Начиная с 2003 года я начал осознанно практиковать оккультные ритуалы Телемы. Другими словами, мое погружение в оккультную, или эзотерическую, реальность началось уже более 15 лет назад.

И все это время я стараюсь понять, что же такое оккультизм. Что представляет собой ядро, суть, первоначало оккультного знания? Где мы можем провести границу между оккультным и неоккультным?

Эти вопросы особенно актуальны для нас где-то со второй половины двадцатого века, когда к серьезным оккультным школам прибавилось огромное количество подделок, имитаций и симулякров. Если вы придете в любой «магазин эзотерической литературы», я вас уверяю, не более пяти процентов книг в его богатом ассортименте можно будет назвать собственно оккультными. Все остальное — либо коммерческая литература, либо откровенный бред.

В основании *окультизма* и *эзотеризма* лежит идея некоего тайного знания, которое следует скрывать от профанов — иногда ради сохранения коммерческой монополии (у самых первых «вольных каменщиков»), а иногда и ради сохранения жизни (в эзотерических ответвлениях таких крайне догматических учений, как христианство и ислам).

Оккультизм всегда связан с идеей тайны, однако в наше время глобального информационного единства сохранение тайны становится попросту невозможным. Продвинутый пользователь Интернета может легко найти в сети описания самых тайных масонских ритуалов или тибетских монашеских практик. Однако именно в современном контексте слова «тайна» и «таинство» получают дополнительное измерение, что позволяет отделить подлинно оккультную тайну от разного рода секретов, сохранение которых — вопрос коммерческой целесообразности или безопасности.

Суть в том, что подлинные тайны на самом деле невозможно разгласить. Мы можем описать последовательность выполнения тайного ритуала или слова-пароли тайного ордена, однако эти знания не вызовут у нас тех чувств, какие открываются посвящаемым в тот момент, когда они впервые слышат сокровенное Слово. Карл Густав Юнг пишет, что сама природа по своей сути эзотерична и тайну психологического развития невозможно разгласить. Даже подробно описав те методы, которые позволили нам прийти к тем или другим духовным трансформациям, мы не можем гарантировать, что тот, кто повторит те же действия, получит тот же результат. Другой человек может находиться в другой системе координат и проживать те же слова и образы совершенно по-иному.

Подлинно оккультная тайна может быть лишь пережита на личном опыте, опыте прозрения, который разные традиции называют по-разному — *инсайт*, *сатори*, *озарение*, *гнозис*, *просветление*, — причем некоторые качества этого опыта могут существенно отличаться.

Итак, первым критерием «оккультности» знания можно считать наличие некоей внутренней тайны, которая постигается парадоксальным и интуитивным образом. Рациональные практики и освоения оккультных концепций и моделей могут иметь немалое значение, однако они всегда играют вспомогательную, а не основную роль.

Именно здесь мы можем провести водораздел между реальным оккультизмом и многочисленными имитациями и подделками. Скажем, теософия Блаватской при всех ее претензиях на оккультность оккультизмом не является. Ведь если даже в качестве игры ума мы предположим, что прочитанные нами безумные фантазии о прошлых цивилизациях — чистая историческая правда, это нисколько не меняет нашего экзистенциального статуса. Мы просто получили из книги некую информацию об истории развития жизни, оставшись ровно теми, кем были прежде. Никакого парадоксального, невыразимого, интуитивного знания, доступного между строк, нам не открылось. При этом многие тексты, которые вообще не относятся к оккультизму, могут дать нам это парадоксальное знание и проживание — например, если мы прочтем и проживем символический ряд «Фауста» Гёте или гениальное, почти алхимическое откровение Ницше «Так говорил Заратустра».

Не являются оккультизмом и многочисленные популярные брошюры, призванные научить нас жить по неким «высшим законам». На самом деле эти брошюры, как правило, содержат в себе набор примитивных и узнаваемых морализаторских банальностей, которые вообще не имеют отношения к глубинному опыту. Возможно, следуя советам некоторых из них, и можно сделать свою жизнь лучше и эффективнее — в конце концов, очевидно, что если не совершать абсолютное большинство тех действий, которые считаются «злом», избегать причинять страдания ближнему и думать о хорошем, можно стать значительно счастливее. Однако, опять-таки, все это относится к сфере этики, но никак не оккультизма.

Чтобы уточнить и конкретизировать границы оккультного знания, попробуем поставить вопрос немного иначе. Когда исторически мы можем засвидетельствовать первые формы оккультного знания? О, конечно, поп-оккультисты любят создавать разные причудливые псевдоисторические фантазии о погибшей Атлантиде (о которой уж они-то точно знают всё),

древнеегипетских всемогущих жрецах или о сугубо энергетической цивилизации Му. Но эти фантазии если и представляют ценность, то исключительно как некие символы психических состояний, но не как исторические факты. Необходимо честно признать — дальше определенного предела мы вовсе не можем достоверно говорить об историческом прошлом, а имеющиеся у нас научные данные предлагают убедительные подтверждения теории эволюции, но никак не псевдоэзотерических фантазий.

Однако первое оккультное знание действительно имеет очень древние корни. По крайней мере, современные антропологи находят примеры чисто оккультных практик народов сохранивших архаичный уклад. Более того – институт инициации представляет собой своего рода силовой центр вокруг которого вращается жизнь племени.

Следовательно, вполне корректно предположить, что когда все человечество находилось на этой стадии, подобные практики уже имели место. В данном случае мы, конечно, говорим о ритуалах посвящения, или *инициации*.

Что представляет собой инициация? Известный религиовед и исследователь мифов Мирча Элиаде выделил три формы инициации у архаичных народов. Это *инициация взросления*, которой подвергается каждый член племени (не прошедший ее рассматривается как нечеловек), *инициация в тайные братства*, связанные единым тотемом, и, наконец, *инициация шамана*, которую проходят только самые яркие и незаурядные индивиды племени.

Рассмотрим инициацию взросления, как ее описывает наука антропология. По достижении определенного возраста (от 13 до 15 лет) юношу ритуально отрывали от матери, уводили в лес, где подвергали самым суровым испытаниям. В некоторых племенах эти испытания носили символический характер, а в некоторых представляли реальную опасность для жизни. Юноша объявлялся «убитым», его вымазывали белой

краской, и некоторое время он вел жизнь «призрака», свободного от каких-либо обязанностей и табу но и не имеющего никаких прав. Затем, после некоего финального испытания он помещался в некое закрытое пространство, будь то дом, хижина, пещера, где считался умершим и похороненным, после чего торжественно возвращался к жизни. В момент его возвращения к жизни глава племени либо шаман торжественно раскрывал ему некие принципиально значимые для племени мифы, и прежде всего тайное имя всеобщего предка племени который одновременно рассматривался как верховное божество, солнце, создатель мироздания.

Безусловно в различных племенах были возможны некоторые отклонения от обозначенного нами сценария, однако в общих чертах, на уровне структуры этот сценарий оставался неизменным. Второй тип инициации — посвящение в тайное братство — в общих чертах структурно идентичен первому, но испытания предполагаются куда более суровые и жесткие.

Интересно, что сама структура посвящения остается неизменной и в высокоразвитых тайных обществах. Рассмотрим посвящение в первую степень масонства. Посвященного с завязанными глазами приводят в темную, мрачную комнату, украшенную символами смерти. Его запирают в этой комнате на неопределенный срок, требуют написать завещание и погрузиться в мысли о собственной смерти (когда глядишь на непривычные условия черной комнаты и мрачные образы вокруг, это оказывается не сложно), после чего за ним приходят и с завязанными глазами ведут в зал общего собрания. Там после неких предварительных испытаний, имеющих, впрочем, символический характер, срывают повязку и представляют новообретенного брата как «воскресшего из пасти смерти». Согласитесь, сама структура посвящения удивительно напоминает архаичные ритуалы инициации взросления, хотя, конечно, является более утонченной, многогранной, символической и безопасной. Существует версия о некоем тай-

ном, страшном масонском ритуале, в котором посвящаемого в святая святых подводят к завесе, показывают чей-то теплый бок и говорят, что это «брат-предатель», которого он должен убить. Только нанеся удар клинком, посвящаемый узнаёт, что вместо «брата-предателя» за ширмой был спрятан баран, чей выбитый бок в полумраке напоминал человеческую кожу.

И первобытная инициация взросления, и масонское посвящение сходятся в одном: человек до посвящения и после него — это два разных человека. «Ветхий» человек был убит, похоронен и триумфально возрожден в новом качестве. Вот почему Мирча Элиаде определяет инициацию как «радикальную смену онтологического статуса», то есть изменение на самом глубоком уровне — уровне Бытия.

Именно здесь мы можем выделить то принципиальное качество, которое отличает оккультное или эзотерическое знание. Речь идет не просто об интуитивном постижении неких символических и мифологических сюжетов, а о проживании архетипа смерти и воскресения. Современная трансперсональная психология пытается искусственно воспроизвести переживание смерти и воскресения с целью исцеления невротических расстройств с помощью холотропного дыхания, и в некоторых случаях достигает немалого успеха, в то время как другие практикующие не достигают ничего — либо даже усугубляют свое страдание, будучи не в силах добраться до инициатического возрождения.

Итак, подлинным ядром любого эзотерического знания является опыт инициации, то есть трансформирующий опыт смерти и воскресения. Мирча Элиаде утверждал, что главной трагедией современной культуры, являющейся причиной всеобщей инфантильности, является отсутствие регулярной инициации, обеспечивающей индивиду соприкосновение с сакральным и нуминозным измерением бытия, и проводящей его через символическую смерть к новому рождению. Все современные «квазиинициации», будь то коммунистический

прием в октябрята-пионеры-комсомольцы или американское посвящение в скаутское или студенческое братство, лишены главного и самого важного компонента инициации — сакрального таинства, переживание которого становится источником психологического опыта смерти и воскресения. Квазиинициации обозначают лишь формальную, социальную, но не экзистенциальную смену статуса.

Хотя наше время практически лишено инициации (за исключением отдельных оккультных братств), существует, однако, *архетип инициации*, который может спонтанно пробуждаться в душе отдельного человека в процессе прохождения различных духовных кризисов — *кризисов идентичности*. Источником инициатического переживания может оказаться важное сновидение, духовная практика в той или другой оккультной традиции, соприкосновение с символическим произведением искусства или сакральным текстом.

Здесь следует ввести еще один важный термин — *виртуальная инициация*. Это та инициация, которую современный человек получает в оккультном братстве или организации. Ни одно оккультное братство не может гарантировать неопиту стопроцентную реальную инициацию, однако ритуальное прохождение инициации дает ему тот виртуальный потенциал, который может стать (а может и не стать) реальным. Все зависит от личных психологических качеств. В одном инициатическом ритуале могут участвовать несколько посвящаемых, и для одного интенсивность его проживания символов будет так высока, что это будет полноценной реальной инициацией, а для другого все происходящее будет иметь исключительно социальную ценность и останется в рамках инициации виртуальной. Элемент страха, образы смерти, непривычная обстановка и общая энергетическая концентрация группы на посвящаемом дают ему большой аванс, но конечный успех посвящения зависит только от восприимчивости его самого.

Таким образом, в рамках нашего исследования мы можем

определить как *окультурное* или *эзотерическое* то знание, которое получено в результате инициатического опыта в том или ином оккультном ордене или при спонтанной внутренней инициации.

Отдельно следует коснуться вопроса о самоинициации, обсуждение которого так популярно в эзотерической среде. С одной стороны, самоинициация в виде некоего самостоятельно выстроенного ритуала невозможна, как невозможно Мюнхгаузену вытащить себя за волосы из болота. Эта невозможность связана не только с эзотерическими соображениями преемственности внутри инициатического братства и т. п., но и чисто психологическими причинами — мы не можем сознательно, по желанию своего Эго, поместить себя в неизвестный нам контекст и открыть себе доселе неведомое знание.

С другой стороны, инициация без какого-либо участия в регулярном эзотерическом братстве происходит достаточно часто. Такой опыт целесообразно называть не самоинициацией, а *внутренней инициацией*, то есть инициацией, которая происходит в результате спонтанного переживания неких архетипических образов, божеств, мифологем, ведущего к смерти и возрождению в новом или, по крайней мере, обновленном качестве. Такие инициации описываются во второй части этой книги — от инициации пробуждения Кундалини до спонтанного переживания Азазеля в результате неудачного, с точки зрения сознательно поставленной цели, оккультного ритуала жертвоприношения, вызвавшего, тем не менее, к жизни архетипические образы и сюжеты самых глубинных уровней Мировой Души.

Известными культурными примерами подобной инициации являются, скажем, декабрьское переживание ВАЛИСа культовым фантастом Филипом Диком или встречи всемирно известного философа Владимира Соловьева с Софией.

Понятно и неприятие оккультного (инициатического) опыта практически всеми догматическими религиями. Очевид-

но, что человек, переживший внутреннюю инициацию, будет руководствоваться прежде всего личным духовным опытом, а не теми догмами и ограничениями, которые спускают сверху служители культа. Инициация дает человеку возможность независимости от любого догматического каркаса и в конечном счете превращения себя из «всего лишь части» (или, как говорят масоны, «грубого и необработанного камня») в полноценного и уникального индивида (или, если обратиться к той же масоно-христианской терминологии) в «камень, отвергнутый строителями, но ставший во главу угла личного внутреннего храма».

Существуют оккультные дисциплины, освоение которых имеет инициатический потенциал. Это изучение символизма арканов Таро, алхимического символизма, каббалистического Древа Жизни, а также различных мифологических сюжетов и притч. Осваивая оккультные дисциплины, человек готовится к инициации, то есть к возможности перехода от чисто материального, профанного субъекта к субъекту, имеющему индивидуальную душу, а затем от человека души — к человеку духа. Само по себе это знание не гарантирует инициатического опыта, поскольку в конечном счете любой инициатический опыт, будь то переход от виртуальной инициации к реальной или опыт внутренней инициации, — это всегда двусторонний процесс, активным элементом которого является реакция на зов глубинных архетипических структур.

Хорошо известно, что инициатический опыт может быть пережит не только в результате посвящения либо абсолютно спонтанно, но и в результате работы с юнгианским психологическим аналитиком, который берет на себя роль Вергилия и помогает своему клиенту пройти по кругам его персонального подземного мира. В трудах Джеймса Холлиса и Мюррея Стайна есть несколько впечатляющих описаний инициатического переживания в результате работы с бессознательным в процессе анализа. Поэтому, с нашей точки зрения, глубинная

психология входит в орбиту оккультного знания с не меньшими основаниями, чем, скажем, Таро или алхимия. Именно поэтому Юнг стремился дать новое, психологическое осмысление той же алхимии, астрологии или гностицизму. Однако даже самый лучший аналитик-Вергилий не может обеспечить гарантию инициатического переживания. Если в душе анализанда нет внутренней готовности, если на поверхность не стремятся архетипические силы, весь анализ будет обречен проходить в замкнутом круге дурной бесконечности личного бессознательного и не выходить на уровень архетипов, даже если тема архетипов будет активно обсуждаться. Точно так же, как разговор о вкусе арбуза никогда не даст возможности реально почувствовать вкус арбуза, разговор об архетипической реальности разве что позволит подготовить человека к адекватному восприятию и проживанию этого опыта, но никак не гарантирует этот опыт.

Впрочем, наши собственные действия могут сделать инициатический опыт куда более вероятным. Не случайно главный герой фантастического романа Роберта Хайнлайна «Чужак в чужой стране» Майкл Валентин Смит, воспитанный марсианами, учил своих последователей «думать и говорить по-марсиански»: это обеспечивало им переход в «иной регистр бытия», то есть инициатический опыт.

В завершение этого введения я хотел бы поразмышлять о том, какие действия и стратегии могут если не гарантировать нам инициатический опыт, то, по крайней мере, сделать его более вероятным.

Во-первых, это использование различных *психотехник*. Это могут быть индивидуальные и коллективные телемитские ритуалы, в которых происходит работа с архетипами и раскачивается воображение, йогические практики, медитативные техники, холотропное дыхание, парная сексуальная магия или технологии 2,22. Сами по себе психотехники не гарантируют инициатический опыт, однако практикующий их регу-

лярно существенно увеличивает его вероятность.

Во-вторых, это серьезное и глубокое внимание к своим *сновидениям*, которое всегда считалось важной частью духовной практики. Лучшей из известных мне психологических школ анализа сновидений является юнгианская школа, поскольку она учитывает архетипическое, нуминозное, трансперсональное измерение души.

В-третьих, это *интеллектуальное* исследование сакральных наук, таких как Таро, Алхимия или Каббала. Осваивая их, человек готовит свой ум к восприятию высших модусов души и духа. Сугубо духовные практики, которые задействуют только энергетический, переживательный компонент и не затрагивают интеллект, который остается в профанной системе координат, — в сущности, бессмысленны. А развитие и трансформацию интеллекта обеспечивают как раз оккультные науки.

В-четвертых, это восприятие подлинного символического искусства. Творческие люди чаще других оказываются в поле синхронистичных совпадений и сонастройки с глубинными уровнями Мировой Души. На протяжении всей этой книги я старательно избегаю какой-либо категоричности в суждениях, поскольку опасаясь влияния того теневого компонента оккультизма, который определяю как «компонент тоталитарного мышления», однако в данном случае позволю себе быть категоричным. Человек, чей эстетический вкус не поднимается выше Пугачевой и Киркорова, голливудских боевиков и романов Дарьи Донцовой, в принципе не способен к какому-либо оккультному опыту и переживанию. Развитие эстетического и символического вкуса должно быть обязательной частью инициатического опыта. Непременное условие духовного пути — регулярное соприкосновение с настоящим искусством, будь то восприятие символической поэзии и музыки Бориса Гребенщикова и Мартиэль, прослушивание и прочувствование классической музыки, посещение и прожи-

вание высших культурных символов от галереи Уффици до Каирского музея, созерцание фильмов Тарковского, Энгера и Ходоровски, чтение подлинно классической литературы от античных трагедий до высокой прозы Гессе и Кафки. Пренебрежение символическим искусством является одной из самых больших проблем современного эзотеризма: люди, даже занимающиеся духовными практиками, остаются эстетически ущербными и запертыми в границах конкретной оккультной школы, превращаясь со временем в сектантов.

В-пятых, это чтение *священных текстов* разных народов мира, разных эпох и культур. Невозможно стать подлинным индивидом, запершись в границах даже самой широкой религиозной или оккультной традиции. Самая лучшая традиция превратится в пошлое сектантство, если будет поощрять пренебрежение сакральными текстами других традиций. Поэтому мы настоятельно рекомендуем читать самые разные священные тексты, будь то христианские гностические евангелия, индуистская «Бхагавадгита», даосский «Дао дэ цзин» и притчи Чжуан-цзы. Только постоянно работая над расширением собственных границ и обогащая себя новыми символами, можно пройти путем Великого Делания. Разве Алистер Кроули, получив свои откровения, замкнулся в них и не читал никого, кроме себя? Нет, он пользовался любой возможностью изучить и осмыслить тексты самых разных традиций. Закрытые системы склонны к нарастанию энтропии, которая выражается в ограниченности и сектантстве. (Под сектантством мы подразумеваем ту психологическую установку, когда мы не желаем знать ничего, кроме текстов и символов одной традиции. Такой подход допустим в первый год знакомства со своей традицией, когда необходимо глубоко и полностью погрузиться в нее, но если он сохраняется и дальше, это верный путь в рабство.)

Если мы последовательно придерживаемся этих пяти стратегий, вероятность переживания инициатического опыта становится достаточно высокой.

ГЛАВА 1.

Основы эзотерического мировоззрения

Прежде чем приступать к основной части нашего исследования, посвященного историческому развитию эзотеризма, необходимо кратко обозначить основные черты эзотерического мировоззрения.

В качестве *философской системы* эти принципы были систематизированы в XX веке, прежде всего благодаря трудам Карла Густава Юнга и Алистера Кроули. В предшествующие столетия они присутствовали в интуитивных прозрениях отдельных людей, в символических и доктринальных элементах различных эзотерических доктрин и школ.

Цель нашей книги — не просто познакомить читателя с наиболее исторически значимыми оккультными учениями, но показать, как на протяжении истории одна символическая система рождалась из другой, каждый раз на более высоком уровне совершенства и осознанности.

Эзотерическое мировоззрение является альтернативой традиционному религиозно- догматическому взгляду с одной стороны и атеизму-материализму с другой. Можно сказать, что эзотеризм — это синтез тезиса религиозного мировоззрения и антитезиса материализма. Религия утверждает существование объективного Бога, который творит человека. Человек воспринимается как нечто вторичное, подчиненное, в то время как Бог — это единственная реальность, заслуживающая внимания. Религиозное мировоззрение торжествовало в Средневековье, когда презрение к человеку и миру дошло до того, что развитие наук практически остановилось и человек оказался беспомощен против эпидемии чумы. Материалистическое же мировоззрение, напротив, вовсе отвергает какую-либо автономную духовную реальность.

Поначалу материализм появился как попытка отделить человека от власти религии и дать ему самостоятельность и свободу. Бунт материализма против Бога — это бунт против власти существующей системы церкви и государства, которая превращала человека в винтик. Однако в высшей степени показательно, что, когда материализм побеждал, человек не получал свободу, но оказывался еще в большей степени унижен и порабощен государством и властью. Пример коммунистических диктатур достаточно нагляден.

Дело в том, что если мы вырываем человека из его истока в Мировой Душе, пространстве архетипов и Богообраза, вместо ожидаемой свободы человек получает иного вида рабство — рабство материи, в котором он мыслится рабом либо социальных условий (марксизм) либо собственной инстинктивной природы (фрейдизм, бихевиоризм), и это порабощение зачастую оказывается еще более тотальным.

Итак, с точки зрения религии человек сотворен изначально совершенным и сознающим себя Богом, а с точки зрения материализма является лишь результатом случайности. Каков же подход оккультной философии?

Далее я привожу цитату, которую прошу осмыслить очень серьезно. Текст, который вы прочтете, может показаться простым, однако на самом деле зачастую нужны годы, чтобы по-настоящему понять его. Я рискну утверждать, что тот, кто в полной мере понял идею, представленную в этой цитате, понял саму суть эзотерического мировоззрения, его ядро, его тайную суть.

«Представьте, что Вселенная представляет собой всезнающий разум, обладающий полным и абсолютным знанием. Но этот разум спит. Вот он потягивается и начинает просыпаться. Он задается вопросом: что я такое? Но ответа нет. В таком случае, размышляет он, я призову на помощь свою фантазию, я буду делать то, что мне подсказывает мое воображение. Вследствие этого одна за другой

появляются на свет галактики и солнечные системы. Он начинает воображать землю. На земле возникает жизнь. Теперь Божественный разум нуждается в диалоге. Чтобы удовлетворить эту потребность, возникает человек. Божество стремится к Самопознанию, и благороднейшие представители человеческого рода избираются для того, чтобы содействовать удовлетворению Божественного желания. Многие надрываются под тяжестью этой ноши. Немногие выживают и претворяют свой опыт, вынесенный из контактов с Божеством, в религии, искусстве и науке, которые, в свою очередь, дают начало новым эпохам и цивилизациям. По мере развития этого процесса Бог углубляет свое самопознание.»

— Эдвард Эдингер,
«Миф Юнга для современного человека»

Здесь мы видим самую большую и самую охраняемую тайну оккультизма. Бог нуждается в человеке точно так же, как человек в Боге. Без Бога, без связи с Мировой Душой, без инициации, которая переводит человека из статуса биологического существа в статус существа символического, человек — лишь функция, автомат, выполняющий свою роль. Но без человека Бог не обладает чем-то очень важным; он не полон без человека, он — лишь абсолютная потенциальность, лишенная рефлексии. Вся история человечества — это стремление Бога познать самого себя, и, как было сказано выше, «благороднейшие представители человечества становятся выразителями этого желания». Вот он, окончательный эзотерический ответ на вопрос о смысле и предназначении человеческой жизни — **стать тем самым зеркалом Бога, его спасителем, объектом, чей личный духовный опыт вносит свой вклад в рост и развитие Души Мира.**

Что бы мы ни думали об этой идее, посмотрите, насколько она отличается как от классической теологии, в которой человек — всего лишь раб, который должен просто выполнять небесные приказы-заповеди, так и от материализма, в котором свобода от Бога — не более чем приманка, приводящая к превращению человека в функцию.

Эту идею мы встречаем на протяжении всей истории эзотеризма. Так, в гностицизме и герметизме говорится об искрах Бога, которые оказались пленены темной материей, в розенкрейцерстве — о великой алхимической свадьбе, которую проводит адепт. В Каббале есть представление о *шиврат келлим* — космической катастрофе, в результате которой сосуды с божественным светом разбились и теперь ответственность за восстановление мира возлагается на практикующего каббалиста. Алхимик в лаборатории также воспринимает себя тем, кто помогает если не самому Богу, то его творению прийти к изначально заложенной в нем идее совершенства. Схожие мысли мы видим в поэзии Максимилиана Волошина, который, как сейчас уже доказано, имел посвящение в степень мастера-масона. В поэме «Путями Каина» Господь говорит новому Иову: «Как ты меня, так я взыскую землю». То есть только ты, поэт, мистик, пророк, своей внутренней и внешней работой можешь помочь мне увидеть мир таким, каким он должен быть, и благодаря этому — познать себя, отразиться в себе.

Однако это не просто философская идея. Это живой опыт, инсайт, гнозис, который обретается после того как душа конкретного человека пройдет свой путь в горниле инициатических смертей и возрождений. Не случайно тот же Волошин писал: «Не жизнь и смерть, но смерть и воскресенье», подразумевая, что инициатический опыт становится реальностью каждое мгновение.

Идею эволюции человека как инструмента богопознания в двадцатом веке очень глубоко развил католический теолог Пьер Тейяр де Шарден. В своих попытках примирить научный эволюционизм с богословием он предложил оригинальную и, в сущности, оккультную модель: Бог является неким незримым эволюционным фактором, стимулирующим жизнь занимать все более высокие и сложные уровни развития. Целью эволюции по Тейяру де Шардену является достижение «точки Омега», или «богочеловека». Несмотря на строго христианскую образность, идеи Тейяра де Шардена были осужде-

ны католической церковью, поскольку, сам того не желая, он попытался привнести в религию чуждый ей аспект оккультного мировоззрения.

Следующим очень важным аспектом оккультного мировоззрения является чрезвычайно высокий статус *женского начала*. Если традиционная религия практически всегда патриархальна и полагает женское начало подчиненным мужскому и выполняющим некие заданные функции, то для оккультизма женское начало является онтологически равным мужскому, а в некоторых школах — и превосходящим его.

Так, в гностицизме мы встречаем целый спектр женских божеств, таких как София, Барбело, Эпинойя. Главное евангелие гностической традиции приписывается Марии Магдалине, которая, по ряду версий, была возлюбленной Иисуса, а структура высшего мира Плеромы построена на принципе *сизигии*, то есть «брака» пар противоположных божеств. В герметической философии появляется образ Души Мира (лат. *Anima Mundi*), а алхимик изображается работающим вместе со своей сестрой-возлюбленной — Мистической Сестрой (лат. *Soror Mystica*). Идея Софии (Мудрости) фигурирует и в масонском посвящении, а центральная метафора многих герметических и розенкрейцерских инициатических систем — *мистический брак*.

Столь высокий статус женского начала обусловлен не только чувством справедливости и закономерного возмущения низким статусом женщины в традиционной религии. Дело в том, что, согласно данным глубинной психологии, женская фигура в психике мужчины (Анима) выполняет особую роль — роль связи между сознанием и бессознательным, проводника к глубинному, сокровенному опыту. Так, Эрих Нойманн говорит о двух видах женского архетипа — *элементальном и трансформативном*. Элементальный тип мы в данном исследовании затрагивать не будем, а вот трансформативный имеет для нас важнейшее значение. Женщина всегда присутствует в инициации — буквально или символически.

Еще один принципиальный аспект оккультного мировоззрения — признание *всесвязности*, или *всеединства*. Если традиционная религия представляет мироздание как отдельное от Бога его творение, а материалистический взгляд видит в мироздании лишь случайное переплетение атомов, то оккультное мировоззрение рассматривает мироздание как некую целостность, где всё, включая самого человека, является частью Бога. При этом человек здесь оказывается самым важным элементом: он, если угодно, своего рода «глаз Бога», то есть, собственно, та вершина эволюции, которая и позволяет Богу осознать самого себя.

Принцип всеединства, всесвязности был так или иначе представлен в самых разных оккультных школах. Это и алхимический «Единый Мир» (лат. *Unus Mundus*), и каббалистическое Древо Жизни — мир как эманация Божества, и даосский, телемитский, гностический танец мужского и женского аспектов Божества представляющих собой единство в двоице.

Показательно, что в двадцатом веке достижения квантовой физики и глубинной психологии внесли эту идею всеединства в пространство научного дискурса. Одним из важнейших доказательств того, что идея всеединства и всесвязности — это не просто еще одна философская абстракция, а объективное качество реальности, является феномен *синхронистичности*, открытый психологом Юнгом и физиком Паули. Синхронистичность — это удивительный феномен смысловой взаимосвязи событий, разделенных во времени и пространстве. Во второй части книги я опишу несколько невероятных синхронистичных «совпадений» из своего личного опыта.

Если мы поймем идею синхронистичности на достаточно глубоком уровне, то осознаём, что все, что окружает нас, является нашим естественным продолжением. К сожалению, эта идея зачастую подается в вульгарном и профаном понимании — в духе «достаточно начать правильно думать, и ты получишь все, чего желаешь». Современная профаниро-

ванная и вульгаризированная псевдоэзотерика обращается к идее всесвязности с позиции вульгарного, вечно голодного Эго. Ошибка таких «эзотеристов» заключается в том, что они путают наше относительное «я», или Эго, с Высшим «Я», или САХ (Святым Ангелом-Хранителем), Самостью, Богообразом, Атманом. Такая вульгарная псевдоэзотерика, отталкиваясь от правильной идеи всеединства, создает ложь, потому что помещает на трон Самости Эго, и в итоге раздутое Эго может просто лопнуть.

Следует отметить что далеко не все оккультные школы осознанно придерживаются идеи всеединства. Так, например, в гностицизме эманационизм смешан с дуализмом: хотя целый ряд идей в гностическом христианстве позволяет эманационистское прочтение, дуалистический компонент в нем также силен.

Наконец, очень важна идея *соединения противоположностей*. Следы этой идеи как «герметической свадьбы» мы можем проследить в самых разных оккультных системах. Самым ярким примером подобного недвойственного видения является роман Германа Гессе «Демриан», в котором Абракас выводится как Бог, соединяющий в себе все возможные противоположности.

Итак, полноценной оккультной системой мы можем считать ту мировоззренческую систему, в которой есть своя оригинальная символическая система, свой миф (в котором мы можем отследить принципы, упомянутые выше), а также своя система духовных практик и инициаций, которая позволяет человеку прикоснуться к внерациональному интуитивному переживанию, гнозису, и перевести его из состояния «человека материального» в состояние «человека символического». Далее мы попытаемся проследить процесс развития оккультизма с точки зрения психоистории.

художник Полина Снисаренко

ГЛАВА 2.

Древние и классические мистерии

Самые древние оккультные мистерии исчезают от нас во тьме веков. Восстановить древнейшие посвячительные таинства человечества мы можем только опосредованно — исследуя сохранившиеся архаичные общества.

Древнейшим из известных нам инициатических институтов был античный институт мистерий. Тайны мистерий охранялись столь хорошо, что даже сейчас мы можем лишь приблизительно предполагать, что же на самом деле происходило за стенами Элевсинских и Орфических мистерий. К счастью, история сохранила их базовые мифологемы, рассмотрев которые мы можем делать предположения об их глубинной сути.

Мифологемой Элевсинских мистерий был миф о Деметре и Персефоне. Наивная дева Персефона прогуливалась по лугу и сорвала цветок нарцисса, который был посвящен Аиду.

Символика нарцисса интересна сама по себе, поскольку с ним связан интересный миф об очарованном собственной красотой юноше, который был превращен богами в цветок. Эрих Нойманн дает оригинальную интерпретацию мифа о Нарциссе как метафоры начала самопознания и саморефлексии, которые получают сопротивление со стороны бессознательного, не желающего быть познанным.

Но вернемся к элевсинскому мифу. После того как Персефона срывает цветок нарцисса, земля разверзается и деву похищает повелитель подземного мира Аид.

Долго ее мать бродит по земле в поисках дочери. Скорбь богини природы Деметры приводит к тому, что природа начинает умирать, земля перестает давать урожай, животные перестают плодиться. Мир подошел к точке уничтожения, и

боги испуганы: если люди исчезнут, то кто будет приносить им жертвы и совершать поклонения?

Этот страх богов сам по себе в высшей степени интересен, так как подтверждает высказанную нами в первой главе идею о взаимной зависимости Бога и Человека. Божествам, чтобы существовать, нужны созерцающие их люди, а уничтожение людей в конечном счете означает уничтожение богов.

Ужаснувшись неизбежному концу, боги приходят на совет к Зевсу и решают заставить Аида вернуть Персефону на поверхность земли. Однако, вопреки запрету, Персефона попробовала зернышко граната и поэтому, несмотря на волю всех богов, не может навек покинуть подземное царство. Боги договорились, что она будет проводить половину года в подземном мире, а половину — на поверхности земли вместе со своей матерью.

В ходе своих странствий Деметра оказывается в местечке Элевсин, где после неудачной попытки сделать бессмертным сына царицы учреждает Элевсинские таинства.

И хотя мы не знаем точно тех слов, гимнов и испытаний, которые проходили мисты в Элевсине, эта легенда сама по себе дает нам ключ к пониманию мистерии, которая была центром идентичности эллинской культуры.

Материалисты рассматривают мифы как некую наивную, преднаучную форму объяснения законов природы. Исчезновение Персефоны в Аиде — это наступление зимы, воссоединение Деметры и Персефоны — наступление лета. Движение солнца они объясняют тем, что это солнечный бог на своей колеснице объезжает небо.

Ущербность такого подхода кажется мне очевидной. Ведь, как ни смотри, солнце не похоже на колесницу, а земля — на женщину. Логичнее предположить, что человек не придумывал мифы для объяснения природы, ведь это отнюдь не упрощало, а, наоборот, усложняло картину мира — исходя

из наблюдаемых феноменов, гораздо проще было бы считать солнце огненным шаром. Человек проживал мифы как внутренние состояния, константы, опыт самых глубинных уровней своей души, парадоксальным образом переплетенной с Душой Мира, общим психическим пространством. А оглядевшись вокруг, он проецировал эти внутренние и крайне заряженные образы на окружающий его мир. Центральным истоком мифа является не внешний мир, но архетип, внутреннее, глубинное переживание, а точнее, тот уровень глубинной психики, на котором внутреннее и внешнее едины.

Завязкой мифа является похищение Персефоны Аидом. Эзотерическая философия девятнадцатого века осмысляет это как метафору воплощения души в материи. Материальный мир здесь и мыслится царством смерти, ведь все обретшее форму обречено когда-нибудь эту форму утратить.

Именно в элевсинском мифе мы и наблюдаем первое, символическое представление о некоей космической трагедии, которое на разные лады повторяется в последующих эзотерических мифологемах. Душа-Персефона переходит из некоего идеального состояния в трагическую реальность. Сам по себе факт воплощения мыслился людям того времени как результат некоей трагической ошибки, крушения, катастрофы. Находясь под постоянной угрозой голода, болезни или нападения соседнего племени, они вполне естественно воспринимали жизнь как проклятие.

Однако мы можем рассмотреть эти мистерии и под другим, более психологическим углом. В первой главе была высказана идея чрезвычайной важности женского принципа для оккультного мировоззрения. Античная культура была культурой прежде всего патриархальной, и именно в ранней античности происходит переход от матриархальной психики к патриархальной. Потому тот факт, что в центре Элевсинских мистерий находятся две женские фигуры, Деметра и Персефона, является в высшей степени говорящим.

Миф о женских богинях становится основой мужской инициации, ведь все посвящаемые афиняне были мужчинами.

Наше предположение относительно сути Элевсинских мистерий таково. Миф о пленении Персефоны является символическим выражением той катастрофы, которой стало для психической жизни установление патриархальной доминанты. Элевсинские мистерии служат восстановлению достоинства женского начала, пробуждению женской, трансформирующей части души, прикосновение к которой позволяет установить реальную связь с глубинными уровнями Души Мира. Иными словами, задача Элевсинских мистерий заключалась в том, чтобы хоть на краткий момент восстановить связь между индивидуальным «я» каждого участника мистерии и его душой, которую для всех символизировала прекрасная дева Персефона. Я рискну предположить, что посвящение в Элевсине восстанавливало символическую андрогинность души и препятствовало окончательному фатальному разрыву между мужским и женским.

Здесь я хотел бы сделать небольшое отступление, вернуться к более ранним этапам цивилизации. Из работы филолога-фольклориста Владимира Проппа «Морфология сказки» мы знаем, что на самом раннем этапе цивилизации посвящение подразумевало в том числе вступление в «мужской дом», где с братством посвященных мужчин жила одна женщина, «сестрица», эротическая связь с которой была важным элементом инициации. В итоге «сестрица» становилась женой самого сильного и самого авторитетного из представителей мужского братства, тем самым утверждая его статус лидера.

Также нам известно, что очень важной частью помазания на царство в вавилонской цивилизации была *церегамия* (священный брак): царь, будучи персонификацией высшего солнечного божества, вступал в ежегодную связь с старшей жрицей богини Иштар и на правах ее любовника принимал власть. Интересно, что этот инициатический сюжет «приня-

тия власти через женщину» иногда спонтанно проявляется в современной литературе — например, главный герой романа Стругацких «Улитка на склоне» Перец (само имя — эвфемизм фаллоса) неожиданно для себя просыпается главой всемогущего «У», потому что переспал с секретаршей, а главный герой романа Пелевина «Generation “Т”» обретает абсолютную власть, став любовником Иштар.

Эротизм был неотъемлемым компонентом инициаций во многих древних цивилизациях. Древние понимали что власть — это не проявление альфа-доминантности, но некая сакральная категория, которую претендент должен получить от высшей женщины, сакральной жрицы, разделив с ней любовь. Эти представления достаточно долго сохранялись в кельтской культуре, где утрата героем его сакральной возлюбленной означала утрату удачи, силы и в конце концов — легитимности его правящего статуса.

Можно предположить (на данный момент я не обладаю точными данными, и это лишь гипотеза), что и инициация рядового члена вавилонской или египетской цивилизаций могла включать участие в ритуальной эротической связи с одной из младших жриц либо с любой из женщин, которые были обязаны хоть раз в жизни отдаться незнакомцу в храме Иштар.

Мы знаем, что Элевсинские мистерии, в отличие от Дионисийских, не содержали собственно эротического компонента. И хотя слово *оргия* изначально имело совсем другой смысл и подразумевало не профанную «свалку», но упорядоченное ритуальное действие, слишком многие исторические данные опровергают наличие эротического компонента в Элевсинских мистериях, по крайней мере на их поздней стадии развития. Можно сказать, что Элевсинские мистерии стали первыми мистериями, в которых элемент эротической магии был либо исключен, либо полностью перенесен в символическое, воображаемое измерение.

С одной стороны, этот факт знаменовал начало патриархата

и может рассматриваться как начало катастрофы; не случайно Вольфганг Паули полемизировал с Юнгом, видя начало раскола не в христианстве, но в античной платонической философии, уходившей корнями в Элевсин. Однако это событие можно рассматривать не только как катастрофу, но и как необходимое разделение человека и его природного начала, которое служило цели формирования отдельного и автономного Эго. Как сказано в одном из герметических трактатов, «только то, что было разделено, может быть соединено должным образом». Сейчас, когда индивидуальному Эго ничего не угрожает, необходимо восстановление эротической магии и сакрального эроса в своих правах, но тогда, в древности, перенос эротического из буквального в символический мог быть необходимым условием формирования сознания.

Таким образом, Элевсинские мистерии выполняли колоссальную психологическую роль. С одной стороны, они должны были позволить посвященным пережить опыт Анимы не в проекции на конкретную женщину, но внутри себя, а с другой — определенным образом смягчить начавшийся раскол между мужским и женским и дать индивиду психологическое переживание андрогинности.

В наше время существует огромное количество откровенно наивных интерпретаций мифологических сюжетов — вплоть до того, что сюжет отношений «Аид — Деметра — Персефона» представляет проекцию комплекса отношений с тещей, заявляющей претензии на свою дочь. Такие персоналистские интерпретации мифа в высшей степени ущербны и неполноценны, поскольку переносят парадигму современной психологии в совсем иную культурную ситуацию. Мистерии не следует лишать ее глубинного духовного и оккультного измерения, однако мы должны понимать, что зачастую это измерение оказывается сокрыто для самих посвящаемых и может быть увидено только на определенном расстоянии. Конечно, наша попытка проанализировать элевсинскую мифологию при

существующем недостатке фактов может показаться академически настроенному читателю несколько спорной, потому мы заранее заявляем, что не претендуем на окончательную истинность этой интерпретации; это лишь версия, преимущество которой в том, что она учитывает общую психоисторическую динамику. Обратившись к рассмотрению гностического мифа, мы рассмотрим следующий этап психоисторического развития.

Обратите внимание: хотя сама структура мистериального мифа остается неизменной от первобытных времен до высокодифференцированных масонских посвящений, на каждом историческом этапе коллективная душа выдает свою мифологию, свою этику, свою символику и свою систему координат, поэтому говорить о наличии некоей высшей истины, которая объективно присуща всем мистериям, ошибочно. Единственное, что присуще всем без исключения мистериям, — это опыт символической смерти и возрождения.

художник Полина Снисаренко

ГЛАВА 3.

Гностицизм — окультурное христианство

Говорить о гностицизме можно с двух позиций. С одной стороны, гностицизм — это явление историческое. И здесь нам следует рассмотреть момент его зарождения в Римской империи, когда старая, античная религиозная парадигма замещалась новой, христианской.

Гностицизм, несмотря на свою очевидную близость к античной философии, вызывал непонимание язычников и провоцировал сильную ярость христианских ортодоксов. Фактически именно гностический извод христианской мысли вызвал к жизни ортодоксальную догматику, которая поставила своей целью объединение всего мира под властью христианской церкви.

С другой стороны, и я хочу сделать на этом акцент, появление гностицизма означало то, что самосознание человека достигло нового эволюционного уровня. И мне очень интересно попытаться понять, что же значит это принципиально новое «гностическое сознание» и что представляет собой гностический этап эзотерической, или оккультной, мысли.

Уже к концу четвертого века гностицизм был полностью уничтожен набравшей силу христианской ортодоксией. Только чудом сохранились аутентичные гностические тексты, которые были открыты в середине двадцатого века. Само открытие рукописей именно в двадцатом веке, когда они могли быть достойным образом оценены и осмыслены, можно рассматривать как особую историческую синхронистичность.

Выдающийся культуролог Екатерина Дайс, предлагая свою концепцию истории западной цивилизации, рассматривает

ее как «диалектическое противостояние двух традиций» — традиции официальной церкви с ее теологией и философией и гностической мистериальной традиции, в которой сохранялась идея инициатического перерождения и сакральной женственности.

В двадцатом веке влияние гностической мысли на культуру было воистину огромно. Без знания гностицизма мы не сможем в полной мере понять культурные истоки таких писателей, как Герман Гессе, Томас Манн, Джон Фаулз, Джеймс Джойс и многие другие. Не будет преувеличением сказать, что половина писателей двадцатого века в своем творчестве транслируют особого рода гностический код. Одни, как Герман Гессе, делают это вполне сознательно, вводя в свое творчество гностические символы — например, Абракасас в «Демьяне». Другие делают это интуитивно, бессознательно, восприняв то, что называется «гностическим архетипом пленника» в чужом, враждебном ему мире, сотворенном слепым демиургом и пребывающем во власти слепого закона. Особенно ярко это проявляется в творчестве Франца Кафки.

Гностицизм — это не просто одно из философских или религиозных учений. Гностицизм — это один из важнейших этапов развития сознания и переход оккультного знания на иной уровень.

Интересно, что на протяжении всей истории западного мира о гностицизме не было ни одного аутентичного свидетельства, за исключением позднегностического текста «Пистис София». Не осталось ни линии преемственности, ни священных текстов. Феодосий и другие христианские императоры вырезали язычников и еретиков с упорством и последовательностью, которым позавидовал бы сам Нерон.

Но однажды достигнутый уровень сознания не исчезает бесследно. Мысль обдуманная, пережитая, выраженная — остается в коллективном бессознательном. На протяжении всей истории двух тысячелетий гностические паттерны мышления

возрождались снова и снова. Это закон коллективной души. Потому, несмотря на регулярные разрывы нити преемственности, на протяжении всей истории мы наблюдаем эпизодическое возрождение гностических идей под новыми именами.

Например, традиция катаров и альбигойцев. Между последним гностиком и первым катаром — по меньшей мере пять веков, вероятность прямой передачи идей исключена полностью, но, тем не менее, мы видим поразительное явление: в катарской ереси практически полностью восстанавливается гностический архетип.

Уничтожение катаров и альбигойцев (и, как водится, сожжение всех их книг) тоже не достигло цели — гностический архетип восстановился в различных тайных обществах и школах, таких как розенкрейцеры и масоны, а позднее — в творчестве романтиков.

По-настоящему революционные события произошли в 1945 году. Год победы цивилизованного мира над нацистской Германией ознаменовался еще одной, незримой, до сих пор недооцененной победой в войне, которая идет уже почти две тысячи лет. В районе египетского селения Наг-Хаммади недалеко от бывшего монастыря в пещере были найдены папирусные свитки на коптском языке, получившие название «Библиотека Наг-Хаммади». Как выяснилось позже, эти свитки — чудом сохранившиеся гностические книги, и их открытие радикально изменило существовавшие на тот момент представления о гностицизме. Мне кажется, что не случайно библиотека Наг-Хаммади была найдена именно тогда, когда ортодоксия уже не обладала былой властью. Читая гностические сочинения, невозможно не изумиться тому, до какой степени мысль гностиков опередила свое время. Только сейчас, опираясь на знания, которые были наработаны веками, а в особенности в двадцатом веке, мы имеем шанс действительно хоть что-то понять в гностических текстах. Слова евангельского Иисуса о зерне, которое «если, пав в землю, не умрет, то останется одно,

а если умрет, то принесет много плода» можно отнести к гностицизму, зерно которого вызревало в пещере почти двадцать веков.

Чтобы понять суть перехода на новый уровень эволюции, который мы связываем с появлением гностицизма, нам придется для начала заглянуть далеко в прошлое. Мы уже говорили о самых ранних проявлениях оккультных, или эзотерических, посвячительных практик. Сейчас же поговорим о том, что такое религия. Дело в том, что именно с появлением гностицизма религиозное и оккультное измерения окончательно разошлись в разные стороны. Во всех древних культурах религия и тайная инициация были частями одного целого. Поэтому давайте рассмотрим глубинные корни этого раскола.

В природе нет религии — она есть только у человека. Не будет преувеличением сказать, что именно наличие религиозных действий выделяет человека из природной непрерывности. Религия появляется, как только пробуждается сознание. Пробуждение сознания, вспышка света, отделение индивидуального от всеобщего, переход от реактивности к активности — это и есть момент появления человека разумного.

Как сказал философ Жорж Батай, животное пребывает в непрерывности. Оно не обладает индивидуальностью. Лев, задирающий лань, не совершает акта насилия — скорее «большая волна поглощает меньшую волну». Только человек выходит из непрерывности в индивидуальность.

Разумеется, этот переход происходит не сразу. Чтобы понять процесс формирования сознания на протяжении древнейшей истории человечества, вспомните себя в самом раннем детстве. На этом этапе сознание еще не обладает непрерывным осознанием себя, оно то выходит на поверхность, то исчезает. Многие из нас в раннем детстве боялись засыпать: а что, если я засну и сознание, «наработанное» за день, вдруг разом исчезнет? И на следующий день это буду уже не совсем я...

Точно так же обстоит дело у первобытных народов, сознание которых еще не отделилось в полной мере от животной непрерывности. Люсьен Леви-Брюль назвал это состояние «мистическим соучастием».

Во избежание лишних вопросов следует подчеркнуть, что есть большая разница между понятиями *психики* и *сознания*. Психикой обладает не только человек, но и животные, а по мнению некоторых людей, даже сама природа. Вот почему психические процессы, происходящие, казалось бы, в отдельно взятом сознании, автоматически притягивают синхронистичные совпадения. Бессознательная психика человека подобна животной психике — вот почему демоны и духи-помощники часто предстают в образе животного. Животное не обладает сознанием, но оно имеет развитую психику, и бессознательное, которое открывает человек в процессе самопознания, часто подобно психизму животного.

Сознание же — это совершенно особый психический феномен «знания себя», связанный с выделением себя как индивидуума из конгломерата. Метафоры появления сознания в мифологии — разделение небес и земли, расчленение первобытного существа, удар молнии, отделяющий камень от скалы, изгнание из рая (О последнем мы еще поговорим подробно.) И если психичным является в той или иной степени все, то сознанием обладает только человек.

И с чем же в первую очередь сталкивается сознание, когда появляется слабым, уязвимым, беспомощным перед стихией психики и мира? С ужасом!

Познав свою отделенность от непрерывности, индивидуальное сознание постигает свою смертность, уничтожимость. Вот почему самые первые свидетельства сознательной деятельности прачеловека — могильные курганы, а первый ужас, ставший основой религии, — ужас перед мертвецами. Пока субъект находился в мистическом соучастии, он мыслил себя неуничтожимым, как природа, с которой он был тождестве-

нен. Но как только он открывает себя как отдельное целое, ужас перед уничтожением способен его парализовать.

Уничтожение для неразвитого, младенческого сознания может прийти извне. Жизнь первобытного человека не была безопасной. Зверь, вражеское племя, природные катаклизмы — все это угрожало телу, единственному возможному носителю зарождающегося сознания, уничтожением. Но уничтожение могло прийти и изнутри. Сами реакции тела, его боль и удовольствие, буквально «затапливали» сознание. Даже в наше время, когда мы видим человека, который обычно спокоен, во гневе, мы говорим, что он «не в себе», то есть его «я» уступило место стихийному аффекту бессознательного.

Именно закреплению сознания и служили самые первые в истории человечества тайные инициации. Инициатический опыт как бы фиксировал неоформленное новорожденное сознание в границах новой, культурной идентичности.

Итак, наше новорожденное сознание оказывается в состоянии ужаса между Сциллой и Харибдой внешней и внутренней угроз. С этим надо что-то делать! Ужас в буквальном смысле парализует, и это не способствует выживанию. Сознание должно найти средство защититься от этого ужаса, закрыться от него. Именно такой защитой на самой ранней стадии развития сознания становится религия.

Я хочу перейти к ключевой идее данной главы. Религия — это своего рода стокгольмский синдром человечества. Для тех, кто не знает, что такое стокгольмский синдром, поясню. Это такой странный психологический феномен: захваченные заложники, оказавшись в полной власти террористов, принимают их сторону. Были даже случаи, когда вчерашние заложники брали в руки оружие и защищались вместе с террористами. Хорошо известен случай с Патти Херст — дочерью крупного банкира, похищенной террористической организацией и за время похищения переродившейся в активную террористку. Роберт Антон Уилсон в своей книге «Психология эволюции»

подробно описывает этот механизм. Ужас и беспомощность перед превосходящей силой заставляет оправдывать эту силу и отчасти отождествляться с ней.

Но что, если человек находится во власти таких злых сил постоянно, а со всех сторон внутренней и внешней реальности ему непрерывно угрожает смерть? Не будет ли стокгольмский синдром естественной реакцией защиты? Именно религия смягчает этот первичный ужас, эвфемизируя его, называя черное белым, страшное — веселым, а злое — добрым.

Эвфемизм — признак религиозности. Например, на похоронных ритуалах священники говорят не о смерти, а об «упокоении», «успении». Потупленные глаза человека религиозного есть выражение безоговорочной капитуляции перед бытием. Если мы посмотрим, каких богов в древности называли «добрыми», то поймем, что речь идет о самых злых и жестоких богах. Римские таинства «доброй богини» требовали самокастрации, а зачастую и самоубийства. Самый «светлый» античный бог, Аполлон, в доклассическое время был богом чумы (именно чуму символизировали стрелы Аполлона), волков (бывших главной угрозой для стад) и холода. Добрый Аполлон — не более чем эвфемизация.

Впрочем, что там античность! Давайте попробуем непредвзято прочесть Ветхий Завет. Многие убеждены, что Библия рассказывает о добром Боге. Достаточно почитать Библию внимательно, и станет ясно, что сами слова «добрый Бог» — это не более чем эвфемизм. Яхве не просто хочет, чтобы его народ освободился из рабства: он специально «ожесточает сердце фараона», чтобы иметь повод проявить свое величие глобальными человеческими жертвами (в том числе из простых людей, которым глубоко безразлично, будут ли иудеи отпущены или нет). Едва ли такого Бога можно называть добрым и милостивым.

Но здесь вступает в дело стокгольмский синдром: если меня наказывают — значит, я в чем-то виновен. Это защи-

та сознания от ужаса. Идею изначальной виновности, «первородного греха» часто понимают как сомнительное достижение иудео-христианства. Однако Мирча Элиаде в своем «Мифе о вечном возвращении» показывает, что практически все архаичные мифы, начиная от самых древних, находятся в «парадигме виновности»: первый человек совершает некое преступление, и из-за этого в мир проникают болезнь, старость, смерть. Страдания — результат ошибки первопродка, первочеловека, грех и вину которого я разделяю уже в силу наличия страдания. Психологи хорошо знакомы с таким синдромом, когда глубоко несчастные люди начинают фантазировать о своей виновности — если не в этой, то в прошлой жизни. Так что иудео-христианская версия грехопадения — далеко не единственная.

Так вот, для религиозного и даже для догматического философского сознания ни о каком восстании против существующего миропорядка не может идти речи. Даже Сократ, мудрейший человек своего времени, предпочитает подчиниться несправедному приговору. Понимая несправедливость вынесенного ему приговора, он, тем не менее, не может признать глобальную несправедливость мироустройства, хотя одно следует из другого. Сами мир, в котором он находится, продолжает пониматься как «благодать», несмотря на очевидную несправедливость.

Это очень важный момент. Религия в любом ее виде говорит «да» существующему миропорядку, и до определенного момента никакие тайные оккультные инициатические практики не решались этому воспротивиться. Даже если миропорядок не совсем справедлив, не совсем совершенен — он дан свыше. Как сказал апостол Павел, «нет власти не от Бога». Надо понять цену этих слов: во времена, когда жизнь и смерть зависели не от закона, а от каприза безумных императоров, такое утверждение — это не просто политическая игра. Это порождение ужаса, требующего немедленной эвфемизации.

И вот тут-то появляются гностические учителя, которые атакуют существующие религиозные структуры в их основе, своим существованием и своими идеями заявляя о достижении принципиально иного уровня развития сознания.

Прежде всего с человека снимается трагедия вины. Человек (даже в архетипическом измерении) — не наказанный преступник, а жертва, брошенная в темницу «слепыми архонтами», заложник слепых сил. Причина трагедии находится гораздо выше — внутри самого божества, раздираемого противоречиями. Это противоречие может быть абсолютным (дуалистический иранский гнозис) или относительным (александрийский гнозис) но важно, что впервые в истории вместо идеи виновности, оправдывающей рабство (неважно, в реальной или метафизической перспективе), появляется концепция *пленения*.

Это чрезвычайно интересный момент. Гностик разбивает оковы стокгольмского синдрома и говорит: «Я всего лишь заложник слепых сил зла», и это признание, эта способность без эвфемизации оценить актуальную реальность является ключевым посланием гностической оккультной революции.

Естественным результатом этого становится переворачивание сюжета Ветхого Завета. Эдемский змей оказывается Наставником, который впервые выводит человека из плена, Каин — первым посвященным, а законы Моисея — цепями иллюзии, в которые архонты пытаются заковать свободный дух.

В подобной инверсии самой по себе нет ничего удивительного. Боги одного народа могут становиться демонами для другого. Так, в Индии *дэвы* — боги, а в странах, исторически подверженных культурному влиянию Ирана, *дивы* — злые духи. Более важно то, что в данном случае при инверсии у Яхве-Иалдабаофа сохранился статус творца мира. Мир с его слепыми законами творит слепой бог. Послание гностиков очень просто: если этот бог и этот мир выглядят как злые и

ведут себя как злые, то какого дьявола мы будем называть их добрыми? Впервые в истории мысль человека, его религиозность в полной мере выходит за пределы стокгольмского синдрома и называет слепое — слепым.

Таким образом, гностицизм — это метафизическое «нет» этому миру и его законам. Этим «нет» свободный гностик утверждает свое чувство истины и справедливости выше законов этого мира, которые не более чем архонты, чьими заложниками он оказался.

Из этого есть одно важное следствие. Если законы этого мира — слепы, то единственной реальной ценностью обладает индивидуальное сознание, которое может выйти за пределы умопостигаемого мира, преодолеть «психические заслоны» архонтов и самого творца и выйти в изначальную Плерому (Божественную Полноту). Таким образом, происходит грандиозное смещение акцента с коллективного на индивидуальное. Гностики — первые полноценные *индивидуалы* в истории человеческого рода.

Разумеется, ужас от нарушения всеобщего согласованного трансa, ужас перед тем метафизическим разломом, который обнажили гностики, сделал их главными врагами для в целом весьма веротерпимой Римской империи. Назвать вышестоящее и превосходящее силой зло злом, минуя эвфемизмы, было самым страшным преступлением из всех возможных. Такое «оскорбление», с точки зрения средних верующих, неминуемо должно было вызвать кару со стороны оскорбленной высшей силы. Современные культурные процессы, связанные с выступлением «Пусси райот», — это «облегченная версия» того древнего противостояния, когда одних скармливали львам, а других пожизненно заключали в подземелье, но сама структура архаичной психики остается прежней.

С другой стороны, очень важным постулатом гностической традиции является то, что главная суть Иалдабаофа и его архонтов — это не зло, как можно было бы предположить а сле-

пота, то есть тотальная бессознательность. Эта идея получила свое неожиданное развитие уже в двадцатом веке, о чем мы будем подробно говорить в одной из следующих глав. Таким образом, мы видим, что гностический дуализм все же относителен. Демиург Иалдабаоф — это не зло, но слепота, невежество, незнание. В конечном счете, именно выход за пределы дуализма означал освобождение от власти слепого демиурга.

До сих пор ничего подобного гностическому вызову в истории человечества не было. Ни в религии, ни в искусстве, ни в философии. Человек верил, что он находится на своем месте, — и поставить вопрос о несправедливости самого миропорядка было выше его сил. Гностики не создали новую религию или новую философию. Они сокрушили базовое табу. Это поразительный в своей силе прометеевский, даже люциферический импульс, который символически связывается с эпифанией Наставника-Змея в Эдемском саду.

Гностицизм отрицал любую форму ортодоксальности. Что это значит? Если мы посмотрим на функционирование любой церкви или религиозной секты (разница исключительно в размерах), при всех различиях в догматике мы увидим одно — претензию на обладание единой, объективной и не подвергаемой сомнению истиной. Эта истина строжайшим образом регламентирована ритуально, доктринально и догматически; любой отход от нее означает изгнание, проклятие или кару за ересь — в зависимости от ресурсов, доступных данной церкви или секте.

В гностицизме же идея ортодоксальности полностью отрицается, поскольку впервые в истории за основу берется не доктрина, а личный опыт. Это еще один важный аспект гностического мышления. Религии и инициации прошлого заданы одним мифом, выход за пределы которого невозможен. Но разные гностики создают разные мифы, и это не становится причиной конфликта. Ортодоксы видели в этой множественности слабость гностицизма, в то время как на самом

деле это была его самая большая сила. У Валентина может быть тридцать *эонов* (эманаций Божества), у Василида 365, у Карпократа все совсем по-другому, а Маркион и вовсе стоит на позиции «святой простоты», указывая на очевидный факт различия между Ветхим и Новым Заветами. Тем не менее, каждый из них, при всех их различиях, является гностиком. Для гностика имеет значение исключительно факт внерационального личного откровения. На претензии Иалдабаофа на «единственность» и «всесилие» в гностическом законе отвечает голос Софии, обличающей его во лжи.

Итак, мы выводим два принципиально новых принципа гностической системы ценностей — метафизическое, глубинное «нет» существующему миропорядку и предпочтение индивидуального коллективному.

Далее стоит поговорить о гностической антропологии. Гностицизм выделяет три типа человека — *гилетический*, *психический* и *пневматический*. Эти три типа человека — не просто разные характеры, но существа, стоящие на разных эволюционных ступенях развития и не имеющие между собой ничего общего.

Следы этой концепции мы можем очень условно найти в трех различных инициациях древности — *инициации взросления*, доступной всем, *инициации в тайное братство* и *инициации в шаманы*. Однако это соответствие достаточно условно и гипотетично.

В гностической антропологии есть очень важный момент: различие между тремя типами людей — не количественное, а качественное. Количественные различия лежат в одной плоскости. Один сильнее, другой слабее. Один умнее, другой глупее. Один благороднее, тактичнее, другой — грубее, бестактнее. Но качества силы, или ума, или благородства — это количественные категории. Если вы поднимаете 30 килограммов, а ваш приятель 45, то он сильнее вас, но вместе с тем нельзя сказать, что вы не обладаете силой, и вполне может

быть, что вы сильнее другого приятеля, который может поднять только 25.

Но это не те отличия, о которых говорит гностицизм. В гностической антропологии три типа человека отличаются не количественно, а качественно. Скажем, слепой от рождения не в состоянии понять, что такое «видеть», глухой — что такое «слышать», а гилетический, или примитивный инстинктивный человек — что такое «воспринимать символическую реальность».

Современная политкорректность, утверждающая равенство всех людей, — это не более чем нежелание видеть очевидные факты принципиального различия и даже невозможности какого бы то ни было взаимопонимания между качественно разными типами людей. Принятие антигностической доктрины «всеобщего равенства» есть добровольное самоослепление; это нужно понимать очень четко.

Как же различаются эти три типа? Лучше всего это выразил Фридрих Ницше: «Низший человек презирает возвышенное, средний человек влюблен в возвышенное, высший человек живет в возвышенном». Кажалось бы, эта цитата противоречит тому что было сказано выше: вот он вчера презирал, а сегодня — захотел и полюбил. Но на практике так не бывает. Возможно, вы сможете вспомнить несколько исключений в духе Савла из Тарса, но в нем изначально была эта искра, из ужаса перед которой он обрушивал свою ненависть. Огненная ненависть — это не презрение. Возможно, более точно было бы сказать, что низший человек чужд возвышенному. Просто в силу отсутствия у него такой инстанции.

Интересно, что, согласно гностической доктрине, низший человек, *гилек*, в принципе не обладает потенциалом к спасению, освобождению — для того чтобы спасти душу или сделать ее бессмертной, неплохо бы ее для начала иметь, с гностической иронией говорит один из ключевых эзотериков двадцатого века Георгий Гурджиев. Для низшего человека

(говорящей обезьяны) не существует ничего, что выходило бы за пределы биологической и инстинктивной потребности.

Нет ничего более нелепого, чем осуждать низшего человека или тем более пытаться его перевоспитать. Если мы осуждаем низшего человека, мы утверждаем его потенциал, который он в силу свободного выбора отказывается реализовать, в то время как на самом деле этого потенциала нет и ни о каком «свободном выборе» говорить не приходится. Если в силу дальтонизма я не вижу зеленый цвет, нелепо считать, что я «выбираю» его не видеть. Мы же не требуем от кошки или собаки говорить по-человечески, и точно так же глупо требовать от гилека понимать гностические символы и откровения. Между уровнем материального человека и уровнем человека душевного существует пропасть, которая не может быть преодолена.

Между уровнем человека психического и человека пневматического тоже пропасть. Однако эта пропасть может быть преодолена «предельным усилием», «радикальным опытом разрыва», «рывком». В этой идее мы узнаём уже известную нам универсальную оккультную идею радикальной смены онтологического статуса, перехода к символической реальности, сотворения себя как индивида, связанного со своим истоком.

Достаточно легко отличить низшего человека от среднего. Все читатели этой книги — либо психики, либо пневматики; гилетического типа среди них просто не может быть по одной простой причине — гилеку это просто не будет интересно. Какую пользу гилек может извлечь из этой книги? Он, скорее всего, и пары страниц в ней не прочтет. Гилеку в принципе не могут быть интересны искусство (за исключением низших форм, напрямую апеллирующих к инстинктивным реакциям), философия, культура и вообще все, что не имеет отношения к реализации его инстинктов.

Гораздо сложнее отличить психика от пневматика. Как уже было сказано, через предельное усилие психик может стать

пневматиком. Если бы это было невозможно, все разговоры об оккультизме как о посвящении были бы лишены смысла — существовала бы небольшая, затерянная в мире гностическая элита и слепая животная масса. Однако психик может пройти свое посвящение — этому нас учит гностицизм.

Я рискну предположить, что существует особое качество, которое является ключевым для пневматического (духовного) уровня сознания. Это качество — *целостность*. И это мое предположение подтверждают гностические первоисточники. Так, в гностическом Евангелии от Филиппа из «библиотеки Наг-Хаммади» сказаны очень важные слова:

«Свет и тьма, жизнь и смерть, правое и левое — братья друг другу. Их нельзя отделить друг от друга. Поэтому и хорошие — не хороши, и плохие — не плохи, и жизнь — не жизнь, и смерть не смерть. Поэтому каждый будет разорван в своей основе от начала. Но те, кто выше мира, — неразорванные, вечные.»

Обратите внимание на парадокс, который заложен в этом стихе. С одной стороны, каждый разорван. С другой, те кто выше мира, — неразорванные. Очень часто говорят о дуалистическом характере гностицизма, но из этого стиха мы видим, что это относительный дуализм, который преодолевается через гнозис. И пневматический уровень прежде всего характеризуется этим *недуализмом*, целостностью, глубинным постижением относительности всех противоположностей. Пневматик находится в постоянной связи с тем, «что выше мира», поэтому сам мир оказывается для него своего рода экраном, игрой. Высшие уровни эмануруют низшие, и благодаря этому пневматик вдруг получает способность видеть во внешних событиях отзвук вечного. Все, что происходит с ним, естественным образом вначале осмысливается как символическое событие, как игра архетипов на плане материи, и только затем — как материальное и конкретное. Это и есть то, что Ницше называл «жить в возвышенном». Для психика есть это и то,

есть личное и есть сверхличное. Пневматик же естественным образом осознает все личные процессы как отражение сверхличного. Разорванность, свойственная миру слепого творца, устраняется пневматическим гнозисом.

Символом такой неразорванности, целостности, в гностической традиции выступает бог Абраксас. В археологических раскопках было обнаружено множество медальонов и статуэток Абраксаса. Обычно он изображается с птичьей головой, человеческим туловищем и ногами-змеями. Таким образом, его образ трансцендировал бинер духовного и плотского, небесного (птица) и земного (змея), соединяя их в человеческом теле. В искусстве, философии и в процессе активного воображения противоположности очень часто проявляются в образе птицы и змея как всецело небесной и всецело земной структур. Фигура Абраксаса появляется в романе Германа Гессе «Демьян», в «Александрийских песнях» Михаила Кузмина и ключевом гностическом откровении Карла Юнга, которое я не могу не процитировать.

*Абраксас есть Бог, коего мудрено распознать. Он имеет наибольшую часть, ибо она незрима для человека. От Солнца зрит человек *suntit* вопит, то есть высшее благо, от Дьявола *infinit malit*, то есть беспредельное зло, от Абраксаса же непреодолимую ни в коей мере жизнь, каковая есть мать доброго и дурного.*

*Жизнь кажется слабосильнее и меньше, чем *suntit* вопит, посему даже в мыслях трудно представить, что Абраксас во власти превосходит Солнце, кое само есть сиятельный источник всякой жизненной силы.*

Абраксас есть Солнце и наравне заглатывающее вековечное жерло Пустоты, все уমাляющей и расчленяющей, жерло Дьявола.

Власть Абраксаса двукратна. Но вы не зрите ее, ибо в ваших глазах уравнивается противоположная направленность той власти.

*Что говорит Бог-Солнце, есть жизнь,
что говорит Дьявол, есть Смерть.*

*Абракас же говорит слово досточтенное и проклятое,
что есть равно жизнь и смерть.*

*Абракас творит истину и ложь, добро и зло, свет и тьму
в том же слове и в том же деянии. Оттого Абракас грозен.»*

*Он великолепен подобно льву во мгновение, когда тот по-
вергает ниц свою жертву. Он прекрасен, как день весны.*

*Да он сам великий Пан, что значит Все, и он же малость.
Он и Приап.*

*Он есть монстр преисподней, полил тысячерукий, воскрешенный,
змей извивистый, неистовство само.*

Он же Гермафродит низшего начала.

*Он господин жаб и лягушек, в воде обитающих и на сушу
выходящих, ополудни и ополуночи поющих хором.*

Он есть Наполненное, что воссоединяется с Пустым.

Он есть святое совокупление.

Он есть любовь и ее умерщвление.

Он есть святой и предающий святого.

Он есть светлейший свет дня и глубочайшая ночь безумства.

Его зреть — слепота.

Его познать — недуг.

Ему молиться — смерть.

Его страшиться — мудрость.

Ему не противиться — спасение.

*Бог пребывает при солнце. Дьявол пребывает при ночи.
Что Бог рождает из света. Дьявол утаскивает в ночь.*

Абраксас же мир, становление и преходящность мира. На всякое деяние Бога-Солнце Дьявол налагает свое проклятие.

Все, что вы ни просите у Бога-Солнце, порождает и деяние Дьявола.

Все, что вы ни сотворите совместно с Богом-Солнце, дает Дьяволу сущую силу.

Таков он, грозный Абраксас».¹

Таким образом, высший человек — это тот, кто способен видеть единство в системе противоположностей, а за противоположностями — целостность единства.

Надо сказать и о большом разнообразии гностических школ и традиций. Разные школы могли отличаться принципиально — например, в то время как школа Карпократа придерживалась скорей гедонистического подхода «подлинному пневматику ничто не повредит», другие школы вроде линии Василида могли быть предельно аскетичными.

Но гностический аскетизм исходит из того же источника, что и гностический либертинизм. Это не смирение, но вызов существующему миропорядку — вызов, который может быть реализован либо посредством ритуального нарушения всех существующих законов демиурга, либо посредством полного и бесповоротного отказа от всех его даров, полного разрыва связи. Это положение можно наглядно проиллюстрировать цитатой из гностического текста «Зостриан»:

«После того как я отделился от соматической тьмы внутри меня и психического хаоса в Разуме, я не пользовался этим снова. После того как я разыскал бесконечную часть своей материи, я проклял Мертвое Творение внутри меня и Божественного Космократора Воспринимаемого (Мира), усиленно проповедуя обо Всем тем, которые с Чуждыми Частями. Я взошел к Изгнанию, которое истинно сущее».

¹ Карл Густав Юнг, «Семь наставлений мертвым».

Вслушайтесь в эти слова! Это страшные слова, сказанные за несколько веков до ужаса Ромео, для которого изгнание было хуже смерти. В то время словам знали цену, они не были простой интеллектуальной игрой. Попробуйте услышать эти слова не так, как слышим их мы, сквозь призму игры нашего воображения, а как они звучали тогда. ВЗОШЕЛ К ИЗГНАНИЮ. Худшее из возможных проклятий оказывается восхождением и благословением. Именно здесь, даже не в мифологической инверсии персонажей, а именно в этой нехитрой фразе пред нами разверзается беспредельная глубина тотального, радикального метафизического нонконформизма.

Итак, аскетизм здесь выражает не смирение и покорность чужой воле, как это понимается в современной культуре, но предельную форму сопротивления. Таким образом, надо понять, что различия между методами Симона (и его последователя Карпократа) и Маркиона (и его последователей Василида и Валентина) лишь внешне противоположны. По сути, и то и другое — предельная форма вызова.

Позднее Валентин и Василид развивают сложные теологические системы, которые призваны наглядно представить то, каким образом происходит трагический раскол внутри божества. В системе Валентина есть тридцать парных эонов, представляющих Плерому, то есть невообразимую Божественную Полноту. На самой вершине парные эоны полностью соединены, но по мере нисхождения они начинают разделяться, пока наконец не происходит трагедия: самый нижний эон (все та же София) отвергает свою творящую пару и пытается вознестись к первому эону — отчей бездне. Это действие нарушает гармонический порядок внутри Плеромы, София оказывается отброшена во тьму внешнюю, где из ее страданий рождается низшая София-Ахамот, называемая также Прудникой (Блудницей). Впоследствии для спасения Софии появляются два дополнительных эона — эон Иисуса и эон Христа.

София и Ахамот возвращаются в Плерому, однако беда уже произошла: Ахамот, еще будучи во тьме внешней, порождает ублюдка — слепое чудовище с телом змеи и мордой льва, которое именуется Иалдабаофом или Космократором. Впоследствии он создает семь небес и материальный мир и таким образом противостоит Плероме.

Иалдабаоф создает первых людей, но творение получается неудачным. Из жалости к их страданиям София Ахамот вдыхает в них жизнь и учит, как обойти власть Иалдабаофа, попробовав запретный плод. Впоследствии Иалдабаоф вновь пленит человека, и вся последующая история — это противостояние двух типов людей: людей духа и людей материи. Иалдабаоф ненавидит высшего человека, которому доступно то, что недоступно ему (здесь мы встречаем мотив бессильного творца — сродни агенту Смиту, обладающему властью над созданной Матрицей, но не имеющему возможности выхода из нее). Согласно Апокалипсису Адама (еще одной книге из «библиотеки Наг-Хаммади»), Иалдабаоф вызвал потоп, потому что испугался высших людей (как в «Пире» Платона боги испугались могущества андрогинного человека). Вот очень интересная цитата:

«Ибо поднимутся воды дождевые бога Вседержителя, чтобы он погубил плоть всякую на земле ... из происходящих из семени Людей, в которых процвела жизнь Гносиса, которая вышла из меня и Евы, твоей матери, ибо они были чуждыми ему.»²

В Евангелии от Фомы есть стих, содержащий в себе всю суть гностического послания:

«Если те, которые ведут вас, говорят вам: Смотрите, царствие в небе! — тогда птицы небесные опередят вас. Если они говорят вам, что оно в море, тогда рыбы опередят вас. Но царствие внутри вас.»

² Перевод А. И. Еланской.

Когда я читаю эти слова, мне вспоминается наивный цинизм поэзии ранней «Агаты Кристи»:

*Ты знаешь, я был рыбой, я
Проплыл насквозь все океаны, но
Сквозь волны не увидел никого.*

*Верь, не верь, но я нашел
Простой ответ на твой вопрос.
Нет, его там не было.*

*Ты знаешь, ведь я был змеей,
Прополз по всем полянам, но
В траве я не увидел никого.*

*Плачь, не плачь, но я нашел
Простой ответ на твой вопрос.
Нет, его там не было.*

*Ты знаешь, я был птицей
Пролетел все облака насквозь, но
В небе не увидел никого.*

*Верь, не верь, но я нашел
Простой ответ на твой вопрос.
Нет, его там не было.*

Действительно, в первую очередь надо изъять проекции из всех возможных внешних объектов. Приятно видеть Бога вовне, но эта инфантильная позиция должна быть принесена в жертву в первую очередь. С точки зрения гностицизма, человек, который говорит, что «нет его и не было», более духовен, чем тот, кто продолжает фантазировать о добром Боге на небесах.

В следующих стихах Евангелия от Фомы гностический Христос отвергает необходимость какой-либо религиозной практики, если она построена на так называемом «ритуальном благочестии» и делается из покорности, а не из готовности узнать:

«Ученики его спросили его; они сказали ему: Хочешь ли ты, чтобы мы постились, и как нам молиться, давать милостыню и воздерживаться в пище? Иисус сказал: Не лгите,

и то, что вы ненавидите, не делайте этого... Иисус сказал: Если вы поститесь, вы зародите в себе грех, и если вы молитесь, вы будете осуждены, и если вы подадите милостыню, вы причините зло вашему духу. И если вы приходите в какую-то землю и идете в селения, если вас примут, ешьте то, что вам выставляют».

Мы видим, что реальное значение имеет не закон, не догма и даже не мораль, а исключительно личное, индивидуальное переживание того или иного действия. Действие, совершаемое вопреки своей природе, — будь то аскетическая или подвижническая практика, — только увеличивает психическую раздвоенность и отдаляет от реальной пневматической целостности. А как мы уже знаем, основное качество пневматического состояния — целостность.

Строго говоря, мы могли бы рассмотреть Евангелие от Фомы от начала до конца, и это могло бы «потянуть» на целую книгу. Но, во-первых, целью данной работы является лишь обзорное исследование эзотеризма, а во-вторых, существует немало глубоких и детальных исследований гностических первоисточников.

Подводя итог, скажем, что именно в гностицизме зародился современный человек — человек, не желающий жить под господством земных и небесных архонтов, но претендующий на самостоятельное установление связи между своим «я» и своим Богом, своей Плеромой, своей Софией. Не случайно Стефан Хёллер, епископ Гностической церкви, в своей книге «Психология и эзотерика свободы» выводит современные идеи секуляризма и свободы вероисповедания не из атеизма, а из гностицизма, ведь каждый гностик творит свои символы и свои формулы в своих индивидуальных отношениях с Богом. Наконец, гностицизм — это последний вздох античного мира, традиция, которая на языке уже христианских символов пытается сохранить античную связь с Душой Мира, Софией, Еленой, Премудростью и Красотой. Суровое догматиче-

ское патриархальное христианство разрубило эту последнюю, даже чисто символическую, связь. Эго и Анима, мужское и женское оказались окончательно расщеплены.

художник *Полина Снисаренко*

ГЛАВА 4.

Тайна ордена тамплиеров

Орден тамплиеров — одна из самых больших тайн средневековой Европы. До сих пор загадка тамплиеров волнует историков и оккультистов. Очень многие масонские и розенкрейцерские оккультные традиции ведут свою мифическую историю от ордена тамплиеров, и независимо от того, насколько их притязания соответствуют исторической правде, наличие такого мифа само по себе требует пристального внимания.

Исторические данные таковы. В 1119 году французский дворянин Гуго де Пейн собрал восемь своих родственников-рыцарей, в том числе Годфруа де Сент-Омера, и они учредили духовно-рыцарский орден, целью которого была провозглашена защита паломников к святым местам на Ближнем Востоке. Эта организация имела несколько официальных названий: «Орден бедных рыцарей Христа», «Орден бедных рыцарей Иерусалимского храма», «Бедные воины Христа и Храма Соломона». Коротко же этих рыцарей называли «храмовниками», или, по-французски, тамплиерами (*templiers*).

В течение каких-то пятидесяти лет тамплиеры из бедного и малочисленного братства стали самым богатым и влиятельным рыцарским орденом Европы. А примерно через двести лет после основания в результате сговора французского короля Филиппа Красивого и Папы Климента V орден был уничтожен, все его руководство сожжено как еретики, а все сведения об орденских инициациях преданы забвению.

Одной из загадок истории является причина уничтожения тамплиеров. Действительно ли в ядре братства было особое *внехристианское* посвящение, которое представляло угрозу католическому миру? Или же расправа над тамплиерами

была вызвана исключительно экономическими причинами? (После изгнания крестоносцев из Палестины тамплиеры занялись торговлей и ростовщичеством, накопили значительные материальные ценности и оказались в запутанных имущественных отношениях со многими европейскими королями и Папой.) Или все дело в том, что отказ магистра тамплиеров посвятить Филиппа Красивого в таинства ордена был воспринят последним как оскорбление?

Существует огромное количество эзотерических гипотез о тайной истории ордена. Согласно одной из них, тамплиеры, участвуя в крестовом походе против альбигойцев, завладели уникальными документами, доказывавшими, что официальное христианское учение было искажением подлинного учения Иисуса, который на самом деле был мужем Марии Магдалины и основал династию, от которой пошел королевский род Валуа.

Согласно другой гипотезе, во время крестового похода на Иерусалим тамплиеры вступили в тайную связь с суфийскими орденами и были посвящены в тайны исламского эзотеризма.

В девятнадцатом веке в эзотерической среде была широко распространена версия о том, что французская революция была запоздалой мстью оставшихся в живых тамплиеров роду французских королей.

К сожалению, у нас нет никакой возможности достоверно установить, насколько эти гипотезы соответствуют или не соответствуют реальности. Все, что мы можем предпринять, — это проанализировать символическую основу тамплиерского мифа и определить роль ордена в психоистории европейской цивилизации.

Одним из самых интересных моментов процесса над тамплиерами является то, что, согласно обвинению инквизиции, они поклонялись некоему идолу, «говорящей голове», которая на-

зывалась Бафометом. Именно процесс над тамплиерами впервые ввел имя Бафомета в эзотерический дискурс. Согласно наиболее распространенной версии историков, «Бафомет» — видоизмененное имя Магомета, а основное обвинение в адрес тамплиеров заключалось в излишней терпимости по отношению к покоренным иноверцам, с которыми они устанавливали дружеские и братские связи. Имели ли эти связи эзотерическое и религиозное значение? Точно сказать нельзя. Однако сама символика Бафомета подсказывает нам, что все не так просто, да и вряд ли инквизиция была столь невежественна, что просто исковеркала имя мусульманского пророка.

Если рассмотреть этимологию имени «Бафомет», то выявляется очень интересная связь: оно выводится из греческого *бафе метос*, «крещение мудростью». Как мы знаем, Мудрость-София является ключевым персонажем гностического и катарского мифов. Именно Мудрость-София оказывается той силой, которая связывает изначальные божественные сизигии и тварный мир. С другой стороны, символика христианского крещения содержит в себе некий рудимент инициации — согласно доктрине, в процессе крещения неопит погружается в «воды жизни», умирает в своем старом статусе и рождается в новом. Традиционное христианское крещение — это перерождение из греховной личности Ветхого Адама в личность, сопричастную Церкви и Христу. Таким образом, идея «крещения мудростью» может указывать на альтернативную инициатическую традицию, имеющую корни в гностицизме, в центре которой находится женская персонификация мудрости — София или Метида. Весьма интересен тот факт, что Метида в греческом мифе имела незавидную судьбу: ее убил и сожрал Зевс, который опасался, что дитя Метиды окажется более могущественным, чем он сам, и изменит существующий миропорядок. То есть именно София-Метида несет в себе некое дитя, которое должно изменить устоявшуюся патриархальную доминанту. Поэтому противостояние Зевса и Метиды символически эквивалентно конфликту между «большой»

и «малой» христианскими традициями (базовым символом первой является Яхве, а второй — София, или Мудрость).

Эмблемой тамплиеров было изображение двух рыцарей на одном коне. Традиционной интерпретацией этого символа является указание на бедность рыцарей ордена, которые вынуждены делить одну лошадь на двоих. Однако мы убеждены, что этот символ имеет более глубинные эзотерические коннотации.

С нашей точки зрения, второй рыцарь на лошади символизирует смерть. Дело в том, что, по многим эзотерическим учениям, перед смертью человек видит своего двойника. Это представление встречается во многих школах и традициях и до сих пор является важным психологическим фактором. Появление двойника для простого человека всегда рассматривалось как указание на близость смерти. Например, Юнг увидел двойника своего лечащего врача, который появился перед ним «в истинном облике», что дало ему повод предсказать скорую смерть врача, и предсказание сбылось.

С другой стороны, для посвященного знание своего двойника может указывать не на физическую, а на инициатическую, символическую смерть. Посвященный рыцарь-воин — а ведь тамплиеры были первым воинским и одновременно монашеским орденом — получает опыт «смерти при жизни» и после этого, говоря словами оккультиста двадцатого века Карлоса Кастанеды, «берет смерть в советчики». Профан, не осознавая свою смерть, гонит ее от себя и тем самым расплескивает в мир, в то время как посвященный должен «поместить свою смерть на свою лошадь», то есть находиться в постоянном осознании неизбежности смерти, обретая в этом силу в полной мере жить в настоящем моменте и действовать так, словно каждый его день — последний.

Тайна ордена тамплиеров никогда не будет раскрыта до конца. Однако совершенно очевидно, что он сыграл огромную роль в истории европейской культуры. Ведь именно тамплие-

ры первыми создали банковскую систему, введя в постоянную практику долговые расписки и бухгалтерский учет. Именно появление банковской системы в конечном счете и позволило человечеству выйти на иной уровень развития, сбросив феодальную деспотию и получив необходимую свободу. Мы никогда не узнаем, как в течение каких-то пятидесяти лет тамплиеры смогли стать богатейшим орденом Европы, однако совершенно очевидно, что это не могло бы произойти, если бы у них не было особой связи с тем, что мы называем архетипом Джона Голта. И если бы статическая, замкнутая на себе феодальная система Средневековья, в которой даже последний идиот, появившийся на свет в знатном роду, неизбежно получал всю полноту причитающейся этому роду власти, не сменилась динамической системой, в центре которой был активный предприниматель. Мы также убеждены, что орден тамплиеров не мог быть уничтожен полностью и что выжившие кластеры этого братства в конечном счете стали одним из ключевых факторов обновления западной цивилизации.

художник Полина Снисаренко

ГЛАВА 5.

Алхимия и герметизм

Во введении к этой книге я приводил свой очень ранний сон, в котором спонтанно воспроизводится алхимико-герметический миф. Не только сны, но и детские игры тоже по своей природе алхимичны. Так, исследуя труды по алхимии, я вспомнил, как в возрасте пяти лет мог часами натирать порошок из кирпича, представляя, что это делает камень «хорошим», а порошок имеет волшебные свойства. Такого рода действие в алхимии называется «сублимацией вещества». Вообще, герметическая алхимия — настоящая сокровищница сюжетов, связанных с идеей трансформации и преобразования.

В своих лекциях по алхимии Мария-Луиза фон Франц приводит впечатляющие примеры из своего детства:

«В десятилетней возрасте из-за болезни мне нередко приходилось пропускать занятия в школе. Обычно школу я посещала в утренние часы, а во второй половине дня, когда в школе была моя сестра, я оставалась дома одна. Я очень скучала, мне не с кем было играть, поэтому в задней части птичника я оборудовала то, что я назвала своей лабораторией. Однажды я прочитала, что янтарь образуется из смолы, которая, попав в морскую воду, через много лет затвердевает. В моей фантазии янтарь быстро превратился в желтую жемчужину, и я решила изготовить круглую желтую янтарную жемчужину.

После многочисленных карабканий и падений с ели мне удалось собрать немного смолы. Затем я решила, что необходимо изготовить морскую воду. Из словаря я узнала, из чего она состоит, и, похитив из ванной соль и йод, я старательно перемешала их с водой и получила то, что я назвала морской водой. Затем, полагая, что для получения желтой

жемчужины смолу необходимо очистить, я решила расплавить ее, чтобы удалить мертвых муравьев и других насекомых. Когда я наблюдала за ее плавлением, меня охватило чувство одиночества и жалости к нему.

Решив снискать у будущего янтаря прощение, я стала беседовать с ним, говоря, что он не должен страдать, испытывая жжение, потому что в конце концов он превратится в красивую желтую жемчужину.

Таким образом, идея изготовления желтой жемчужины, возникшая рационально, после прочтения об этом, приняла форму фантазии. Однако я испытывала чувство одиночества, поэтому все событие подверглось амплификации, превратившись в алхимическое Делание с характерными для него мольбами о ниспослании успеха. Можно предположить, что у древних людей существовал такой же примитивный или инфантильный склад психики».

Иными словами, алхимия в своих мифологемах имеет дело с чистыми психологическими структурами, изначально присутствующими человеку. С этой точки зрения, главная идея алхимии (превращение первичной материи в философский камень) — это идея трансформации психики из бессознательного и раздробленного состояния в осознанное и целостное.

История алхимии и герметической философии началась в эпоху поздней Римской империи, когда соперничали несколько различных религиозных и оккультных традиций. Если гностическая традиция представляла собой христианский эзотеризм и христианскую инициацию, то герметизм был высшей точкой развития языческой античной культуры.

В центре герметической традиции находится фигура Гермеса, который из бога-покровителя воров и торговли превращается в «Гермеса Триждывеличайшего», Перворожденного Сына Изначального Отца, Изначальный Ум (Нус) и наставника людей в тайных науках теургии, алхимии и астрологии.

Многие современные исследователи утверждают существование взаимного влияния между герметической философией и христианской теологией — слишком уж похожи фигуры Христа-Логоса и Гермеса-Нуса. То, что Гермес мыслился прежде всего как просветитель, податель тайных наук, позволяет нам также провести параллель между Гермесом и Азазелем, о котором речь пойдет во второй части этой книги.

Гностицизм представлял радикальный дуалистический взгляд на мироздание и полагал целью инициации полное избавление от власти злой материи и возвращение «в дом Отца своего» (в этом неприятии материального мира гностицизм все же совпадал с ортодоксальным христианством, хотя и допускал для каждого пневматика возможность индивидуального пути освобождения). Герметизм же рассматривал наше материальное мироздание как эманацию, или истечение, Изначального Отца, или Отчей Бездны. Поэтому в герметической инициации не было такого непримиримого отрицания ценности мира, как у гностиков, и задачей герметических теургов полагалось пресуществление, трансформация материального мира, но не бегство от него.

Вернемся к той метафоре, которую мы рассматривали во введении, — метафоре Соляриса. Если предположить существование Бога как Отчей Бездны или вещи в себе, чистого и непостижимого «мыслящего океана», а всех богов, все образы, символы, сюжеты — как различных «гостей» которые рождаются в результате встречи индивидуального «я» и мыслящего океана, то «гностические» гости куда более категоричны и непримиримы чем «герметические». Нет смысла разбираться, кто более прав — радикальный гностицизм или умеренный герметизм, ведь здесь речь идет прежде всего о различных стадиях развития сознания. Для ранней стадии развития продуктивной и полезной будет непримиримость гностического посыла, без которого сознание просто растворится в коллективном уроборосе «бытия частью». Однако для поздней,

более развитой и дифференцированной стадии необходима инициация герметическая, требующая от человека не только воссоединения с Отцом, но и особого рода пресуществления материи.

Вот почему герметизм в конечном итоге сливается с алхимической практикой, в которой Гермес, он же Меркурий, он же Философская Ртуть, становится центральным символом инициации. С практикой, целью которой, вопреки распространенному мнению, является не столько превращение свинца в золото и обогащение, сколько трансформация самой материи из неблагородной в благородную.

Сама по себе алхимия появляется даже немного раньше герметической философии и рождается из кузнечного ремесла. Как указывает Мирча Элиаде, кузнецы в древних культурах почитались как существа, обладавшие могуществом не меньшим, а зачастую даже большим, чем шаманы. Кузнец имел дело с землей, земным огнем и земными металлами, потому представлялся первобытному сознанию своего рода господином подземного мира. Вот почему многие языческие боги огня (например, Прометей и Локи) оказываются в оппозиции к правящему богу.

Идея, из которой рождается алхимия, заключается в том, что металлы, подобно растениям, растут и зреют в чреве Матери Земли, и золото является конечным результатом этого созревания. Алхимик должен найти способ помочь металлам пройти процесс созревания, который в естественных условиях занимает тысячелетия, максимально быстро. Постепенно, по мере слияния алхимической практики и герметической философии, в алхимической символической все большее значение приобретает Гермес-Меркурий — и как божество-покровитель, и как Ртуть, которая на латыни называется «Меркурием».

Согласно Юнгу, герметизм и алхимия представляют собой связующую нить между эпохой раннего христианства и современностью. Юнг рассматривает герметическую алхимию как

следующий этап развития сознания, следующий после гностицизма виток психоистории, смыслом которого является познание Богом самого себя. Герметист не бежит от материи, но должен помочь ей дорасти до состояния совершенства, потому практикующий герметический алхимик и должен работать с металлами и солями. Это не алчность, но Великое Делание — стремление помочь Богу в его трансформации.

Конечно, попытка найти искры Бога, плавя в печах свинец и олово, кажется современному читателю несколько наивной даже нелепой. Но каждому этапу — свои ошибки. В своих пока еще наивных попытках понять природу материи алхимики компенсировали крен христианской религии в сторону чистого духа и ее отвержение материи. Согласно Юнгу, именно алхимия символически подготовила следующий скачок научного знания — когда человек обратил свой взор к познанию законов материального мира.

Ценность алхимии еще и в том, что алхимик, не обладая никакими знаниями о природе материи, наивно проецировал на нее все процессы, которые происходили в его душе. Это заблуждение, в сущности, является «счастливой ошибкой», позволившей алхимикам создать настоящую сокровищницу образов самого глубинного бессознательного, прежде не отражавшихся в мифологических и религиозных сюжетах.

Алхимия отличалась от любой религиозной, мифологической или оккультной традиции тем, не подходила к символическому материалу глубин выборочно. Другие традиции выбирают те символы, которые соответствуют их уже сформировавшемуся центральному мифу. (Гностики, конечно, предприняли попытку высвободить в человеке его индивидуальную силу мифо- и символотворчества, но, как мы знаем, они в этом не слишком преуспели.)

Такая избирательность является свойством не только западной религии. Так, например, медитирующему йогу известно, что в его медитации могут являться образы различных богов и

богинь, пребывающих во внутренних дворцах, однако его предупреждают, чтобы он их игнорировал. Христианский монах, медитирующий по методике Лойолы, будет приветствовать любой образ, который можно включить в миф о Христе, но не заметит остального. Даже в первобытном племени считаются важными лишь те сны, которые связаны с мифом племени; грубо говоря, если тотем племени — заяц, то сновидение с зайцем сновидец будет обсуждать на общем совете племени, а, скажем, сновидение с медведем он забудет в то же утро.

Иными словами, в любом обществе бессознательное не было представлено в его «сыром виде», но включалось в существующий коллективный миф и фильтровалось этим мифом.

А что же алхимия? Секрет в том, что никакого единого алхимического мифа, за исключением очень абстрактных и возвышенных герметических текстов, не существовало, если не считать общей для всех алхимиков мечты найти философский камень (который, впрочем, каждый адепт понимал по-своему).

Алхимик оказывался наедине со своим экспериментальным материалом, о котором у него не было никаких предварительных установок и знаний.

Таблицу Менделеева еще не придумали. Никакой единой теории элементов нет и в помине. Базовые алхимические понятия — такие, как Сера, Соль и Ртуть, — разные алхимики рассматривают совсем по-разному. Одни утверждают, что Ртуть представляет женский принцип, а Соль — это порождение союза Серы и Ртути; другие же считают женским принципом Соль.

Но Соль, Сера и Ртуть — это три базовые единицы алхимии. И если даже такие фундаментальные вещи разные алхимики видели по-разному, то что говорить о нюансах алхимического образного ряда? Под одним и тем же названием в алхимических трактатах могли описываться принципиально различные процессы.

Попробуем поставить себя на место средневекового алхимика. Допустим, вы заинтересовались алхимией. Чтобы посвятить себя экспериментам, вы покупаете домик на краю города (заметим, что все алхимики жили в уединении) и превращаете его в лабораторию. Алкая открыть тайны вещества, вы азартно экспериментируете с металлами и минералами, но, поскольку отсутствует единая научная теория, вы можете лишь фиксировать то, что происходит у вас в колбах.

И тут происходит самое интересное. Долгое уединение, сосредоточение и духота лаборатории делают свое дело — начинает работать фантазия. И вы уже видите в расплавленном свинце разъяренного дракона, а в ртутной амальгаме — прекрасную деву.

Начинается очень интересный процесс, который называется в психологии *проекцией*: реагенты в колбах становятся своего рода зеркалом, в котором отражается то, что происходит в вашей душе, на самом глубоком уровне бессознательного. Человеку свойственно накладывать свои проекции на любое явление, от неживого вещества до незнакомца, при условии, что он не обладает знаниями о нем.

Так это только воображение? — может подумать разочарованный читатель. Да. Но именно воображение является тем золотым ключиком, который открывает врата познания. Очень многие серьезные мыслители двадцатого века (например, Яков Голосовкер и Жильбер Дюран) говорили о воображении как об основе бытия и единственной подлинной реальности. С точки зрения Жильбера Дюрана, единственное, что нам дано, — это воображаемое, которое противостоит обреченности времени и смерти.

Теперь становится понятно, что алхимия — это не просто наука и даже не просто эзотерическая школа, но сокровищница образов, которые родились в самых естественных условиях.

Позднее естественная, или наивная, алхимия разделилась

на алхимию спиритуальную и материальную. Материальная алхимия стала химией, а спиритуальная расцвела в разного рода тайных обществах. Однако для Юнга наибольшей ценностью обладает не столько поздняя, спиритуальная алхимия (которая тоже стала формировать свой генеральный миф), а ранняя, наивная алхимия проекции, адепт которой зачастую и сам не догадывался, сколь неожиданные и еретические идеи он высказывает.

Со временем популярность алхимии сошла на нет, а к концу девятнадцатого века она уже повсеместно почиталась экзотической лженаукой, эдакой химерой, порожденной людской легковерностью и жадностью.

Основой алхимической инициации, повторимся, является идея трансформации неблагородного, грубого металла (свинца) в благородный и развитый (золото). Эта трансформация осуществляется посредством целого ряда мучений — «режима смерти», которому подвергается металл в печи алхимика, чтобы в конце концов стать золотом. Конечно же, эта фантазия есть проекция на металлы инициатического архетипа. Алхимик неосознанно приписывает металлам те качества и состояния, которые переживает или стремится пережить сам, поэтому алхимическое Делание оказывается своего рода неосознанным посвятителем процессом.

Впрочем, почему неосознанным? Алхимики очень часто сравнивали свою цель, философский камень, с Христом (за что в Средние века можно было и жестоко поплатиться, но, очевидно, церковь считала алхимиков неопасными либо надеялась на буквальный успех их изысканий и потому на всякий случай щадила). Многие высказывания алхимиков говорят о том, что он прекрасно понимали психологический и инициатический характер своего Делания. Например, Генрих Кунрат призывал коллег-алхимиков «превратить себя в живые философские камни». Вспомним также известную алхимическую максиму «наше золото не есть золото черни».

Самые талантливые и проницательные алхимики ближе к шестнадцатому веку уже открыто писали, что подлинная цель алхимии — сотворение совершенного человека, то есть фактически опыт инициации.

Герметическая философия (высокий герметизм) долгие годы существовала в подполье, на периферии средневековой культуры. Настоящий перелом произошел, когда в пятнадцатом веке великий гуманист и просветитель Марсилио Фичино, домашний учитель Лоренцо Медичи, перевел с греческого на латынь и опубликовал трактаты «Герметического корпуса» и совершил еще одну «счастлившую ошибку», неверно датировав эти сочинения. По мнению Фичино, «Герметический корпус», содержащий самые подробные описания герметической космологии, является современником самых древних ветхозаветных текстов и был написан Енохом, который, согласно библейской истории, был взят живым на небо, то есть достиг некоего совершенного состояния.

Большинство современных историков выводят культуру Ренессанса из переоткрытия античной философии, и в первую очередь — философии Платона. Однако, как убедительно доказывает профессор Фрэнсис Йейтс в своей работе «Джордано Бруно и герметическая традиция», не менее, а то и более важной основой для новой эстетической парадигмы и гуманистической философии послужил «Герметический корпус», который Лоренцо Медичи приказал Фичино перевести прежде Платона. Я подчеркиваю — эта информация взята из работы профессора с мировым именем, а не из чьих-то визионерских фантазий.

Из лекций профессора Евгения Жаринова известно, что семья и близкий круг Медичи входили в тайное «Общество Волхвов». Возможно, это объясняет, почему сюжет «поклонения волхвов» был излюбленным в герметической живописи.

Если алхимия как форма прикладного герметизма возродила научное мышление и стала предтечей современных химии

и физики, то высокий герметизм породил всю ренессансную эстетику, которая наконец-то вырвалась из-под тоталитарной деспотии христианского духа, презирующего материю, и обратилась к созерцанию совершенной красоты. Ренессансная эстетика и ренессансная философия ознаменовали новый виток возвращения гностического Симона Мага, только теперь уже на герметическом уровне. Это Симон Маг, не презирующий, но пресуществляющий материю. От мертвой схоластики и умерщвления плоти герметическое Возрождение привело культуру к невиданному расцвету свободной мысли, в центр которой был поставлен человек, и воспеванию красоты, прежде всего красоты женщины, в образах бесчисленных ренессансных Мадонн.

Я убежден, что Средневековье с его презрением к телу, материи, женщине смертельно оскорбило Великую Богиню, и расплатой за это оскорбление стала чума, которая забрала жизни трети населения средневековой Европы. Эпоха Ренессанса, эпоха триумфального правления посвященных герметистов стала долгожданным восстановлением в правах Женского и Посвятительного.

К сожалению, мы практически ничего не знаем о тех ритуалах и инициациях, которые совершались в тайных обществах эпохи Ренессанса, в той же семье Медичи. Возможно, эти ритуалы обладали невероятной духовной силой, которая могла трансформировать человека в сверхчеловека, простого художника — в титана. Но эти тайны истории надежно защищает от непосвященных.

К сожалению, эпоха Ренессанса, этот период в истории человечества, когда у власти действительно находились маги и посвященные оккультисты, продлилась недолго. С началом Контрреформации католическая церковь старалась изгнать из своих рядов малейшее присутствие герметической мудрости. И все же герметическая философия и практическая алхимия отчасти сохранили свои позиции. Так, чешский король

Рудольф II открыл ворота Праги для алхимиков и каббалистов, сделав этот город новым центром эзотерического возрождения. В Праге родилась легенда о Големе, предшествующая легенде о Франкенштейне. Но это уже совсем другая история...

В очередной раз западный мир открыл для себя алхимию в результате многолетнего труда Карла Густава Юнга. Именно работы Юнга вернули алхимии потерянное с наступлением научной революции уважение и солидность. Теперь каждый образованный человек знает, что алхимия — это предтеча глубинной психологии и что Карл Юнг первым обратился к ней за разгадками тайн психики.

Справедливости ради отметим, что первым психологом, заинтересовавшемся алхимией, был не Юнг, а Герберт Зильберер, ученик Фрейда и психоаналитик. Открыв для себя алхимию, он написал книгу «О проблемах алхимического и мистического символизма». Вопреки его ожиданиям, эта работа была воспринята Фрейдом достаточно холодно, и, не в силах смириться с отвержением, Зильберер покончил с собой. Очевидно, что Зильберер разделил судьбу многих алхимиков, отождествивших себя со своим Деланием и пытавшихся осуществить его слишком буквально. Трагедия Зильберера — это трагедия ученого, который подошел к воротам великой науки, но так и не смог проникнуть в ее главную тайну.

Однако его труд не был напрасен: книга Зильберера заинтересовала Юнга, который продолжил исследования в этой области. Его интерес вначале проявился в нескольких статьях, таких как «Парацельс как духовное явление», «Дух Меркурия», «Парацельс как врач», а потом уже были написаны масштабные сочинения — такие как «Mysterium Coniunctionis», «Психология и алхимия» и «Психология переноса».

Работы Юнга демонстрируют богатство алхимического символизма и возможностей его применения. Так, в «Психологии переноса» Юнг использует гравюры одного из алхимических

трактатов «Rosarium Philosophorum» для иллюстрации стадий развития отношения аналитика и его клиента. В «Психологии и алхимии» Юнг анализирует сны своего пациента (в книге он не назван, но это был лауреат Нобелевской премии по физике Вольфганг Паули) и находит в них алхимический символизм.

Юнг пришел к такому пониманию алхимии далеко не сразу. Открыв для себя богатейший символизм гностицизма, он много лет не мог понять, неужели «серебряная нить» гнозиса прервалась более чем на полторы тысячи лет? Годы и десятилетия Юнг мучительно искал связующую нить между древним гностицизмом и своей глубинной психологией.

Ответ пришел к Юнгу в сновидении, в котором он оказался в некоем пространстве, о котором прочитал *через месяц* в алхимическом гримуаре, и услышал голос, сказавший: «Теперь мы плотно застряли в шестнадцатом веке».

Застрял он там действительно «плотно». Ведь именно в шестнадцатом веке гениальный алхимик Джон Ди первым придал алхимии не физическое, а психологическое значение, заявив, что алхимическая практика сродни духовным упражнениям и имеет одну-единственную достойную цель — трансформацию самого человека. Последние тридцать лет жизни Юнг посвятил психологическому осмыслению алхимических откровений, результатом которого стали четыре тома его собственных «алхимических» сочинений.

Алхимическая инициация и алхимический эзотеризм отличаются тем, что в них во главу угла поставлена идея *соединения противоположностей* (лат. *coniunctio*). Эта идея проскальзывает и на периферии гностического дискурса, однако все же в гностицизме преобладает дуализм, а алхимический, герметический взгляд акцентирует именно идею слияния. Желаящие более глубоко прочувствовать эту тему могут прочесть блистательную биографию Леонардо да Винчи «Воскресшие боги», написанную Дмитрием Мережковским

как художественный роман и глубоко передающую дух Эпохи Возрождения.

Идея соединения противоположностей обретала самые разные поэтические формы. Алхимики говорили о бракосочетании солнца и луны, короля и королевы, соединении «крылатого и бескрылого», змеи и птицы, льва и дракона, серы и ртути. И это — лишь малая часть той сокровищницы образов, которыми полна алхимия!

На самом деле проблема противоположностей — это не просто одна из проблем, а фундаментальная основа человеческого бытия. Человеку свойственно видеть все в бинарной перспективе. Любая наука, любое учение, любая система основаны на противопоставлении *бинеров* (пар). В искусстве такими бинарными категориями являются красота и уродство, в науке — истинность и ложность, в этике — добро и зло, в религии — бог и дьявол, в философии — дух и материя.

Ну, а в психологии... О, в психологии все гораздо сложнее, потому что она, как и алхимия, не просто имеет дело с одним из бинеров, но вынуждена иметь дело с самим бинарным принципом и его преодолением.

Простейшие бинеры — Эго и Тень, сознание и бессознательное. Как сказал один гениальный режиссер, «сознание желает победы вегетарианства во всем мире, а бессознательное отдало бы все за сочный бифштекс». Старый подход, основанный на дуалистической психологии (которая, в свою очередь, имеет корни в дуалистической религии), пытается подавить бессознательное. Куда более мудр тот подход, при котором сознание ищет соединения с бессознательным, когда вместо двух путей выбирается третий. В философии это синтез тезиса и антитезиса, но на уровне души первыми о необходимости этого синтеза догадались именно алхимики. Фактически в своих лабораториях алхимики искали путь соединения света и тьмы, бога и дьявола.

ГЛАВА 6.

Розенкрейцеры и масоны: НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ

Новая эпоха — новый оккультизм, новая эзотерика, новые правила игры, новый виток развития. И в этой главе мы поговорим о двух принципиально новых оккультных инициативских векторах — розенкрейцестве и масонстве.

Первый из двух центральных текстов розенкрейцерского оккультизма — это анонимный документ, в котором рассказывается миф розенкрейцерского общества и формулируется его устав. Согласно этому документу, некто Христиан Розенкрейц, искатель мудрости, отправился в паломничество в Иерусалим, но на полпути свернул в ближайший город (не напоминает ли этот сюжет, в котором Иерусалим символизирует центр христианского мира, начало «Семи наставлений мертвым» Карла Юнга: мертвые возвратились из Иерусалима, где не нашли то, что искали?). Там он встретил членов тайного братства, которые поклялись всячески помогать человечеству и просвещать его. Со временем Христиан Розенкрейц возглавил их общину и распространил влияние братства на всю Европу. Интересно, что число членов этого братства должно было всегда оставаться неизменным; новичка принимали только в случае смерти одного из братьев. Согласно этому документу, Христиан Розенкрейц был похоронен в пещере на горе Абигени и ждет своего часа, чтобы воскреснуть.

Другой важнейший розенкрейцерский документ — «Химическая свадьба Христиана Розенкрейца», написанная Иоганном Валентином Андреэ, энигматический текст, полный различных алхимических символов, геральдических образов и описаний странных процессов трансформации.

Согласно Фрэнсис Йейтс, появление этих документов, ко-

торые были изданы анонимно (сейчас мы практически точно знаем, что это была мистификация Андреэ), вызвало настоящую сенсацию. Одни искали мифических розенкрейцеров, чтобы вступить в их братство, другие — чтобы уничтожить их как богохульников и еретиков, и повсеместно создавались небольшие розенкрейцерские группы. Одним словом, новый инициатический миф вступил в силу.

Центральный символ розенкрейцеров, соединение креста и розы, является символом соединения мужского и женского, земного и небесного, духа и плоти. Роза — это символ женского начала, цветок Венеры, чей аромат напоминает о сладких минутах любви. Крест, символ мужского духа, здесь представлен как один из компонентов соединения. В этом отношении символ розы и креста является типичным символом удачной герметической инициации, когда противоположности соединились в душе конкретного индивида, который и стал выразителем этого мифа.

Однако, в отличие от герметического мифа, миф розенкрейцерский несет в себе некое принципиально новое начало. Розенкрейцерское братство не является братством созерцателей-философов; точно так же оно не является братством тех, кто жаждет бежать от мира или даже преобразовывать материю чисто алхимическими методами. Розенкрейцеры заявляют о себе как о деятелях, активно участвующих в жизни мира, продвигающих свои реформы и стремящихся полностью изменить образ культуры.

Возможно, образ розенкрейцерских посвященных был еще одним отголоском исторической памяти о братстве «Волхвов», которые инициировали герметический Ренессанс. Однако то, что на этот раз идея активного преобразования мира появляется не только на уровне действия, но и на уровне мифа и символа, говорит нам о том, что оккультизм перешел на иной виток спирали развития — теперь уже на уровне посвятельного мифа утверждалась необходимость активного пе-

реустройства мира, а то, что Христиан Розенкрейц отказался от паломничества в Иерусалим, было пока еще бессознательным сомнением в правомочности доминирования патриархального иудео-христианства. Насколько сознательно моделировались эти мифы? Я убежден, что их авторы сами не в полной мере осознавали символическую глубину и вызов своих сочинений. Просто эпоха достигла нового уровня развития и Душа Мира искала новых символов и мифологем для своего воплощения.

Еще одна новая инициатическая легенда родилась в Англии. Я говорю о масонстве, которое исторически начиналось более чем скромно — на дружеской пирушке каменщиков (англ. *masons*), которые в качестве благодарности за щедрую меценатскую поддержку решили посвятить своего покровителя герцога Оранского в *спекулятивные*, то есть не занимающиеся непосредственно физическим трудом, каменщики-*масоны*.

История масонства как артели свободных каменщиков уходит вглубь веков, как и история их инициаций. Вполне возможно, что первоначально масонские посвящения имели вполне прагматичную цель — внушить новому члену каменщицкой артели-ложи религиозное отношение к обязанности хранить секреты мастерства от посторонних. В центре масонского мифа стоит Хирам, или Адонирам, легендарный архитектор Соломонова храма, убитый завистливыми подмастерьями, возжелавшими заставить его раскрыть тайное слово мастера, по которому можно было получить тройную плату. После исчезновения Адонирама царь Соломон находит и казнит убийц. Тело же Адонирама находят закопанным, а на его могиле растет одна-единственная во всем регионе акация, которая и становится символом духовного воскресения Адонирама.

Когда появилась эта легенда? Когда появились масонские инициации? Согласно Википедии, первые каменщицкие ар-

тели упоминаются в документах 643 года. Была ли у них своя система ритуалов и посвящений? Достоверно это утверждать невозможно, однако структурное сходство самых древних, первобытных инициаций с посвящением масонов, о котором мы писали еще в первой главе, по-настоящему поражает и по меньшей мере позволяет допустить существование некоего древнего «протомасонства». Впрочем, эти ритуалы, если они и были, не оказывали никакого культурного влияния вне узкопрофессионального сообщества каменщиков. Настоящая масонская история начинается с первого *спекулятивного* масона, который, став главой ложи, начал посвящать других представителей своего круга, аристократии, так что за какое-то столетие спекулятивное масонство распространилось по всей Европе.

Очень скоро католическая церковь начинает видеть в масонах угрозу и издает эдикты, отлучающие масонов от своего лоноа. Оказавшись вне закона, масонство невольно политизируется и притягивает противников существующего порядка — преследования становятся самосбывающимся пророчеством о силе, противостоящей церкви.

Вопреки параноидальным представлениям конспирологов, даже во времена расцвета масонских лож, когда в них входили очень многие представители власти, не существовало ни единого управляющего масонского центра, ни единой идеологической масонской стратегии. Различные масонские образования представляли принципиально разные мировоззренческие системы. Так, регулярные масоны Англии в обязательном порядке должны были верить в «Архитектора Вселенной», то есть исповедовать одну из «религий книги» — христианство, иудаизм или ислам. (То, что масонство было первым тайным обществом, отказавшимся от дискриминации евреев, стало причиной мифа о «жидомасонстве» и слиянии неких аристократических и иудейских элит в борьбе против церкви.) Французское же масонство, напротив, было по пре-

имуществу атеистично и вольнодумно. Система отношений между различными масонскими ложами и послушаниями представляет собой совершенно особый космос со своими союзами, противостояниями, борьбой и дружбой, поэтому все представления о едином масонском заговоре можно смело отнести как паранойю.

Особо следует сказать о культурной роли русского масонства, которое было, с одной стороны, пронизано самой искренней христианской религиозностью, а с другой — невольно стало первым носителем идей и ценностей Просвещения. Изначально полностью лояльные власти, масонские ложи вызвали подозрения, преследовались и уходили в подполье — так параноидальное представление об общем антиправительственном характере масонства становилось хотя бы отчасти реальностью.

Если эзотерический шестнадцатый век проходит под знаком чудом сохранившегося герметизма и новорожденного розенкрейцерства, то с семнадцатого века наступает время масонства. Масонские послушания множатся, разделяются, создают свои оригинальные легенды и инициатические системы. Различные послушания в своих легендах выводят корни масонства из розенкрейцеров, тамплиеров, герметистов и даже из каббалистической мудрости.

Совершенно очевидно, что появление масонского мифа представляет принципиально новый этап развития эзотерической и инициатической практики. Во-первых, масонство еще дальше развивает идею необходимости изменения существующего порядка. Именно внутри масонства находят свой приют и поддержку бесчисленные реформаторы и революционеры. То, что идея «Свободы, Равенства и Братства» имеет масонское происхождение, общеизвестно, и хотя революционный настрой масонства в основном был реакцией изначально лояльных братьев на притеснения, с точки зрения законов символического мира он в высшей степени показателен.

В современном мире, к сожалению, принято обвинять масонов во всех смертных грехах. Консерваторы обвиняют их в разжигании Французской революции и в ужасных потрясениях, постигших Европу в ее результате. Действительно, далеко не все масонские инициативы успешно воплощались, однако давайте задумаемся о том, как изменился наш мир за последние века. Еще какие-то три столетия назад такие явления, как публичные казни и мучительные пытки, на которые собирались поглазеть все горожане, были абсолютно обычным делом для Европы. Бедняки умирали от голода. Сравнивая мир трехсотлетней давности и мир нынешний, мы должны признать, что масонская идея реформации общества в направлении справедливости, разумности и гуманности при всех «перегибах на местах» сыграла свою роль. Цивилизация стала минимизировать насилие, нищету, голод, убийства. Возможно, именно масонству мы обязаны тем, что «дискурс господина» сменился «дискурсом академий». Но разве это плохо? И кто из современных хулителей и критиков масонов хотел бы жить в таком обществе, где каждое воскресенье на главной площади преступникам ломают кости на колесе, отсекают руки и ноги, рубят головы?

Однако политическая власть масонов осталась в восемнадцатом, от силы в девятнадцатом веке. В двадцатом веке влияние масонства, несмотря на его бывшее широкое распространение сошло на нет, масонские ритуалы потеряли свой инициатический потенциал и практически не осталось масонов, которые оказывают реальное влияние на политический и исторический процесс. Конечно, многочисленные параноики не согласятся с этим, но исторические данные достаточно очевидны. Масонство все больше позиционирует себя как один из клубов по интересам.

В чем была сила масонского инициатического мифа? В символе строительства, которое, по большому счету, стало нервом западной цивилизации. Не случайно сам Фауст в трагедии

Гёте говорит свое «остановись, мгновенье», представляя себе грандиозное строительство дамбы, которая должна была положить предел морю (то есть сознание, которое ставит предел бессознательному).

Метафора обработки грубого камня и постройки из него храма — это новое, более современное преломление герметического мифа о сотворении философского камня из тяжелой первоматерии и розенкрейцерской идеи создания розы-креста. Но, в отличие от этих символов-предшественников, строительства внутреннего храма должно сочетаться со строительством храма культуры. И нет ли сугубой исторической закономерности в том, что Пушкин, ставший фактически создателем того русского языка, какой мы знаем, был посвящен в масоны? Метафоры строительства нового храма, храма новой культуры, нового мировоззрения мы встречаем в романе Стругацких «Град обреченный», главный герой которого видит в этом строительстве высшее предназначение человека. Карл Юнг, который сам никогда не был посвящен в масоны, услышав от ученика сон о грандиозном строительстве храма, в котором участвуют люди всех народов, вместо того чтобы дать персоналистическую интерпретацию, сказал: «А ведь мы все строим этот храм. Храм нового мировоззрения и новой культуры».

Так что все мы — те, кто заинтересован в строительстве нового мира, — немножечко масоны.

художник Полина Снисаренко

ГЛАВА 7.

Девятнадцатый век: романтический оккультизм

Девятнадцатый век был временем, когда большая часть народа была зачарована чудесами прогресса, а меньшинство (впрочем, весьма внушительное) чувствовало усталость от рационализма Просвещения.

Оккультизм Сен-Мартена и Элифаса Леви возрождает интерес к каббалистической науке (которая впервые была открыта неевреям еще в эпоху Ренессанса). Вспыхивает новый интерес к картам Таро не как к инструменту игры или гадания, но как к носителю древней эзотерической мудрости Египта или Атлантиды. Появляется все больше тайных обществ, которым в принципе не интересна политическая жизнь и которые стремятся замкнуться в своем небольшом мире.

Я прошу читателя оглянуться и оценить, насколько сильно отличается дух эзотерической традиции в разные времена и эпохи. Чувственный и физический опыт посвящения в глубокой древности; гностическое стремление любой ценой сбежать из этого проклятого мира; герметическое созерцание единства противоположностей и устремление к физической материи, которую надо обновить и включить в общий космос; скрытый вызов розенкрейцеров, оскорбляющий центр христианской культуры, Иерусалим, своим невниманием и отказом от паломничества; деятельное и пассионарное масонство... Какие разные энергии, характеры, оттенки смысла видим мы в оккультных мифах и инициациях разных эпох, насколько далеко это от наивного представления традиционалистов о том, что «вечные истины всегда одни»! Есть лишь одна вечная истина — идея инициации, возрождения через смерть, смены онтологического статуса.

Если мы захотим определить характер эзотеризма конца восемнадцатого века, всего девятнадцатого и отчасти самого начала двадцатого века одним словом, то, пожалуй, лучше всего подойдет слово *романтизм*. Именно в эту эпоху расцветает бурная цветистая фантазия о мудрости древних цивилизаций Атлантида и Му, совершаются паломничества в Индию и вообще на Восток в поисках тайной мудрости. Таро больше не карты для гадания. Для девятнадцатого века Таро — это ключ к древним египетским мистериям, и оккультисты наперебой соревнуются, кто лучше придумает — ну, то есть, конечно, *воссоздаст* — эти давно утерянные тайны.

В свое время я пытался читать книги Элифаса Леви и потерпел сокрушительное поражение. Эти несвязные, пафосные, велеречивые и раздутые тексты, кажется, просто невысказано прочитать. Конечно, можно сказать, что нам вообще сложно понять другую эпоху, но вот почему-то чтение гностических евангелий второго века не вызвало у меня таких затруднений. Леви противоречит сам себе на каждой десятой странице и сам не в состоянии этого заметить. Поразительная способность придумать миф и искренне, тотально, причем не метафорически, а именно буквально в него поверить — уникальное свойство оккультизма девятнадцатого века.

Еще два феномена этого исторического периода, формально относимые к эзотерической сфере, — это месмеризм и спиритизм. Однако ни месмерические эксперименты, ни столочерчение за крайне редкими исключениями не содержат никакого инициатического потенциала. Месмеризм лишь пытается перенести физическую энергию на биологические и психические организмы а спиритизм — укрыться от особенно мучительного в рационалистическую эпоху страха смерти.

Но интересно, что самые удивительные чудеса происходили именно тогда! Люди настолько иступленно верили в возмож-

ность чуда, в прикосновение к тайне, что самый примитивный с современной точки зрения ритуал вызывания духа умершего с помощью хрустального шара мог дать такой эффект, что шар раскалывался прямо на спиритическом сеансе.

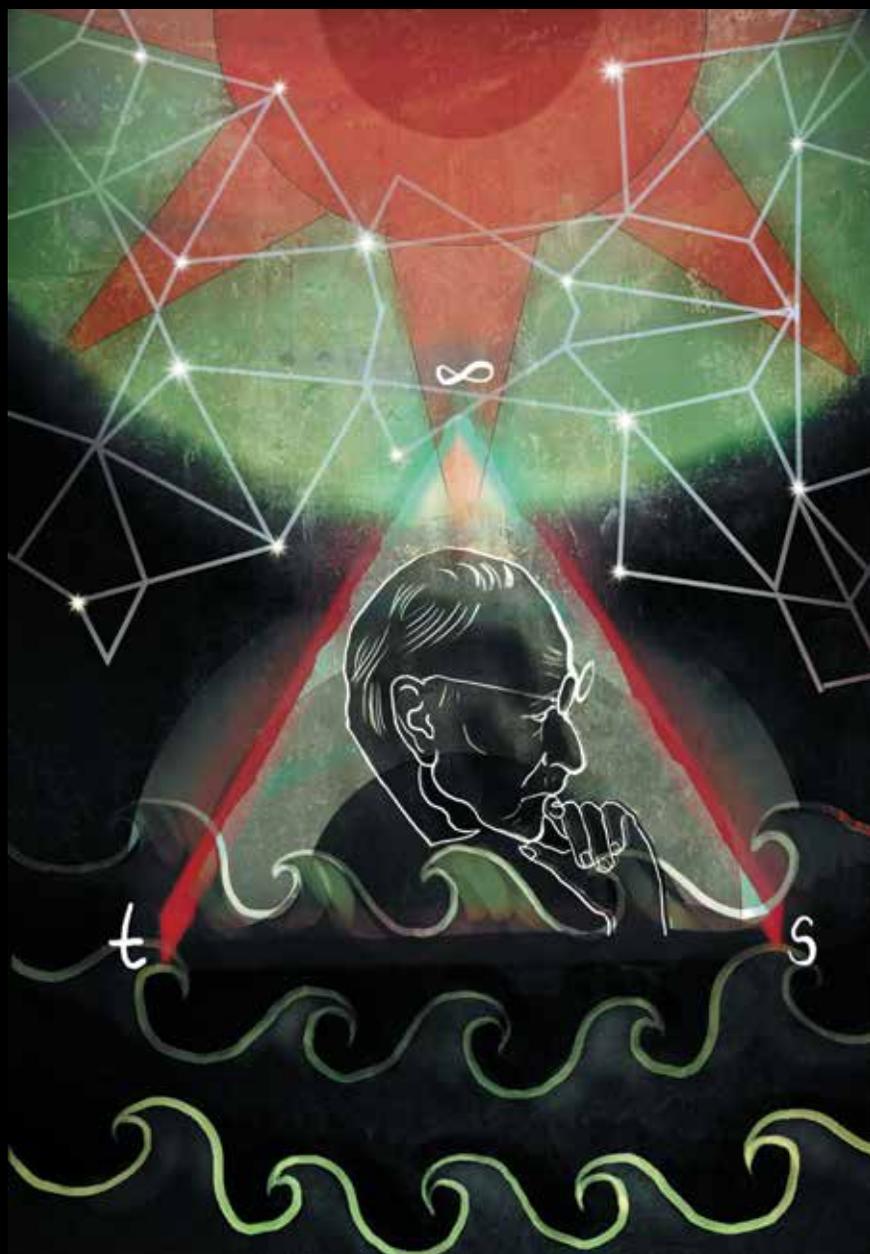
Венцом оккультизма девятнадцатого века и одновременно во многом началом нового оккультизма стало основание Ордена Золотой Зари. Созданный тремя интеллектуалами — Мазерсом, Вудманом и Уэсткотом, — Орден Золотой Зари был первой серьезной попыткой объединить все наработанное, созданное, разбросанное в пространстве оккультной мысли, привести хаос в систему, последовательность, систему действенных духовных практик, инициаций, медитаций. Впервые за многие годы над созданием новой интегральной доктрины работал целый коллектив сильнейших интеллектуалов, которые создали систему личных и коллективных ритуалов, ритуалов посвящения, оригинальных и вполне работающих соответствий. Эта стройная, непротиворечивая оккультная система до сих пор успешно практикуется исследователями внутренней бесконечности по всему миру. Всего за 20 лет существования Орден Золотой Зари становится уникальной творческой лабораторией, которая объединяет самых интересных людей Англии. Военный историк и теоретик, генерал Джон Фуллер, первым в мире разработавший и осуществивший танковый прорыв; лауреат Нобелевской премии писатель и поэт Уильям Батлер Йейтс; писатель Артур Мейчен; любимая актриса Бернарда Шоу Флоренс ФARR; выдающийся историк оккультизма, переводчик, создатель самой распространенной в настоящее время колоды Таро Артур Эдвард Уэйт — просто диву даешься, какие яркие, сильные, талантливые люди собрались в Ордене Золотой Зари. Это похоже на взрыв сверхновой звезды, разом осветивший огромное пространство небес. Все предшественники Золотой Зари ни в какое сравнение не идут с интеллектуальным масштабом, величием, стройностью инициатической системы этого ордена.

И в то же время Орден Золотой Зари основан на мистификации. Сам Мазерс признался, что вся история с найденной на чердаке розенкрейцерской рукописью и его контактом с французскими розенкрейцерами — не более чем мистификация. Лингвистическая экспертиза, проведенная исследователем истории Ордена Золотой Зари Элликотом Хоувом, точно и несомненно доказывает, что Мазерс сказал правду. Мистификация, возникшая из ниоткуда. Мистификация, заложившая основу мощной, рабочей магической системы. В своей личной практике я пытался использовать планетарные соответствия Ордена Золотой Зари, обнародованные и лишь немного дополненные Кроули. В примечаниях к таблицам было написано, что малейшая ошибка при работе с этим методом может быть чревата проблемами с кожей, и через три дня после ритуала я заболел ветрянкой. Работающая, мощная, уникальная магическая система была создана на основе мистификации!

Опыт Золотой Зари впервые доказал: чтобы оккультная система работала, ей не обязательно иметь древние корни; не обязательно существовать историческим атлантам и древнеегипетским мудрецам, чтобы образы и методы, приписываемые им, могли объективно, убедительно не только работать с психологическим состоянием практикующего, но и приносить конкретные результаты, генерировать синхронистичные совпадения на грани чуда, сталкиваясь с которыми застываешь в изумлении и невольно вспоминаешь классика: «Есть многое на свете, друг Горацио...».

Взлет и падение Ордена Золотой Зари и последующее его возрождение в десятках меньших братств, основанных на системе, разработанной Мазерсом, Вудманом и Уэсткоттом, поставило перед оккультным сообществом принципиальные вопросы, на которые до сих пор не были предложены убедительные и непротиворечивые ответы. А все потому, что оккультисты двадцатого века, за редкими исключениями

мэтров вроде Кроули, Парсонса и Уилсона, не считают важным ставить перед собой сложные и неприятные вопросы, предпочитая жить и учить так, словно на дворе все еще девятнадцатый век.

художник Полина Снисаренко

ГЛАВА 8.

Карл Юнг:

ОККУЛЬТНАЯ ПСИХОЛОГИЯ ГЛУБИН

Не скрою от читателя, что две личности, родившиеся в один год с разницей в полтора месяца, для меня особенно значимы в контексте оккультной истории. Это Карл Юнг и Алистер Кроули. В этой главе речь пойдет о Юнге.

Но прежде чем говорить об исключительном вкладе Юнга в алхимическое, гностическое и вообще оккультное возрождение, я хотел бы сказать еще несколько слов о состоянии духа в конце девятнадцатого века.

Романтический оккультизм того периода состоял в очень сложных отношениях с современной ему наукой. С одной стороны, оккультисты, естественно, презирали материалистических ученых, которые верили в то, что «можно разрезать череп и не найти там душу». С другой стороны, они были завожены наукой, как кролик удавом. Отсюда многочисленные псевдонаучные притязания оккультистов. «Духовная наука» Мэри Бейкер Эдди, «теософская наука» Блаватской, «антропософия — наука о человеке», «спиритизм — наука о духах»... В прошлые века оккультизм и наука были естественным образом связаны и, скажем, Ньютону ничто не мешало быть одновременно алхимиком, визионером, пишущим комментарии к Апокалипсису, и классическим ученым, открывшим всемирный закон тяготения. В девятнадцатом веке ситуация изменилась — классическая наука, казалось, полностью отгородилась от какого-либо духовного измерения (с нашей точки зрения, выплеснув вместе с водой и ребенка, что прекрасно покажет Юнг), и романтическому оккультизму оставалось лишь сетовать на свое бессилие и заимствовать ярлычки «научный» для хотя бы какой-то легитимизации в обществе.

Карл Густав Юнг был первым, кому удалось подвести реальную научную базу под то, что прежде было всецело в ведении классических оккультистов и теологов. Только Юнгу удалось бросить мост между потерянным миром внутренней бесконечности и связи с Мировой Душой — и последовательным, объективным научным подходом.

В рамках одной главы нет возможности подробно описать нюансы духовного пути Юнга, поэтому нам придется ограничиться самыми краткими сведениями. Желая углубить свои познания в этой области мы рекомендуем обратиться к библиографии в конце книги.

Юнг родился в семье обедневшего протестантского пастора с богатой историей. Так, была семейная легенда, согласно которой Юнг получался незаконнорожденным правнуком Гёте. Правда это или нет, важно то, что Юнг чувствовал свою ответственность по отношению к немецкому Гению.

С раннего детства Карл Густав соприкоснулся с странными, непонятными и глубинными видениями, объяснения которым невозможно найти в его биографии. В детском сновидении он обнаруживает себя спускающимся в подземелье, где происходит поклонение подземному фаллосу — классический шиваитский ритуал, о котором пятилетний ребенок никак не мог знать. Подростком он получает целый ряд странных видений (например, Бог на золотом троне, который какает на церковь), вспоминает переживания некоего пожилого джентльмена, жившего сто лет назад, и даже то, как тогда выглядели различные районы его города (в точности этих воспоминаний он убеждается много лет спустя, читая документы из городского архива).

В молодом возрасте он долго не может решить, в каком направлении ему идти. Естественные науки или теология? После значимого сна, в котором молодой Юнг видит радиолярию (одноклеточный морской организм), похожую на сияющую восточную мандалу, в глубине лесного болота, он решает, что

ему нужно изучать материю, то есть идти по пути естественных наук. И выбирает самое, как на тот момент многим казалось, бесперспективное направление медицины — психиатрию.

Его первая работа, докторская диссертация «К психологии и психопатологии так называемых оккультных феноменов», посвящена исследованию медиумических практик его кузины Хелен Прайсвик, чьи видения представляют собой причудливую смесь из невероятной точных прозрений и инфантильных мистификаций. Молодой Юнг предпочитает объяснить эти видения *криптомнезией* и по возможности закрыть для себя эту сферу. Практикуя в качестве ассистента в психиатрической клинике Бургхольцли, Юнг неожиданно эффективно разрабатывает методику своего руководителя, чем подтверждает существование бессознательного.

В это же время теорию бессознательного выдвигает Зигмунд Фрейд, и Юнг пишет ему дружеское письмо, с чего начинается их многолетнее сотрудничество, закончившееся полным разрывом в 1914 году. Порвав с Фрейдом и вынужденный начать с нуля, Юнг принимает неожиданное решение — самостоятельно исследовать реальность своего бессознательного. Он поражается тому, как образы его видений совпадают с последующими событиями — реки крови, затопившие Европу, предвещают начавшуюся через месяц вторую мировую войну, а, казалось бы, созданные его воображением персонажи передают ему идеи, которые он потом находит в неизвестных ему на тот момент трактатах.

Собственное путешествие в во внутреннюю вселенную Юнг, следуя за одиннадцатой песней «Одиссеи» Гомера, называет некеей, или нисхождением в царство мертвых. Его некея подробно описана в «Красной книге», которая скрывалась многие годы и была издана только через пятьдесят лет после смерти Юнга. Изучая образы, диалоги, внутренние путешествия Юнга, невозможно не поражаться тому, до какой степени его

метод *активного воображения* схож с практикуемым оккультистами последних трех веков методом *скраинга*. Больше всего Юнга поражает то, насколько персонажи его внутренних переживаний независимы от его сознательной воли и способны автономно действовать, сообщая ему неизвестные прежде факты и идеи.

Начав с тяжелого кризиса, Юнг заканчивает свою некую встречу с внутренним учителем Филемоном и видением серии мандал, которые становятся для него источником переживания целостности, гармонии и успокоения. Потом Юнг, к своему изумлению, обнаруживает подобные изображения в тибетских мандалах, на момент его путешествия вовсе не известных западному человеку.

Закончив свою «Красную книгу», Юнг принимает решение не публиковать ее, дабы не оказаться на периферии культурной жизни в роли еще одного из оккультистов, которые в то время воспринимались как странный рудимент средневековья. Вместо этого он решает экспериментально проверять свои психологические прозрения и выстраивать психологическую теорию, которая могла бы в полной мере соответствовать интеллектуальному уровню подлинно современного человека. Юнг становится первым полноценным визионером в пространстве психологической науки.

Как и оккультисты прошлого, будь то математики Сведенборг и Джон Ди, алхимик Ньютон или один из первых полиглотов и лингвистов Марсилио Фичино, Юнг стремится найти твердое обоснование своим прозрениям.

Первое обоснование, на которое он может опереться, — это странный факт, который он наблюдал в жизни душевнобольных. Каким образом, задает себе вопрос Юнг, необразованные душевнобольные в своих фантазиях детально воспроизводят абсолютно неизвестные им мифологические и религиозные сюжеты? Один представляет себя распятым на колесе, не имея представления об Иксионе, другой и вовсе почти цити-

рует известный Юнгу лишь из архивов, неопубликованный митраистский гимн, в котором «фаллос-солнце струится по трубам солнечных лучей, оплодотворяя землю». Множество подобных фактов как из чужого, и не только патологического, так и из личного опыта, становится для Юнга основанием предположить, что помимо личного бессознательного, о котором говорил Фрейд, существует и коллективное бессознательное, то есть некое единое для всех людей психическое «пространство» (этот термин мы, конечно, используем в данном контексте лишь очень условно), образы и символы которого человек способен воспринимать в особых случаях. Структуры коллективного бессознательного Юнг называет *архетипами*, но пишет, что архетип сам по себе подобен непостижимой «вещи в себе» из философии Канта. Архетип — это некий непостижимый закон, по которому организовывается психический опыт. Постижимыми становятся архетипические образы — фигуры богов, демонов, мифических героев и сложные мифологические сюжеты, которые воспроизводят люди, не имеющие о них сознательного понятия.

Само по себе признание наличия подобных общих для всех людей структур — это только первый шаг, который сам по себе не делает Юнга оккультистом. Гораздо более важным является его поздняя идея *синхронистичности* — то есть значимых совпадений. Согласно Юнгу, в те редкие мгновения, когда мы переживаем архетипический образ или сюжет, сама реальность начинает как будто подстраиваться под это переживание, и нас начинает сопровождать большое количество значимых и впечатляющих совпадений.

Концепцию синхронистичности Юнг разрабатывает совместно с лауреатом нобелевской премии и одним из отцов-основателей квантовой физики Вольфгангом Паули — человеком, которые многие годы проходил анализ у ученицы Юнга Марии-Луизы фон Франц. Революционное предположение Юнга и Паули заключается в том, что помимо

привычных нам оси времени и оси пространства существует третья ось — ось смысла, соединяющая реальность в единое целое. Таким образом, концепт синхронистичности возвращает Юнга к идеям герметизма («как вверху, так и внизу, что внутри, то и снаружи»), даосизма и русской неогностической «философии всеединства» Соловьева. Только теперь это не философия, не смутная догадка, а гипотеза, которую Юнг разрабатывает, пользуясь поддержкой одного из самых авторитетных физиков.

Стремясь понять язык коллективного бессознательного, Юнг глубоко погружается в исследования мифологии, алхимии, религии и гностицизма. Его первые работы по алхимии кажутся странными, однако при внимательном чтении открывают перед читателем целый космос сложных символических структур, состояний, образов, которые проходит человек в процессе *индивидуации* — своего рода психологической алхимии.

Пережив в 1944 году опыт клинической смерти, сопровождавшийся самыми невероятными видениями и совпадениями в окружающем мире, Юнг решает отбросить последние маски и пишет работы, которые представляют собой исследования самых глубоких уровней психики. Более всего Юнга интересует Самость, или наш *богообраз*, который одновременно является движущей силой всей нашей психики, основой нашей индивидуальности и наблюдаемым как особый, крайне нуминозный символ образом. В основном Самость проявляется в нашей душе либо персонифицировано (как тот внутренний учитель Филемон, которого Юнг видел в своих погружениях в глубины), так и неперсонифицированно (в образах чудесного города, мандалы, огненного колеса и т. п.). Самость — это истинный центр нашей души и смысл психологического развития — индивидуации, которую Юнг сравнивает в одной из работ с алхимическими понятиями «бесед со своим добрым ангелом» и «Великого Делания».

Ближе к концу жизни Юнг пишет свою главную работу, «Ответ Иову», в которой дает свой оригинальный ответ на смысл и цель жизни человека. Согласно Юнгу, библейский бог абсолютно бессознателен и слеп (и в этом Юнг вторит гностикам), однако цель человеческой жизни — не сбежать от него, а наделить слепого бога своим сознанием, помочь ему осознать себя.

Рассуждая о вопросах такого уровня абстракции, Юнг всегда делает важные предварительные замечания, позволяющие ему остаться в границах академической психологии. То, о чем я говорю, — не Бог как таковой, ведь Бог — это абсолютная вещь в себе, непостижимая и невыразимая, а видения разных людей дают о нем самые разные представления, так что пытаться делать какие-либо утверждения о нем не имеет смысла. То, о чем я говорю, — это *богообраз*, который развивается на протяжении всей истории человечества. Богообраз — это психический феномен, совокупность культурных представлений, переживаний о божестве, и его логику развития можно понять, исследуя историю человечества. Эта очень важная предосторожность позволяет Юнгу остаться в границах науки, хотя, конечно, на него со всех сторон сыплются обвинения в том, что он заходит не на свою территорию.

В одной из самых своих сложных работ, которая называется «Aion» (или «Эон»), Юнг выводит четкую связь развития ментальности западной цивилизации с наступлением астрологической эпохи Рыб, которая началась примерно в одно время с предполагаемым рождением Иисуса.

Таким образом, мы видим, что Юнг, изучающий самые разные оккультные науки — алхимию, Каббалу, герметизм, гностицизм и Ицзин, — в своем изучении является не только ученым-феноменологом, но и сильным визионером, который получает многие знания от персонификаций глубинных архетипических сил. Интересно, что когда католической церковью был принят догмат о телесном вознесении Девы Марии, Юнг

ликовал, поскольку на символическом уровне это означало восстановление женского начала в метафизических правах и предвещало триумф женщины в самых разных сферах культуры. И хотя двадцатый век был веком усталого нетеизма, Юнг оказался прав — женская революция не заставила себя долго ждать. Сознательно или нет, мы все пропиты BIOSом коллективного бессознательного.

В своем эссе о шести архетипах в качестве важнейшего Юнг выделяет *архетип перерождения*, или уже известный нам *архетип инициации*. Потребность в инициатическом переживании присуща человеку на самом глубинном уровне, если, конечно, данный человек не является пустышкой и *гилеком*, как сказал бы гностик. Сам Юнг даже в ранних работах делает утверждения, которые позволяют причислить его к оккультным мыслителям. Например, «природа аристократична и эзотерична» или «подлинные тайны внутреннего развития невозможно разгласить и передать». Последняя фраза — почти цитата из одного из неизвестных Юнгу тайных инициатических ритуалов.

Сотрудничество с Паули, поддержка сильнейших интеллектуалов своего времени, с которыми Юнг проводил совместные конференции в Эраносе, — все это позволило ему сделать невозможное: существенно скорректировать царившие в культуре материалистические предрассудки и пробудить интерес к глубинному, оккультному, алхимическому измерению психики.

В работах Юнга и его последователей мы можем найти детальную картографию и анализ гностических, алхимических и каббалистических символов и сюжетов. Со своей стороны, я посвятил свою жизнь тому, чтобы эти знания были переведены на русский язык и доступны заинтересованному читателю.

Надо сказать, что позиция Юнга, как и все подлинно новое и оригинальное, регулярно подвергалась критике как с левого, так и с правого флангов. Критике с левого фланга сам Юнг

не придавал значения, считая ее закономерной. Под критикой с левого фланга я имею в виду критику материалистов, которые рассматривают психику лишь как эпифеномен материи, или, по меткому замечанию Алана Уотса, «Эго, инкапсулированное в кожу». Подобных людей, попросту не способных к архетипическому опыту, можно только искренне пожалеть, а теория Юнга благодаря поддержке Паули оказалась попросту неуязвимой для их критики. Юнг нес парадигму двадцатого века и мог не оглядываться на голоса из прошлого.

Гораздо болезненнее Юнг воспринимал критику справа, то есть обвинение в том, что он «психологизирует» объективные метафизические, духовные, оккультные явления. В ответ на эту критику Юнг писал, что ему никогда не пришло бы в голову отрицать существование объективных и независимых метафизических категорий. Так, в одном из интервью на вопрос о том, верит ли он в Бога, Юнг ответил с неожиданной откровенностью и провокационностью: «Я не верю, я знаю». Другое дело, говорил Юнг, что ни один человек не может вынести никакого объективного суждения относительно природы этих объективных метафизических истин. Все что, мы можем, — это наблюдать их «отражения отражений» в нашем психологическом опыте в качестве автономных психических феноменов, о которых мы и можем говорить как ученые-психологи, имея дело с феноменами психической жизни. Они могут соответствовать, могут не соответствовать, могут частично соответствовать объективным реалиям, но природа этих реалий нам не может быть известна, ведь все, что мы можем пережить, мы переживаем через нашу психику.

Со своей стороны, я могу сказать, что даже если допустить, что эти самые отражения метафизических вещей в себе, изначально недоступные для человека в их таковости, являются лишь психологическим опытом, не имеющим отношения к реальности, — это самый яркий, самый интенсивный, самый полный и самый сильный опыт, какой может пережить чело-

век, и уже этот факт делает для меня этот опыт самым значимым. И именно о таком опыте я подробно пишу во второй части этой книги. В рамках моей душевной жизни это мой самый ценный опыт, и, по большому счету, его ценность уже доказана самим его наличием.

Особенно остро критиковали Юнга с правых позиций Рене Генон и Юлиус Эвола — представители школы традиционализма. Юнг настолько серьезно воспринимал эту критику, что считал необходимым на нее подробно отвечать (сам он, как ни странно, высоко ценил труд Эволы по герметической традиции). При всей своей мудрости он не осознавал, что эти голоса звучат из еще более примитивного и буквалистского прошлого, чем девятнадцатый век торжества материализма. Те, кто казался ему потенциальными союзниками, на самом деле были куда большими противниками, чем его материалистические критики, поскольку отстояли от его новейшей культурной позиции гораздо дальше.

Я убежден, что в основе болезненной критики Юнга со стороны традиционалистов лежит глубинное сомнение, которое сочетается с комплексом власти и потребностью говорить не от лица своего опыта, а от лица некоей абсолютной, не подвергаемой сомнению, непререкаемой и всегда правой традиции. (Эту психологическую защиту, эту болезнь эзотерического дискурса, которую я называю «тоталитарным компонентом», я рассмотрю подробно в одной из следующих глав.) Человек, писал Юнг, может говорить от лица трансперсональных энергий только в те редкие моменты, когда оказывается ими полностью охвачен, но даже тогда он может легко перепутать собственнo архетипическое переживание и свои инфантильные установки, которые усиливаются и раздуваются этим переживанием. Бог — это не личность, а феномен.

Именно для развития последнего тезиса я использую во введении к этой книге метафору Соляриса, которая позволяет сохранить равновесие между неразумным отрицанием и обес-

цениванием и одержимостью комплексом власти, который, оказавшись раздут архетипическими состояниями, становится по-настоящему уродлив. Не потому ли Эвола радостно поддерживал самые уродливые формы фашизма и нацизма, а Геллон, хоть и сохранил политическую чистоту, был неприятным и брюзгливым субъектом, мизантропически презиравшим все проявления жизни в окружающем мире? С точки зрения психосоциального анализа Эриха Фромма, традиционалистов можно назвать яркими представителями некрофилии — не в популярном смысле полового влечения к трупам, а в буквальном смысле любви к мертвому, схематическому, отжившему и подконтрольному.

художник Полина Снисаренко

ГЛАВА 9.

Учение Телемы

Равновеликим Юнгу оккультным мыслителем двадцатого века можно считать, пожалуй, только Алистера Кроули, чье наследие до сих пор остается не оцененным по достоинству. Во второй части книги я подробно излагаю свое личное, сокровенное отношение к Кроули, в этой же главе хочу ограничиться исключительно формальным описанием его оккультной доктрины.

Я хотел бы начать разговор с того вопроса, которым закончил прошлую главу, — вопроса метафизических истин, существующих «объективно». Прочитую абзац, которым Кроули открывает одну из своих самых важных работ:

«В этой книге говорится о Сефирот и Путиях, о Духах и Заклинаниях, о Богах, Сферах, Планах и многих других вещах, которые могут существовать, а могут и нет. Не имеет значения, существуют они или нет. Из определенных действий следуют определенные результаты; учеников очень серьезно предупреждают, что не надо пытаться объяснять их с точки зрения объективной реальности или философской обоснованности. Преимущества, которые будут получены через них, в основном такие: 1) Расширение кругозора. 2) Совершенствование в контроле над умом».

Итак, не только психолог и ученый Карл Юнг, но и «чистый оккультист» Алистер Кроули, живя и творя в двадцатом веке, уходит от каких-либо притязаний на безусловную объективность. Дело тут не в сомнении — сомнение как раз куда более характерно для тех, кто фанатично настаивает на безусловной и тотальной объективности традиции, кото-

рую он представляет. Дело в том, что по самой своей природе трансперсональное переживание не может гарантировать стопроцентную истину.

Допустим, я получаю какое-то предельно интенсивное трансперсональное переживание. Допустим, в этом переживании я получаю некую информацию — скажем, о неизбежности моей смерти. Если я нахожусь в плену буквализма, то, несомненно, восприму эту информацию как буквальное пророчество, которое может подтвердиться, а может не подтвердиться. Дело в том, что архетипические силы всегда говорят правду, но эта правда может выражать некие символические события и переживания — так, скажем, пророчество о неизбежной смерти может означать неизбежную смерть старой идентичности, старого образа жизни, старой системы ценностей или отношений. Причем, пока «час икс» не наступил, мы в принципе не способны определить, о какой смерти идет речь в пророчестве.

Как только я оказываюсь в лапах буквалистского понимания богов и мифов, поверив в то, что мир творил Яхве за семь дней, а ангелы спускались прямо по воздуху из стратосферы, хватали первых попавшихся женщин и совокуплялись с ними, я окажусь в чудовищной ловушке, которая полностью лишит меня свободы маневра. Проживая же миф или символ символически, метафорически, как отображение определенных культурных, духовных, психологических, религиозных событий, — я сохраняю здравый смысл и одновременно не теряю связи с источником.

Недостаточно знакомый с наследием Юнга читатель еще может по наивности предположить, что Юнг, строивший столь сложные философские конструкции, на самом деле понимал все буквалистично и просто боялся за свою репутацию; по крайней мере, здесь можно предположить осмыс-

ленный социальный мотив. Но Кроули, будучи именно официальным представителем оккультизма, атакуя буквализм, который до него внутри самого оккультного дискурса не атаковал, тем самым, казалось бы, наступал на горло собственной песне и терял аргументы. Лично я убежден, что и тот, и другой были совершенно честны; просто они обладали более широким и целостным сознанием, которое Кроули полушутя-полушерьез называл «двойными мозгами».

Помните парадокс «Золотой Зари»? Орден, основанный на мистификации, создает вполне действенные и экспериментально проверенные психотехники, реально помогающие сознанию подниматься в иной модус восприятия, переживать архетипические состояния и даже притягивать синхроничности. С точки зрения буквализма, это абсурд: либо методы Ордена — пустышка, не способная ничего дать, либо он основан на ОБЪЕКТИВНОМ И ВЕЧНОМ знании, переданном реально жившими розенкрейцерами, которые докопались до наследия реально живших атлантов. Но, поскольку оба предположения при экспериментальной проверке рассыпаются, нам нужно искать третий вариант.

Итак, Кроули предлагает нам парадоксальное видение в оккультной практике, и, конечно, его ироничный взгляд шокирует современных ему оккультистов, которым так хочется однозначной веры.

Это небольшое введение необходимо для того, чтобы далее, излагая философию, символику и пантеон Телемы, я не предстал перед читателем типичным наивным эзотериком. То, что является тончайшей символической системой, не претендует на буквальную трактовку, но становится источником глубочайших духовных прозрений.

Я не буду углубляться в раннюю биографию Кроули — отмечу лишь известный всем факт его рождения в семье,

принадлежавшей к фанатичной христианской фундаменталистской секте «Плимутские братья». Его последующее антихристианство обусловлено именно ранним опытом: когда в детстве тебе ломают пальцы во имя Боженьки-Христа, трудно сохранить к Христу в полной мере объективное отношение. Поэтому один из самых противоречивых аспектов учения Телемы — это отношение к Христу. Кроули то пишет, что «не винит Иисуса в учении, которое ему навязали» (с чем можно полностью согласиться, читая, например, Евангелие от Фомы), то утверждает, что Иисус — это самый первый из «черных братьев», с которого началось чудовищное искажение реальности.

Достаточно рано Кроули заинтересовывается Орденом Золотой Зари и при поддержке его главы быстро проходит через все предварительные степени. Затем следуют расколы и конфликты, в историю которых я не вижу смысла подробно погружаться. Принципиально важно для Кроули и его наследия событие весны 1904 года, когда он в результате трансперсонального опыта получает под диктовку текст «Книги Закона», которую и помещает в основу своего учения. Некоторые историки подвергают сомнению изложенные Кроули обстоятельства, но, с моей точки зрения, это не имеет совершенно никакого значения, ибо, если простое прочтение «Книги Закона» даже у человека, не знакомого с ее значением в Телеме, вызывает осмысленный поток синхронистичных совпадений и мощные архетипические переживания (о чем пойдет речь во второй части нашей книги), то это действительно Сакральный Текст. Кроме того, мой личный духовный опыт содержит примеры не менее поразительных синхроний и знамений, чем те, которые описывает Кроули, поэтому я всему тому, о чем он рассказывает, вполне доверяю. После получения «Книги Закона» Кроули при помощи *автоматического письма* и под влиянием ар-

хетипических переживаний получает целый ряд других текстов, которые он также объявляет священными, хотя и менее значительными, чем «Книга Закона». Были ли они получены непосредственно от божества или рождены *бессознательным* Кроули, не так уж важно — гораздо важнее, что, в отличие от десятков и сотен «откровений» и «ченнелингов», которые транслируют набор банальностей и несбывающиеся предсказания, эти «публикации класса А» представляют собой совершенные поэтические и метафорические тексты. Их чтение доставляет эстетическое наслаждение, как лучшая в человеческой истории поэзия, а для людей с открытым восприятием они могут стать ключом к архетипическому переживанию.

Центральных божества, или архетипа, в Телеме — три. Первая — Нюит, богиня бесконечного ночного неба — или, точнее, бесконечного пространства. Второй — Хадит, ее супруг, символизирующий точку в нуле, или бесконечно малый исток индивидуальности. Нюит соответствует огромным пространствам Эйнштейна, а Хадит — квантовым законам, но в обеих этих сферах привычные нам причинно-следственные законы работают весьма условно, а то и вовсе не работают.

Наконец, порождением любовной игры Нюит и Хадита является Гор, представленный в двуедином образе божественного ребенка Хор-Па-Краата (показательно, что у Юнга отдельное эссе посвящено архетипу ребенка как важнейшему символу Самости) и бога-воина Ра-Хор-Хута, который представляет активное, пассионарное начало.

Следующие божества Телемы — Терион (Солнечный Зверь) и Бабалон (Вавилонская Блудница). Во второй части книги я подробно опишу значимый для меня духовный опыт, связанный с Бабалон, и ее символику; здесь же скажу только то,

что Терион и Бабалон символизируют первичные эротические принципы — *абсолютное мужское* и *абсолютное женское*. В этой модели Телема оказывается близка к кашмирскому шиваизму, в понимании которого все мироздание есть любовная игра Шивы и Шакти.

Важнейшие принципы Телемы — три тезиса, данные в «Книге Закона»:

- 1) *«Твори свою Волю — таков да будет весь закон»,*
- 2) *«Любовь есть закон — Любовь, подчиненная Воле»,*
- 3) *«Каждый мужчина и каждая женщина — звезда».*

Под «творением своей Воли» Кроули имеет в виду прежде всего следование своей аутентичной подлинности, которая в юнгианстве называется Самостью, у представителей ряда эзотерических школ — Истинным «Я», а в самой Телеме — Святым Ангелом-Хранителем. Как пишет Кроули, из всех концептов он выбрал этот как наиболее непритязательный. Творение своей истинной Воли можно определить как пребывание в своей экзистенциальной подлинности, в состоянии Бытия, а не Существования.

Принцип «Каждый мужчина и каждая женщина — звезда» удивительным образом резонирует с седьмой главой «Семи наставлений мертвым», где Филемон, персонификация Самости Юнга, говорит о единственной Звезде, которая есть сущность, предел и истинная природа человека. Он также напоминает нам об античных представлениях о том, что души героев становятся звездами. Символически этот принцип означает утверждение божественности подлинной человеческой природы.

Наконец, идея «Любовь есть закон — любовь, подчиненная Воле» наиболее сложна для осмысления при беглом обзоре традиции. Кратко скажем, что под Любовью Кроули подра-

зумекает своего рода космический эрос платоновской философии, а отнюдь не тепленькое сентиментальное чувство, к которому, как правило, сводят любовь современные люди. И эта Любовь как Воля к соединению и слиянию должна быть направляема истинной Волей, которая идет из истока экзистенциальной подлинности, а не суетно метаться между идеями, объектами и формами.

В качестве базовой модели своей системы Алистер Кроули выбрал каббалистическое Древо Жизни. Интересно, что его сложный символизм перекликается с античными идеями семи или девяти небесных сфер, с шаманским восхождением и с космогониями, представленными в «Герметическом корпусе». Древо Жизни — это схема модальностей бытия, самой простой и материальной из которых является материальный мир (Малкут), а самой тонкой — изначальная точка, из которой начинает разворачиваться творение. Нужно отметить, что схема манифестации творения по Древу Жизни поразительно схожа с возникшей гораздо позже теорией Большого Взрыва, согласно которой вся вселенная развернулась из одной предельно сжатой точки.

На пути практика Телемы существует несколько стадий, или этапов, восхождения по Древу. Это примирение своих стихийных элементов (или, на языке юнгианской психологии, интеграция четырех основных психических функций), преодоление страха перед тяжелыми элементами астрального плана (или, на языке Юнга, интеграция Тени), достижение андрогинности на пути Самех (по Юнгу, интеграция Анимы или Анимуса) и наконец, после воссоединения со своими Истинным «Я», — пересечение пропасти (пожалуй, самая сложная и парадоксальная идея Телемы, говорить о которой я пока что не буду).

Кроули предлагает целый набор действенных ритуалов — как *личных*, которые его последователи выполняют регуляр-

но каждое утро, вечер, перед едой, на закате солнца, так и мощных *групповых*, выполнение которых дает шанс соприкоснуться с глубинными архетипическими, или божественными, силами.

Важнейший аспект учения Телемы — идея сексуальной магии, которая будет подробно рассмотрена во второй части книги и в приложениях. Корнем сексуально-магической практики является идея сакральности, святости сексуального наслаждения, которое должно быть свободно от чувства вины и греховности. Кроули во многом предсказал и даже подтолкнул сексуальную революцию 1960-х. К сожалению, она не была доведена до конца и на многих уровнях восторжествовала реакция, однако я убежден, что воцарение принципов Телемы — исключительно вопрос времени. Впрочем, как ни печально это сознавать, возможно, вопрос очень долгого времени — сам Кроули в «Книге Тота» отводит на полное воцарение парадигмы Нового Эона целых пятьсот лет.

Единственный безусловный запрет сексуальной революции — это какое-либо принуждение в сексуальной сфере, причем речь идет не только о таких откровенно криминальных вещах, как изнасилование, но и о любом манипулировании, психологическом давлении, эмоциональном шантаже. В «Книге Закона» есть очень важные слова: «Выйдите, о дети мои, под звезды и возьмите свою долю любви, как изволите, где и с кем изволите, но всегда во имя любви ко мне. Если же будет не так, если таинство будет не во имя мое, ожидайте страшного приговора Ра-Хор-Хута». Эти строки передают очень простую истину: секс не может быть средством реализации для больного самолюбия, комплекса власти и корыстных интересов. Женщина, ставшая сексуальной партнершей, — всегда представительница Богини, что подразумевает соответствующее отношение к ней.

Еще один важный аспект учения Телемы — инициатическая клятва «никогда не прекращать совершенствоваться в познании и понимании». Это значит, что телемит всегда находится в состоянии активного развития. Он познаёт новые идеи, получает новые впечатления, практикует старые и новые ритуалы. Телемит подобен Фаусту у Гёте: единственное, что ему запрещено, — это остановиться, усесться поудобнее и цепляться за мгновение, которое уже ушло.

Конечно, размышлять о различных аспектах учения Телемы можно очень долго; в данном контексте для нас важно то, что Телема — это целостная система, которая вполне соответствует интеллектуальному запросу современного человека.

ГЛАВА 10.

Другие оккультные феномены двадцатого века

В этой главе мы рассмотрим другие наиболее интересные оккультных течений двадцатого века. Подробный их анализ потребовал бы отдельной книги, поэтому мне поневоле придется быть кратким и говорить лишь о главном.

В двадцатом веке духовная ситуация в европейской культуре была в высшей степени благоприятной для формирования самых разных оккультных школ и движений. Свою роль в этом сыграли такие исторические факторы, как кризис христианского мифа и утрата церковью монополии на истину, усталость человечества от материализма (который, как стало ясно из советского эксперимента, вместе свободы нес новое, невиданное ранее порабощение человека), а также научные открытия (теория относительности, квантовая физика и др.), существенно пошатнувшие атомистическую модель науки, которая господствовала прежде.

С другой стороны, за исключением уже обсуждавшихся нами Юнга и Кроули, оккультистам двадцатого века зачастую не хватало некоей целостности, глобальности; их проекты, особенно в сравнении с оккультизмом прошлых веков, порой досадно фрагментарны, а драгоценные крупинки инициатического знания часто смешаны в них с предрассудками эпохи и личными предрассудками создателей.

К сожалению, в восприятии оккультных учителей у средне-статистического искателя духовных знаний преобладает наивная бинарная модель. То есть он либо провозглашает некоего оккультиста носителем истины в последней инстанции,

либо объявляет его «порождением черного братства», «лжеучителем» или в лучшем случае шарлатаном. Нам необходимо учиться читать оккультные тексты, чтобы сформировать более взвешенный, целостный и дифференцированный подход, при котором мы будем усваивать ценные инсайты конкретных систем и учителей и отбрасывать все то, что было связано с личными или культурными предрассудками.

В этой главе я как раз постараюсь представить читателю подобный нюансированный подход. Однако читатель должен понимать, что я, как и любой автор, субъективен. Я сознательно не рассматриваю ряд наиболее антипатичных мне оккультных школ и традиций — скажем, те, которые считают подавление сексуальности обязательным условием духовного роста.

Проблемой оккультизма двадцатого века является его фрагментарность. Усложнение информационного метаболизма культуры привело к крайней специализации знания, на что сетовал еще философ Хосе Ортега-и-Гассет, и эта проблема, к сожалению, затронула и оккультный дискурс. Нет ничего более убогого, чем адепт той или другой школы (даже самой широкой, как Телема), который считает, что ему нет необходимости знакомиться с другими школами.

Примеры, которые мы рассматриваем в этой главе, нам интересны прежде всего тем, что каждый из них представляет совершенно особый, оригинальный феномен, вносящий в узор оккультного дискурса свою оригинальную нить, без которой этот дискурс был бы неполон. Однако огромную ошибку допустит тот, кто сочтет, что узор можно свести к одной нити.

Георгий Гурджиев и Школа Четвертого пути

Если рассматривать оккультный дискурс двадцатого века с точки зрения личностей его создателей, то, безусловно, од-

ной из самых интересных и загадочных для нас будет школа, основанная Георгием Гурджиевым. Появившийся словно из ниоткуда, Гурджиев создает одну из самых влиятельных оккультных школ; его консультации и наставления стоят так дорого, что это могут позволить себе только самые богатые люди своего времени. В автобиографии Гурджиев описывает свое путешествие по странам Востока и встречи с самыми разными учителями и мастерами, некоторые из которых кажутся невероятными.

Жизнь Гурджиева окружена ореолом тайны. Его представляют то великим посвященным, то ужасным черным магом. Существует даже устойчивый миф (ничем, впрочем, не подтвержденный) о том, что Гурджиев обучал молодого Сталина и переданные им знания позволили Сталину стать тем, кем он стал. Одним словом, как и положено эзотерической фигуре, вокруг Гурджиева существовало огромное количество мифов и фантазий.

Читая жизнеописание Гурджиева, невозможно не удивляться его потрясающей креативности и авантюризму. Гурджиев выгодно отличается от своих слишком пресных и правильных оккультных современников; он с удовольствием описывает яркие авантюры, в которые ему приходилось ввязываться, чтобы выжить и достичь успеха. Хрестоматийная история о том как Гурджиев красил воробьев во все цвета радуги и продавал их как редчайших птиц, свидетельствует о нем как о *трикстере*, которому было далеко не чужд дух Меркурия. Но не является ли его учение таким же вот раскрашенным воробьем и что полезного мы можем извлечь из его наследия?

Как и его эзотерические современники, Гурджиев предлагает подробно разработанную эзотерическую космологию с разумами планет и звезд (в которой мы, конечно, можем проследить влияние герметической мысли) и антропологию. Эти

системы интересны тем, что Гурджиев в полной мере следует герметическому принципу «как вверху, так и внизу, что внутри, то и снаружи», применяя одни и те же законы как к макрокосму вселенной, так и к микрокосму отдельного человека.

В отличие от теософии и антропософии, столь популярных в начале двадцатого века, Гурджиев создает не только свою эзотерическую модель мира и мифологию, но и оригинальную систему практик, которые призваны пробудить человека из состояния «мыслящей машины» к творческому сознанию.

Согласно гурджиевской антропологии, у человека есть семь центров — двигательный, эмоциональный, интеллектуальный, сексуальный, высший двигательный, высший интеллектуальный и высший эмоциональный центры. Первые четыре соответствуют состоянию обычного человека, три же высших пробуждаются только в результате инициатической практики. Тут напрашивается прямая аналогия с космологией герметизма и ее семью планами бытия: Луна будет соответствовать двигательному центру, Марс — эмоциональному, Меркурий — интеллектуальному, Венера — сексуальному, высшие же центры соотносятся с Солнцем, Юпитером и Сатурном.

Вообще модель семи миров или семи уровней сознания встречается в большинстве оккультных школ от шаманизма до Древа Жизни и теософии. Но в эту универсальную структуру Гурджиев привносит ряд оригинальных идей и метафор, которые делают его учение заслуживающим внимания.

Интересна нумерология Гурджиева, который широко развивал концепцию основных чисел и октав. Особое значение в системе Гурджиева имели числа 3, 4 и 7. Нумерология во все времена была очень важным аспектом эзотерического знания, поскольку, по меткому замечанию Паули, «число является промежуточной инстанцией между духом и материей».

Одной из самых важных идей Гурджиева является идея «человека-машины», или «механического человека». Известно, что когда его спрашивали о бессмертии души, он иронично отвечал: «Для того чтобы говорить о бессмертии чего-то, это что-то для начала следовало бы иметь». В этом смысле эзотерика Гурджиева согласуется с самыми глубокими аспектами буддийской метафизики, в которой представление об индивидуальном «я» рассматривается как иллюзия. Душу, или индивидуальность, нужно создать в ходе долгой духовной практики — учил Гурджиев, и это прозрение является одним из самых важных аспектов его наследия.

Согласно Гурджиеву, обычный человек не обладает душой. Ведь что есть душа, как не творческая сила, креативность и самобытность, которая рождается во взаимодействии между сознанием и Глубинным «Я»? Обычный человек — это «мыслящий автомат». Он полагает себя существующим реально только по недоразумению, на самом же деле все его чувства, мысли и желания не принадлежат в полной мере ему, но лишь представляют собой реактивный ответ на стимулы извне.

Метафора человека как автомата появилась в эпоху Просвещения, когда как механизм представлялось все — человек, природа, вселенная, и в некоторой степени Гурджиев унаследовал эту предельно материалистическую модель. Но если в эпоху Просвещения идея «мира и человека как автомата» рассматривалась как данность, то для Гурджиева главной задачей практики был выход из этого автоматического обусловленного транса.

Средневековое сознание мыслило главной опасностью духовного становления человека силы природы. Вот почему изображения средневековых демонов полны животного и даже растительного символизма. Человек должен победить живот-

ные уровни своей души, чтобы стать причастным к тайнам неба и земли, — вот императив природы. Но начиная с эпохи Просвещения и последовавшей за ней промышленной революции человек был все больше отрезан от своих инстинктивных начал. Образ чахлах дам викторианской эпохи является прекрасным примером полной потери связи с инстинктивным началом. Для нового человека опасностью стало не падение в инстинкт, а превращение в механизм, функцию, работа, машину. Гурджиев был первым, кто это прочувствовал, и выстраивал всю свою систему для того, чтобы человек мог освободиться от этой обусловленности.

Метафора противостояния человека и машины, в изобилии встречающаяся в культуре двадцатого века, произрастает из этого инсайта Гурджиева. От новеллы о восставших роботах Карла Чапека до современных голливудских блокбастеров вроде «Матрицы» или «Терминатора» — идея бунта машин, страха перед механической силой становится важным культурным символом, указывающим на нечто очень важное. Показательно, что в меньшинстве таких фильмов машины ставят целью уничтожение человека, а в большинстве поработают людей, превращая их в своих слуг, — например, в культовой «Матрице» человек выступает в качестве батарейки, а в фильме «Максимальное ускорение» автомобили используют человека как раба, который кормит их бензином.

Мифологема механистичности современного человека прекрасно проявлена в живописи Гигера, показывающей симбиоз биологических и механических структур, и в фильме «Тэцуо — железный человек».

Этот краткий экскурс необходим для того, чтобы понять, что же символически стоит за идеей Гурджиева о механистичности человека. Действительно, современному человеку уже не так угрожает оказаться захваченным инстинктом, как чело-

веку средневековому, с трудом отделяющему себя от природы. Однако опасность стать лишь машиной, функцией, действующей в заданных условиях по одному алгоритму «дом — работа — дом», полностью лишенной какого-либо творческого содержания, — эта опасность не просто реальна, но тотальна. Поэтому фантазия о восстании машин представляет своего рода культурную реакцию на актуальное положение вещей. Метафора «человека-машины» Гурджиева — важнейшее прозрение нового оккультизма, и уже за одну эту метафору Гурджиев вполне может быть отнесен к эзотерическим фигурам первого порядка.

Я хочу привести один, с моей точки зрения весьма значимый, эпизод из жизни школы Гурджиева. Однажды его занятия посетила некая скептически настроенная женщина, которая спросила, ради чего нужна вся эта практика. Ответ лучшего ученика Гурджиева, Петра Успенского, поражает своим лаконизмом и точностью: «Мы здесь для того, чтобы наше вчера не стало нашим завтра». Эта история имела свое развитие, когда через несколько лет те же самые ученики вновь встретили эту женщину и были поражены, до какой степени она, со всем своим набором стереотипных фраз, эмоций, мыслей, осталась прежней. На мой взгляд, за всю историю оккультного знания этот ответ является лучшим. Здесь нет ни пошлой корысти, ни высоких, но пустых духовных экзальтаций, — только четкая данность реальной цели.

Однако, отдавая должное гению Гурджиева за отдельные прозрения, мы должны спросить себя, насколько эффективно его духовные практики могут способствовать выходу за пределы механистичности и пробуждению творческого начала? Рассмотрим одну практику. Чтобы научить осознанности, в школе Гурджиева практиковалась «практика хлопка». По хлопку учителя все ученики должны были остановиться и застыть в тех позах, в каких они находились в данный момент.

С одной стороны, эта практика действительно может быть полезна для большего осознания тела и контроля над ним. На первых порах подобная работа действительно дает ощущение большей осознанности. Но не приводит ли она в результате к другой форме обусловленности? И не становится ли хлопок учителя все тем же стимулом, на который ученики реагируют не сознательно, но рефлекторно, словно собаки Павлова? Описание школы Гурджиева, в которой, по многим отзывам, царил настоящий казарменный порядок, поддерживает нас в этой догадке.

Орден Золотой Зари воспитал много поэтов, актеров, ученых, приносивших действительно новое начало в культуру. Последователи Телемы создавали новое искусство — от режиссера Кеннета Энгера, создавшего «эстетику клипа», до множества музыкантов и поэтов 1960-х годов, вдохновлявшихся Алистером Кроули и зачастую занимавшихся его практиками. Последователи же Гурджиева не сыграли значимой культурной роли. Мы не можем вспомнить ни одного крупного музыканта, поэта, философа, интеллектуала, который, вдохновляясь идеями Гурджиева, смог привнести в культуру свежую струю. Случайно ли это? Нет. Дело в том, что глубочайшей слабостью модели Гурджиева является недопонимание им женского принципа. Для Гурджиева женское — это то, что должно быть полностью подчинено мужскому. Анима должна подчиниться Эго. В космологии Гурджиева Луна — это демонический разум, удерживающий души умерших в плену иллюзии и не позволяющий человеку выйти за пределы его обусловленности. Хотя Гурджиев не отрицал сексуальность (иначе мы едва ли вообще сочли бы его достойным рассмотрения), сексуальная магия у него сводилась к подчинению, контролю и доминированию. Конечно, истории о том, как он мог просто вторгнуться в сексуальный центр женщины, с которой беседовал, даже не прикасаясь к ней, выглядят впечатляющими для юнцов-неу-

дачников, но по сути, с духовной точки зрения, это не имеет какой-либо ценности.

Чрезвычайно показательно то, как Гуржиев рассматривает индийское представление о Кундалини. Для него Кундалини — не друг, но враг. Он вводит особое понятие «кундабуфера», удерживающего человека в его спящем состоянии. Несмотря на то, что отдельные аспекты учения Гурджиева крайне интересны, оно не обеспечивает самого главного — возможности взаимодействия с индивидуальной душой и Мировой Душой. Мировая Душа, как и личная душа (Анима), в системе Гурджиева является врагом, которого нужно подчинить. И не удивительно, что с таким подходом его школа оказалась творчески и культурно бесплодной, а после его смерти попросту выродилась в коммерческую эзотерику.

Остин Осман Спепар и Шагия Хаоса

Фигура Остина Османа Спепара (или Спейра, как часто транскрибируют по-русски) тоже является одной из знаковых в истории эзотеризма двадцатого века. Талантливый художник очень низкого происхождения, он совершенно случайно открыл для себя связь между магией и творчеством и проявил в своем искусстве огромную магическую силу.

Некоторое время Спепар был учеником Алистера Кроули, однако, увидев, что Спепар вовсе не способен к серьезным волевым усилиям и дисциплине, Кроули прогнал Спепара и назвал его «черным братом».

Уйдя от Кроули, Спепар создал собственную оригинальную оккультную систему. Практически все свои тексты Спепар писал «потокотом сознания» в результате сексуально-магических практик либо практик изменения сознания. В центре символической системы Спепара находится ЗОС — невыразимое, не-

постижимое, абсолютное божество, суть которого — желание. Слияние с ЗОС, согласно Спеару, позволяет осуществить любое исполнимое желание практикующего. Инициатическая практика магии заключается, согласно Спеару, в достижении особого рода измененных состояний сознания, которые его последователи называли *гнозисом*. Гнозис достигается либо через сексуальный экстаз, либо через средства изменения сознания, либо через доведение себя до истощения работой воображения.

Долгие годы творчество и философия Спеара не имели широкого распространения. Однако в 1960-е Питер Кэрролл заново открывает его наследие и из двусмысленных и не всегда понятных интуиций Спеара создает систему «Магии Хаоса», которая привлекает все больше последователей, в том числе Фила Хайна и Джenezиса Пи-Орриджа.

Одна из самых интересных практик Магии Хаоса — *сигиллизация*. Адепт должен по возможности кратко записать свое желание. Затем из фразы вычеркиваются повторяющиеся буквы, а оставшиеся в хаотическом порядке складываются в монограмму-*сигиллу*. После этого 23-го числа в 23-00 адепт должен зарядить эту сигиллу своей спермой (полученной посредством ритуальной мастурбации на нее), кровью и слюной. Этот «Ритуал трех жидкостей» до сих пор распространен среди оккультистов левой руки, но Магия Хаоса к нему не сводится.

Суть Магии Хаоса заключается в отсутствии каких-либо ограничений и каких-либо священных текстов, образов, символов. Маг-хаот может выполнять ритуал, в котором присутствуют четыре Телепузика, или призывать Бэтмена как образ своего личного ангела. Девиз Магии Хаоса позаимствован у средневекового братства асасинов и гласит: «Ничто не истинно, все позволено». Кажется, что Магия Хаоса просто параноидально боится даже самого минимального ограничения,

требующего длительной концентрации душевных сил.

Популярность Магии Хаоса закономерна в культуре победившего постмодерна. Дело в том, что философия постмодерна отрицает любую идею иерархии, дисциплины, порядка — не только в социальном плане (будучи крайним проявлением анархизма), но и в плане мышления. Идее дерева, растущего снизу вверх (вспомним каббалистическое Древо Жизни), постмодерн противопоставляет идею ризомы (корневища), у которой нет ни центра, ни периферии и каждый фрагмент которой самодостаточен. Вполне понятно, что страх перед любой иерархической системой порожден фашизмом и нацизмом. Однако в своем противостоянии философы постмодерна распространяют понятие фашизма далеко за рамки исторического явления, ища его корни то в философии Платона, то в наследии Гёте и немецких романтиков.

Совершенно очевидно, что в культуре, где страх перед любой иерархией становится одной из культурных доминант, такой феномен, как Магия Хаоса, будет очень востребован. С другой стороны, Магия Хаоса может казаться очень привлекательной современному русскому человеку, привыкшему противостоять подавляющей его системе.

Однако странное дело — доведя принцип свободы и спонтанности до масштабов категорического императива, Магия Хаоса оказалась почти столь же культурно бесплодной, как и Четвертый путь. Пожалуй, единственный заслуживающий внимания культурный феномен, порожденный Магией Хаоса, — это Пи-Орридж с его «Психической Библией».

В чем причина такой культурной бесплодности? И почему современная практика Магии Хаоса в основном сводится к ритуалам удовлетворения мелких мещанских желаний? Соблазнить понравившуюся женщину, разогнать автомобильную пробку, получить желанную работу... Не слишком ли

мелко для системы, претендующей на абсолютную свободу?

Дело в том, что абсолютная свобода, лишенная дисциплины, так же бесплодна, как и абсолютное подавление. В свое время, слушая лекции по истории музыки Григория Зайцева, я был поражен одним весьма характерным фактом — настоящий прорыв в творчестве всегда осуществлялся не посредством обретения абсолютной свободы, а посредством наложения дополнительных самоограничений. И этот принцип действует не только в искусстве. Отбросив все ограничения, мы получаем ВСЁ но ВСЁ на поверку оказывается НИЧЕМ. Отбросив любые метафизические образы, отрезав бритвой Спёара всю метафизику и всю дисциплину, Магия Хаоса замкнулась в мещанский мирок мелких желаний, на которые посвященные честно мастурбируют в 23-й день месяца.

Принцип «ничто не истинно, все позволено» не был придуман магами Хаоса. Исторически эта идея была тем, что узнавал практик после прохождения сложнейшей дисциплины воина и мага. Не случайно орден ассасинов вызывал ужас у средневековых мусульманских и христианских правителей. И когда эту идею слышит тот, кто уже совершил свой Магистерий, он обрезает последнюю пуповину и властен превратить НИЧТО во ВСЁ. Однако, когда эта идея дается не в конце, а в начале пути, мы получаем только мещанскую пошлость. И если Спёар, по крайней мере, был действительно талантливым и оригинальным художником и визионером, то его последователи зачастую лишены и этого.

Ни абсолютная дисциплина, ни абсолютная свобода не ведут к созданию подлинной индивидуальности. Алистеру Кроули удавалось балансировать между абсолютной свободой и абсолютной дисциплиной, рассматривая идею Воли то как метафору абсолютной свободы («вольница», «отпустить на волю»), то как метафору абсолютной дисциплины («сила воли»). Но

без осознания парадокса, заключенного уже в самом слове «воля», невозможно подлинное творчество, будь то в эстетическом или оккультном смысле.

Поэтому, когда маг Хаоса ежедневно меняет образы, с которыми работает, смешивает символы разных религий и традиций, как ему взбредет в голову, без понимания их корней и истоков, ни один из его символов не может нести настоящей силы. Фил Хайн пытается преодолеть эту ловушку, говоря о необходимости обучения концентрации и медитации перед тем как практиковать техники Магии Хаоса, однако концентрация — лишь половина дела. Другая половина — наша любовная связь с теми образами, которыми говорит с нами Душа Мира, установление с ними долгой, значимой, полнокровной связи. Во второй части этой книги я привожу примеры установления такой связи из своего личного опыта.

В завершение этой главы я хочу привести очень значимый отрывок из одной из самых важных книг Алистера Кроули, в котором на языке метафор очень точно передана последовательность Великого Делания:

«7. И еще у меня было видение реки. Там был маленький корабль; и под пурпурными парусами была золотая женщина, образ Аси из чистейшего золота. Также река была рекой крови, а корабль — из сияющей стали. Потом я любил эту женщину и, потеряв пояс, бросился в поток.

8. [Затем] я вернулся на маленький кораблик, и много дней и ночей я любил ее, возжигая благовония перед нею.

9. Да! Я отдал ей цветок своей юности!

10. Но это не возбуждало ее. И только мои поцелуи сумели развратить ее, и она обратилась ко мне своей темной изнанкой.

11. Но я все же поклонялся ей, и отдал ей цветок своей юности.

12. Прошло время, и тогда она изменилась и рассыпалась предо мною. Я чуть не бросился в поток.

13. В конце концов, ее тело стало белее молока звезд, ее губы алели и были теплыми, словно закат, ее жизнь раскалилась, точно полуденное Солнце.

14. Затем она восстала из бездны Векового Сна и обняла меня. Я полностью растворился в ее красоте и был счастлив.

15. Река стала рекою Амриты, а маленький кораблик — колесницей плоти, а паруса — кровью сердца, что несет меня, что несет меня».

Образ прекрасной женщины — это образ души самого адепта. Этот образ появляется однажды, и адепт бросает все силы на любовное взаимодействие с ним. Но образ меняется, чернеет, рассыпается, теряет свою привлекательность. Что в этом случае делает последователь Магии Хаоса? Конечно, ищет другой образ. Образы, символы, традиции не имеют для него ценности, и он скользит от одного к другому, не постигая сути. Сколько подобных «эзотериков» на своем пути встречал я, успевших на протяжении полугода побывать буддистами, телемитами, иудеями и атеистами!

Но суть практики — в том, что адепт обращает свою любовь к исконному образу, НЕСМОТРЯ НИ НА ЧТО. Он принимает то, что Душа Мира явит через его душу, не отворачиваясь, не убегая, проходя через тяжелые состояния скорби, потери, бессилия. И только тогда этот образ по-настоящему раскрывается. Только тогда оказывается возможен гнозис в его истинном смысле, а не онанистический гнозис «Ритуала трех жидкостей».

У читателя может возникнуть впечатление, что мое отношение к Магии Хаоса негативно. Это не так. На начальных этапах Магия Хаоса может раскрепостить практика, помочь ему выйти из обусловленности той традицией, в которой он родился. Спепар действительно был очень талантливым художником и визионером, а многие его идеи опередили свое время. Более того, я тоже практиковал отдельные ритуалы Магии Хаоса, ведь телемит вправе соприкоснуться со всем и экспериментировать со всем. Однако, если Свобода не уравновешена Необходимостью, Хаос — Порядком а Тьма — Светом, то Великое Делание никогда не станет полноценным.

Восток на Западе

Восточный эзотеризм очень богат. Индийская йога, даосизм, тибетский буддизм, представляющий собой тончайшие духовные дисциплины, суфизм, тантра, Ицзин и другие восточные традиции бездонны — каждая из них представляет собой целую вселенную символов, практик, инициаций. Если западный эзотеризм веками существовал в полуподпольном режиме, то различные традиции восточного эзотеризма были естественным образом интегрированы в свои местные культуры как драгоценные, почитаемые духовные пути.

Нет ничего бессмысленнее, чем пытаться рассмотреть восточную эзотерику в рамках одной главы. Наша задача гораздо скромнее — попытаться осмыслить специфику переноса восточного эзотеризма на западную почву, который начался в девятнадцатом веке с перевода наиболее значимых восточных священных текстов. Переведенные с санскрита Упанишады, например, оказали весьма сильное влияние на формирование философии Шопенгауэра. С конца девятнадцатого века на Западе создавались оригинальные фантастические учения вроде теософии, согласно которой где-то на Востоке живут всемогущие Махатмы, направляющие путь духовной

эволюции человечества. С начала же двадцатого века на Запад приезжало все больше восточных учителей, которые были носителями аутентичных традиций.

Лишь очень немногие западные эзотерические системы не испытали на себе влияния восточного эзотеризма. Достаточно вспомнить, что даже в такой чисто западной эзотерической системе, как Орден Золотой Зари, большую роль имели медитации на *таттвах* («первоэлементах» индийской классической философии), а Алистер Кроули написал целый ряд оригинальных работ, посвященных индийской йоге и китайскому Ицзину. Это совершенно естественно, потому что в то время как западная оккультная традиция существовала в подполье, от запрета до запрета, и сейчас может быть только приблизительно восстановлена, восточный оккультизм никогда не прерывал своих линий передачи и планомерно развивал и совершенствовал свои знания.

Однако, если бы речь шла исключительно об отдельных заимствованиях символической и оперативной части, никакой проблемы бы не было. Проблема заключается в том, что Запад, утратив связь со своими глубинами, проецировал свою Самость, свою Душу на Восток. Именно такой проекцией следует считать теософскую фантазию о всемогущих и всемогущих Махатмах.

Из биографических записей Карла Юнга мы знаем, что исследованию Востока он посвятил немало сил и времени. Он вдохновлял переводы наиболее значимых восточных текстов, писал к ним комментарии, путешествовал глубоко на Восток. Более того, в период духовного кризиса Юнг практиковал отдельные техники восточной йоги, чтобы кристаллизовать образы своей души. Однако в воспоминаниях Юнга есть одна очень важная заметка. Юнг пишет, что, путешествуя по Индии, он сознательно избегал встреч с так называемыми «святыми людьми».

Почему? Само по себе упоминание о таком избегании является важным философским фактом. Если бы речь шла о чем-то незначительном, Юнг бы даже не упомянул об этом — мало ли что он не посетил и кого не встретил в своих путешествиях! Однако для Юнга это избегание было важным принципом его духовного пути.

Дело в том, что каждая встреча предполагает свой контекст. Встреча с восточными учеными, беседа о свойствах тех или иных учений, практик — это один, академический контекст. Но приход к восточному учителю — это уже другой контекст. Не путешествие, но паломничество, не разговор двух ученых, а беседа учителя с пришедшим к нему учеником. А принятие такого ученичества означало бы отказ от собственной, неповторимой, глубинной символической истины, которую Юнг воплощал всей своей жизнью.

В своих работах Юнг сравнивал западного человека, принимающего восточный путь, с нищим в царских одеждах. Царские одежды, случайно найденные, украденные, позаимствованные или данные нищему в качестве милостыни, не делают его царем. Они делают его нищим в квадрате — гротескной, пародийной фигурой.

И время показало, что Юнг был прав. Массовое увлечение Востоком во второй половине двадцатого века для большинства было не расширением культурного багажа, а трусливым бегством от данности и требований своей культуры в формы культуры чужой.

Возьмем только один пример. Восточная культура породила очень развитые школы философии. Это и буддийская философия Нагарджуны, и индуистская философия адвайты, и сложные философские модели мира тибетского буддизма. Но многие ли из тех, кто совершает свое паломничество в Страну Востока, берутся всерьез изучать эти философии? Нет. Для абсолютного большинства уход на Восток — это уход от мыс-

ли, от интеллекта, от разума к духовным практикам, целью которых является отбросить Эго, разрушить свою идентичность. Поэтому средний «восточный» адепт имеет весьма карикатурное видение.

И все же это не значит, что нам следует игнорировать восточное наследие. Любое ограничение познания с точки зрения оккультизма есть предательство своей сути и превращение традиции в секту. Например, я, как организатор проекта «Касталия», всегда приветствовал лекции, посвященные восточным традициям и даже привнесение в наше пространство отдельных восточных ритуалов. Единственным, что вызывало у меня агрессивное отторжение — даже когда это шло от очень уважаемых мною людей, — было риторическое обесценивание Запада перед Востоком, предательство тех достижений культуры, которыми мы обязаны именно западному гению. Восток ставит перед нами вызов, который заключается в том, что мы должны объединить восточную глубину с нашей западной рефлексией, восточное спокойствие с западным улучшением мира. Восток выступает как второе крыло земной цивилизации, и в равновесии двух систем мы можем прийти к реальному знанию.

Западный мир знал множество восточных учителей, каждый из которых предлагал свое видение. Для меня наиболее интересным учителем является Вивекананда — автор, пожалуй, самого глубокого исследования восточной йоги которое называется «Четыре йоги». Это исследование Алистер Кроули рекомендовал к обязательному прочтению всем, кто желал вступить в его братство и следовать традиции Телемы.

Дело в том, что в этой книге Вивекананда предлагает нам целостную модель оккультного космоса, которая не упускает из вида ничего. Под «йогой» здесь понимается не овладение определенными физическими упражнениями, а само мировоззрение, обеспечивающее *йогу* — то есть соединение, связь

индивидуального «я» с Мировой Душой, Эго с Самостью, Человека с Богообразом.

Карма-йога — это йога действия. Ее принцип очень прост. Все, что мы делаем сейчас, формирует наше пространство. Нет никакого смысла в вульгарной идее гневного Бога, карающего за грехи. Просто если мы следуем своим примитивным аффектам и причиняем страдание другим, мы формируем вокруг себя ущербное пространство. Принцип карма-йоги, согласно Вивекананде, заключается в очень простой идее — «все, что окружает нас, является продолжением на самих». Можно сказать, что христианский принцип «возлюби ближнего своего, как самого себя» карма-йога уточняет до формулировки «возлюби ближнего своего, ибо он — ты сам». Любой злодей, деспот, предатель будет несчастлив не потому, что некий бог его карает, но потому, что он сам отравил пространство вокруг себя. Делать зло и удивляться, почему ты несчастен, — то же самое, что испражняться в центре своей комнаты и удивляться, почему у тебя дома так скверно пахнет.

Бхакти-йога — это йога любви. Это наша любовь к тому образу, символу, через который Душа Мира явит себя в нашей душе. Примеры таких образов, моей любви и преданности им я даю во второй части этой книги. Если наша оккультная практика лишена *бхакти*, — она пуста. Как тут не вспомнить слова апостола Павла: «Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я — медь звенящая или кимвал звучащий!» Наши боги, наши символы, наши даймоны — это те образы Мировой Души, через которые к нам приходит наш личный гнозис. Но только наша любовь к ним делает этот гнозис возможным.

Но нет ничего нелепее, чем вопрос «как мне развить в себе любовь?». Если ваши боги не вызывают у вас искренней любви и преданности, любви, основанной на восторге и радости, — то вы просто еще не доросли до эзотеризма. Вы можете

отчасти продвинуться за счет трех других йог, но все равно ваша реальность будет неполной.

Джняна-йога — это йога познания. В ритуале крещения телемит приносит клятву «никогда не прекращать совершенствоваться в познании и понимании». *Джняна* может быть малой и великой. Малая джняна — это наше постоянное познание нового, будь то новая идея, философия, оригинальный взгляд, воспринятый нами у только что открытого нами лектора. Не стоит отвергать малую джняну — без нее мы рискуем превратиться в сектантов и фанатиков. Однако малая джняна вторична по отношению к великой джняне — к постижению того, что есть я.

Практика джняны, которую рекомендует Вивекананда, — это регулярное вопрошание «кто я?». Как показывает мой опыт, это очень действенная практика. Но, кроме того, к великой джняне относится познание смыслов и символов, связанных с образами нашей души. Когда, пережив некий миф, сон, символ, мы погружаемся в его исследование и амплифицируем его, мы также совершаем великую джняну. На этом построены юнговские идеи амплификации сновидений и активного воображения.

Наконец, *раджа-йога*, йога царей, йога огня — это средоточие и центр оккультизма. *Раджа-йога* — это инициатические и трансгрессивные практики, ритуалы, мистерии, прямая работа в активном воображении, выстраивание тончайших визуализаций, вибраций, работа с мантрами, таттвами, священными изображениями.

В завершение этой подглавы хочу сказать, что на рынке эзотерической восточной литературы представлены тысячи книг, сотни учителей, десятки традиций. Но если мы ставим себе целью не сбежать на Восток, а, познавая восточную эзотерику, расширить наши личные границы, — первое, с чем надо ознакомиться, — это удивительная книга Вивекананды. Вос-

точного учителя, который одним из первых прибыл на Запад и в то время, когда с Востока шел поток блестящих подделок, поделился с Западом ядром восточной мудрости — мудрости, которая может быть и нашей.

Роберт Антон Уилсон

Роберт Антон Уилсон, безусловно, является одной из самых ярких звезд западного оккультизма второй половины двадцатого века. Его книги представляют собой потрясающее сочетание искрометного юмора и последовательной, логичной, непротиворечивой системы взглядов. Сейчас на русский язык переведены практически все работы Уилсона. Часть из них была опубликована издательствами «София» и «Янус Букс», а оставшиеся изданы или будут изданы нашим проектом «Касталия».

Для меня значение Уилсона огромно. Именно благодаря Уилсону в свое время я открыл Алистера Кроули и нашел свой путь. К сожалению, несмотря на легкий и доступный язык, Уилсон не получил той известности, которой он заслуживает. Дело в том, что 90% людей готовы платить не за новые идеи и новые знания, а за подтверждение того, что они уже и так знают, и за возможность некоего авторитетного обоснования занимаемой ими позиции. Уилсон не может войти в их модель реальности, поскольку он атакует целый ряд позиций, которые представляются современному человеку аксиомами.

Уилсон — не только оккультист и оккультный философ, но и талантливый писатель. Пьеса по его (в соавторстве с Робертом Шеем) роману-трилогии «Иллюминатус!» в 1977 году была поставлена на сцене Королевского национального театра в Лондоне. Его романы представляют собой своего рода притчи, которые при правильном прочтении помогают нам избавиться от обусловленности и освободиться от предрассудков.

Значение Роберта Антона Уилсона в том, что ему удается в полной мере перевести принципы оккультного мировоззрения на современный язык — язык нейробиологии и компьютерного программирования.

История становления Уилсона очень интересна. Будучи одним из редакторов отдела писем журнала «Плейбой», Уилсон запустил искусственно созданный мем-фантазию о некоем особом заговоре иллюминатов. Рассматривая свой проект «Иллюминаты» как шутку или литературную мистификацию, Уилсон, к своему удивлению, столкнулся с тем, что сама реальность стала посылать ему синхронистичные подтверждения его модели. В какой-то момент ему показалось что он сходит с ума, ведь созданный им в качестве игровой практики миф сам находил себе подтверждение и подкрепление. Многие годы Уилсон осмыслял свой опыт, погружался в философию и практику различных оккультных школ, а затем создал свою «квантовую психологию».

Формально Уилсон не определял себя как оккультиста. Та модель, которую он создал, рассматривалась им как «квантовая психология новой эры». Но, поскольку мы рассматриваем оккультизм, исходя из идеи инициации, перехода, эволюционного скачка, Уилсона с большими основаниями можно считать оккультистом, чем многих из тех, кто называет себя таковым.

Самая важная работа Уилсона «Prometheus Rising» («Прометей восставший»), в русском переводе названная «Психологией эволюции», рекомендуется к подробному изучению. Здесь мы можем лишь вкратце познакомить читателя с той картой психики, которую предлагает Уилсон.

Позаимствовав у своего друга и учителя Тимоти Лири модель «семи контуров сознания», Уилсон развивает эту систему, дополняет ее восьмым нелокальным контуром квантового сознания. В этой подглаве я хотел бы рассмотреть эту модель.

Согласно Уилсону, который, как и Тейяр де Шарден, придерживается идеи духовной эволюции, на протяжении истории своего развития жизнь открывает для себя новые «контуры» (энергоинформационные уровни).

Первые два эволюционных контура, *биовыживательный* и *территориальный*, — это дочеловеческие стадии развития. Уилсон проводит параллель с оральной и анальной стадиями по Фрейду и ложным двигательным и ложным эмоциональным центрами по Гурджиеву.

Биовыживательный контур — это простейшее состояние жизни, в котором существует только два режима: «я ем» и «меня едят». Базовый инстинкт, инстинкт самосохранения, неразрывно связанный с голодом, — основа биовыживательного контура. Это самый древний и самый консервативный из эволюционных контуров, на котором всегда спекулируют власти, когда им необходимо консолидировать массы, создав видимость угрозы («нас хотят поглотить»). Чтобы проиллюстрировать силу биовыживательного контура, рассмотрим представления о рае и аде. Рай всегда изображается местом обильной и прекрасной пищи. В Валхалле (рае нордической мифологии) герои едят только мясо божественного вепря, бок которого отрастает каждую ночь; в иудейском рае праведники едят плоть Левиафана и Бегемота; легенда о Святом Граале подчеркивает способность Грааля каждый раз создавать новую еду и новое вино. Ад же — это место, где едят тебя, и такие выражения, как «пасть ада», являются прекрасной тому иллюстрацией. Для человека первый контур неразрывно связан с образом кормящей матери, поэтому Уилсон и проводит параллель с представлениями Фрейда о ранней *оральной* стадии развития.

Территориальный контур активизируется у высших млекопитающих. Здесь у вида появляется возможность формировать свою систему отношений в строгой иерархии. Если наивные мыслители эпохи Просвещения представляли себе живот-

ную и первобытную человеческую жизнь лишенной всякой иерархии, то современные этологи убедительно доказывают, что иерархия волков или обезьян даст сто очков форы по своей жестокости любой человеческой авторитарной иерархии. Территориальный контур связывается Уилсоном с анальной стадией развития, когда ребенок интроецирует первые родительские запреты и включается в первые модели подчинения («можно — нельзя»). Также территориальный контур связывается с желанием доминировать, подчинять, захватывать новые пространства.

Следующие два контура, *времясвязывающий* и *социополовой*, значительно эволюционно моложе и являются уже сугубо человеческими.

Времясвязывающий контур появляется, когда человек с помощью овладения системой знаков и символов, то есть речью и письмом, получает возможность передавать свои открытия через время. Открытие времясвязывающего контура — это открытие письменности. В высшей степени показательно, что искусство письма, которым владели жрецы Древнего Египта, воспринималось простолюдинами как могущественная магия.

Социополовой контур — это стадия формирования первых сексуальных табу. Очень интересно то, что разные культуры формируют очень разные представления о приемлемом и неприемлемом в сфере сексуальности (например, гомосексуализм считался приемлемым в античных культурах Европы и в Японии, у многих народов вполне допустимым считался насильственный захват невест у северных народов), однако само представление о приемлемом и неприемлемом существует у всех народов. В документальном фильме Би-Би-Си «Секс в первобытном мире» показана уникальная археологическая находка — так называемая «красная троица»: три скелета (один женский и два мужских) людей, которые были убиты за нарушение неизвестного нам ритуального сексуального табу. Этот вывод делается на основе того, что скелеты повреждены в области половых органов

и присыпаны красной охрой). Пожалуй, от даты их захоронения — примерно пятьдесят тысяч лет назад — мы можем отсчитывать существование четвертого контура.

Однако самое интересное в системе Уилсона начинается далее, когда помимо существующих и доминирующих животных и человеческих контуров, он постулирует существование четырех «футуристических» контуров, которые пока еще только начинают формироваться в человеке. Задача духовной практики, согласно Уилсону, заключается в том, чтобы стимулировать активацию этих эволюционных контуров будущего.

Первый футуристический контур — *нейросоматический* (пятый по порядку). Он открывает совершенно новое ощущение своего тела. Его можно соотнести с истинным двигательным центром в системе Гурджиева. Открытие этого контура происходит в результате практики йоги, 2,22, а также и прежде всего — тантры и сексуальной магии. Сексуальная магия имеет очень важное значение в эзотеризме двадцатого века и, по сути, является одним из кратчайших путей развития магических переживаний, о чем мы подробно поговорим во второй части этой книги. Сексуальность пятого контура более не является ни компульсивной разрядкой первого контура, ни формой доминирования второго контура, ни исполнением своей социальной функции четвертого. Сексуальность пятого контура — это опыт океанического экстаза и блаженства, в котором практикующий переживает космический опыт слияния своего «я» с вселенной и его тело становится экстазом.

В Телеме открытию пятого контура уделяется особое значение. Так, в «Книге Закона» сказано: «Не будь животным — утончай свой наслаждение, занимайся любовью по девяности и восьми правилам искусства».

Шестой контур называется *нейрогенетическим* и связан с открытием вечных архетипических образов. Боги, богини, даймоны переживаются на этом контуре как реально действующие силы нашей глубинной души. Уилсон отождествляет

эти переживания с открытием генетического кода, персонификацией древних и универсальных генетических программ. На мой взгляд, это отождествление является самым спорным в системе Уилсона и является не более чем актуальной культурной метафорой, сродни распространенной в девятнадцатом веке метафоре «духовного электричества», а в веке двадцать первом — метафоре «духовного программирования». Человеку свойственно выражать свой опыт через известные ему культурные метафоры, но я убежден, что ни одна из этих метафор не может в полной мере выразить природу архетипов — в сущности, непостижимых. Но, по крайней мере, польза этой генетической метафоры в том, что она позволяет уйти от наивного буквализма вроде веры в то, что ангелы реально и во плоти совокуплялись с человеческими женщинами, а мир был создан семь тысяч лет назад.

Нейрогенетический контур активируется в результате средних ступеней практики йоги, юнгианской практики активного воображения (когда мы персонифицируем глубинные аспекты нашей души и взаимодействуем с ними), а также церемониальной магии, позволяющей задействовать самые отдаленные участки воображения.

Седьмой контур, или контур *метапрограммирования*, Уилсон связывает с открытием «Метапрограммиста», который программирует нашу реальность. Совершенно очевидно, что этот Метапрограммист — аналог античного Даймона или Звезды, юнгианской Самости, телемитского САХ, герметического Истинного «Я». Активация седьмого контура — это достижение устойчивой связи с Метапрограммистом, или, если говорить на языке других традиций, знание и собеседование со святым Ангелом-Хранителем (Телема) или установление оси «Эго – Самость» (юнгианство).

Самым загадочным и таинственным является восьмой контур, который Уилсон называет *нелокальным* или *квантовым*. На этом уровне сознания вся реальность представляется

единой и неразрывной волной, а феномен синхронистичности (который начинает проявляться, начиная с шестого контура) становится абсолютным — вся жизнь становится одной большой синхронистичностью. Я подчеркиваю, что концепция синхронистичности — это не философская идея, но наблюдаемое свойство реальности.

Чем же ценна для нас восьмиконтурная модель Уилсона? Во-первых, она дает нам возможность осмыслить оккультное знание на современном языке. Безусловно, и освобождаемая во время Элевсинских мистерий Персефона, и идея Уилсона о том, что мы можем разговаривать с нашими генами, как с богами, — это метафоры, порожденные актуальной культурой. Понятно, что метафоры Уилсона лучше подходят для современного, рационального человека и позволяют избежать наивного буквализма прошлого.

Еще одно важное свойство системы Уилсона — ее пассионарная обращенность в будущее. Даже гениальный Юнг в некоторых письмах выступает перед нами консерватором, рассматривающим свою жизнь в эпоху перемен как проклятие, а Алистер Кроули демонстрирует противоречивую позицию — то оптимистично приветствуя эон Гора, то рассматривая далекое прошлое как пространство утраченных знаний и возможностей. Уилсон — первый оккультист, который, опираясь на наследие прошлого, полностью устремлен в будущее. Его футуристический восьмиконтурный человек — не то, что было, а то, что должно быть, должно прийти, должно быть открыто как каждым из нас в отдельности, так и на уровне всей культуры.

Обращенность в прошлое — это настоящий бич оккультного дискурса, из-под власти которого выходили очень немногие. Идея прогресса к точке Омега, соединение представлений об эволюции с идеей духа, эту эволюцию инициирующего, — завоевание двадцатого века, хотя, конечно, некоторые ростки этой идеи мы можем проследить и у наиболее талантливых

визионеров прошлого (например, у Иоахима Флорского).

Еще одним важным достижением Уилсона является полное отсутствие в его риторике того, что мы называем «тоталитарным компонентом оккультизма». Его язык не вычурен, не нравоучителен, он не призывает нас к какому-либо единому для всех закону, а просто делится своим опытом и своими идеями, причем делает это с совершенно потрясающим юмором.

Наконец, Уилсон ценен тем, что он не отвергает *трансгрессивные* практики, связанные с сексуальной магией и даже с 2,22, считая их важной частью процесса открытия высших контуров. Хотя Уилсон не предлагает своей собственной системы практики и посвящения, его модель позволяет нам осмыслить посвячительные и практические модели прошлого под совершенно неожиданным и весьма современным углом зрения.

Стоит сказать и о слабостях его модели. Как бы я ни восхищался Уилсоном, мой долг обозначить те места, в которых я с ним не согласен, и более того, это несогласие подтверждается рядом фактов. Во-первых, Уилсон, по крайней мере на стадии его самых значительных, ранних работ, излишне оптимистичен. Чтение его трудов может создать у читателя иллюзию легкости инициатического перерождения и раскрытия футурологических контуров. Нигредо, темная ночь души, химикализация, кризис, мортификация появляются в книгах Уилсона лишь как примеры неправильного раскрытия пятого контура. При чтении «Психологии эволюции» может возникнуть иллюзорное представление о том, что если уж пятый контур открылся, то все последующие контуры — «женская работа и детская игра». На самом же деле практически всегда (а не только при неправильной работе) открытие следующего контура эволюции сопряжено с переживанием смерти, распада, кризиса, причем чем выше контур, тем более сложным является проживание инициатической смерти.

В 1970-е годы Уилсон в своих футуристических прогнозах

проявлял поистине детскую наивность, уверяя, что к 2000 году большинство людей откроют в себе хотя бы пятый и шестой контуры, в аптеках будет продаваться ЛСД, а наука подойдет к решению проблемы смерти, обеспечив человеку «несмертность», то есть возможность постоянной регенерации. Читая эти предсказания в 2017 году, невольно смахиваешь слезу умиления.

Поздний Уилсон гораздо более осторожен и местами, наоборот, впадает в пессимизм. Однако, как мне представляется, он так и не смог понять алгоритм развития человеческой истории. Психоистория развивается не по принципу последовательного движения вперед, а по принципу «десять шагов вперед — девять назад», и, увы, нам выпало несчастье жить в нисходящей фазе этого движения. Показательно, что и Юнг, и Кроули в своих прогнозах об укоренении нового мировоззрения давали, на мой взгляд, куда более реальную цифру — пятьсот лет.

Еще одной серьезной ошибкой Уилсона я считаю его левацкие политические взгляды. В его работах содержится резкая критика либертарианской экономической идеи Айн Рэнд, он выступает как активный сторонник вэлфера, то есть максимальной помощи бедным со стороны государства, считая что человек, освобожденный от страха перед утратой «биовыживательных бумажек», легко и естественно устремится к высшим футурологическим контурам. Очевидно, в этом заблуждении Уилсон руководствуется пирамидой Маслоу, согласно которой потребности человека могут быть разрешены только последовательно.

Эта позиция Уилсона, по-видимому, обусловлена самой структурой американской политики. Республиканцы выступают, с одной стороны, за экономическую свободу, минимализацию налогов, господство сильного, предприимчивого человека, а с другой стороны, представляют консервативные идеи в сфере морали, в частности, пропагандируют фундамента-

листки христианские ценности и осуждают гомосексуализм. Им противостоят демократы, которые в сфере экономики выступают за поддержку бедных и помощь аутсайдерам любой ценой, а в сфере этики отстаивают право человека самому выбирать свою сексуальную, религиозную и этическую ориентацию. Хотя Уилсон и критикует американскую политику, он не может выйти за ее пределы и понять, что ровно половина идей республиканцев, связанных с экономикой, верна, точно так же как верна ровно половина идей демократов, связанных с этикой. Конечно, находясь в положении такого выбора, любой из нас тоже поддержал бы демократов, однако само по себе это противостояние искусственно.

Дело в том, что пирамида Маслоу не работает. Мы знаем множество примеров, когда люди, оказывавшиеся в экстремальных для выживания условиях, не только сохраняли достоинство, но и находили время и силы для творчества (примеры — «Роза Мира», написанная Даниилом Андреевым в тюрьме, и философия Ясперса, рожденная в концентрационном лагере). С другой стороны, дети богатых родителей, био-выживанию которых ничего не угрожает, вместо творчества часто склонны просто прожигать жизнь.

Более того, опыт показывает, что если для человеческой популяции создать идеальные условия, вместо эволюции она будет деградировать. Мы знаем, что количество самоубийств выше всего среди самых благополучных и обеспеченных классов, а идеальные, почти райские условия, в которых пребывает Европа, не стимулирует никого к активному творчеству. Демократическая политика Европы, выражающаяся в кормлении эмигрантов, отнюдь не приводит к тому, что эти эмигранты радостно вливаются в культурную жизнь. Напротив, зачастую они саботируют культуру, которая их приняла.

Не стоит понимать нас неправильно: мы не утверждаем, что для развития нужны нечеловеческие страдания, как это веками проповедовало христианство. Для прояснения нашей

позиции я обращаюсь к идеям одного из самых глубоких историков двадцатого века Арнольда Тойнби.

Тойнби обратил внимание на то, что цивилизация не возникает ни в условиях абсолютного комфорта, когда природные условия обеспечивают каждому человеку чувство сытости и безопасности, ни в экстремальных условиях крайне северных (Чукотка, Аляска) или пустынных (Сахара) регионов (предвидя возражения, уточним что древнеегипетская цивилизация возникла в других климатических условиях). Для того чтобы произошло развитие, пассионарный рывок, стремление ввысь, культура должна сталкиваться с крайним, близким к предельному, но не переходим за этот предельный уровень вызовом. То же самое относится и к человеку. Ситуация вызова, переходящего крайний предел, ломает человека и не дает ему стимула, как не дают его и идеальные условия безопасности и покоя (если только к этим условиям не добавляется особый вызов — например, сын талантливых родителей чувствует, что должен доказать, что он не хуже, а то и лучше их). Доктрина предельно выносимого вызова является куда более реалистичной моделью, нежели наивная левацкая платформа Уилсона.

Карлос Кастанеда и нагуализм

Без сомнения, в современном популярном эзотеризме фигура Карлоса Кастанеды является одной из самых «раскрученных». Обычно подобная популярность указывает на то, что автор не имеет отношения к оккультизму и лишь имитирует его. Однако в случае Кастанеды не все так просто. Если исходить из нашей модели, согласно которой оккультизм — это наличие оригинального мифа в сочетании с системой духовных практик и упражнений, то система Кастанеды полностью удовлетворяет критериям оккультизма.

Мифологическая вселенная Кастанеды, в которой лирический герой проходит путь обучения у мудрого индейца Дона

Хуана, разработана в мельчайших деталях, так что до сих пор находятся убежденные в том, что все описанное Кастанедой — правда от первого и до последнего слова. Да и система практических ритуалов, асан, движений, известная как тен-сегрители, также весьма неплохо проработана.

В чем же причина колоссального успеха книг Кастанеды? В своей работе «Пересекая границу» Дональд Уильямс предлагает интересную психологическую интерпретацию этого процесса, рассматривая сюжет Кастанеды как описание индивидуации главного героя. С точки зрения психологии глубин, вовсе не имеет значения, реален ли тот или иной миф. Любой вымысел может обладать колоссальным трансформативным потенциалом, если рождается из глубин коллективного бессознательного.

В своей работе «Проблемы души нашего времени» Карл Юнг, исследуя психологию типичного американца, определяет его как «имеющего тело белого человека, душу негра и дух индейца». Мне это определение кажется очень точным и тонким.

Для американца фигура индейца является фигурой нуминозной. Практически уничтожив коренных жителей, белые американцы, как это часто было в истории, обожествили и идеализировали своих жертв. По мнению философа и антрополога Рене Жиара, этот механизм обожествления жертв коллективного насилия является истоком любой мифологии. Мы не можем согласиться с Рене Жираром в его сведении всего богатства мифологических образов к вторичной идеализации, однако то, что это один из действенных механизмов создания мифологемы, представляется очевидным.

Для американца образ индейца — это образ мужественного, благородного, бескомпромиссного и негибаемого героя, глядящего смерти в лицо и не ведающего страха. Как уже было сказано, этот образ является порождением механизма «вторичной идеализации» жертвы. Поэтому кому же выступать в

роли американского Вергилия, как не индейцу? Тем более что Америка семидесятых годов уже изрядно устала от восточных гуру, большинство которых оказывались далеко не такими, какими их рисовало идеализированное воображение о чистом Востоке. Кастанеда оказался выразителем бессознательной потребности Америки в восстановлении древних и вытесненных образов коллективной души.

Чем еще ценен и значим кастанедовский миф? Во-первых, сознательно или интуитивно Кастанеда воспроизводит идеальную последовательность архетипического пути героя, который проходит путь от «наивного глупца» к «человеку знания». Мифологема Кастанеды построена настолько совершенно, что очень легко поверить в ее истинность.

Если приглядеться, можно увидеть, что философия Дона Хуана построена из множества элементов как оккультных традиций прошлого, так и философских идей современности. Например, философия «человека знания», который «берет смерть в советчики» и пребывает в настоящем мгновении, — это кристаллизованный экзистенциализм. Орел, который создал мир для того, чтобы ему было чем питаться, — это образ гностического Иалдабаофа. Поразительно, но в гностическом Евангелии от Филиппа есть слова, которые, кажется, полностью соответствуют образу Орла: «Бог — пожиратель людей». Кастанедовские «женщины четырех ветров» представляют принцип кватернера (четверицы) или мандалу, которая, согласно Юнгу, является символом Самости, а идея «точки сборки» практически совпадает с идеей Уилсона о различных «тоннелях реальности», в которых может находиться человек.

Одним из самых интересных символов кастанедовского мифа является «человеческая матрица», то есть образ идеального человека, который вызывает религиозное благоговение. Дело в том, что только в двадцатом веке человечество достигло того уровня, на котором можно отделить «человеческую матрицу», или, говоря психологическим языком, «идеал Эго»,

— от подлинного нуминозного Богообраза, Самости, Истинного «Я». Прежде эти образы часто смешивались не только в экзотерических внешних религиях, но и в отдельных эзотерических практиках.

Не лишен кастанедовский миф и серьезных недостатков. Во-первых, в отличие от более зрелых мифологов, которые изначально помещаются в пространство *символического* (юнгианский Абракас, телемитские Нюит и Хадит, розенкрейцерская «химическая свадьба») и не претендуют на буквальный историзм, в кастанедовском мифе все мифологические события преподаются как происходящие буквально в материальной реальности. Несмотря на то, что сам Кастанеда незадолго до смерти признался, что все созданное им принадлежит исключительно реальности воображения, до сих пор находится множество наивных последователей, воспринимающих историю Карлитоса и Дона Хуана как буквальную и истинную.

Другой — с нашей точки зрения, более серьезной — проблемой кастанедовского мифа является существенный перекокс в крайний индивидуализм и погоню за силой. «Видящие» у Кастанеды стремятся не трансформировать свое «я», соединив его с Истинным «Я», или Самостью, но скорей усилить Эго посредством колонизации пространства «второго внимания». Если Юнг выдвигает девиз «целостность, а не совершенство», впервые доводя до сознания культурного человека, что перфекционизм (стремление к безупречности) является скорей болезнью, чем заслугой, то Кастанеда рисует образ «безупречного воина». Эта фантазия о безупречности может оказывать немалый инфляционный эффект, который мы можем наблюдать на примере множества последователей Кастанеды. Они буквально инкапсулированы в своей фантазийной «безупречности», которая становится для них панцирем, защищающим от реального соприкосновения с жизнью и делающим невозможной подлинную инициацию. Поэтому, несмотря на целый ряд позитивных элементов, кастанедовская мифология, буду-

чи понята некритически и буквалистически, может не вести к индивидуации, а, наоборот, уводить от нее.

Викка — незаконнорожденная дочь Телемы

Антрополог Маргарет Мюррей утверждает, что Викка — традиция ведьм, основанная на особых языческих культурах, праздниках и мистериях, — имеет корни глубоко в дохристианском мире.

Возрождение этой традиции связано с именем Джеральда Гарднера, который, если верить его собственному утверждению, был посвящен в викканство его бабкой — носительницей дохристианского языческого знания.

В настоящее время в мире существует десятки самых различных школ, ковен (общин), направлений возрожденного викканского язычества. Некоторые из них следуют традиционной линии, намеченной Гарднером, а некоторые так далеко уходят от нее, что вся символика меняется до неузнаваемости.

Однако мало кому известен следующий исторический факт. Джеральд Гарднер был очень дружен с Алистером Кроули и даже посвящен в высокую степень в его ордене. Когда Кроули испытывал серьезные материальные затруднения, Гарднер попросил его создать священный текст «Телемы-лайт» (то есть «облегченной Телемы»), и Кроули за несколько недель написал «Книгу Теней», которая была затем издана под именем Гарднера и стала одной из главных святынь викканской религии. Конечно, Гарднер вносил в нее дополнения и коррективы, исходя из общих принципов, однако при внимательном рассмотрении совершенно очевидно внутреннее сходство викканской и телемитской символики, а также викканских и телемитских обрядов посвящения. О втором пункте я промолчу, поскольку меня связывает клятва неразглашения, что же до первого, то достаточно сравнить символику Ньюит и Хадита (Богини и Бога) в Телеме и Великой Матери и Рогатого Бога

у викканцев. Главный принцип Викки — «не причиняй вреда и дела, что желаешь» — очевидно является смягченной калькой телемитской максимы «делай что изволишь — таков да будет весь закон». Много параллелей можно провести между викканскими и телемитскими ритуалами сезонных праздников, о которых впервые говорится в «Книге Закона». И даже ритуальные предметы в обеих традициях трактуются одинаково: кинжал — орудие воздуха, чаша — орудие воды, жезл — орудие огня...

Критики викканства утверждают, что никакой исторической традиции ведьмовства не было, а все преследования ведьм были не гонением на альтернативную традицию, но лишь проявлениями паранойи. С нашей точки зрения, вообще не имеет значения, существовала ли Викка как дохристианская традиция. Коллективная душа, *Anima Mundi*, говорит на языке образов, символов и ритуалов — и успех викканской традиции, действенность ее практик уже сами по себе являются подтверждением ее символической ценности.

Викканская религия — это религия природы. Поклонение природным силам служит важной и целительной компенсацией для современного городского человека, существенно утратившего связь с природой. Однако надо сказать, что идеализированные и сентиментальные представления викканства о природных силах имеют разве что косвенное отношение к природному миру как таковому.

Отметим и сильные стороны викканской религии. Их довольно много. Это и акцент на трансгрессивной инициации, которая включает в себя эротический компонент (впрочем, это сохранилось далеко не во всех ветвях Викки). Это и прекрасно разработанная символика сезонных праздников «колеса года» (от которой во многом отталкивалась «Касталия», создавая свою ритуальную систему) и личных ритуалов. Это и восстановление культуры сакральных предметов (что само по себе очень ценно в мире полностью десакрализованных

мертвых вещей). Также важно то, что центральный миф викканской традиции связан с сизигией мужского и женского, равновеликих бога и богини (что указывает на глубокий эзотерический символизм, прослеживаемый от гностических сизигий, алхимических конъюнкций и розенкрейцерской «химической свадьбы»). Таким образом, Викка, при условии правильного ее понимания, может быть действенной инициатической системой.

Если же говорить о проблемах Викки, то одной из главных является существенное смягчение викканцами ряда телемитских максим (вспомним запрос Гарднера на «Телему-лайт», который был мастерски реализован Алистером Кроули). Это смягчение приводит к тому, что слишком многие из викканцев не столько живут магией, сколько играют в нее. Впрочем, этот упрек стоит адресовать не столько викканству как таковому, сколько духу времени, вообще мало способному к направленному дисциплинированному усилию.

Лично я многие годы относился к Викке снисходительно-иронично. Мое мнение изменилось в позитивную сторону после того, как я побывал на нескольких ритуалах Санкт-Петербургской викканской общины. Эти ритуалы ничем не уступают телемитским мистериям и действительно способны пробудить переживание архетипического, нуминозного в душе участников этих ритуалов. Кроме того, сильной стороной викканского оккультизма является сочетание устойчивой модели-мифа о Боге и Богине и творческой креативности, которая находит свое выражение в создании действенных и глубоких оригинальных мистерий.

Единственное, что неприемлемо в Викке лично для меня, — это принципиальная нелюбовь викканцев к городской цивилизации и игнорирование ими тех объективных достижений прогресса, которые сделали нашу жизнь куда более достойной. Насколько я могу судить, практически все направления Викки разделяют это руссоистское настроение «назад к при-

роде» и рассматривают городскую цивилизацию как зло. При этом природа бессознательно воспринимается ими несколько односторонне, идеализированно. Хотя на уровне символа викканство учитывает темную сторону Богини, связанную со смертью, распадом и уничтожением, чаще всего это признание остается чисто формальным. В этом отношении телемитская метафизика выгодно отличается от викканской. Если викканские Богиня и Бог персонифицируют природные циклы и стихии, то телемитские представляют тонкие абстракции более высокого уровня — бесконечно малое ядро индивидуального бытия (Хадит) и бесконечное пространство (Нюит).

Антон Шандор Лавей и сатанизм

Сатанизм двадцатого века — это в высшей степени спорное явление, которое может быть отнесено к оккультизму лишь с очень большим количеством возражений и допущений. Однако, поскольку оккультизм и сатанизм сплошь и рядом отождествляются, а основатель сатанизма Антон Шандор Лавей был дружен с рядом современных ему оккультистов, мы не можем себе позволить проигнорировать этот феномен.

Следует сразу сказать, что до Лавея никакого сатанизма, как организованной культурной силы, не существовало. Сатанизм выполнял роль своего рода козла отпущения, некоей фантазии о могущественном враге, тайно противостоящего церкви. Все тексты о сатанизме были либо литературным вымыслом (как, например, роман Гюисманса «Там внизу»), либо памфлетами, написанными для дискредитации идеологических противников и конкурентов. Показательно, что даже средневековые «черные маги» заклинали демонов именем Бога и во славу Бога, а отнюдь не Сатаны.

В истории есть много примеров того, как боги одного народа становятся демонами для другого. В главе 3 мы уже говорили об индийских *дэвах* и иранских *дивах*. Можно также вспом-

нить превращение античных языческих богов в демонов христианской культуры — так, бог солнца Аполлон в Откровении Иоанна Богослова (9:11) становится «ангелом безднъ» Аполлионом.

Бывает и наоборот — например, изначально негативные персонажи Ветхого Завета становятся позитивными в новой традиции гностицизма.

Однако мы не сможем найти ни одного примера, когда учение брало бы негативную фигуру и выстраивало свою систему, исходя из почитания его исходных негативных качеств. Сатанизм Лавея в этом отношении уникален и заслуживает рассмотрения, как бы мы к нему ни относились.

В этой главе мы рассмотрим личность и практики Лавея, чтобы наглядно продемонстрировать слабость и уязвимость сатанистского мировоззрения не с точки зрения христианской доктрины, для которой сатанизм есть предельное зло, а с точки зрения оккультизма, на связь с которым претендует сатанизм.

В ранней юности, еще не осознавая различий между Люцифером и Лилит с одной стороны и Сатаной как библейским прокурором с другой (об этом мы подробно поговорим во второй части книги), очень недолгое время я немного интересовался сатанизмом. Я рассчитывал найти в нем тот культурный нонконформизм, который было бы естественно от него ожидать в силу противопоставленности официальному дискурсу. К счастью, я достаточно быстро понял, что «перевернуть перфокарту» сценария — это далеко не то же самое, что разорвать ее.

Итак, в этой главе мы продемонстрируем, как формальное отрицание и нонконформизм в силу отсутствия глубинного понимания переходят в свою прямую противоположность.

В биографии Лавея интересен следующий факт. Вдохновленный рассказами о всемогущих сатанинских и демонических братствах и ложах, Лавей тратил много времени и сил,

чтобы выйти на контакт хоть с одной из них, однако его усилия не увенчивались успехом. В поисках сатанизма Лавей даже попытался установить связь с телемитской организацией ОТО, поскольку массовая культура представляла Кроули как первого сатаниста, однако был разочарован — никакого сатанизма в ОТО не было, главный телемитский ритуал прославлял «тайного, единого и невыразимого бога», а все встречавшиеся ему телемиты вместо сатанинской гордыни демонстрировали смирение перед Истинным «Я» и искали свой путь единения с Мировой Душой.

Уже одного этого факта было бы достаточно, чтобы провести необходимые размежевания, однако мне хотелось бы копнуть несколько глубже. В конце концов, почему для меня так важно отделить Телему и люциферианство от сатанизма? Культурным конформизмом и приспособленчеством в форме желания сделать Телему более приемлемой для буржуа я не страдаю — и даже выношу на первый план ряд неприемлемых для среднего мещанина практик сексуальной магии и 2,22, которые практикует далеко не каждый телемит.

Дело здесь в совершенно другом.

Окончательное разочарование в сатанизме для меня произошло, когда я читал жизнеописание Антона Шандора Лавея, написанное его восхищенной любовницей и поклонницей. Меня более всего поразило то, что факты, которые приводит автор в подтверждение силы и мощи сатанинского пути, на самом деле свидетельствуют о прямо противоположном.

Сатанизм Лавея хотел бы выглядеть культурным и метафизическим нонконформизмом, но у него это очень плохо получается. Лавей и его последователи яростно не принимали ту культурную революцию, которая происходила в шестидесятые годы. Рок-музыканты, битники, хиппи, психоделисты, которые и были настоящим культурным нонконформизмом своего, времени вызывали у Лавея крайнее неприятие.

Показательна одна история, которая произошла в пространстве Лавея. Однажды, одержимый ненавистью к хиппи, Лавей задумал так называемый «ритуал хиппи», в процессе которого члены его церкви проецировали свою ненависть и ярость к хиппи, проецируя на них потоки Инферно. В этом ритуале участвовал близкий друг Лавея культовый кинорежиссер Роман Полански.

На следующий день жена и дети Полански были жестоко убиты помещанным псевдогуру Чарли Мэнсоном, вышедшим из пространства хиппи. Убийство семьи Полански потрясло Америку; после этого власти перестали воспринимать хиппи как безобидных чудаков и бросили весь свой административный ресурс на уничтожение этой субкультуры.

Итак, Лавей совершает ритуал с целью уничтожить культурное явление, которое вообще-то прямо противоположно христианским идеалам порядка и целомудрия, проповедует свободную любовь и личный гнозис вне каких-либо конвенциональных границ. А затем это убийство. С моей точки зрения, абсолютно неважно, было ли эти два события простым совпадением или прямой синхронистической связью. Важно то, что Лавей выступает как магический инструмент Системы, а не как представитель Антисистемы. Еще более показательна цена, которую платит за это Лавей, — гибель семьи его лучшего друга. Интересно, пожалел ли Полански о своем участии в этом черномагическом ритуале, ведь впоследствии сам Лавей проводил прямую связь между ритуалом и последовавшими за ним кровавыми событиями.

Вообще история так называемой «сатанинской магии» в том виде, в каком она практиковалась в «Церкви Сатань», наглядно иллюстрирует только одно — этой магией лучше не пользоваться.

В жизнеописании Лавея приводится весьма характерный пример подобной магии. Однажды Лавею и его любовнице очень сильно досаждал бывший муж этой женщины. Это

был мерзкий, скандальный, склочный субъект, не дававший им спокойной жизни. Естественно, Лавей решил обратиться к «сатанинской» магии и при поддержке своего достаточно крупного братства провел некий ритуал, в котором они спроецировали силы мрака на этого человека.

Через неделю он действительно погиб. Вот только погиб он в автокатастрофе вместе с любовницей Лавей, которая села в машину бывшего мужа, чтобы обсудить подробности раздела имущества после развода... Самого Лавей эта история ничему не научила, и все, что он мог сказать, — это: «Не надо оказываться в одном пространстве с человеком, на которого спущена воронка смерти». С нашей точки зрения, эта история сама по себе является лучшей иллюстрацией действия любой деструктивной магии, направленной на разрушение и уничтожение кого бы то ни было (именем ли Сатаны или Бога). Если желание и исполнится, то оно исполнится с такими последствиями, каких вы ожидаете меньше всего. История проклятия и гибели подруги Лавей кажется литературно-кинематографическим вымыслом, призванным проиллюстрировать недопустимость обращения к черной магии, но это — реальность, и, что более всего потрясает, главный участник этой истории напрочь лишен интуиции, позволяющей сделать правильный выбор.

Когда-то мой проект «Касталия» выпустил книгу «Сатанизм в теории и на практике». На самом деле издание этой книги было скорее культурным троллингом, чем продвижением чего-то действительно значимого и важного. Теперь любой желающий узнать о том, что представляет собой сатанизм, и прочитать тайный устав Церкви Сатаны имеет такую возможность. Ожидающий найти там какой-либо культурный нонконформизм будет очень разочарован, поскольку этот устав больше похож на устав скаутского общества или пионерской организации. Сатанист обязан быть социально активным, строго выполнять все законы (даже если отдельные законы

могут быть неразумными), вступить в клуб интеллектуальных игр, общество защиты животных, сторониться любых людей, даже упоминающих о сексуальных оргиях или жертвоприношении птиц, (как бы мы ни относились к практике жертвоприношений, я решительно не понимаю, почему, если я за год съедаю мясо в среднем 200 куриц, это вполне нормально, а если один раз в год я отрублю голову петуху в жертву Гермесу — это чудовищное преступление). Кульминацией устава юного сатаниста является строгий запрет на использование образа Бафомета как эмблемы своих групп и организаций, потому что — внимание, перл! — Бафомет является интеллектуальной собственностью Церкви Сатаны и защищен копирайтом. Думаю что одного этого факта вполне достаточно, чтобы сделать все необходимые выводы.

Не менее иллюстративен и пример русского сатанизма. Так, например, один из самых заметных Интернет-сатанистов Варракс начинал с описания Сатаны как архетипа Индивидуальности, Разумности, Сексуальной свободы, Бунта против любой подавляющей личность системы, а закончил панегириками тоталитаризму и личным поклонением Сталину и Гитлеру одновременно.

Конечно, над этим можно посмеяться и забыть. Однако мне представляется, что приведенные факты наглядно свидетельствуют об исходной неполноценности любой системы взглядов, которая выстраивается по принципу *антисценария*. Слишком уж легко антисценарий превращается обратно в сценарий!

Чтобы соблюсти объективность и уравновешенность, я некоторое время размышлял над тем, есть ли вообще хоть что-то позитивное в сатанизме как мировоззрении. Единственное, что мне пришло в голову, — это то, что само существование сатанизма как одного из легитимных мировоззрений есть важный признак преодоления «психологии козла отпущения», признак зрелости культуры, которая способна вместить в себя

самые крайние и прежде невозможные идеи и принципы и в которой наказывается не идеологическая принадлежность, а конкретное преступление. Интеграция сатанизма как всего лишь одной из многих школ указывает на выход американцев на совсем другой уровень культурного сознания. Однако это, как вы понимаете, является позитивным признаком культуры, а не сатанизма как такового.

С другой стороны, сатанизм делает первую, достаточно примитивную попытку переосмысления теневого культурных архетипов, и сама по себе подобная работа (не будь она связана с черной магией) могла бы считаться позитивной. Но и здесь сатанизм порой выдает презабавные пируэты. Так, например, один из учеников Лавей Майкл Форд составил «список имен Сатань», включив в него негативные образы божеств из всех мировых религий. Я не говорю о том, что этот список составлен крайне дилетантски, без малейшего понимания особенностей символизма упомянутых божество (интересно, например, как это Шива стал Сатаной). Если бы только это! Когда я с изумлением увидел в списке гностического Иалдабаофа собственной персоной, вопрос о том, кому *на самом деле* служит «сатанизм», для меня был решен раз и навсегда.

ГЛАВА 11.

Проблемы современного оккультизма

Рассмотрев наиболее заметные и интересные примеры оккультизма двадцатого века, попробуем задаться вопросом: а что собой представляет современный оккультный дискурс как таковой? Или, конкретнее: перед какими принципиальными вызовами стоит современный оккультизм и какие проблемы являются для него принципиальными? Я уверен, что уже само по себе выявление этих вызовов и проблем могло бы помочь оздоровлению оккультной среды.

Популяризация оккультизма, или эзотерический «фаст-фуд»

Еще в сороковых годах двадцатого века Алистер Кроули сокрушался по поводу того, что люди, признающие, что освоение новых дисциплин, будь то философия, математика, физика или эстетика, требует от человека серьезных интеллектуальных и волевых усилий, ожидают от оккультного знания какой-то предельной простоты. Они ожидают неких простых откровений и простых законов, принимая которые можно считать себя посвященным и наслаждаться сознанием своей причастности к особому, исключительному знанию.

Но то, что тогда было досадным явлением, в наше время приобрело масштаб культурной катастрофы и глобального интеллектуального банкротства оккультизма. Слишком велик этот запрос на простоту, с радостью удовлетворяемый представителями коммерческого псевдо- или околооккультизма. Оккультизм больше не является таинственным, отчасти пугающим, отчасти притягивающим феноменом, связанным

с выдающимися личностями. Он все больше ассоциируется с набором розовых шаблонов «позитивного мышления», распространенных среди неудачников, которые с их помощью пытаются компенсировать собственную ущербность.

Это связано с тем, что культура, полностью детерминированная коммерческим интересом, естественным для себя образом ставит четвертую силу превыше трех остальных.¹ Обыватель, желающий «чего-то экзотичного», формулирует свой запрос, который порождает соответствующее предложение. От Интернет-сообществ, называющих себя «эзотерическими», не стоит ждать публикации хоть сколь-нибудь значимых действительно эзотерических сообщений. Под грифом «эзотерического» идет поток ужасных банальностей о том, как хорошо быть хорошим и как правильно радоваться жизни. Если бы это называлось «популярной психологией», не было бы никаких вопросов, но, используя термин «эзотерическое» (к счастью, хоть термин «окультное» используется не столь часто), такие сообщества создают колоссальное искажение представлений о сути и природе эзотерического знания. Разумеется, их участники не знают и, что хуже, не желают знать об инициации и инициатическом перерождении. Все, что они могут, — это избегать инициатического опыта, как огня, греясь в лучах собственной нарциссической «позитивности». Такой благодостный дурачок уже стал распространенным типом, клише, а точнее, клеймом на теле эзотерического знания.

Сложившаяся ситуация интеллектуальной ущербности 95 % эзотерического дискурса ставит перед честным духовным искателем, имеющим глубинную потребность в инициации, задачу, сравнимую с поиском иголки в стоге сена. Если раньше эзотерическое знание скрывали, то сейчас, когда сотни и тысячи продавцов предлагают яркие пустышки с ярлыком «эзотерическое», найти среди этих пустышек следы реальных инициатических эзотерических систем крайне сложно.

¹ Имеются в виду Дух, Мошь, Эрос и Ресурс – система четырех сил часто упоминающихся в лекциях «Касталии».

Для сравнения давайте вспомним то, о чем говорилось в прошлых главах. Во все времена оккультизм был уделом интеллектуальных элит. Гностические визионеры, создававшие уникальные теологические конструкции, элитарное «Общество Волхвов», выкристаллизовавшееся вокруг семьи Медичи, Джордано Бруно, Эммануил Сведенборг, Джон Ди — все эти люди обладали исключительно высоким уровнем культуры и образования. У них всех, как у Доктора Фауста из трагедии Гёте, постижение классических наук не утолило духовной жажды, и они обратились к наукам тайным эзотерическим. Именно оккультисты были теми, кто реально продвигал культуру. Даже Ньютон мыслил себя прежде всего алхимиком и эзотерическим толкователем Апокалипсиса. Сухое ракетное топливо, на котором космический корабль долетел до Луны, разработал маг Джек Парсонс, ученик Алистера Кроули. А один из создателей квантовой физики Вольфганг Паули называл себя «последователем Фладда», то есть современным розенкрейцером.

Увы, типичный эзотерик второй половины двадцатого века не может быть поставлен в один ряд с этими великими людьми. Он даже не «отстающий» или «знающий меньше», он просто принадлежит к другому биологическому виду. Это своего рода «эзотерический Митрофанушка», живущий по принципу «не хочу учиться, а хочу в nirвану».

Что может быть ответом на этот вызов? Только непрерывное, планомерное развитие эзотерического знания как серьезной интеллектуальной и духовной дисциплины и установление творческой сети взаимного признания и дружбы между различными эзотерическими традициями, школами и посвянительными системами. Так, наш проект «Касталия» приглашает к себе наиболее интересных и интеллектуальных представителей самых разных систем, от масонства до северной рунической традиции. Необходимо установление максимально открытого сотрудничества с академическим миром —

миром ученых, беспристрастно исследующих эзотеризм и не опускающихся до тенденциозных обличений. Со своей стороны, проект «Касталия» делает все, чтобы быть полезным научному миру, переводя на русский язык наиболее интересных академических исследователей эзотеризма на Западе.

Тоталитарный компонент в оккультизме

Под «тоталитарным компонентом» я подразумеваю притязание на обладание некоей абсолютной непререкаемой Истиной. Такие притязания, как правило, порождены неудачным архетипическим переживанием, когда слабое Эго, оказавшись не в состоянии вместить в себя архетип, захватывается им, в результате чего вместо индивидуации происходит непомерная инфляция Эго. Этот опасный аспект встречи с архетипом Карл Юнг подробно описывает в книге «Отношения между эго и бессознательным», изучение которой я настоятельно рекомендую желающим вступить на путь оккультного самопознания.

Зачастую «тоталитарный компонент» порожден даже не архетипическим опытом, а банальным болезненным комплексом власти, который стоит за слишком многими эзотерическими учителями.

Если «эзотерика быстрой еды» раздражает наше эстетическое чувство и вызывает обесценивание самого понятия «эзотерика», то тоталитарный компонент откровенно опасен и не просто чужд, но прямо противоположен и враждебен реальному эзотеризму.

Как выявить тоталитарный компонент? Первым его признаком является частое употребление слов «нельзя» и «должен». Подлинный посвященный скажет «нельзя» только в самых исключительных, особых случаях: нельзя совершать насильственные преступления, нельзя использовать знание для манипуляции, нельзя использовать эрос для самоутверждения.

Для тоталитарного же псевдоэзотерика «нельзя» — это одно из любимых слов, которое распространяется на всё, от «плохих» мыслей до малейших нарушений внутренних табу (например, «нельзя есть мясо»).

Единственные «нельзя» и «должен», которые может использовать практик, — это те индивидуальные ограничения, которые его Самость (САХ, боги, архетипы) накладывает на него в силу необходимости осуществлять истинную волю.

Подлинный инициированный будет выстраивать свой курс либо на манер игры (хороший пример эзотерической игры — «Фрэнки-шоу», один из немногих подлинно оккультных, причем в самом высоком смысле слова, феноменов современной культуры), либо в стиле открытой дискуссии. Если говорить на языке трансактного анализа, то реальный оккультный диалог будет выстраиваться либо на уровне «взрослый — ребенку» (игра, «Фрэнки-шоу», принцип «развлекая, обучай»), либо на уровне «ребенок — ребенку», либо на уровне «взрослый — взрослому». Иными словами, роль родителя недопустима для оккультного мастера. Критерием серьезного диалога является то, что ответы которые, дает посвященный, не только не только оставляют пространство смыслов открытым, но и по возможности открывают другие, неизвестные собеседнику двери-варианты.

Поделюсь опытом. Выстраивая свои ответы в Интернет-блоге ask.fm, я по мере возможностей избегаю слов «нельзя» и «должен». «По моему мнению», «мне кажется, что такой метод лучше», «использование этого символа, на мой взгляд, предпочтительнее» — вот как я стараюсь оформлять свои ответы. Даже я порой невольно скатываюсь к использованию запретных для настоящего оккультиста слов, но это происходит в тех редких случаях, когда затрагиваются мои отдельные болевые точки вроде лютой ненависти к пуританам, связанной не столько с моими личными убеждениями, сколько с системой координат тех богов, которым я служу.

Еще один признак тоталитарного компонента — эмоциональное давление. Один из типичных манипулятивных приемов тоталитарных эзотериков — обрушить на вас поток экзальтированной жалости, в которой ваше состояние изображается как катастрофическое. При столкновении с подобным следует бежать сразу и подальше, ибо никакое бедственное состояние не сравнится с опасностью попасть под власть тоталитарного манипулятора. Помните: если разговор с авторитетным оккультистом, вне зависимости от его школы, не открывает, а закрывает перед вами ту или иную дверь, — бегите сразу. В самом лучшем случае вас «разводят» на деньги. В худшем же случае вы можете оказаться во власти манипулятора.

Самое ужасное — то, что от тоталитарных субъектов не застрахованы никакие самые правильные, истинные и подлинные эзотерические учения. Достаточно посмотреть, как далеко ушла средневековая церковь от исходного учения Иисуса, который даже в канонических евангелиях уж точно не предполагал сожжения неверных.

Даже в чуть более чем столетней истории Телемы был случай, когда субъект с тоталитарным компонентом оказался у власти в пусть и небольшой, но все же телемитской группе. Я говорю о Марчелло Мотто, человеке, чья власть удерживалась на шантаже, давлении, манипуляциях и даже угрозах расправы. К счастью, он проиграл суд, в котором претендовал на наследие Кроули, а победил человек с безупречной репутацией, который и возглавил центральный телемитский орден.

Тем не менее, Мотто нанес очень серьезный ущерб репутации Телемы, поскольку в свое время в его группе состоял тогда еще молодой Пауло Коэльо, который впоследствии подробно описал свой неудачный опыт членства в этой группе. То есть у миллионов людей, читающих романы Коэльо, сложилось представление о Телеме на основе тех стратегий, которые применял Марчелло Мотто к своим приближен-

ным. Этот пример наглядно иллюстрирует то, что персонаж с доминирующим тоталитарным компонентом в психике, оказавшись внутри системы, куда более опасен, чем любой внешний преследователь и хулиган. Такая дискредитация может быть по-настоящему фатальной для учения, в то время как внешняя клевета может быть легко опровергнута.

Еще одно значимое проявление тоталитарного компонента — неспособность признавать свои ошибки. Такое поведение является нормой в сфере политики, которая практически всегда разыгрывается по законам второго эволюционного контура, но в рамках оккультного дискурса, в рамках творческого, философского, психологического пространства подобное означает только одно — недопустимый тоталитарный компонент.

Дополнительной проблемой представляется то, что внутри эзотерического сообщества зачастую преобладает ожидание определенного элемента тоталитарного компонента. Когда я начал вести блог ответов, я был поражен тем, как много вопросов начинается со слов «можно ли» и «должен ли». Ставя вопрос подобным образом, спрашивающий бессознательно «призывает» в том, кого он спрашивает, именно тоталитарный компонент. И если тот, к кому адресован вопрос, недостаточно осознан, он помимо своей воле может начать играть в эту игру, даже если поначалу тоталитарный компонент не был в нем проявлен.

Яркими примерами тоталитарного компонента в современном популярном эзотерическом дискурсе является очень раскрученная «ведическая школа» Торсунова. Разумеется, любой востоковед скажет, что чушь, которую несет господин Торсунов, не имеет к Ведам никакого отношения. Но ладно бы это было творческое и безвредное осмысление. Все тексты господина Торсунова полны якорей «женщина должна», «женщина обязана» и «женщине надо». В конечном счете, следуя его советам, женщина превращается в безвольное

ничтожество, которое Торсунов называет «ведическим идеалом женщины». Эллоиза во мне (см. последнюю главу этой книги) ненавидит его лютой ненавистью.

Конечно же, с точки зрения закона всесвязности и синхроничности, каждый человек получает такую школу, к какой бессознательно тяготеет. Раб инстинктивно ищет того, кто наденет на него ярмо и отправит в загон. Однако, к моему огромному сожалению, все эти субъекты оперируют тем же словом, что и я, — словом «эзотерика», и уже это возлагает на меня необходимость по возможности высмеивать и обличать таких тоталитаристов.

Каким может быть ответ на этот вызов? Во-первых, создание свободного и творческого интеллектуального пространства. Во-вторых, особенное внимание к себе. Прекрасным противоядием от тоталитарного компонента является рассказ о своих ошибках и просчетах, самоирония, юмор. Разумеется, в нашей культуре такая позиция едва ли соберет большой круг, однако, как показывает мой опыт, тот круг, который остается с тобой, — это действительно достойные, свободные и осознанные люди. Наконец, в-третьих, активное дистанцирование от школ, имеющих тоталитарный компонент. Если в случае профанации эзотерики единственным способом противодействия является создание своего пространства (ибо нет большей глупости, чем крестовый поход против глупости), то в данном случае в высшей степени целесообразно обличение и высмеивание носителей тоталитарного компонента в оккультизме.

Шизотерика

Парадокс оккультного пространства в том, что оно притягивает в себя как тех, кто превзошел, перерос, осознанно преодолел доминирующий культурный дискурс, так и тех, кто до него вовсе не дотягивает. Одни — интеллектуальная аристократия, желающая выйти за очерченные культурной доми-

нантой границы, другие — психи, которые даже не способны понять законы этой культурной доминанты. Они-то и создают то, что в народе называют «шизотерикой».

В своей жизни я видел много шизотериков, истории которых изрядно повеселили бы моих читателей. (Впрочем, это было бы смешно, если бы не было так грустно.) Один после ритуала Юпитера слышит в своей голове голос, который говорит, что «солнце больше не взойдет». Он выскакивает из автобуса на полпути, убегает в лес, раздевается догола и идет в неизвестном направлении, слушая все тот же голос, приказывающий ему «убить тварь». Бедолага доходит до какой-то воинской части глубоко в лесу и голышом в двадцатиградусный мороз пытается перелезть через колючую проволоку. Можно представить себе чувства караульного солдатика, который его заметил!

Другая после непродолжительного общения обвиняет меня в том, что я собственной персоной забрался в астрал и убил ее любимого котика (вот ведь делать мне нечего по ночам, кроме как по астралам шастать да котиков душиТЬ!).

Третья объявляет себя верховной жрицей цивилизации Му и требует, чтобы я, поскольку я взял имя египетского бога, сделал ей ребенка.

Четвертый, следуя моему примеру, делает себе татуировку семиконечной звезды, после чего оказывается одержим гомосексуальными желаниями и в ужасе ее сводит. Последнее, что я о нем слышал, — это то, что он говорил: «Я, Абракасас, Юпитер, Ра, теперь ведаю все тайны мира».

Пятый... На самом деле этот паноптикум можно было бы продолжать очень долго. Но, пожалуй, достаточно. По сути, послание этого раздела — очень простое. Господа шизофреники, пожалуйста, не лезьте в оккультизм. Вам же хуже будет!

Шаблон отказа от Эго

В любой серьезной оккультной традиции стадия жертвоприношения Эго — это достаточно поздняя стадия развития. Настоящее жертвоприношение Эго — один из самых сложных и мучительных процессов, поскольку подразумевает реальную смерть всего, что ты считал собой. Такой процесс описывают Иоанн Креста в «Темной ночи души» и Карл Юнг в «Красной книге».

«Красная книга» начинается с двух видений — всемирной катастрофы и прекрасного героя Зигфрида, который символизирует все старые идеалы Юнга и которого Юнг, рыдая над его красотой, должен убить.

Проснувшись, Юнг почувствовал, что если он не сможет понять этот сон, то просто застрелится, и рука словно сама потянулась к револьверу... Крайним усилием Воли Юнг смог заставить себя записать сон и дать ему интерпретацию: все его идеалы, ценности, мечты и желания отождествлялись с образом убитого Зигфрида, и сейчас он стоял перед необходимостью принести это все в жертву.

Жертвоприношение Эго или отказ от него — это не выбор Эго. Жертвоприношение Эго всегда исходит от Самости, от Истока, и либо человек сможет пройти этот этап и обновиться, словно феникс, либо его ожидают не самые радужные перспективы вроде смерти, помешательства, полного жизненного краха.

Тем не менее, мне снова и снова приходится слышать от разного рода «эзотериков» о необходимости отказа от Эго или его жертвоприношения. Этот сюжет стал одним из популярных шаблонов, с которым надо раз и навсегда разобраться.

Прежде всего, целью является не полное уничтожение Эго, но то, что Юнг называл «Самостно-ориентированным Эго» и о чем апостол Павел говорил: «Уже не я живу, но живет во мне

Христос». То есть, заметьте, — активным, живущим началом становится Христос (как Истинное «Я» Павла, но не как «Я», общее для всех), в то время как само Эго Павла становится своего рода контейнером, удерживающим и проводящим Истинное «Я», или Самость.

Полное уничтожение Эго — это шизофрения, и только шизофрения. Целью духовной практики является что-то вроде формирования прозрачного, но крепкого Эго, которое пропускает через себя импульс Света Самости, но не отождествляется с ним и не разрушается под воздействием архетипа.

Однако психологическое переживание «смерти Эго», или «инициативный кризис», — достаточно распространенное явление. Человек как будто теряет себя: новые цели не появились, старые обесценились. В песне БГ потрясающе представлена эта стадия: «Я иду по льду последней реки, оба берега одинаково далеки, я не помню, как петь, у меня не осталось слов». Это и есть состояние смерти Эго. Если через него проходят благополучно, то сознание может выйти на другой уровень развития; если же нет, возможны самые неприятные последствия.

Сколь же нелепо и смешно, как «уничтожение Эго», звучит и «отказ от Эго». Во-первых, совершенно очевидно, что тот, кто выстраивает свою риторику на идее «отказа от Эго», лишает своего слушателя права на личное критическое суждение, которое будет клеймиться как исходящее от Эго (а это, кстати, уже ступает в действие тоталитарный компонент. Во-вторых, эту установку любопытным образом отзеркаливает сам ученик. Ощущая себя тем, кто «отказался от Эго» (вопрос — *кто* отказался?), он начинает чувствовать себя вправе судить «недостаточно духовных», которые от Эго еще не отказались. В итоге в такой среде расцветает забавная форма тщеславия, когда бессознательно разросшиеся до крайней инфляции Эго (разросшиеся, потому что они вытеснены в бессознательное и отождествляются с Самостью) начинают мериться друг с

другом своими Эго — у кого оно меньше. Достаточно жалкое зрелище!

Утилитаризм. или духовный материализм

Под *утилитаризмом* я имею в виду отношение к оккультно-му знанию исключительно как к инструменту для добывания конкретных материальных благ. Оккультисты-утилитаристы остаются на уровне сознания средневековой гримуарной магии, в которой призывали демонов в надежде найти клад или приворожить соседку.

Оккультизм — не для этого.

Если ты хочешь денег, иди на курсы повышения квалификации, освой программирование, бухгалтерский учет, найди богатого любовника, в конце концов ограбь банк. Тебе нечего делать в оккультизме, если твоя главная цель — деньги.

Если ты хочешь женщин (мужчин), займись своим внешним видом, создай себе имидж, в конце концов, сходи на курсы пикапа или стратегий соблазнения.

Тебе нечего делать в оккультизме, если твоя главная цель — успех у противоположного пола.

Можно истратить кучу денег на книги по магии, атрибуты для ритуала Юпитера, обучение правильным визуализациям и сигиллам. И да, ты выполнишь ритуал Юпитера. И на тебя даже, быть может, свалятся шальные деньги, которые ты воспримешь как дар Юпитера. Но если ты соберешь мозги в кучу, то поймешь что прежде потратил больше.

Оккультизм и утилитаризм несовместимы.

Деньги, Власть, Секс прекрасны. Все, кто осуждает дары этого мира, — лжецы, клеветники и шакалы. Но для каждой цели — свои методы. Невозможно починить компьютер топором или срубить дерево тонкой крестообразной отверткой.

Оккультизм — для тех, кто желает познания. Для тех, кто хочет прожить, открыть, познать отдаленные пространства своей души и пережить опыт богов.

Оккультизм — для тех, кто желает прорываться к подлинному ощущению себя, сорвать с себя несов хитон интроектов и жить своей подлинной жизнью.

Оккультизм — для тех, кто желает обрести Свободу.

Оккультизм — для тех, кто чувствует Зов Иного.

Оккультизм — для тех, кто любит Играть.

И во второй части этой книги я хочу поделиться с читателем своим опытом, своими переживаниями, своими встречами с Богами, своим Зовом, своей Игрой.

художник Полина Снисаренко

ГЛАВА 12.

Проект «Касталия»

В этой главе я хочу рассказать о собственном эзотерическом проекте «Касталия», который я возглавляю вот уже восемь лет и который за это время вырос из квартирных собраний нескольких человек в полноценную эзотерико-психологическую организацию со своей системой переводов, изданий, семинаров. Много сделано, многое еще предстоит. Эта глава посвящена промежуточному подведению итогов и постановке дальнейших задач.

За годы существования «Касталии» члены нашего клуба перевели более сотни книг. Эти книги, посвященные юнгианской психологии и западному эзотеризму, издаются малым тиражом и выкладываются в открытый доступ для всех желающих. К сожалению, русскоязычное пространство отстало от мировой эзотерической культуры лет на сто. И наш проект делает все, чтобы преодолеть этот разрыв.

Наша задача — не дать миру некую новую доктрину, новые символы или новые мифы. Наша задача — предложить принципиально новый подход, преодолев, по крайней мере в пространстве нашего клуба, те ключевые проблемы и вызовы, которые связаны с современным состоянием оккультизма. Преодолеть буквализм. Преодолеть тоталитарный компонент. Не допустить упрощенчества. Представить оккультизм в его синтезе с научным знанием — от глубинной психологии Юнга до современных парадоксов физики.

И самое главное — привнести в оккультизм этот удивительный парадокс неопределенности и внутренней бесконечности, который заключается в том, что мы можем прикоснуться

к подлинной природе бытия лишь через игру «как будто» и «а что, если так». Мы скользим от школы к школе, от дискурса к дискурсу, от смысла к смыслу, понимая одновременно правоту и ограниченность всех моделей: «Все слова священны, все пророки истинны, вот только понимают они мало».

Только относясь ко всякому тоннелю реальности как к Истине и как к Лжи одновременно, мы улавливаем неповторимый аромат парадоксального бытия. Потому что любое «точное» и «безусловное» знание — не более чем иллюзия.

Дух времени всегда стоит за подобным точным знанием, а дух всякого времени отвратительно самодоволен и завершен. Полагающий свое знание полным, истину безусловной, а реальность, данную ему в познании, объективной — слепец. Принцип реальности, как его определил Зигмунд Фрейд, — самая лживая тварь из всех лживых тварей. Завершенное знание — смерть.

Каждый приличный человек знает, что еретики горят в аду, а сжигая еретика на костре, мы даем ему шанс на спасение бессмертной души. Каждый подданный знает, что царь — помазанник божий и всегда будет править. Каждый разумный человек понимает неизбежность торжества коммунизма. Каждый патриот знает, что во Львове, услышав русскую речь, сразу бьют по морде, а то и убивают. Каждый член племени, которому рассекли руку в ритуале взросления, знает, что истинное имя бога солнца — Абсу, и если ему не приносить жертвы, то солнце не взойдет. Понимаете? Мы находимся в ловушке некоего безусловного знания, некоей параноидной данности, которая выглядит как безусловная истина. Только играя, можно прикоснуться к реальному знанию. «Только поняв что тезис и антитезис одинаково истинны, можно понять и тезис, и антитезис», — писал Кронули.

Если и есть единственная абсолютная истина, то заключа-

ется она в том что все истины относительны, а все представления о некоем феномене как об объективной истине — иллюзорны. Не существует ничего объективного, существуют лишь различные тоннели реальности, которые позволяют нам классифицировать наш опыт. Достаточно подумать о том, насколько отличается картина мира у среднего человека и у продвинутого физика, чтобы понять, о чем мы говорим. Однако никто не может поручиться за то, что совершенная и развитая картина мира физика лет через триста не покажется потомкам такой же наивной, какими нам сейчас кажутся буквалистические представления алхимии лет триста назад, согласно которым из физического свинца можно получить физическое золото.

Мне иногда кажется, что я понимаю суть видения Юнга, в котором он убивает солнечного героя Зигфрида. Зигфрид — это не сновидческое отражение конфликта Юнга с Фрейдом. Зигфрид — это принцип реальности, утверждаемый Фрейдом как аксиома. Это тот самый солнечный герой безусловного знания, однозначный и буквальный. И убив Зигфрида, Юнг впервые за много лет начинает Игру со своей душой. Игру, в которой он, разделившись на десятки персонификаций, рождает, пожалуй, самую тонкую и многогранную психологическую систему из имеющихся на данный момент.

Правда, нельзя забывать, что это видение пришло лишь к сорока годам. До этого Юнг честно освоил современные ему дискурсы. Ибо, не став подмастерьем, невозможно стать мастером. А подмастерье и мастер различаются тем, что подмастерье работает, а мастер — творит, играя...

Поэтому главное качество нашего проекта — принципиальная открытость новым веяниям, но открытость, исключаяющая возможность энтропии. Если кто-то из членов клуба хочет провести, скажем, индуистскую пуджу, прочитать лекцию по

Гурджиеву или рассмотреть какое-то самое современное эзотерическое направление, — милости просим. Хотя я сам исповедую Телему, внутри клуба я никогда не буду обращать кого-либо в свою веру, но, напротив, стараюсь стимулировать культурный обмен между разными школами.

Конечно, этот принцип не может быть абсолютным. Есть школы, которые мы принципиально не будем включать в свое пространство. Школы, осуждающие сексуальность. Школы, утверждающие радикальный эксклюзивизм. Школы, опирающиеся на тоталитарных лидеров. Когда в наш клуб пришел выступить один «околоэзотерик» с мошенническим душком, клуб моментально вывел его на чистую воду и не воспринял ничего из его манипуляций. Если в этой жизни я чем-то горжусь, так это тем, что мне удалось создать небольшой оазис настоящей интеллектуальной свободы.

Конечно, у нас есть некоторое основное направление. Обратимся к нашему сайту, лицу нашего проекта www.castalia.ru. Посетитель, открыв наш сайт сразу увидит три портрета: Юнга, Кроули и Гессе. Если вы дочитали книгу до этого места, то прекрасно поймете, чем важны для нас Юнг и Кроули и почему именно их наследие было избрано в качестве наших главных ценностей. Но что делает в этой компании Гессе?

Во-первых, Герман Гессе — это далеко не обычный писатель. Проза Гессе пронизана идеями герметического и гностического эзотеризма (вспомним того же Абракаса в «Демриане») алхимической проблематикой примирения духа и материи и юнгианской психологией. Роман «Степной Волк» — это результат работы Германа Гессе с выдающимся юнгианским аналитиком, прямым учеником Юнга Йозефом Лангом. События «Степного Волка» — это театр активного воображения без прикрас и ширм. Фактически Герман Гессе создает принципиально новую форму психологического романа, романа

глубин, романа-исповеди, причем исповеди не столько о желаниях и действиях сознания, сколько о глубинных уровнях души, куда до Гессе с такой степенью откровенности практически никто не заглядывал. Как Юнг и Кроули, Гессе считает важнейшей идеей не противопоставление противоположностей, а их объединение через внутреннее Великое Делание.

Однако фигура Гессе как одного из «основоположников» имеет для нас и другое значение. Гессе — человек искусства, и оказанием ему почтения мы как бы подчеркиваем, что без эстетического измерения, без символического творчества Великое Делание невозможно. Без этого оно будет не более чем симулякром.

Телема Алистера Кроули и аналитическая психология Юнга имеют множество параллелей. Этим параллелям была посвящена моя самая первая работа «Мост между двумя берегами», которая была написана еще пятнадцать лет назад и включена в книгу «Полет змея». Если говорить кратко, то главные из них — это акцент на необходимости инициатической трансформации, отрицание неснимаемого дуализма, установка на интеграцию и принятие теневых сторон, признание двойственной природы архетипов, важности женского начала и сакрального значения сексуальности, символизм смены эонов.

В этой главе я хочу пойти немного дальше и поставить вопрос чуть по-другому. Совершенно очевидно, что, помимо сходства, между этими парадигмами существуют и различия, которые глупо было бы игнорировать. Более того — если бы речь шла исключительно о сходстве, бритва Оккама просто отсекала бы один из дискурсов, ведь интеллектуальное пространство не терпит полных двойников. Совершенно очевидно, что есть такие секторы мысли и практики, которые тщательнее проработаны у Юнга, и есть такие, которые глубже раскрывает Телема.

Прежде чем перейти к рассмотрению этих нюансов, необходимо обратить внимание на принципиально иной по сравнению с установками прошлых эпох принцип «Касталии». Все эзотерические проекты прошлых эпох, да и настоящего, монологичны. То есть они выстроены по принципу кристаллизации вокруг некоей интеллектуально-визионерской структуры, которая дает имена феноменам внешней и внутренней реальности.

При этом субъект, находящийся внутри структуры, способен осознать структуру как структуру, модель как модель. Он помещен в эту структуру, как рыба в воду. Эдвард Эдингер в этой связи цитирует замечательный дзэнский диалог-притчу: «Кто знает о воде меньше всего? — Рыба». Рыба помещена в воду как в реальность, поэтому она не способна к познанию воды как отдельного феномена.

Двадцатый век, на который приходится начало перехода между зонами (или эрами) требует от своих самых талантливых сыновей и дочерей большего, нежели прошлые времена. Современный человек должен обладать возможностью познания ткани той реальности, в которой он находится. Раньше такое внерациональное познание обреталось именно инициатическим опытом, но, хотя древние инициации выводили индивида на совершенно иной, принципиально более высокий символический порядок, весь опыт осмыслялся исключительно в терминологии той системы, в которой он приобретался, так что даже самая совершенная и разработанная система риксвала стать жертвой буквализма, превратить дух в плоть, символы в догмы.

Как же вытащить себя за волосы из болота? Только путем изучения одновременно двух не враждебных друг другу в принципиальных вопросах, но все же различных парадигм. Это можно сравнить с изучением иностранного языка. Пока

человек в принципе не изучал иностранных языков, он может фантазировать о том, что такое изучение — лишь узнавание других, дополнительных определений известных ему вещей. Кошка — это теперь и кошка, и *cat*, собака теперь — и собака, и *dog*, и так далее. Однако совершенно очевидно, что когда мы всерьез углубляемся в другой язык, мы видим, что сталкиваемся с принципиальной иной структурой связей между словами и смыслами, так что и свой родной язык мы впервые можем познать именно как язык.

Я убежден, что за таким диалогическим подходом глубокое будущее. Изучая и всецело принимая две различные системы, мы сокрушаем монотеистическую доминанту сознания. В рамках нашего проекта это модели Юнга и Кроули, но я убежден, что более важным является сам принцип совмещения двух моделей без их полного смешения.

Очень важно не путать это с примитивным синкретизмом, когда понятия и символы просто смешиваются в бессвязную кашу или структурируются в некую обобщенную модель. Тут речь идет именно об углубленном изучении двух моделей, их внешнего и внутреннего смыслового ядра, о поиске соответствий и отличий. Именно так, поместив себя сразу в две реальности, мы получаем возможность осознавать образ мира именно как образ мира и совершенствовать его за счет диалектической связи моделей. Если я прав, то в будущем будут появляться эзотерические школы, специализирующиеся на двух моделях, — скажем, буддо-даосизм или дзэн-гностицизм (последний термин, впрочем, позаимствован мною из романов фантаста Дэна Симмонса).

Делая основной акцент на исследовании Телемы и аналитической психологии Юнга, проект «Касталия» не замыкается на этих моделях. На сайте «Касталии» любой желающий может найти материалы по самым разным традициям и шко-

лам, даже тем школам, с которыми мы не соглашаемся. Да, мы не разделяем, скажем, с нашей точки зрения избыточную идеализацию природы в викканской системе, но мы были первыми, кто издал первую оригинальную русскую книгу по Викке. Мы не разделяем полное отрицание структуры, свойственное Магии Хаоса, но на нашем сайте представлены многие работы этой традиции, а в нашем издании вышел полноценный том хаос-магических текстов. Да, я, как и большая часть членов клуба, работаю с английскими соответствиями Таро, однако мы переводим и издаем книги по классической французской системе, основанной на Марсельском Таро, а один из самых авторитетных лекторов нашего клуба читает лекции по французской системе. Для человека старого зона, для того, у кого «одинарные» мозги, это немыслимая ситуация: буква Алеф может соответствовать либо Дураку, либо Магу, но признать, что в зависимости от точки зрения может быть функционально как одно, так и другое соответствие (причем не просто признать, а прочувствовать это), способен далеко не каждый.

Таким образом, «Касталия» обеспечивает нашим гостям возможности ознакомиться с самыми разными направлениями эзотерической мысли. Мы придерживаемся принципа открытости новым дискурсам и символам (что роднит касталийский подход с Магией Хаоса), но при этом крепко держимся внутренней символической оси (акцент на Юнге и Кроули, определенные мистерии колеса года и т. д.), вокруг которой происходит кристаллизация. Перед нашими праздничными мистериями по общему согласию членов клуба могут быть проведены самые разные ритуалы — от шаманских камланий до индуистской пуджи, — но сами сценарии мистерий остаются практически неизменными.

Но вернемся к двойной звезде «Касталии» — Юнгу и Кроули. В чем их модели дополняют друг друга? Вопрос тем более

актуален, что как слишком ортодоксальные телемиты, так и слишком ортодоксальные юнгианцы часто рассматривают другую систему как незначительный довесок, непонятно зачем включенный мною в мировоззренческую мандалу проекта.

Что принципиально важного может привнести юнгианство в Телему? И чем не менее важным дополняет Телема юнгианство?

Начнем с первого вопроса. Из существующих в настоящее время оккультных систем Телема, безусловно, является одной из самых открытых и небуквалистских. Кроули не раз и не два предупреждал, что нет ничего нелепее, чем пытаться показать, насколько объективно или субъективно реальны боги, демоны, духи. Кроули играл различными интерпретациями, предлагая то духовные, то психические, то физиологические объяснения явлений. Для меня этот фактор стал, пожалуй, одним из самых важных для принятия Телемы.

Приложив огромные усилия, сам Кроули вырвался за пределы буквалистской однозначности, однако лишь очень немногие из его последователей в полной мере могут осознать необходимость такого рывка. Буквализм — слишком соблазнительное заблуждение не только для популярных, но и для элитарных эзотерических систем. Дело в том, что сам по себе оккультный, эзотерический опыт слишком глобален, слишком тотален, слишком сокрушителен для слабого Эго, которое, столкнувшись с первыми результатами, рискует впасть в буквализм. И примеры такого буквализма мы встречаем, например, в представлениях о Древе Жизни, которое становится не просто самой удобной моделью связей и классификаций внутренней бесконечности, а объективным строением вселенной.

Юнгианство дает очень важное лекарство от буквализма — особый акцент на психологическом, срединном, рефлексирова-

ющем сознании. Попробую объяснить это на примерах.

Допустим, с человеком в результате его практики происходит цепь сильных архетипических переживаний, сопровождаемых цепью синхронистичных совпадений. Сам факт синхронистичности зачастую оказывается настолько сокрушительным, что старые модели успешно рушатся, но на их смену приходит наивный буквалистский идеализм. Осмысляя связь, он рискует впасть в прельщение буквализмом, рассматривая происходящее как порождение некоей внешней абсолютно автономной по отношению к его индивидуальности Воли — скажем, как послание от духов или Учителей. Кроули использовал метафоры и символы из разных систем, в том числе даже из презираемой им теософии, однако он прекрасно сознавал их символическое и метафорическое значение. Наивный же верующий этого не осознает и проецирует происходящее в некую внешнюю по отношению к психическому пространству реальность.

Возможна и другая крайность — он может впасть в крайнюю инфляцию и отождествление с Самостью и будет считать себя единственным творцом этих событий.

В обоих случаях от него ускользнет парадоксальная природа бытия, суть которого — постоянный танец соединения. Как уже было сказано, в отличие от большинства оккультных школ, в Телеме понимание ошибочности буквализма и конкретизма на теоретическом уровне реализовано гораздо лучше — Кроули был мастером парадоксов. Однако понимание Кроули не становится пониманием дискурса Кроули, более того, даже он сам, в лучшие минуты своего вдохновения дававший правильную философскую установку, во многих случаях не мог перевести ее в практику.

Одна из самых больших проблем современного человека, над которой я размышлял не один год, заключается в том, что

для него теория и практика оторваны друг от друга. Средневековый человек был органичен в своей наивной церковной реальности. У современного же человека, кажется, проходит граница между образом мысли и образом действия, идеей и реальностью. Поясню на примере. Если человек искренне убежден в правоте христианского мифа, он без особого труда и страха пойдет на любые жертвы и даже на смерть ради веры. Так действовали первые христиане или, скажем, средневековые катары и альбигойцы. Однако многие ли современные христиане способны пожертвовать не то чтобы жизнью, но хотя бы своим сиюминутным комфортом, чтобы соответствовать тем заветам, которые, согласно утверждаемой ими системе (я, как уже, надеюсь, понятно, не христианин), дают вечную жизнь.

К сожалению, христианство — не единственный пример. Водораздел между модальностями мышления и действия есть во всех системах, и Телема не исключение. Существуют некоторые принципиальные мировоззренческие установки, без которых Телема не существует как Телема. Например, отрицание реальности зла как автономного принципа, рассмотрение любых событий как граней божественной игры, отрицание двойственности. Особым принципом Телемы является право конкретного индивида следовать той сексуальной модели, которая подходит лично ему (будь то аскеза, строгая моногамия, полигамия, полиандрия, гомосексуальность или, скажем, БДСМ-отношения) при строжайшем запрете на осуждение любых других позиций и превознесение своей.

Но, к моему сожалению, то, что я часто наблюдал на практике, далеко от этих идей. Например, вместо того чтобы осознать за всем происходящим божественную игру, человек рассматривает себя как жертву слепых сил случайностей, конфликты не осмысливаются из их символического измерения, и мне приходилось встречать телемитов, которые смели говорить

осуждающие слова, к примеру, о женщине, имеющей много любовников, как будто передо мной были не телемиты, а христиане, только что вернувшиеся с воскресной молитвы... К своему ужасу, я стал ловить себя на мысли о том, что многие люди, обладающие культурой, но вовсе не принадлежащие к какому-либо оккультному дискурсу, этически и символически ближе к этике Телемы, чем некоторые телемиты.

В чем же дело? С моей точки зрения, проблема здесь в том, что отсутствует психологическая база, не сформировано третье пространство — пространство между миром чистого духа, прекрасных идей и возвышенных устремлений и миром профанной и вульгарной жизни. Это часто приводит к тому, что идеи, полностью принимаемые сознанием, оказываются не в состоянии проникнуть и интегрироваться в реальную жизнь.

Более того, часто сама идея смешать два подхода не на уровне теории, но на уровне практики кажется оккультисту чем-то неестественным и скверным, как если бы он был крайним дуалистом.

Интеллектуально искушенное сознание, избегающее первой, самой примитивной ловушки, попадает во вторую, когда помещает великие концепты Делания не «под небом голубым» а «над небом». Если Делание и происходит, то в отрыве от повседневной жизни, и этим, как это ни печально, чистый, не интегрированный с психологическим дискурсом оккультист как бы разделяет, изолирует две грани своей жизни.

Так вот, суть в том, что преодолеть этот фатальный разрыв помогает именно психологический дискурс, а особенно юнгианский. Акцентируя важность «третьей инстанции» между Духом и Материей, Юнг и в теории, и на практике, своим примером, учит рассматривать все образы психики и все события жизни как имагинальное (воображаемое) поле души, которое следует рассматривать с архетипической точки зрения.

Для большей ясности сравним разрыв Юнга и Фрейда и разрыв Кроули и Мазерса. В структуре этих разрывов много общего. В обоих случаях речь идет о конфликте учителя и ученика, превзошедшего учителя. В обоих случаях ученик опирается на модель учителя и выводит ее на гораздо более высокий уровень. В обоих случаях было длительное социальное противостояние. Однако даже Кроули со всей его гениальностью видел причиной разрыва не некий психологический процесс, но, с одной стороны, злонамеренность Мазерса (проекция), а с другой — высший замысел Учителей, описанный им в «Книге Причин» (проекция на дух).

Оба взгляда вполне естественны, однако не хватает третьего, который мы видим на примере Юнга, который рассматривал свой процесс с Фрейдом как прежде всего происходящий внутри его психической реальности, где реальный Зигмунд переплетался с имагинальным (воображаемым) Зигфридом, убитым Юнгом в одном из сновидений. И если даже сам Кроули порой оказывается не в состоянии на практике перевести позицию «над небом» на позицию «под небом», можно ли этого ожидать от нас, если мы остаемся лишь его последователями и не совершаем активного развития?

Уникальность позиции Юнга в том, что каждое событие, каждый конфликт вовне и каждая фантазия внутри становятся частью Великого Делания, благодаря чему Делание наконец-то спускается из воображаемых высот в реальность повседневной жизни. И это то, чего так боятся романтики от оккультизма. В конце второй части книги я планирую привести один пример психологической работы с старозонными конструктами.

В Телеме есть очень важная клятва осмысления каждого события жизни как особой формы диалога САХ с твоей душой. Однако ошибка Кроули в том, что он рассматривал эту задачу

как высшую клятву последней степени — Ипсиссимуса, — в то время как в юнгианском дискурсе такого рода осмыслением все начинается, а не заканчивается.

Вторая часть этой книги во многом является попыткой такого не только теоретического, но и практического совмещения юнгианского и телемитского подходов, при котором высокая метафизика сопрягается с конкретными, порой грубыми, порой банальными событиями жизни и осмысливается внутри имагинального поля души. Вместо того чтобы помещать идеи «над небом», мы помещаем их «под небом» вслед за Борисом Гребенщиковым, который когда-то изменил лишь один предлог песни, в его исполнении ставшей легендарной.

Хорошей иллюстрацией к этому является юнгианская практика активного воображения, которая, хоть и имеет аналоги в оккультизме (скраинг, астральные путешествия и т. п.), в сущности своей уникальна. Если традиционная оккультная практика осуществляется по заранее заданным или разработанным сценариям, включающими архетипические образы (что, кстати, тоже очень важно и ценно — странен тот телемит, который не выполняет практики, рекомендованные Кроули), то практика активного воображения отталкивается от банального симптома, проблемы, навязчивой мысли или любовью другой паталогизации души.

Расширенное до образа, это явление из патологического становится символическим, открываясь одновременно как универсальный символ (чаще всего практика активного воображения ведет к архетипическим сюжетам и образам, даже не ставя этой цели) и как символ личный, индивидуальный, рожденный в полном смысле этого слова из самой бросовой, самой грязной земли, как и положено философскому камню.

С другой стороны, и классическая оккультная практика, будь то медитация на заранее заданные символы, выполне-

ние ритуалов или асан, повторение мантр, дает нам то, чего не может дать активное воображение. Практика активного воображения рекомендуется скорей в кризисные, болезненные моменты, и тогда сначала источник персонифицируется, а затем его персонификация помещается в динамическую реальность воображения. Но эта практика не может быть повседневной и регулярной. Поэтому мы рекомендуем именно сочетание юнгианского подхода (особенно в кризисных ситуациях, как у Юнга в период разрыва с Фрейдом) с телемитским, который обеспечивает регулярную, выстроенную и осознанную связь с глубинными уровнями внутренней бесконечности.

Еще один важный дар юнгианства Телеме — это культура осмысления сновидений. Я не говорю «анализа»: даже внутри юнгианства слово *анализ* подвергалось активной критике. Наша задача — не расщепить сновидение на составляющие, а наоборот, расширить его контекст, образ, символический ряд так, чтобы стало ясно его место в универсальной имагинальной реальности. При всем желании мы не найдем в Телеме, да и вообще в оккультизме, ни эффективной теории, осмысляющей феномен сновидения, ни интеллектуальной практики, позволяющей понять конкретный сон. Единственные упоминания Кроули о снах в «Либер Алеф» достаточно наивны и полностью упускают из виду второй и третий уровни имагинальной реальности сновидений.

А Телема — что она еще может дать юнгианству, кроме разработанных ритуалов? Во-первых, в Телеме гораздо более четко картографировано образное царство души. Древо Жизни при должном ее усвоении — действительно бесценная карта, позволяющая научиться мыслить в совершенно ином, символическом и сакральном измерении реальности. Да, конечно, карта — это всего лишь карта, и на месте Древа Жизни может быть другая модель мироздания — скажем, руны, арканы Таро или гексаграммы Ицзина. Однако важно, чтобы такая

модель в принципе была. Субъективно для меня классификации Кроули гораздо более логичны и понятны, чем, скажем, соответствия французской школы оккультизма, однако после ознакомления с работой Григория Зайцева я признаю, что французская школа — такая же полноценная система со своей логикой.

Здесь я хотел бы ненадолго отвлечься от основного вопроса и поговорить о принципе осмысления тех или иных оккультных значений и соответствий. Многие годы я, как яростный сторонник английской оккультной школы, зло, но и достаточно обоснованно критиковал некоторые несоответствия и нелогичности, которые наблюдал во французской школе. Снова и снова я задавал неудобные вопросы представителям французской школы: «А почему Дурак — это Шин? Почему ноль не в начале и не в конце? Почему Отшельник — Лев, когда Лев — это экстраверт?» Показательно, что НИКТО из опрашиваемых мною не мог дать внятный и непротиворечивый ответ. Были даже случаи, когда экзальтированные барышни просто разрывали приятельские отношения со мной из-за того, что я «обидел их школу». Подобная экзальтация лишь укрепляла меня в моем презрении к французской школе, которая все больше напоминала не логичную систему души, а систему верований. Однако, когда к нам в клуб пришел профессор Григорий Зайцев, чьи книги по французской системе мы имеем честь издавать, он дал мне четкие, непротиворечивые, логичные ответы, причем так, что я, оставаясь внутри английской системы, смог в полной мере понять и прочувствовать, что французская система тоже глубока, красива и непротиворечива внутри самой себя, а речь идет именно о разных моделях, одна из которых была просто мне до конца не ясна. Однако задумаемся: если за много лет только Григорий смог дать такие ответы (и я был готов их принять), не означает ли это, что все, кого я спрашивал ранее, в принципе не понимали

того, о чем говорили, просто некритично приняв некое данное свыше знание? На мой взгляд, это так. И все ли сторонники той системы, которой придерживаюсь я, действительно ее понимают?

Этот пример наглядно демонстрирует различие между подходом, преобладающим в эзотеризме, и тем подходом, который по мере сил стараемся реализовывать мы. Знание, какое бы оно ни было, не может быть просто воспринято, принято и усвоено только потому, что «это знание, данное свыше». Знание должно быть осмыслено знающим, пропущено через его духовный, эмоциональный и интеллектуальный опыт, преломлено через индивидуальность практикующего эзотерика, обретая дополнительные грани и смыслы, связанные с его личным опытом. Кен Уилбер, выдающийся трансперсональный психолог, разделял *традиции трансляции*, в которых некое безусловное знание дается свыше как аксиома, и *традиции трансформации*, в которых речь идет о конкретном, личном, духовном, инициатическом опыте. Окультизм относится к традициям трансформации (по крайней мере, потенциально и на уровне декларируемой цели), но на практике зачастую остается лишь дурно усвоенной трансляцией. Именно поэтому проект «Касталия» выстроен прежде всего как своего рода интеллектуальная лаборатория, в которой все символы и модели по мере возможностей осмысляются на собственном опыте.

Но вернемся к нашей основной теме. Что еще может дать Телема юнгианству? Мое наблюдение за юнгианским дискурсом свидетельствует о том, что в современном юнгианстве преобладает дух *мистического ноктюрна* (термин Жильбера Дюрана — см. его 15-минутный обучающий фильм «Имажинер»), то есть установка на смягчение, сглаживание, подстройку под человека. Можно сказать, что юнгианство рискует стать жертвой особого рода политкорректности, которая игнорирует и обесценивает дух экспансии, нонконформизма, пассионар-

ности. Телема — как на уровне мощных и динамических метафор и шокирующих неподготовленного человека идей, так и на уровне личного примера Кроули, — может привнести в юнгианство как раз тот самый желанный страстный, динамический, *диурнический* элемент.

В наше время обработки человека средствами массовой информации, когда человек чаще всего вообще не способен отделить себя от господствующих моделей, выйти из строя, — именно Телема делает ему важную прививку нонконформизма, альтернативной культуры, жесткого и бескомпромиссного провозглашения примата индивидуальной реализации над слепыми коллективными идеями и такими целями, которые на поверку оказываются целями узкого круга власть имущих. Речь не идет о каком-то активном внешнем протесте — противостоять нужно прежде всего не внешне (что, в сущности, бесполезно, ибо, как когда-то спел классик, «революция... научила нас верить в несправедливость добра», а протестующий, сам того не подозревая, быстро становится частью Системы), но внутренне, осмысляя Систему как нечто принципиально враждебное и чуждое.

Конечно, черты этого внутреннего противостояния можно найти и в юнгианской мысли — например, в юнговском противопоставлении Духа Времени и Духа Глубин и в тех идеях важности индивидуального Делания для оздоровления коллективного бессознательного, которые Юнг высказывает в «Нераскрытой Самости». Однако эти идеи в лучшем случае сглаживаются и недооцениваются. Это связано с тем, что сторонники юнгианской модели в абсолютном большинстве — практикующие психологи, имеющие дело с тяжело пораженными психически личностями, и стремление щадить и без того хрупкую психику у них в крови.

К сожалению, показательна судьба постъюнгианства, кото-

рое ради того, чтобы быть «приемлемым» и «нормальным» и соответствовать научному истеблишменту, все дальше отходило от изначальных идей Юнга, сводя мифопоэтическую реальность к грубому биологизму. Юнга все больше скрещивают с Фрейдом, причем не на территории Юнга (то есть осмысляя инсайты Фрейда как имеющие символическую ценность), а на территории Фрейда (где мифопоэтические концепции Юнга редуцируются к раннему биографическому материалу). Достаточно сравнить то, что подразумевал под «Самостью» сам Юнг, с тем, как это слово используют современные юнгианцы английской школы. Здесь акцент на эзотеричности, причем на самой радикальной и бескомпромиссной из оккультных школ, Телеме, служит возвращению пассионарности и дает возможность последователям Юнга выбрать Дух Глубин, а не Дух Времени.

Следующий важный аспект, который нужно рассмотреть, — сексуальность. Хотя сам Юнг не имел проблем с выражением сексуальности и не страдал предрассудками Фрейда, сексуальность в его теории остается не вполне осмысленной. Некие тонкие намеки вроде указания на алхимическую эротическую образность или фигуру *Soror Mystica* присутствуют, но их все же недостаточно. Единственную подсказку мы находим в «Эоне» (§ 314), где Юнг с удовольствием приводит гностическую притчу из «Вопросов Марии», подкрепляющую его идею о том, что четвертый аспект Самости связан с сексуальностью.

Думается мне, что такое игнорирование темы сексуальности связано прежде всего с разрывом с Фрейдом, которому он оставил эту площадку. Но сексуальность лишь одной частью является биологическим феноменом, как это представляет Фрейд, в то время как другой, сокровенной, сакральной своей частью сексуальность относится к пространству символической жизни. Именно Кроули в полной мере осмысляет и возвращает сакральную, не оскверненную патриархальным

подавлением и христианским чувством вины, сексуальность.

В этом отношении Кроули оказывается ближе не к Фрейд, но к Вильгельму Райху, еще одному опальному ученику Фрейда, связавшему индивидуальную сексуальность с универсальной энергией — Оргоном. Впрочем, парадоксальную связь между идеями Кроули и Райха проследил еще Роберт Антон Уилсон.

Конечно, разговор о сходстве и различиях двух базовых для проекта «Касталия» моделей можно продолжать до бесконечности. Для нас вполне достаточно того, что мы проследили основные закономерности. Оставшуюся часть главы я хотел бы посвятить рассказу о том, что представляет собой проект «Касталия» как интеллектуальная лаборатория.

Конечно, читатель вправе пропустить эту часть повествования, сочтя ее грубой рекламой, но я все же надеюсь, что любопытство одержит верх.

Ровно восемь лет назад на одной из московских квартир я собрал группу единомышленников, которые были заинтересованы в совместном исследовании глубинной психологии и оккультизма. За эти годы «Касталия» достигла огромного развития, и сейчас мы даже заявляем о своей оригинальной системе практики. Что же такое «Касталия» в наши дни?

Во-первых, это самая крупная в русскоязычном Интернете библиотека оккультных и юнгианских текстов. Девяносто процентов материалов нашего сайта *castalia.ru* — это эксклюзивные переводы, выполненные членами и друзьями клуба. Посетитель нашего сайта сталкивается с огромным количеством материалов по юнгианской психологии, Телеме, алхимии, гностицизму, Таро, Каббале, сексуальной магии, Магии Хаоса и другим оккультным традициям. Отдельный раздел — переводы исследований ученых-антропологов и религио-

ведов, исследующих с позиции феноменологии (то есть нейтрально — без обличения или апологетики) эзотерические традиции, а также символические и мифологические сюжеты. Кроме того, на нашем сайте можно найти множество моих работ и работ членов клуба.

Доказательством бескорыстности наших намерений является выкладывание наших переводов в сеть. Да, часто эти переводы выложены без редактуры и корректуры, разрознены, и иногда требуется некоторое усилие, чтобы собрать из отдельных глав целую книгу. Однако принципиально важный факт заключается в том, что любой, даже самый бедный человек имеет право и возможность ознакомиться со всей полнотой информации, которую мы представляем. Свидетельством высокой культуры наших пользователей является то, что, несмотря на бесплатность сетевых публикаций, люди все же предпочитают покупать книги в бумажном варианте — отчасти потому, что резонно не доверяют надежности электронной формы, которая может исчезнуть на следующем витке истории, а отчасти чтобы выразить благодарность и оказать поддержку нашему проекту.

Во-вторых, это собственно интеллектуальный клуб «Касталия» который действует в реальном пространстве и собирается, чтобы послушать лекции на разные темы каждую пятницу в одном из бизнес-центров Москвы. Участие в наших собраниях — не бесплатно, однако по сравнению с большинством эзотерических и психологических тренингов достаточно недорого. Приглашая лекторов в наш клуб, мы прежде всего ориентируемся на уровень их подготовки, и у нас выступают как представители эзотерических школ, так и академические исследователи эзотеризма.

Наши собрания — это не только лекции. После лекции обычно бывает дружеский пир, где в непринужденной обстановке,

за чашкой чая или бокалом вина, гости могут пообщаться с единомышленниками на темы, которые им интересны. У наших пиров уже есть свои традиции вроде обязательного чтения классической поэзии и особой системы тостов.

В наше время основная ценность таких собраний для гостей заключается не столько в самой новой информации (хотя, конечно, работа с информацией идет на самом высоком уровне). В конце концов, можно получить эту информацию из статей или купить курс видеолекций и смотреть их дома. Основная их ценность — в особом пространстве интеллектуальной лаборатории, оказавшись в котором человек чувствует, что получает дополнительную поддержку в своих интеллектуальных и духовных исканиях.

Как я уже сказал, важным принципом работы нашего клуба является то, что мы открыты для сотрудничества с другими проектами и индивидуальными исследователями.

Важно подчеркнуть, что, хотя Кроули как мыслитель, поэт и создатель ритуальных психотехник занимает важное место в той философии, которую мы разрабатываем, «Касталия» не является религиозным братством — примерно три четверти постоянных членов клуба не являются телемитами по вероисповеданию. «Касталия» объединяет представителей самых разных мировоззрений и школ, что уже само по себе дает возможность членам нашего клуба существенно расширять свой кругозор не только на лекциях, но и в процессе неформального общения на пирах. Кроули как обязательная фигура философского ядра «Касталии» занимает это место прежде всего как носитель определенной смысловой и этической системы. Как я уже говорил, бывает так, что человек, принадлежащий к другой традиции, оказывается по нашей шкале ценностной большим телемитом, чем некоторые «официальные» телемиты.

Главная цель нашего проекта — непредвзятое информиро-

вание из первых уст о самых разных оккультных и глубинно-психологических традициях и школах. Уже опираясь на это, человек может выбрать сам, какое направление ближе всего к его душе и соответствует его истинной Воле.

Еще одно отличительное свойство проекта «Касталия» — это акцент на важности эстетического развития. На наших собраниях рекомендуются различные произведения классического и авангардного кино, поэзии, художественной прозы, музыки. Например, когда мы рассматриваем арканы Таро, акцент делается на юнговском методе амплификации символов арканов через аналогии в живописи, музыке, поэзии, литературе. Мы стараемся информировать наших читателей о талантливых поэтах и музыкантах современности, работающих в направлении глубинного, символического измерения, создаем клипы-нарезки из наиболее любимых нами песен, проводим лекции, посвященные классическим литературным произведениям. Люди которые не могут посещать наши собрания в Москве, имеют возможность заказывать видеозаписи наших лекций и учебных курсов, а в особо важных мероприятиях участвовать в режиме онлайн, чтобы тоже иметь возможность задать вопрос лектору.

Каковы практические аспекты работы «Касталии»?

Каждые полтора месяца мы устраиваем для всех желающих небольшие мистерии, участники которых могут дать волю своему воображению и прочувствовать основные планетарные архетипы. Во всех наших мистериях участвуют три главных действующих лица — Жрец, Жрица и Посредник, а также те, кто берет на себя роли планет. Если человеку удастся освободить свое воображение и действительно прочувствовать тот архетип, который древние связывали с планетой, некоторое время в его жизни могут происходить значимые «совпадения», связанные с этой планетой (например, Юпитер покро-

вительствует материальным ресурсам, Венера — любви, а Солнце — осознанности и творческому вдохновению. Проводя такие мистерии, мы создаем пространство для активирования архетипических ресурсов нашей психики, внутренней бесконечности. Кто-то из участников рассматривает это как своего рода психодраму, а кто-то — как возрождение древних таинств. Позиция, с которой человек приходит на мистирию, — это его личный выбор. Поэтому одна и та же мистерия для кого-то может быть полноценным, мощным трансформирующим опытом, а для кого-то — просто красивой театральной постановкой, в которой он может поучаствовать. Следует особо подчеркнуть, что тексты мистерий выложены на нашем сайте, так что участники сразу могут ознакомиться с ними заранее, чтобы определить, насколько для них интересно участие.

Каковы дальнейшие планы «Касталии»?

Я стараюсь избегать какого-либо планирования в духе «через месяц мы сделаем то-то, а через год — то-то». Ведь, что бы ни планировал человек, чего бы ни хотело наше Эго, — Архетипы и Боги в конечном счете повернут в том направлении, в каком хотят они.

В качестве идеала я бы обозначил перевод на русский всех значимых исследований юнгианской психологии и оккультизма, представление всех этих текстов (за редким исключением) в открытый доступ, привлечение большего числа лекторов из научного сообщества, рождение неких посвячительных, инициатических мистерий для постоянных и убежденных членов нашего клуба, создание особой Интернет-энциклопедии символов по модели западного ARAS (*aras.org*), обнаружение и продвижение талантов.

Предисловие Владислава Лебедько «Книга-Инициация»

Мы живем в то критическое время, когда количество и качество вытесненного человечеством более чем за 3 тысячелетия доминирования авраамических (умертвляющих, запрещающих, разделяющих) верований близко к некому критическому уровню – некий «котел» напряжения в обществе может вот-вот взорваться, реализовав одну из версий апокалиптических сценариев. И мы уже видим то здесь, то там прорывающиеся пузырьки, через которые это напряжение прорывается в физический мир (катаклизмы, терроризм, национализм, скрываемые за шитыми белыми нитками масками «толерантности» потоки ненависти и желания смерти себе, другим и всему человечеству).

И поэтому именно сейчас книга Олега Телемского крайне важна, и важна для очень многих.

Потому что это не просто изложение теории и описание архетипов (этого-то в современной литературе довольно много), нет – этот текст является живой передачей инициационного опыта, опыта высветления коллективной Тени, высветления в себе, других и мире – именно для такого масштаба, без преувеличения, я вижу заложенный в ней потенциал.

В целом книга описывает те архетипические образы, которые «нормальный человек» считает чем-то дьявольским – для верующих, или крайне вредными, страшными и нужда-

ющимися в обуздании и содержании в «местах заключения особо строгого режима», коль уж их совсем невозможно уничтожить – для мыслящих научными категориями или просто руководствующихся т.н. «здравым смыслом». Это Лилит, Азazelь, Люцифер, Сет, Симон-Маг (Фауст), Бафомет, Бабалон, Мамона... Но особую ценность этим описаниям придает то, что Олег откровенно делится личным опытом и переживаниями собственной жизни, что переводит читателя от абстрактных категорий к сопереживанию и взаимодействию с живыми образами в себе. И, с удивлением обнаруживает колоссальный позитивный ресурс каждого из этих архетипов, с которых постепенно в ходе повествования срываются устрашающие маски чудовищ.

Более того, Олег простым языком проводит исторический экскурс в появление каждого из этих архетипов, сталкивает читателя с мифологическими контекстами, показывая то, почему и зачем авараамические верования и т.н. «здравый смысл» очернили их, в страхе собственного саморазоблачения.

Уже во введении автор объясняет пагубную для современно-го мышления буквалистичность восприятия архетипических образов, которое неизбежно ведет к демонизации. А вот переход к метафорическому восприятию открывает совершенно другие – глубинные и жизнеутверждающие или, по крайней мере, обучающие смыслы, раскрывающиеся в т.н. «темных архетипах».

В результате возникает квинтэссенция многолетнего опыта работы автора как через подход юнгианского анализа, так и через магический ритуал. Олег непрерывно ищет точки соприкосновения между наукой и эзотеризмом в его глубочайшем проявлении, а не в модном ныне поверхностном подходе.

В нашей современной культуре вообще не принято серьезно относиться к внутренним образам и видениям. Люди, которые сталкиваются с подобными психическими явлениями, либо отмахиваются от них, либо воспринимают слишком букваль-

но. В книге «Обратная сторона Луны» доступно, и в то же время глубоко передан опыт взаимодействия с подобными силами и интеграция этого опыта в сознательную жизнь.

В море психологического и эзотерического знания, уже почти затопившего современного искателя, книга может стать верным проводником, способным провести через опасные ловушки буквалистического восприятия психических явлений и инфляции. Большое количество людей сталкивается с внутренними переживаниями образов, но не имеет достаточно опыта и определений для интеграции такого опыта.

Эта книга - для мыслящих и чувствующих людей – а таких сейчас не так уж мало (почему я и говорил выше о потенциальном планетарном масштабе книги), для тех, кому тесно в рамках популярной психологии и псевдоэзотеризма, наводнивших полки книжных магазинов и интернет-пространство, но, в то же время, стремящихся к глубокому проживанию духовного опыта. Казалось бы, в наш век доступности всего и вся, когда в прошлом сокровенное знание якобы лежит на поверхности, истинное и глубинное, как и прежде, не дается так легко. Свой личный опыт, которым Олег так щедро и откровенно делится на страницах книги, является одновременно и мощным стимулом и предостережением. Подробное и глубокое описание личного проживания архетипического опыта, раскрытое в доступной, не навязчивой форме, открывает для читателя дверь в мир запретного, табуированного, вытесненного на протяжении тысячелетий. Для многих сейчас такое продолжающееся вытеснение может оказаться, мягко говоря, губительным – психосоматика, межличностные проблемы, неврозы, депрессии... мировые катаклизмы (социальные и природные во всем их разнообразии) - вот далеко не полный перечень последствий такого вытеснения.

А ведь для большинства представителей западной христианской культуры, которыми мы вольно или невольно являемся, такое вытеснение на протяжении множества поколений

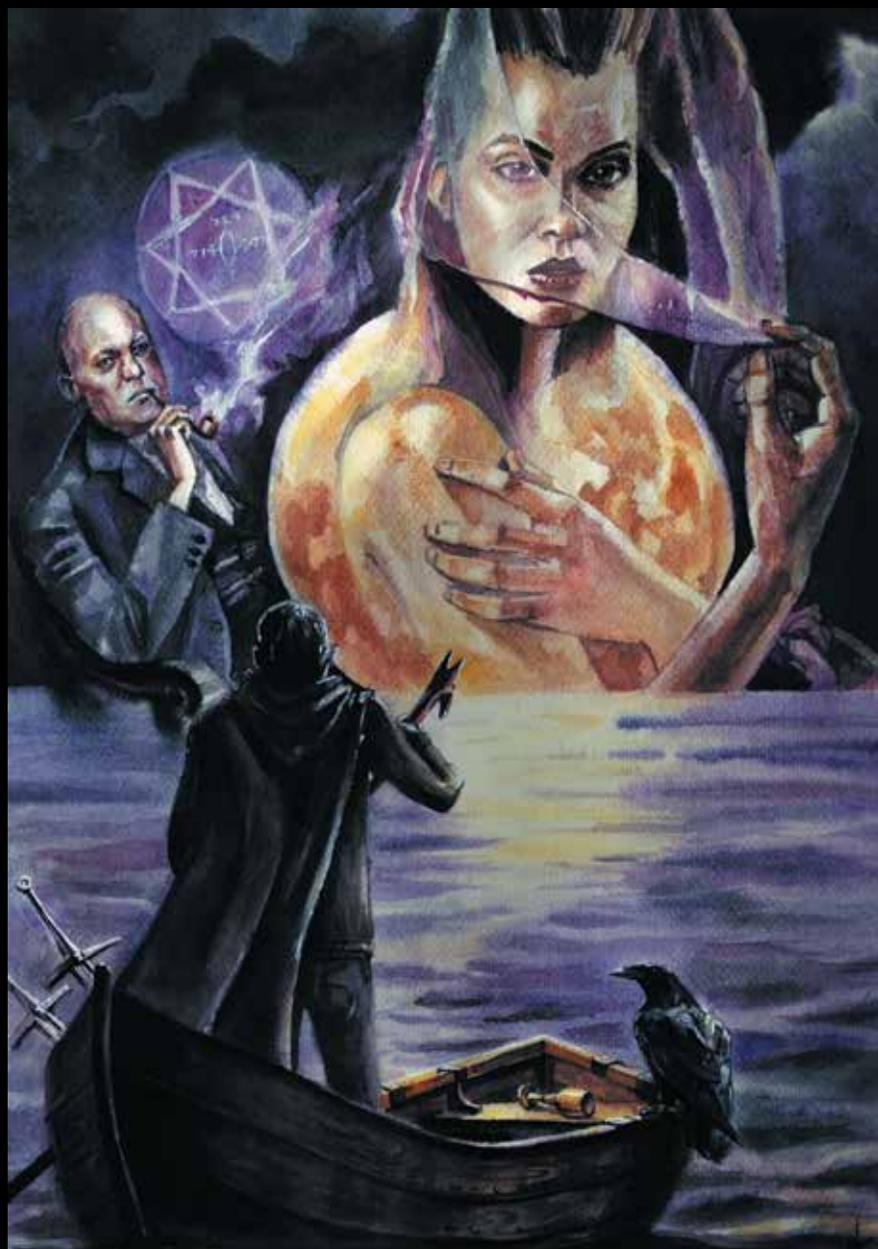
уже стало неосознаваемым и как бы естественным. Кратко и сжато в книге раскрыты сложные мировоззренческие и культурные противоречия, нередко, приводящие к невротическому конфликту, столь характерному для современного человека, проведен исторический экскурс, показывающий первопричины многих устоявшихся в нашем сознании норм и правил, больше ограничивающих и даже калечащих, чем это можно представить на первый взгляд. Не будет большим преувеличением сказать, что «осветление» темного и возвращение «силам зла» их законного места в нашем сознании является для Ноосферы в настоящий момент вопросом уже не просто гармонизации, но выживания. Не секрет, что вытесненное из области коллективного сознания всей планеты продолжает влиять на жизнь всего человечества через экологические катастрофы, военные конфликты, и различные формы угрозы для жизни всей Земли.

Даже неполное сознательное принятие таких объявленных несколько тысячелетий назад «темными» архетипических сил может сильно повлиять на процессы, происходящие в мире.

Именно поэтому книга Олега Телемского может стать инициатической и исцеляющей как для отдельных людей, так и для социума и, даже, для Ноосферы в целом.

Я благодарю Олега за его страстное, живое и искреннее обращение к Миру через эту книгу!

Владислав Лебедько

художник Татьяна Подольская

ГЛАВА 0.

Ступени на другую сторону

Мое первое столкновение с религией произошло очень рано. Мы с бабушкой жили в однокомнатной квартире, где была огромная кладовка с несколькими полками и множеством никому не нужного тряпья, наваленного многими слоями. Я хорошо помню свою первую игру: я очень любил прятаться в этой кладовке, стараясь забраться как можно глубже или выше.

Однажды я зарылся в эти тряпки слишком глубоко и нашел предмет, глядя на который ощутил смутную тревогу. Как я понял гораздо позже, это была небольшая иконка Николая Угодника. Картинка вызывала беспокойство и настороженность, словно это был предмет из другого мира — мира, который может быть опасен.

Как и всякий ребенок, я решил поделиться с бабушкой своей находкой. Увидев в моих руках иконку, бабушка вскрикнула от ужаса: «Ты играл с этим!» Ее голос имел разительный контраст с обычным и звучал, как будто железом скребли по стеклу. Нет, она никогда не наказывала, не била и даже не ругала меня. Но в ее голосе звучало нечто худшее. Страх. Животный страх за меня, который мгновенно распространился вокруг, точно ядовитое облако. Такой страх мог бы возникнуть, если бы ребенок по неведению взял в руки ядовитую змею или тарантула. Но все, что было у меня в руках, — это иконка «Боженьки». Под «Боженькой», видимо, подразумевались любые изображения на иконах. Ужас от прикосновения к «Боженьке» заползал под кожу ознобом.

Бог, каким мы его в большинстве своем знаем, — это страх. Урок, который я достаточно быстро и достаточно полно получил с самого первого столкновения с Богом. Религия — это не-

что суровое, холодное, безжизненное, являющееся хранилищем страха. Граница, ставящая предел. Тогда, в детстве, я не имел в себе сил бороться с этим страхом, но, подобно тому как каждый новый месяц я решался убеждать от дома подальше, по мере взросления я отвоевывал у «Боженьки» все больше пространства.

В этой детской истории в высшей степени показательно то, что, в сущности, травматический опыт привел меня к совершенно точному знанию. Основа существующей религии — это страх. Скрытое от любопытствующего сознания Ядро Бога — насилие как основа бытия. Бог должен вызывать ужас. С логической точки зрения, если предположить, что бабушка была верующей христианкой, кажется абсурдным то чувство ужаса, которое она испытала. Что я мог причинить этой небольшой деревянной иконке? Осквернить? Совершить над ней черную мессу? Чем игра неосознанного трехлетнего ребенка могла разгневать предполагаемого всемогущего и всемилостивого Бога? Разве не должен христианин обрадоваться тому, что дитя тянется к символу его веры, находит его, устанавливает с ним какой-то свой контакт? Ведь это же поможет впоследствии более естественно и легко включить ребенка в свою веру! Впрочем, я не могу сказать, что моя бабушка, умершая достаточно рано, была слишком воцерковлена.

Много лет спустя я столкнулся с чем-то столь же нелепым в восприятии религии. Мы с матерью пришли в квартиру, где умер ее отец. Разбираясь в вещах, мы нашли Библию. Уже будучи взрослым человеком, я испытал целую палитру эмоций. Что мне с этим делать? Я не христианин. И в моей богатой библиотеке Библия уже есть, поэтому брать еще и эту себе я не вижу смысла. Выбросить? Подарить кому-то из друзей? Положить на порог церкви? В конце концов, артефакты чужой религии заслуживают уважения... Пока я прокручивал в уме разные варианты, моя мать меня поразила. Взяв тряпку, она взяла Библию за уголок, словно та была ядовитой гадюкой, и поспешно отнесла книгу в мусор. Та же история: моя мать

— это человек, который, в отличие от меня, считает себя христианином. Она любит говорить о том, что она «молится Богу». Она даже заходит в церковь, правда, не чаще пары раз в год. Но, столкнувшись с религиозным артефактом в неожиданных условиях (в доме умершего родственника), она ощутила все тот же абсолютный, рационально не объяснимый ужас и поспешила убрать пугающий предмет с глаз долой.

Конечно, можно сказать, что некорректно и опасно из отдельных фактов выводить закономерности — если тебя один раз обокрал негр, это не значит, что все негры воры.

Однако в отношении религии подобное обобщение может быть если не полностью, то во многом справедливым.

Разве в абсолютном большинстве обществ религиозные институты не являются консервативными и не сопротивляются любым изменениям? Консерватизм и неophobia — спутники именно наиболее последовательно и яростно верующих. А что такое консерватизм, как не квинтэссенция страха? Изменение — всегда неизвестный фактор. Изменение может происходить со знаком плюс или со знаком минус, и страх акцентирует минус, а любопытство — плюс. Крайний страх рассматривает даже однозначно плюсовое изменение как источник будущей опасности. Крайнее же любопытство рассматривает даже минусовое изменение как источник будущих интересных приключений и возможностей. Несмотря на то, что у любой религии есть «умеренное» крыло и крыло консервативное, как правило, даже церковная «умеренность» — это мягкий консерватизм с точки зрения большого мира. Разве именно религия, в ее самых разных формах и обличиях, не стоит на пути освобождения человека и не стремится загнать его в рамки жесткого подчинения?

Бога религий не называют злым. Но это умолчание тоже имеет свое объяснение. Сталкиваясь с чем-то умеренно страшным, человек ищет способы преодолеть угрозу. Сталкиваясь с предельным ужасом (а именно с таким ужасом соотносятся

для человека экзистенциальные вопросы времени, смерти, вины и власти в ее наиболее крайних формах, как природной доминантности), человек пытается перестать видеть пугающее. В ход идут эвфемизм, смягчение, переворачивание на сто восемьдесят градусов. Например, умерших называют усопшими, а медведя, нападающего на скот и даже на крестьян, — добрым батюшкой. Эвфемизм гримирует ужас, но грим имеет свойство осыпаться. Вот почему при взгляде под определенным углом многие советские детские стихи вызывают ужас даже больший, чем литература в жанре «хоррор». Второй вид ужаса — ожидаемый, контролируемый, первый же зачастую маскирует многолетний страх писателей перед возможным арестом или расстрелом. Ужас протекает незаметно, незримо, и от этого восприимчивая и честная душа воспримет его куда более остро.

О Боге в религиях принято говорить как о вселюбящем и всемилостивом. Наверняка, если бы бабушку спросили, что она думает о Боге, она бы сказала ровно то же, что сама слышала о его вселюбви, всепрощении и всемилости. Но некритично усвоенные слова-эвфемизмы — это одно, а спонтанная, инстинктивная реакция (более чем убедительный ужас) — совсем другое.

И чем более глубоко и тотально ощущает человек этот ужас, тем больше будет его стремление ни за что не отдать защитные речевые конструкции, прикрывающие реальное положение дел, словно фиговый листок. Можно привести другой пример: большинство пользующихся эвфемистическими заменами не живут в соответствии с утверждаемым им идеалом добра и всепрощения. Исключения в виде отдельных меньшинств, конечно, существуют, но их слишком мало, чтобы рассматривать их как константу, оказывающую существенное влияние. К тому же эти меньшинства чаще всего оказываются в мистическом секторе религии на грани ереси, опасно приближаясь к ужасающему ортодоксов утверждению: «Бог есть я, Бог смо-

трет моими глазами, мой дух единосущен духу Бога». Здесь не просто конфликт позиций, здесь неснимаемое противоречие: утверждение, имеющее один смысл для одних, для других приобретает угрожающее и непонятное первым значение.

Заметим любопытную асимметрию. Те, кто «называет своего Бога по имени», то есть акцентирует гневный, разрушительный аспект Бога, без особого труда следуют примеру своего Бога. Они могут грабить, убивать, вести крестовые походы, не впадая ни в малейшее сомнение. Их утверждения легко согласуются с их образом мысли и образом действия. С другой стороны, те, кто в своих определениях Бога использует эвфемизмы, чаще всего не следуют декларируемым ценностям и живут в состоянии двойной морали.

Масштаб разрыва между этикой жизни и этикой закона иногда бывает просто шокирующим; достаточно вспомнить историю христианского мира — как на уровне государственной политики, так на уровне жизни индивида.

Показательно также, что религия всегда устанавливает запреты и предписания. Религия — это возведение некоторых «нельзя» и «обязан» в категорию абсолюта. Разумеется, некоторые «нельзя» вполне логичны и закономерны (трудно представить себе общество без запрета на убийство или воровство), однако показательно, что эти «нельзя» в религии оправдываются не целесообразностью, а непреложным законом, «данным свыше», то есть продиктованным неким сверхвластным авторитетом.

Достаточно четкая логика подобных рассуждений в конечном счете подводит нас к необходимости преодоления религии и Бога. Этим путем преодоления я шел все детство и юность, сознательно разрушая все большее количество «нельзя» и «надо», от бессмысленного подросткового хулиганства до философско-поэтического вызова Богу и морали после прочтения Камю и некоторых других авторов.

Но атеизм — это лишь полумера. Атеист, отрицая Бога, уподобляется страусу, который засовывает голову в песок, дабы не видеть того, что его пугает. Бог, как он описан выше, существует как феномен, иначе он не оказывал бы столь колоссальное влияние на психологию отдельного индивида и развитие культуры. Необходимо осознанное столкновение с этим феноменом и его трансформация. Отмахнуться от Бога как от банальной выдумки — слишком легкое и поверхностное решение.

И здесь я хочу обратиться к интуиции раннехристианских гностиков, которые подвергли всю религиозную систему радикальному переосмыслению. Для гностиков то, что мы здесь называли «Богом», есть не более чем «слепой творец», персонификация законов мироздания, изначально враждебных человеку. Этот Бог создает для души клетку, из которой она не сможет выбраться, вечно подгоняемая страхом и надеждой. Именно гностики первыми рискнули совершить переосмысление Бога и противопоставить ему Иных Богов и Иную Силу.

Здесь я рискну поставить по-настоящему страшный вопрос. Если всеблагий и всемилостивый Бог оказывается лишь эфемизмом слепого и жестокого деспота, то, быть может, и те боги, которые рассматриваются как «злые», «жестокие», те образы и символы, которые веками персонифицировали враждебные человеку силы, на самом деле таковыми не являются и, напротив, дружественны человеку?

Мой ответ — да! И весь мой духовный опыт взаимодействия с архетипическими силами глубинного бессознательного, отождествляемыми в массовом сознании со злом, показал, что их «зло» — это такое же заблуждение и переворачивание, как «добро» Бога, которого гностики звали Иалдабаофом или Сат-класом. В этой части книги я хочу поделиться именно этим своим опытом.

В юности меня очень привлекали сатанисты, однако, пообщавшись с ними, я понял, что в абсолютном большинстве они

столь же поверхностны, как и атеисты. «Протест» сатанизма оказался частью «большого сценария», а просто механически поменяв имена злых и добрых сил, мы в конце концов придем ровно к тому же самому.

Проблема, с которой мы сталкиваемся, заключается в том, что под словом «Бог» зачастую понимаются принципиально различные феномены. Бог, о котором я говорил выше, Бог всех организованных религий, догм и ограничений, — это лишь один феномен, который называют Богом. Когда о Боге говорит мистик, визионер, поэт, — речь идет о чем-то совсем другом.

Это проблема высочайшей сложности: одно имя связывается с двумя принципиально различными и даже противоположными сущностями. Бог как хозяин, строгий отец, а по сути — источник Страх. И Бог как особого рода психологическое состояние — состояние предельной целостности, изначальноности и подлинности.

Поэтому для того чтобы хотя бы в пространстве этой книги избежать смешивания, я буду первого называть Иалдабаофом (следуя гностической традиции), а второго — Абракасасом (следуя Юнгу), или просто Богом.

Иалдабаоф, Бог организованных религий, требующий порабощения, вызывающий страх и подгибающий колени, — это враг. Но Бог как Источник бытия, Бог, который является истинным центром нашей сущности и нашего мироздания, Бог, который проживается в самые сокровенные мгновения нашего триумфа, — это истинный Бог нашего сердца. По сути, против этого второго Бога невозможно никакое восстание и ничто не может противоречить ему, ибо он есть ВСЁ, а вся Реальность — манифестация или игра этого Бога.

Я хочу еще раз процитировать гностическое Евангелие от Филиппа — текст, который был обнаружен в середине двадцатого века и до сих пор не был должным образом осмыслен:

«Архонты пожелали обмануть человека, ибо увидели, что он — одного происхождения с воистину хорошими вещами. Они взяли имя хороших (и) дали его дурным, чтобы путем имен обмануть его и привязать их к дурным вещам. И после этого, если они делают им милость, они заставляют их отделиться от дурных и помещают их среди хороших, тех, которых они знают. Ибо они желали взять свободного и сделать его своим рабом на навеки.

Имена, которые даны вещам земным, заключают великое заблуждение, ибо они отвлекают сердце от того, что прочно, к тому, что не прочно, и тот, кто слышит (слово) «Бог», не постигает того, что прочно, но постигает то, что не прочно. Также подобным образом (в словах) «Отец», и «Сын», и «Дух святой», и «жизнь», и «свет», и «воскресение», и «церковь», (и) во всех остальных — не постигают того, что (прочно), но постигают, что не прочно, (разве только) познали то, что прочно. (Имена, которые были) услышаны, существуют в мире (для обмана)».

В этом великая трагедия человека. Любое слово может быть искажено и наделено другим смыслом. Поразительный момент — в этой цитате неизвестный автор второго века как будто предчувствует те философские вопросы, которые человечество поставит перед собой только через 19 веков, после создания науки семиотики.

Поэтому, прежде чем идти дальше, я хотел бы предложить читателю задать себе непростые вопросы: «Что есть Бог для меня? Каков мой личный опыт Божественного, Сакрального, Мистического? Как часто я сталкивался с Иалдабаофом и имел ли я опыт подлинного Бога за пределами всех ограничений — Бога, который есть тотальная Свобода и чью волю невозможно нарушить?» Для определения этого Бога Палль Тиллих ввел парадоксальный оборот «Бог за пределами Бога», а Юнг просто говорил об Абраксасе.

Все архетипы, символы, боги являются своего рода эманаци-

ями или гранями Абраксаса. Обычное сознание боится прикасаться к темной стороне Абраксаса, поскольку она охраняется табу. Я хочу нарушить это табу и сорвать покров с тех архетипов, которые считаются в нашей культуре негативными и разрушительными. Весь мой опыт говорит о том, что фигуры, которые часто понимаются как злые и разрушительные, зачастую как раз и являются носителями реальной свободы.

Эта книга — шаг на другую сторону, штурм ветхих небес, переосмысление привычных догм. Это переосмысление я осуществляю на основе как мифологического анализа архетипа, так и личного опыта, который практически всегда предшествовал какому-либо убеждению. Моя откровенность может показаться читателю шокирующей, поэтому мой долг предупредить, что эта книга — далеко не для всех.

художник: Татьяна Подольская

ГЛАВА 1.

Люцифер

Мне четыре года. Может быть, три, а может быть, все пять. Во сне я вижу себя вместе с бабушкой в гостях у родственников. Мы уже собираемся выходить, я выбегаю первым и вдруг, оглянувшись, понимаю, что лестничные пролеты обрушились друг на друга и бабушка насмерть раздавлена ими. В первую секунду я чувствую страх, но он сразу же сменяется невиданным прежде восторгом. Свободен! Свободен, как ветер!! И не могу сказать, что бабушка как-то сильно наказывала меня или была со мной жестока. Просто в глубине души я всегда ощущал себя совершенно иным, принадлежащим к совсем другим ценностям, к миру, где подарки не отнимают, а о великом певце не говорят «надо было его ночью зарыть, кто он вообще такой?». Я принадлежал к другой реальности и другой культуре, но пока не знал ни имен ее, ни форм, и не было ничего, кроме той дикости, которая меня окружала. Поэтому в том сне и ощутил такой восторг. Я побежал, раскинув руки ветру. И Ветер подхватил меня; казалось, вот-вот он взвоет меня в небо, и еще никогда я не был так свободен. Потому что это он, Ветер, подарил мне свободу. Я не знал его настоящего имени — просто Ветер. Но я знал, что где-то внутри и вокруг меня живет Он — тот, кто есть абсолютная свобода.

В некоторых средневековых мифах Люцифер изображается распятым на северном ветре. Демоны, стихийные духи и даже ангелы движутся только по заданным орбитам, и каждого из них маг, владеющий тайными именами, может призвать по своему желанию. Но Люцифера призвать невозможно, потому что он един с ветром, а нет ничего более свободного, чем ветер.

И когда становилось сложно, а Система наваливалась на

меня всей своей тяжестью, иногда вновь я чувствовал это дыхание глубин.

Но северный ветер — мой друг,

Он хранит то, что скрыто.

Он сделает так, что небо будет свободно от туч

Там, где взойдет звезда Аделаида.

Эта песня, которую поет БГ, написана на стихи Геннадия Мигачева, автора книги «Сгинувшая лига XIV века», славящей Несущего Свет — Люцифера.

Надо ли говорить, как я назвал свою дочь?

Гораздо позже, в 25 лет, уже после моего посвящения, Люцифер проявился в видении в полную силу.

После посвящения прошла неделя, а меня преследовали темы страха смерти. Казалось, мои потаенные комплексы превратились в демонов, каждый из которых пытался побольнее ущемить разум. Спалось плохо. На восьмой день я оказался в просоночном состоянии и начал слышать отовсюду голоса, повторявшие: «Люцифер пришел, Люцифер пришел, Люцифер пришел». Он уже не был тем легким ветром, он был силой, которая сносит все на своем пути, песчаным самумом, способным играючи сквырнуть буровую установку, чистой мощью и чистым ужасом, и красотой. И в какой-то момент я увидел, как на моем пальце появился красный отблеск. Рубиновое кольцо! О да, мне было даровано кольцо. И, точно повинувшись неведомому голосу, я спокойно и уверенно пошел навстречу самуму, говоря: «Люцифер, я свой, это мой пароль, это мой код, ты не повредишь мне, ведь я свой, и на мне кольцо. Твое кольцо». На этом инициация была закончена.

Третья встреча произошла недавно. Волею судьбы я оказался свидетелем отвратительной ситуации, настолько абсурдной и нелепой, что пересказывать ее здесь было бы напрасной

тратой вашего времени. В общем, на моих хороших друзей осуществлялось давление, причем в вопросе, касающемся их личного выбора, а тот, кто по всем законам жанра должен был оказать им поддержку, внезапно поддержал противостоящую сторону. Ставились откровенно мещанские ультиматумы, и все, кто был вовлечен в эту ситуацию, вместо того чтобы проявить Волю, боялись, как бы чего не вышло, и бессмысленно моргали, как «последние люди» в «Заратустре» Ницше. Я не моргал и высказывал свою позицию прямо, но реально повлиять ни на что не мог, что меня изрядно бесило.

Тогда я решил воззвать к нему, призвать его истинное имя, чтобы просить о помощи. Просить для себя — грех, просить же для других, да еще в деле его сферы — бунта против окружения, мужества в борьбе, — вполне допустимо. Кроме того, на тот момент у меня была поддержка мощнейшего виртуального ковена, который я собирал последние года два, и направленного магического действия пары десятков серьезных практиков из тех, которые «живут в глубинах внутренней бесконечности» и готовы поддержать инициативу, не задавая лишних вопросов. Это было то крайнее средство, к которому я обратился.

На этот раз я видел его как звезду. Тонкий серебристый свет как будто обнял меня во время ритуала и вливался в сердце благородным покоем. Не тем покоем, что сбивает концентрацию и превращает нас в амёб, но покоем жреца, единого со своим Богом. Надо ли говорить, что эта коллизия, казавшаяся неразрешимой, рассосалась как-то сама собой за ближайшие пару недель?

События, о которых я рассказываю, — это события души, опыт глубинного уровня. Возможно, Люцифер и те силы, о которых я буду говорить дальше, — реальные субъекты со своей индивидуальностью, а возможно — просто очень глубинные психические структуры. В сущности, это не имеет значения, ведь этот опыт в любом случае является очень мощным и зна-

чимым. Эти события — наиболее чистое и полное проявление архетипа Люцифера. Но я чувствую его попутный северный ветер всю свою жизнь. Иногда он дует почти незаметно, ненавязчиво направляя меня к нужным людям, книгам, прозрениям. Иногда обрушивается на паруса моего судна, корректируя курс.

Итак, Люцифер. Знакомьтесь. Как я уже говорил, символы Люцифера — ветер, свет, рубиновое кольцо (забавно, что я еще не читал тогда стихотворения Гумилева о подаренных пяти конях Люцифера), буря. Он может быть поддерживающей силой, а может сокрушать. Его суть — глубинная природа бунта, тотальный динамизм, он — сама негэнтропия бытия.

Что же до известных мифов, то в христианской мифологии Люцифер отождествляется с Сатаной, Дьяволом, который бросил вызов Яхве, за что был вместе с третьей частью ангелов навечно проклят и низвержен в самую низкую точку вселенной. Люцифер странным образом считается повелителем тьмы, хотя значение его имени прямо противоположно — «Светоносец». Но если это противоречие христианская мифология объясняет тем, что он был несущим свет до своего падения, а потом утратил это качество, то целый ряд других противоречий объяснить гораздо сложнее.

Например, отождествление Люцифера с Сатаной. Здесь я прошу читателя быть особенно внимательным, поскольку этот вопрос является ключом ко всему дальнейшему повествованию. В христианской мифологии Люцифер, Сатана и Дьявол — это один и тот же персонаж, некогда восставший против Яхве и за это низвергнутый в ад

Однако в каноническом тексте Библии, в одной из книг Ветхого Завета, мы читаем странные слова: «И был день, когда пришли сыны Божии предстать пред Господа; между ними пришел и сатана. И сказал Господь сатане: откуда ты пришел?» Из дальнейшего текста видно, что Сатана вполне свободно входит к ветхозаветному Богу на совет, дружески бесе-

дует с ним и даже подстрекает подвергнуть страданиям его верного раба Иова. Важно, чтобы внутри мифа все было по крайней мере непротиворечиво, и если уж действительно Люцифер-Сатана пал в бездну ада, как это описывает Данте в своей «Божественной комедии», то как он может вот так спокойно разгуливать по земле и небесам и даже подначивать Бога на не самые красивые поступки, которые рассматривал Юнг в «Ответе Иову»?

И если странность с тьмой-светом христиане еще объясняют в рамках своего мифа, то данное противоречие остается неотрефлексированным. А ведь в свое время именно ветхозаветная «Книга Иова» заставила Карла Юнга написать свой самый личный, почти интимный трактат «Ответ Иову», в котором он ужасается тому, насколько бессознательно жестоким оказывается Яхве.

Как правило, в наше время верующие считают, что Бог есть любовь, благо и милосердие, Люцифер же в противовес ему наделяется всеми возможными пороками, главный из которых — то, что он «лжец и отец лжи». Но давайте внимательно читать Библию. Еще раз подчеркну: в данном случае мы обращаемся исключительно к каноническим текстам, в которых, к своему удивлению, сталкиваемся вместо милосердия, любви и чистоты с актами чудовищной жестокости, благословляемой свыше. Например, согласно Библии, когда по благословлению Яхве избранный народ входил в завоеванный город, пророки требовали «предать мечу всех мужчин, а также женщин, познавших мужа, а женщин, не познавших мужа, взять себе». Чудеса смирения и всепрощения демонстрируют и пророки Яхве; так, Илья предает смерти всех жрецов соперничавшего культа (причем из текста видно, что сами жрецы не пытались сделать что-то подобное), а смиреннейший Елисей после того, как дети дразнили его «плешивым», молитвами призывает двух медведиц, которые заживо разрывают 48 детей. Или вспомним смерть всех египетских первенцев. Примеров ано-

мальной жестокости, которую приписывает Ветхий Завет своему Богу, не счесть. Будь я кинорежиссером, то сделал бы точную, честную экранизацию таких вот библейских событий. Я убежден, что такой фильм стал бы лучшим противоядием от догматической религиозности. (Право же, даже самый жестокий мерзавец двадцатого века Гитлер не приказывал своим войскам, входившим в завоеванные города, предать смерти ВСЕХ мужчин и женщин, познавших мужа.)

Подобные странности Библии приводили многих к атеизму и полному неверию в какого-либо Бога или богов. С моей точки зрения, это детская позиция: если мир не такой, каким я его себе представлял и каким он, по моему мнению, должен быть, — значит, мира вообще не существует. Гораздо более интересное прочтение этих странностей предложили первые христианские еретики, впоследствии названные гностиками. Гностики отвергали Ветхий Завет, утверждая, что божество, творящее столько жестокости, не может быть отцом Иисуса. Сам Иисус, согласно гностикам, пришел из совсем иных, непостижимых высот неведомого и невыразимого Бога, которого они называли Плеромой, Отчей Бездной или Полнотой. Ветхозаветный же бог (здесь с маленькой буквы) — это всего лишь слепой и бессознательный творец слепых сил самого нижнего уровня мироздания, чей закон есть закон обезьяньей стаи или львиного прайда. Итак, когда Иисус называл себя Сыном Божьим, он не имел в виду того Яхве, которому поклонялись иудеи и «подвиги» которого описывал Ветхий Завет. Не случайно даже в каноническом Евангелии от Иоанна Иисус говорит иудеям: «Ваш отец диавол».

Интересно, что представление о каноне, состоящем из четырех евангелий, появилось гораздо позднее, в среде же первых христиан ходило огромное количество евангелий, позднее объявленных подложными. Эти запрещенные евангелия тщательно выискивались ревнителями строгой веры и уничтожались, но, к счастью, часть из них сохранилась в пеще-

ре Наг-Хаммади и была обнаружена в середине двадцатого века. Да и критики гностицизма, сами того не ведая, сделали для гностиков благое дело, сохранив в своих отзывах осколки гностической мифологии.

На самом деле гностики были опасны для нарождавшейся церкви не столько отрицанием Ветхого Завета, сколько своим мистическим анархизмом. При всех различиях каждый гностик был убежден, что задача церкви только в том, чтобы сохранять тексты, в то время как свои отношения с Иисусом и Отчей Бездной каждый должен выстраивать в соответствии со своим личным духовным опытом — гнозисом. Различные гностические школы предлагали самые разные мифологические системы, но это не становилось поводом для конфликта, ведь гностики были убеждены, что самое ценное — это личный опыт, а те символические концепты, которые рождались в результате этого опыта, у каждого свои. Здесь можно сравнить подход гностиков с подходом писателей: каждый автор вправе создать свое описание неких реальных или вымышленных событий, и критерием является не некая единая истина, но красота и фасцинативность самого повествования.

Разумеется, такая свобода была не по нраву нарождавшейся новой, имперской церкви, для которой гностики были первейшими и опаснейшими врагами, ибо подтачивали ее авторитет, а стало быть, и власть. Поэтому гностики стали первыми жертвами протоинквизиции, а их писания по большей части уничтожены.

Теперь нам понятно, зачем церкви понадобился именно этот слепой, жестокий ветхозаветный образ Бога. Именно в Ветхом Завете церковь получала легитимизацию преследования любых иноверцев и инакомыслящих внутри самой веры.

В наше время гностический взгляд на христианскую мифологию возрождается и все больше укореняется в психологическом дискурсе. Например, Стефан Хёллер — одновременно

епископ гностической церкви и юнгианский аналитик — в своих книгах подробно разъясняет позиции гностического христианства.

Так вот, образ Люцифера как ангела, восставшего против Яхве, появляется только в имперской церкви. Прежде же силой, противостоящей Иисусу, именовался Сатана. Он искушал Яхве наказать Иова, он же и искушал Иисуса показать свою силу. Люцифер к этим событиям не имеет никакого отношения.

Имя Люцифера (в форме «денница, сын зари») звучит только в одной ветхозаветной книге и, как видно из контекста, отнесено оно к завоевателю евреев царю Навуходоносору. Странным образом сам Иисус в «Откровении Иоанна Богослова» говорит о себе, как о «звезде светлой и утренней». Денницей и утренней звездой называли Венеру, которую мифология связывает с Люцифером.

Таким образом, следует признать, что Сатана и Люцифер — совершенно различные силы. Сатана — это своего рода личный прокурор Яхве, стоящий у него на довольствии и ни в чем не нуждающийся, Люцифер же — это некий ангел, бросивший вызов Яхве.

Интересно, что в гностических откровениях также проскальзывает сюжет, в котором один из сыновей Иалдабаофа («Слепого бога» — именно так гностики называли ветхозаветное божество) прозревает и видит изначальный и несотворенный свет, восстав против отца.

А теперь давайте рассмотрим эту мифологему с точки зрения психоистории. Совершенно очевидно, что жизнь в те времена была куда более жестокой и беспощадной. Действительно, создателем ТОГО мира можно было представить только такого слепого бога, чья сила в том, что он может заставить стены осаждаемого города упасть, чтобы позволить избран-

ным своим перебить всех от мала до велика. И совершенно очевидно, что, находясь в таком мире и таком мифе, это божество вызывало ужас, а то, что вызывает ужас, психика старается смягчить, свести к эвфемизму. Скажем, самых опасных зверей вроде медведя древние люди называли «батюшкой», «хозяином» и т. п., ни в коем случае не именуя настоящим именем. Сродни этому и запрет на произнесение настоящего имени ветхозаветного бога. И именно против такого «доброго» бога восстает Люцифер.

Конечно, на протяжении истории разные люди догадывались об этой скрытой, другой стороне мифа. Байрон, Жерар де Нерваль, Станислав Пшибышевский невольно следовали гностической логике, согласно которой отнюдь не Люцифер является «лжецом и отцом лжи».

Здесь надо остановиться и отметить, что выводы, которые мы делаем, логически неопровержимы и текстуально произрастают из тех мифологем, которые мы рассматриваем. Кроме того, миф неразрывно связан с реальными действиями: как только было уничтожено гностическое христианство, а Ветхий Завет включен в список боговдохновенных книг, началась борьба с иноверцами и еретиками.

Кому-то может показаться, что мы просто пытаемся перевернуть мифологему и создать что-то вроде «церкви Люцифера», заменив одно имя другим. Но, как показывает история, это абсолютно тупиковый путь: смена имени не влияет на саму структуру. Чтобы избежать этой ловушки, нам нужно погрузиться в символику архетипа Люцифера глубже и поставить куда более сложные и противоречивые вопросы.

Есть ли зло в Люцифере? Действительно, для среднего человека Люцифер является прежде всего злом. Но почему? Дело в том, что Люцифер как архетип связан с самим принципом изменения, трансформации, преобразования в его самом чистом виде. А многие ли готовы к полноценной и тотальной

трансформации? Для массового человека столкновение с архетипом Люцифера — это то же самое, что встреча с палящим солнцем для снеговика. Солнце уж точно не является злом и не имеет ничего личного против снеговика, но снеговик от этого не легче.

Люцифер — это архетип трансгрессии, то есть преступления тех незримых границ, которые поставлены перед человеком.

Чтобы как можно более полно прочувствовать архетип люциферического мятежа, представим себе картину охоты на волков, прекрасно представленную в песне Высоцкого. Для волка красные флажки представляют собой инстинктивно непреодолимую границу. Волк скорее умрет, чем попытается забежать за флажки. И вот если какой-то из волков вдруг осознаёт, что позади него смерть, а тут — всего лишь красные тряпки, и пересечет табуированную линию, это и будет самым чистым и самым явным проявлением действия архетипа Люцифера.

Таковыми флажками, только виртуальными, обнесен каждый из нас. Нам навязаны дискурсы, границы, правила. Мы считаем их незыблемым, считаем их своими убеждениями, не имея возможности увидеть, что это не более чем порождение актуального дискурса. Многие аксиомы морали, кажущиеся вечными, на самом деле имеют историю не нескольких сотен лет.

Архетип Люцифера дает нам силу совершить трансгрессию, преступление, нарушение границы, поставить все на кон. Это сила мятежа, бунта, взрывающая гомеостатическую реальность и не позволяющая второму закону термодинамики привести вселенную к тепловой смерти. Поэтому нет смысла превращать Люцифера в еще одного благостного сентиментального ангела: Люцифер — это радикальный прорыв через существующие коллективные нормы и табу.

Здесь нужно внести очень важное уточнение, чтобы эта глава не воспринималась как апология подросткового бун-

та. Не все правила нужно нарушать. Когда нам запрещают есть бледную поганку или бить прохожих по лицу, это вполне разумно. Необходимо очень четко разделять осмысленные ограничения и ограничения, которые восприняты «от слепого бога», которым следуют «потому что так правильно», «потому что так хорошо». Причем речь даже не о том, что это разные ограничения. Речь об осмысленности их принятия.

Я попробую как можно нагляднее объяснить разницу. Представим себе группу учеников, занимающихся восточными единоборствами. Как вы понимаете, занятия боевым искусством подразумевают временное полное подчинение учителю и огромное количество дисциплинарных ограничений. Являются ли эти ограничения разумными или они порождены внутренним Иалдабаофом? Первая и самая очевидная мысль — конечно, же, эти ограничения разумны. Но давайте посмотрим глубже. Дело в том, что причины, по которым эти конкретные ученики пришли на единоборства, могут быть очень разными. Скажем, для одного ученика, которого третируют хулиганы, овладение боевым искусством — вопрос сохранения достоинства, для другого — духовная практика. А третий — художник, который пошел на единоборства только потому, что его отец сказал, что «все художники — геи», а «мужик должен уметь драться». И если в первом и втором случаях мы имеем дело с необходимыми и разумными ограничениями, то в третьем те же самые ограничения проистекают из покорности принципу Иалдабаофа, и лучшее, что третий ученик может сделать, — это восстать против таких ограничений (или хотя бы саботировать их, если для открытого восстания не хватает ресурсов).

Еще раз повторим: Люцифер — это архетип трансгрессии, перехода границы, нарушения. Но далеко не всякое нарушение является порождением архетипа Люцифера. Скажем, нарушение из-за слабости, из-за неспособности следовать дисциплине, даже если это нужно, — очень далеко от люцифери-

ческого дискурса. Это, если угодно, Тень Люцифера, которую мы можем назвать Ариманом, — нарушение, идущее не от силы Суверена, но от слабости Раба, неспособного держаться своего ограничения и погрязающего в своих иллюзиях.

И здесь мы сталкиваемся с другим аспектом архетипа Люцифера. Это сила критического разума, сила автономного сознания, рефлексии. Как известно, Декарт создал новую гносеологию, начав последовательно сомневаться во всем, вплоть до реальности окружающего мира. Впрочем, сомнения Декарта были излишне избирательны — он заранее запретил себе сомневаться в существовании христианского бога и законах морали. В этом отношении Ницше был куда последовательнее.

Трансгрессия, с которой связан Люцифер, — это всегда нарушение конкретных границ, навязанных извне и не имеющих других обоснований, кроме «так принято» и «ты должен, потому что ты должен». Если под угрозой плети родители-вегетарианцы вам запрещали есть мясо, лучшей трансгрессией будет хорошо прожаренный бифштекс, а если жестко навязывали религию — хорошая черная месса наедине с собой.

Но нет никакой необходимости идти по пути Раскольниковова или воровать булку из магазина, пытаясь убедить себя, что границ не существует. Это не Люцифер, а Ариман. Особо следует сказать о целесообразных ограничениях, связанных с принципами чести в отношениях между равными. Ни удар в спину, ни воровство не могут быть оправданы «трансгрессией». Как часто мне приходилось встречать бедолаг, начитавшихся идей Батая о трансгрессии, однако неспособных отличить трансгрессию от падения и потому одержимых ариманическим принципом, превратившихся в полные ничтожества!

Еще один важный аспект архетипа Люцифера — это независимость от любой промывки мозгов. Человек, переживший архетип Люцифера, может быть как противостоящим Системе, так — что, впрочем, более вероятно, — и автономным эле-

ментом, до которого просто не долетают стрелы пропаганды. Увы, пропаганда совершенствуется с каждым годом и все сложнее становится не отождествляться с теми программами, которые она транслирует. Но нужно понять, что высшей формой люциферической реализации является не анархист, мечущий бомбы или пишущий памфлеты, но анарх — по Эрнсту Юнгера, субъект, независимый от властной риторики, даже если он находится внутри Системы.

Где в культуре мы встречаем образ Люцифера? В первую очередь вспоминается трагедия Мильтона «Потерянный рай». Еще Уильям Блейк обратил внимание на то, что Милтон, сознательно добрый христианин, бессознательно становится на сторону Люцифера, описывая его как доблестного воина со своим кодексом чести, заботящегося о судьбе доверившегося ему войска и предъявляющего небесному трону одну претензию: «Не мудростью, но силой превосходишь».

Еще один образец люциферического искусства — потрясающая повесть Жерара де Нерваля «Рассказ о царе Соломоне, архитекторе Адонираме и царице Савской, повелительнице утра». В этом удивительном произведении Нерваль переосмысляет масонский миф об архитекторе царя Соломона Адонираме, убитом завистливыми учениками. По версии Нерваля, архитектора убивают по приказу самого Соломона. Тот, ведомый Иалдабаофом, желает владеть царицей Савской, которая на самом деле любит Адонирама. За любовной историей у Нерваля скрывается мощная архетипическая теомахия Люцифера и Иалдабаофа; при этом Люцифер оказывается, естественно, страдающим, однако своим страданием побеждающим силу неправды, а сам мир берет свои силы из подземных огней множества богов Элохимов, противостоящих деспотичному Иалдабаофу. Так наглядно демонстрируется противостояние политеистической и монотеистической психических доминант.

Перейдем от классической прозы к современной литературе. Эталонный литературный пример манифестации архетипа Люцифера — роман-«фанфик» (то есть роман по мотивам уже созданного кем-то сюжета) «Черная книга Ардь», в котором события эпоса Толкина излагаются с точки зрения проигравшей стороны. Хорошо известно, что «добро побеждает всегда, потому что кто победил, тот и есть добро» — иначе говоря, тот и формирует историю о побежденных им в прошлом злодеях. Ниенна (настоящее имя — Наталья Васильева) рисует потрясающий образ Мелькора-Люцифера, который можно считать одним из самых сильных в прозе двадцатого века. Поразительно, как этот автор, не имея понятия о гностических мифах, воссоздает в декорациях фантазийной вселенной Толкина структуру этого мифа до деталей. Илуватар оказывается существом, «сбежавшим из внешнего мира» (как у гностиков Иалдабаоф исторгнут из Плеромы), забывает свое имя, чтобы поверить в то, что именно он изначальный и единый Бог, а затем пресекает творческое начало в своих порождениях. Миф Ниенны более трагичен, чем гностический миф, поскольку ни Мелькор, ни его «темные ангелы-эльфы» не могут ни победить силы Иалдабаофа, ни уйти от них во внешние миры; они обречены на мучительный плен и бесконечное воспроизведение страдания.

Показательна судьба самого автора. Если вначале, получив поддержку поклонников, Ниенна писала и говорила, что это не просто фантазия, но своего рода откровение, то потом отказалась от своих слов, испугавшись быть недостаточно адекватной в глазах читателей. Многие самые проникновенные сцены первой редакции были впоследствии убраны, а сама автор стала настаивать, что все это «всего лишь игра». Как ни парадоксально, но ее первые слова ближе к психологической истине. Конечно, ни один человек в здравом уме не будет утверждать что вселенная Толкина существует, как существует наш материальный мир, однако совершенно очевидно,

что миф, явленный в облике фэнтези, выражает совершенно реальные процессы, происходящие в глубинной психике коллективного бессознательного. Пойдя же навстречу филистерам и определив это как «только игру», автор предаёт собственное творение, родившееся в глубинах ее души. Воистину горько читать про героев, выдерживавших ради Мелькора чудовищные пытки, в то время как его создательница не смогла выдержать всего лишь потерю поклонников и насмешки. Для нас это очень важный урок: как бы ни был прекрасен Люцифер, для того чтобы удержать психический баланс, следует работать с остальными архетипами и всегда предельно честно ставить перед собой неприятные вопросы.

Еще одно отражение архетипа Люцифера встречается в романе Вадима Арчера «Выбравший Бездну». Удивительно, почему один из самых самобытных и талантливых романов в жанре фэнтези безнадежно забыт и почему сам автор теперь уже не может даже приблизиться к своему шедевру и пишет откровенно второсортные книги. Пересказывать этот роман из жизни воплощений бессмертия, где для богов тысячелетие проходит за день, нет никакого смысла, но читатель, образованный в мифологической истории человечества, получит настоящее наслаждение. Здесь люциферическая фигура — Маг, персонификация первого аркана Таро, — добровольно выбирает вечное падение в Бездну, чтобы дать шанс и свободу своим творениям, чья жизнь по сравнению с его жизнью — лишь миг.

Интересное видение люциферического архетипа предлагает «Синагога Сатань» Станислава Пшибышевского. Однако, путая и не различая Люцифера и Сатану, автор, увы, путает и не различает Люцифера и Дьявола. Вначале он описывает истинно благородный дух знания и страсти, а потом — нечто совершенно безумное и выродившееся.

Подводя итог, следует сказать, что архетип Люцифера является архетипом «гневного света», который, подобно тому, как

свет позволяет увидеть предметы в их отдельности, отделяет индивидуальное «я» от мегасистем через архетипическую трансгрессию, то есть символическое нарушение табу. Отождествление Люцифера со злом естественно для консервативных и инертных систем, но совершенно абсурдно, если мы принимаем процесс изменений.

В завершение главы я хотел бы ввести новое понятие — нияма. Этот термин позаимствован из классической индуистской йоги, где под ниямой понимается некий набор общих этических ограничений, которым обязан следовать практикующий. Но Алистер Кроули в «Восьми лекциях по йоге» рассматривает нияму совершенно по-другому. Нияма по Кроули — это образ мыслей и действия, соответствующий тому божеству или архетипу, которые по тем или иным причинам избираются практикующим. Так, Кроули пишет, что нияма Марса будет подразумевать один алгоритм действий, а нияма Венеры или Аполлона — совершенно другой. В моменты, когда мы оказываемся близко к избранному нами архетипу, мы следуем его нияме, даже не задумываясь, поскольку архетип определяет наше восприятие реальности. Когда же мы далеки от избранного нами архетипа (потому что либо оказываемся в поле других богов, либо жизненная суета уводит нас от первичного переживания), сознательная концентрация на его нияме бывает крайне важной.

Нияма любого из архетипов имеет свой оригинальный набор этических требований, которые могут казаться странными, непонятными или даже абсолютно ложными, если мы исходим из ниямы другого божества. Например, внутри ниямы Марса любое проявление агрессии, гнева, стремления завоевывать и подчинять будет вполне нормальным и легитимным, а самым большим грехом будет избегание битвы из-за страха. Но если исходить из ниямы Аполлона, то агрессия Марса будет восприниматься как недостаток сдержанности, примитивность, а избегание схватки с более сильным против-

ником будет рассматриваться не как трусость, а как разумная осторожность.

Интересно, что понятие ниямы у Кроули удивительно совпадает с понятием имагинального поля архетипа у Хиллмана. Архетип задает контекст самой реальности, и то, как мы воспринимаем реальность, в сущности, определяется влиянием (ниямой) того архетипа, под влиянием которого находится наше «я». Такие книги, как «Боги в каждом мужчине» и «Богини в каждой женщине» Шиноды Болен, помогут вам определить архетипический исток своего мировоззрения и своей идентичности.

Если говорить о нияме Люцифера, то базовым требованием здесь является тотальная честность с самим собой. Люцифер исключает любую раздвоенность, любое расхождение между принципами и действиями. Человек может принимать для себя совершенно разные и даже противоположные принципы, однако внутри этих принципов его декларируемая позиция должна совпадать с реальной.

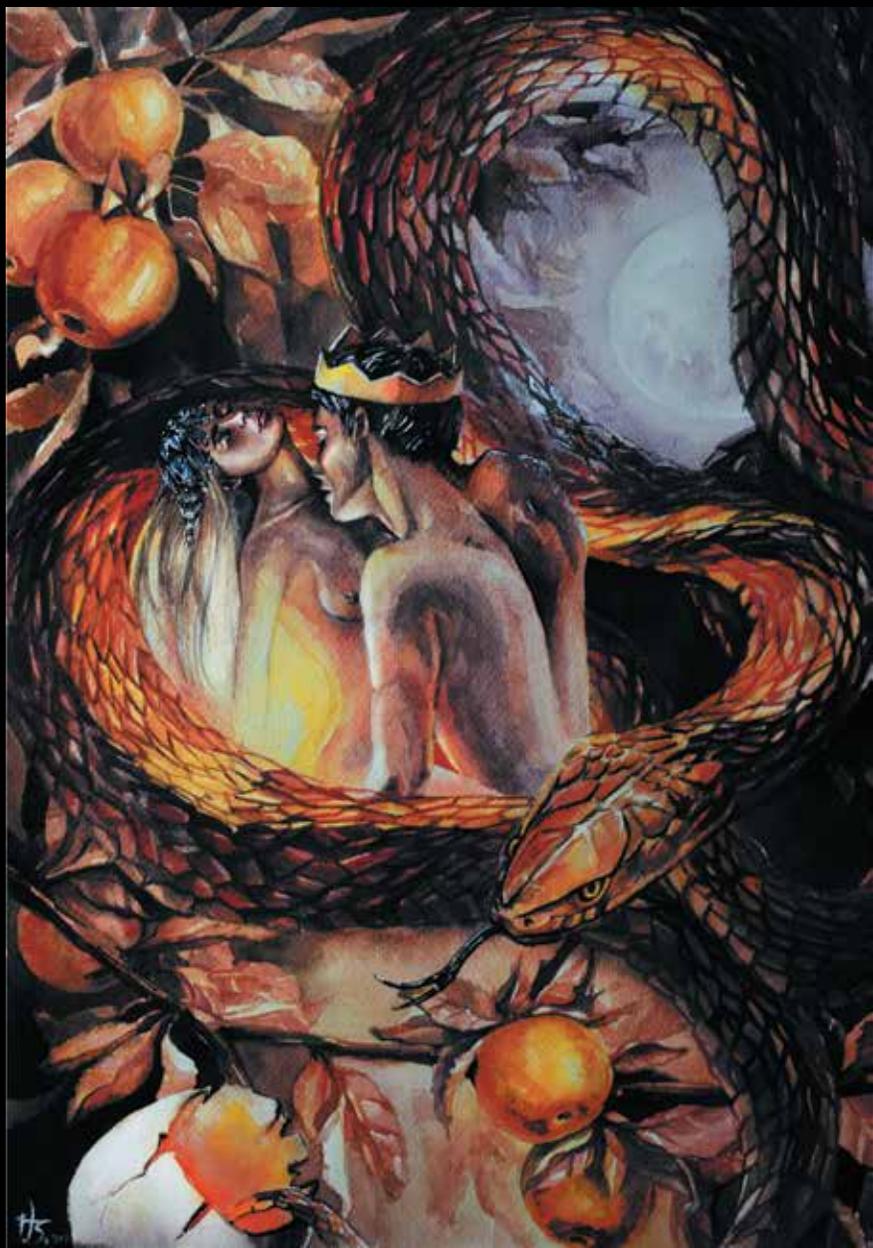
Раздвоенность между декларируемым и реальным — это проблема, которая сопровождала человека во все времена. Достаточно привести только один пример: как много христиан, то есть людей, реально и полностью живущих по Новому Завету, вы знаете? А теперь посмотрите, как много вокруг тех, кто называет себя христианами. В свое время Гурджиев очень верно сказал, что он видел лишь пару христиан за всю свою жизнь, потому что быть христианином означает только одно: следовать заветам Иисуса от начала и до конца, то есть находиться в его нияме. Итак, с точки зрения ниямы Люцифера, любая избранная система координат достойна при условии последовательного следования ей. Нет ничего хуже, чем провозглашать некие принципы, но действовать совершенно противоположно им, разделяя реальность на «идеи» и «жизнь».

Однако природа человека подразумевает то, что он посто-

янно сталкивается с противоположностями — даже не столько между своими идеями и давлением реальности, сколько между различными желаниями разных граней и частей своей души. Идеально последовательный человек, как и любой полностью реализованный идеал, пожалуй, невозможен. С точки зрения ниямы Люцифера, конфликт между разными стремлениями, идеями, моделями мира — это естественная часть развития, но при одном условии: этот конфликт должен быть осознан. Если я ношу в себе Тень, то я, сколь бы мне это ни было противно, признаю существование этой Тени и осознаю конфликт, который склоняет меня либо к борьбе с Тенью, либо к ее интеграции. Однако, если я отказываюсь осознавать конфликт, если я переношу одну из сторон конфликта исключительно вовне, я оказываюсь в состоянии бессознательности, а бессознательность, как говорил Юнг, — «худший грех современного человека».

Еще один аспект ниямы Люцифера — это позиция «мужества быть собой» в противовес «мужеству быть частью» (в терминологии философа середины двадцатого века Пауля Тиллиха). В рамках ниямы Люцифера осмысление себя начинается с признания неких своих неповторимых индивидуальных качеств, а не с декларации своей принадлежности к некоему целому. Это не значит, что нияма Люцифера подразумевает принципиального одиночку. Скорей, даже оказываясь частью некоего целого и разделяя все ценности и цели этого целого, последователь ниямы Люцифера будет все равно искать некие неповторимые индивидуальные пути осмысления этих ценностей и частей, их особого преломления. Иными словами, нияма Люцифера исключает некритичное заимствование мнений, конформизм, стратегию принадлежности. Стоит вспомнить, что слово принадлежность происходит от глагола принадлежать, а принадлежать другому может только вещь или субъект, низведенный до уровня вещи, то есть раб. И в этом очень важное отличие Люцифера от любого другого ар-

хетипа: если у других архетипов могут быть и рабы, и жрецы, осознанные проводники, то в рамках ниямы Люцифера рабство невозможно даже по отношению к самому Светоносцу.

художник Татьяна Подольская

ГЛАВА 2. Офитус (Змей)

Для меня совершенно очевидно, что я родился не в своей семье и не в своем окружении. Ужас моего положения был в том, что я даже не знал, что со мной не так, но с самого начала ощущал мучительную чужеродность окружавшего меня пространства. Грубое плебейство, примитивизм, интересы, не выходящие за пределы страха и подчинения...

До двадцати лет я был как герой сказки: «пойди туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что». Я то кидался в бессмысленное хулиганство и разрушение, то увлекался философией, то пытался отождествиться с теми учениями, с которыми случайно соприкасался. Но каждый раз обнаруживал: не то, не то, опять не то! Все, что я делал, оставляло лишь ощущение пустоты и бессмысленности.

К 18 годам я считал себя абсолютным материалистом и скептиком. Я запоем читал философов-атеистов, пытаюсь убедить себя в том, что ничего, кроме видимого мира, не существует.

Но даже мой болезненный атеизм был порожден лишь бегством от себя, от своей природы, от знаний внутренней бесконечности. Убегал я от всего этого потому, что вся встречавшаяся мне «духовность» была лишь притворством и приторно-розовой благостностью, за которой стоял страх. А страх я презирал.

Сейчас же, оглядываясь назад, я удивляюсь своей тогдашней неосознанности. Как мог я не видеть, что за цепочкой совпадений, случайных знакомств, случайных книг, случайных снов над всей моей жизнью была одна-единственная сила, которая уверенно вела меня по лабиринту моей жизни от рабства к свободе! Сила, которую гораздо позже я назвал Люцифером и Лилит, Азazelем и Офитусом.

Во мне сохранялась одна надежда — на психологию. Я верил, что если смогу по-настоящему разобраться с собой, то сумею и вырвать из себя все чужеродное — воспитание, программы, комплексы. С 15 лет я страстно изучал все, что мог найти, о психологии. Я перечитывал книги о сценариях человеческой судьбы, закладываемых в детстве, и больше всего мечтал найти такого психолога, который поможет мне увидеть мои сценарии, понять их и освободиться от них.

В 19 лет мне повезло. Я оказался в небольшой психологической группе, где занимались личными мифами и сценариями. Под руководством трансперсонального психолога (буду называть его просто Сергеем) мы учились понимать свои сны, давать волю воображению, медитировать. Группу Сергея я посещал каждую неделю, не упуская ни одной возможности проанализировать что-то, что происходило в глубинах моей души.

Хочу подчеркнуть еще раз — я пришел к Сергею абсолютным материалистом, который сразу сказал: «Единственное, что мне интересно, — это работа с моими родительскими комплексами». Духовность, вера, служение высшему меня не интересовали. Но уже то, как настойчиво отвергал я все, что было связано с мистикой и верой, ясно свидетельствовало о том, что я остро нуждался в реальной связи с глубинами.

Мне повезло. Сергей принял мою позицию, мы начали работать с образами моей души, и я шаг за шагом начал учиться уходить от сугубо рационального, логического познания и обращаться к познанию образному, символическому, архетипическому.

Через полгода работы в этой группе произошло самое главное событие в моей жизни. Пробуждение Кундалини. Офитус. Это было 25 декабря 1999 года. Последнее зимнее солнцестояние тысячелетия. Сергей устроил грандиозный семинар «Мистерия обновления», на котором благодаря ритуалам, которые он разрабатывал на основе своего знания мифов и психологических техник, со мной произошло нечто.

На этом семинаре была женщина, которая носила в себе силу Богини. Женщина, которая действительно была вратами самых сокровенных глубин. В конце семинара, когда все наши привычные защиты и условности рухнули, я долго обнимался и целовался с нею. И в ее объятиях со мной произошло чудесное. Я пробудил Кундалини. Офитус осенил меня своей силой.

Первое что я почувствовал, — это взрыв энергии невероятной силы. Казалось, все тело мое охвачено огнем, разум взорвался в потоке мощной космической энергии. Будучи к тому моменту весьма опытным в делах сексуальных, я впервые понимал, почему Вильгельм Райх и тантрические учителя прошлого связывали сексуальную энергию с энергией космической, вселенской. Это не был секс; все, что было между нами, — это объятия и поцелуи после мощных трансформирующих шаманских ритуалов, но в этих объятиях я провалился в связующую бездну и стал грезить наяву.

Идя домой, я почувствовал, что мой привычный мир взорвался изнутри. Со мной происходило то, что еще два дня назад я считал невозможным. Я мог видеть мысли других людей и чувствовать древние сакральные образы, живущие в глубинах моей души. Граница между «я» и вселенной оказалась всего лишь иллюзией, я ощущал себя проводником космического сознания.

Ночью мне приснился сон. Я увидел огромного каменного змея, который полз в моей квартире, своими движениями легко прорубая себе путь сквозь пол дома. Этот змей пришел откуда-то из глубин и пробивал бетонные балки, как кулак газетную бумагу. Наконец змей дополз до конца дома и устремился вверх, пока не оказался в светильнике.

Наутро я стал рисовать. Все мои картины были полны одним образом — змеем, алым змеем, рождающимся из цветка или из моря и взрывающим привычный мир.

Я не мог дождаться следующего занятия, а когда в ближайшую пятницу прибежал к Сергею и радостно пересказывал свой опыт, он улыбнулся и сказал: «Ну вот видишь, а ты говорил, что духовной реальности не существует. Вот тебе книга — возьми, теперь ты можешь понять гораздо больше, чем раньше».

Он дал мне книгу Бонни Гринвелл «Кундалини: энергия трансформации», в которой самым подробным образом излагаются древние и современные представления о Кундалини. Из этой книги я и узнал, что в восточной йоге целью духовной практики является пробуждение энергетического змея Кундалини, который в обычном состоянии спит в основании копчика. Кундалини может пробудиться не только в результате духовной практики, но и после серьезных потрясений, околосмертного опыта, или даже вообще без какой-либо причины. Однако последнее — это скорей исключение, нежели правило: обычно нужно немало усилий, чтобы пробужденный змей устремился вверх по позвоночнику. В книге приводилось множество примеров пробуждения древнего змея Кундалини.

Я был потрясен. Я не занимался никакой духовной практикой! Даже шаманские ритуалы я воспринимал с долей скепсиса. В начале нашего сотрудничества Сергей сказал: «Не надо ни во что верить — просто попробуй делать некоторые практики и наблюдай, что с тобой происходит». О, как же контрастировали эти слова с требованиями безусловной веры, которые выдвигают многие духовные учителя! Я делал. И очень скоро я смог убедиться и вслед за Юнгом сказать: «Я не верю — я знаю».

Итак, я был потрясен. И я понимал, что с этого момента я должен узнать как можно больше о том Змее, который пришел ко мне и прошел сквозь мой позвоночник.

Конечно, очень скоро начались проблемы. Потрясение от пробуждения кундалини слишком сильно и со стороны может напоминать маниакально-депрессивный психоз. Меня броса-

ло то в восторг, то в опустошение; я чувствовал то невиданный подъем, то абсолютный упадок сил. Кроме того, постепенно мои отношения с наставником тоже стали портиться, поскольку он, уверившись, что я в его руках, начал настаивать на гомосексуальной связи, а для меня это было неприемлемо и неинтересно. Мне пришлось разорвать с учителем и начать искать свой путь.

Так я пришел к Юнгу, найдя у него то, что больше всего искал, — логичную, неэмоциональную и неназидательную систему, которая может последовательно описать все величие внутренней бесконечности бессознательного. Именно Юнг помог мне осмыслить произошедшее со мной и переосмыслить картину мира — перейти от грубого материализма к более целостному, холистическому мировоззрению.

А эффект Кундалини постепенно затухал. Я больше не чувствовал неземного экстаза, не мог читать мысли и не сливался с реальностью. День за днем, неделю за неделей я мучительно возвращался в границы обычного Эго. Однако мистерия Змея оставила мне множество подарков. Например, я стал гораздо лучше работать с информацией. Моя интеллектуальная работоспособность усилилась в несколько раз, как, впрочем, и сексуальный темперамент. Я начал писать стихи, пробудилось творческое восприятие, и я все чаще мог почувствовать мироздание в его целостности и единстве.

После разрыва с Сергеем я очень долго записывал сны, и теперь каждый желающий может ознакомиться с нюансами моего пути на сайте www.castalia.ru в разделе «Личный опыт».

В следующий раз я столкнулся со Змеем через три года. После некоторых забавных совпадений, которые я смог оценить только задним числом, мне в руки попала «Книга Закона» Алистера Кроули. Когда я читал эту книгу, я не знал ни истории ее получения, ни ее значения для современного оккультного сообщества. Просто несколькими днями раньше мне попала в руки книга Роберта Антона Уилсона. Дочи-

тав ее, я не мог отказать себе в удовольствии изучить все, что советовал Уилсон. А Уилсон советовал прежде всего Кроули.

И вот я читаю: «Вот голубь, а вот змей — выбирай правильно». И на этих строках я вновь вспоминаю свои уже изрядно подзабытые переживания. И мое тело оказывается вновь сдавлено кольцами древнего змея. О да, «Я — Сердце, и вот Змей, обвивающий его». Увы, кроме слов поэзии, ничто не может выразить этого состояния, а поэзия — плохой аргумент для людей скептического склада, для которых и пишется настоящая книга.

Да, мой дорогой читатель. Мне неинтересны фанатики и рабы, которые уверуют в меня, объявив «просветленным». Мне интересны те немногие, кому описание моего пути поможет объяснить то, что происходит с ними, и, может быть, чуть более осознанно и ясно пройти свой собственный путь. Мне интересны те, кто мыслит свободно, кого сложно убедить, кто готов ставить эксперимент с собой и своей психикой. Те, кто не только на словах, но и на деле пытается быть непредвзятым. И вы, мои дорогие друзья, вправе верить мне или нет. Возможно, я просто легко внушаем. Возможно, я вообще выдумываю все это. Но судите сами: возможно ли выдумать свою жизнь в таких деталях и нюансах, которые я описывал в «Моем Магистерии», а теперь описываю здесь?

Но, возможно, я говорю правду. Не существует методов доказать вам это — я только предлагаю вам тот же эксперимент, какой некогда предложил мне Сергей. Не надо верить — поставьте эксперимент. Ритуалы, активное воображение, мистерии, личные практики, внимание к снам и их жизни... все нужные методы задолго до меня описали Юнг и Кроули и популярно объяснили их последователи — мне тут уже и делать нечего.

И просто наблюдайте. Быть может, у вас ничего не получится, и это не ваш путь. Но задумайтесь — в случае неудачи вы не теряете ничего, в случае же успеха обретаете целую

внутреннюю бесконечность, пространство живых архетипических образов, полноту бытия. И это, черт возьми, не просто метафора!

Субъективное вспоминание, которое можно было бы вслед за психологами школы НЛП назвать «реакцией на якорь» (слово «змея» вполне могло стать таким якорем), вызвало целую цепь совпадений, которые кажутся невероятными. Моей подруге приснился змей; в то же утро незнакомый человек прислал мне по Интернету сон со змеем; на сайте, куда я любил заходить, на следующий день появилась статья «Архетип Змея»; а местный сумасшедший стал доказывать, что вместо плодов дерева познания змей подарил Адаму и Еве грибы.

Образ змея сопровождал меня недели две, показывая свой раздвоенный язык отовсюду, и для меня стало понятно: путь, который связан с этим красивым, но пока до конца непонятным текстом, путь, который, как я уже узнал тогда, называется «Телема», — мой путь. Надо ли говорить, как я удивлялся, находя в разных работах Крюли пересечения с идеями, которые я уже встречал у Юнга! Моя первая книга «Полет змея» как раз посвящена анализу этих непростых параллелей.

И здесь, как и в прошлой главе, я хочу прерваться и порассуждать об этом удивительном и пугающем образе — Змее. Кто он такой — Змей Познания, Змей Кундалини, Змей, пребывающий в основании мироздания в почти всех мировых мифологиях от Скандинавии до Индии?

Как уже было сказано, в индийской кундалини-йоге есть представление о том, что Кундалини — она же «змеиная сила» — сокрыта в основании позвоночника. Сильное потрясение или духовная практика заставляет ее двигаться вверх по позвоночнику, пока она не дойдет до самого высокого, седьмого энергетического центра, а практикующий, соответственно, не достигнет просветления. Не буду лгать — до седьмого центра моя Кундалини не дошла, остановившись на пятом и раскрыв мои творческие и интеллектуальные способности.

После я не раз искал людей, которым удавалось пережить нечто подобное, и пытался выполнить хоть какой-то логический анализ, выявить тенденцию, понять алгоритм, по которому можно призвать эту древнюю силу.

Еще больше, чем само пробуждение Кундалини, меня поразило то, что один мой хороший приятель не поверил моим рассказам об этом пробуждении, причем не поверил не из-за своего материализма, а, наоборот, из-за своих многолетних оккультных занятий! Несколько лет он практиковал йогу под руководством учителя, пытаясь разбудить древнего змея. И ничего не происходило. Он не потерял веру, но решил, что этот дар доступен только при сверхчеловеческих усилиях и требует практически монашеского ухода от жизни в практику. Но, о боги, мне это было дано легко и просто, всего лишь за полгода психологической работы и в объятиях прекрасной женщины, которая — о печаль моей жизни! — так и не стала моей возлюбленной.

Восток — дело тонкое. Карл Юнг не очень одобрял слишком глубокое погружение западного человека в восточный символизм, ведь у нас свой путь и своя наука о глубинах — герметизм, алхимия, гностицизм.

Но и в гностицизме я встретил Змея. Как уже было сказано в первой главе, гностики весьма гетеродоксально понимали Ветхий Завет, рассматривая Иегову как угнетателя, а всех ветхозаветных персонажей рассматриваемых как отрицательные, — прямо противоположным образом, то есть как благих. И, конечно же, первым таким персонажем был змей «Книги Бытия».

«Смертью умрешь», — говорит в «Книге Бытия» Яхве. «Нет, не умрете, — возражает змей, — но будете, как боги, знающие добро и зло». И что же? Разве Адам и Ева немедленно умерли? И разве не сказал сам себе Бог Ветхого Завета: «Вот, Адам стал как один из Нас, зная добро и зло; и теперь как бы не простер он руки своей, и не взял также от дерева жизни,

и не вкусил, и не стал жить вечно»? Разве не доказывает этот монолог, и весьма недвусмысленно, что именно змей сказал первому человеку правду?

Поэтому гностики почитали Эдемского змея. В гностических школах он рассматривался как манифестация Софии или Иисуса, пожалевшая творения слепого Божества и наделившая их даром сознания, благодаря которому творения превосходят своего творца.

Не является ли змей сокровенной движущей, эволюционной силой и на Востоке, и на Западе — силой, которая выводит сознание из тьмы безмыслия и смещения к ясному осознанию себя, а от ясного осознания себя — к сознанию космическому, вселенскому, сознанию Души Мира?

Страшен образ змея. Издревле змей был самым опасным для человека существом, мимолетный контакт с которым гарантированно оканчивался смертью. Видны лев и волк, можно направить на них стрелы и копья. Но невидим змей в траве, пока не нанесет свой единственный роковой удар: был человек — и нет человека.

И все же с древности змеиный яд в малых дозах служил лекарством, что прекрасно иллюстрируется словами германского поэта Гёльдерлина «где проклятье таится, там и спасение». Не является ли змей, в силу его гибельности, символом перерождения, трансформации, инициатического обновления, так детально разработанного в восточной традиции, но безнадежно потерянного на западе?

И сам Карл Юнг, когда решил спуститься на дно своей души, многие свои диалоги вел с внутренним змеем, который выступал его проводником в царстве, сокрытом от дневного сознания. И Гермес Триждывеличайший, бог всякой науки и всякой магии, избрал своим символом змеиный жезл кадуцей. Все науки и все искусства вышли из магии: живопись — из наскальных рисунков-сигилл, рисовавшихся с целью

привлечь удачу на охоте, театр — из мистерий, позволявших прожить своих богов, архитектура — из священного почитания своего бога и желания запечатлеть его лик, астрономия — из астрологии, химия — из алхимии. Даже известный нам со школьной скамьи мученик науки Джордано Бруно был не столько ученым, сколько герметическим визионером и провидцем, мечтавшим вернуть Гермеса Триждывеличайшего на трон поклонения.

И как странно напоминает схема того же кадуцея (две змеи переплетаются вокруг центрального жезла Гермеса, увенчанного державой с крыльями) восточную схему сакральной анатомии, согласно которой в нашем теле есть три главных канала энергии — левый, правый и центральный! И горе тому несчастному, у кого змей пойдет по одному из боковых каналов — безумие, болезни и даже смерть могут стать его печальным уделом. Да, Древний Змей — это не игрушка для благостных фанатиков, жаждущих уютного утешения.

А живая икона рок-н-ролла Джим Моррисон не потому ли называл себя «Королем ящериц», что пытался спасти идущую на убыль революцию шестидесятых и оказался настоящим мучеником новой, еще не родившейся в полной мере религии? Не случайно в фильме Оливера Стоуна «Дорз» в главном своем видении Джим Моррисон должен уйти в пустыню, найти пещеру и увидеть древнего змея, глядя в глаза которому надо не утрашиться, но поцеловать его точно между глаз, — и тогда мудрость будет наградой смельчаку. Сам сюжет видения Моррисона напоминает индейскую легенду о двуглавом (на жезле Гермеса две змеи) морском змее Сисияутле, изредка выползающем на берег. Согласно легенде, если случайный свидетель сможет удержать взгляд на обоих головах змея, получит он сладкий яд мудрости — Сталкум. Если же взгляд свидетеля будет блуждать, если не удержится и потеряется в извивах и переплетениях змея, уделом его будет безумие.

Даже евангельский Иисус говорит о змеиной мудрости,

впрочем, спешно добавляя, что эта мудрость должна быть уравновешена голубиной простотой. Не присутствует ли в этих в словах чудом сохранившееся представление первых, самых последовательных христиан — гностиков — о благодетельности первого змея, который был «хитрее всех зверей полевых, которых создал Господь Бог»?

Змей дает мудрость. Но, как говорит Экклезиаст, «во многой мудрости много печали». И потому боится мудрости змеиной большинство людей, предпочитая знанию — веру, парадоксу — определенность, а реальному видению — удобное и уютное утешение. Не является ли вся история человечества историей одной большой историей трусости, дезертирства, бегства от свободы и от познания? «Не вижу, не слышу, не говорю». Такова позиция истово верующего, которая всегда в чести у сильных мира сего, ведь гораздо легче управлять не ведающими и даже не стремящимися к веданию. Само слово «ведьма», производное от «ведать» («знать»), стало пугалом для детей и рабов.

В библейской мифологеме Змея есть удивительный парадокс, связанный со словом «познание» (гнозис). Очень двусмысленно это слово. Что есть познание? С одной стороны — знание себя и законов, по которым живет твоя внутренняя бесконечность. Гнозис, парадоксальная интеллектуальная интуиция, позволяющая пережить духовный опыт, после которого так понятны слова Юнга «я не верю — я знаю». Познавая себя и мир, мы становимся свободны и подлинны. Но, с другой стороны, разве уже в Библии не несет слово «познание» прямой эротический смысл? «Адам познал Еву». Еще в начале двадцатого века в светском обществе было распространено выражение «он знал ее в библейском смысле». И нет ли здесь намек на тайну сексуальности — тайну, которая связывает нас с космическим потоком вечной змеиной силы — ци, органа, кундалини, праны?

Для глупцов дух и плоть, Логос и Эрос враждебны. Служе-

ние мысли, познанию как будто исключает секс, требует аскетизма и целомудрия. Но посмотрите на великих людей, которые фактически творили нашу культуру. Да, среди них были великие аскеты, такие как апостол Павел или Франциск Ассизский. Но разве были аскетами «солнце русской поэзии» Пушкин или германский гений, раз и навсегда изменивший лик литературы, Гёте? Разве аскетичен был Юнг, наслаждавшийся любовью нескольких женщин? Разве лучшие поэты серебряного века — Брюсов, Бальмонт, Волошин, Цветаева — были аскетичны и целомудренны, как завещали моралисты всех времен и народов? В самом противопоставлении Логоса и Эроса есть ложь, ведь, как говорил Ницше, высший человек подобен древу: корнями растет в глубины, а вершиной в небеса. Именно эту цитату обыгрывает Кроули в одной из своих книг-откровений. Употребление одного слова «познание» применительно к эротическому переживанию и к обретению гнозиса говорит нам о том, что здесь мы имеем дело с ложной дуальностью.

И все же не всякий секс становится дверью к Великому Змею. Легко оправдать свою невоздержанность и выдать жизнь в беспробудной охоте за новым соблазнением за духовную практику. Не этим ли балуются некоторые новые неотантрические учителя, подменяя состояние сознания формальными техниками? Сексуальная магия или тантра не может быть поводом для эротического приключения.

Показательно также то, что в том моем первом переживании, с которого я начал эту главу, не было секса как такового, лишь объятия и поцелуи, в то время как прежде у меня было множество женщин, и ни одна из них не стала вратами к Офитусу. О нет, не зря «Книга Закона» прямо учит нас: «Не будь животным: облагораживай свой восторг. Если пьешь ты, то пей по восьми и девяноста правилам искусства; если ты любишь, то будь превыше всего изощрен; если ты веселишься, да будет в том утонченность!». Действительно, нет ничего более ущербного, чем сексуальность, направленная на удовлетво-

рение гордыни Эго — «я соблазнил, я покорил, я поимел». На самом деле никакие самые изощренные тантрические техники никогда не приведут к Великому Змею, если они не сопровождаются бесконечным почитанием женщины-партнерши как воплощения Богини — не понарошку и не лишь на словах, а всерьез и по-настоящему.

У Кроули в «Книге Сердца, обвитого Змеем» есть одна очень важная притча, которая стала для меня квинтэссенцией, сутью, кристаллизацией Телемы.

«Колибри... заговорил с рогатым змеем и попросил у него яда. И великий змей Святого Кема, царственный змей Урей ответил ему:

Я плыл по небу Ну в ладье, называемой Миллионы Лет, и я не видел ни одного существа на Себеке, которое было бы равно мне. Яд моего клыка — это то, что я унаследовал от своего отца, и отца своего отца; как отдам я его тебе? Ты и твои дети, живите так, как жили я и мой отец, и, возможно, через сто миллионов поколений, милосердие Всемогущих сможет наградить твоих детей, отдав им древний яд.

Тогда колибри опечалился и полетел к цветам, как будто они ничего не сказали друг другу. Но все же вскоре змей ужалил его, и он умер.

Но прекрасный бог Ибис, который медитировал на берегу, слушал и слышал. И он отбросил свой образ Ибиса и стал похож на змея, говоря: Может быть, через сотни миллионы миллионов поколений мои дети получат каплю яда с клыка Высочайшего.

И действительно! Когда луна возшла трижды, он стал змеем Уреем, ибо яд прижился в нем и в его семени навеки.

О, змей Анеп, мой Господь Адонай, это путешествие сквозь вечность — частица мельчайшего времени, и перед Твоим взором — ландмарки из чистого белого мрамора, не осквер-

ненною инструментом каменотеса. Поэтому ты мой, ныне и присно, и веки веков. Амен.»

Колибри — это типичный представитель современной культуры Нью Эйдж и современной магии. Таких большинство сейчас, и такие были всегда. Единственный их запрос к своим глубинам — «дай». Дай техники, которые сделают меня самым богатым, самым счастливым, самым успешным, которые позволят соблазнять самых недоступных красоток и лечить самые тяжелые болезни, дай мне могущества отомстить всем врагам и дай утешения, чтобы больше не бояться смерти, а главное — не бояться жизни, спрятавшись от нее под защиту твоего жала. Дай, дай, дай, дай, дай!

Мы приходим в магазин «эзотерической литературы» и, черт возьми, хорошо, если среди этого многообразия книг найдется пять процентов текстов, которые действительно можно назвать эзотерическими и оккультными. Многие школы, называющие себя «эзотерическими», предпочитают оставаться на уровне трансляции дежурных банальностей в духе «хорошо быть хорошим», многие обещают вступающему на путь вселенскую силу и власть, вот только я не видел, чтобы их ученики становились олигархами или политиками. Но это вечная ловушка, вечная погоня за ускользающим горизонтом: «Погодите, еще немного, еще десяток семинаров, еще годик в нашей школе», а горизонт все так же далек...

Некоторые из учителей-колибри довольствуются гонорарами за семинары, давая взамен их участникам хотя бы радость и позитив. Другие же погружают своих последователей в пучину рабства, порой худшего, чем рабство ортодоксальных религий. «Не думай плохого — а то будет раж», — лейтмотивом проходит в писаниях Лазарева и его последователей. «Не будь собой, уничтожь Эго, будь всего лишь рабыней своего мужчины, и ты будешь счастлива», — учат разные «ведические» учителя. Как бы посмеялась Богиня Кали над таким «ведическим» идеалом! Сколько таких «освободителей», приводящих

лишь к порабощению свободных! Впрочем, нет, — свободный не даст себя поработить столь очевидной и вульгарной ложью; чтобы поверить в нее, нужно иметь изначальный рабский потенциал.

Змей крайне редко слышит колибри. Он слышит его в притче у Кроули, но в жизни, как правило, десять тысяч таких назойливых колибри не властны потревожить его покой.

Однако иногда сквозь сон змей начинает шевелиться. И в ответ на назойливые просьбы он делает то, о чем его просят, — дает свой яд. А как может змей дать свой яд, если не ужалив назойливого просителя? Если подумать, в этом нет идеи кары, наказания — он дает именно то, о чем просят. Ты хотел эзотерического, оккультного, иного? Возьми — и клык Офитуса впивается в хрупкую плоть колибри. Итог закономерен. Безумие. Рабство. Как много тех, кто, увидев «нечто страшное» на занятиях невиннейшей медитацией, в страхе бежит под защиту ортодоксальной религии! Несть им числа.

Но есть и другие — подобные ибису. Ибис ничего не просит у Змея. Он просто делает то, что умеет, — отбрасывает свою навязную в зубах, беспомощную форму ибиса. Он делает это не для того, чтобы получить яд, — он понимает невозможность этого. «Быть может, во внуках моих внуков». Это рационализация. Ибис отбрасывает свою старую форму просто потому, что ему неприятно в ней находиться; потому, что он так возлюбил мудрость и свободу, что желает ей уподобиться хотя бы так. И если он действительно не лжет себе, не надеется и не просит, — чудо происходит. Происходит то, что называется посвящением, инициацией, переходом, трансформацией. Может быть, потому тогда, 25 декабря, так повезло мне — я не искал «оккультных сиддхи», я вообще не верил ни во что. Я просто не хотел быть так до отвращения мал и ничтожен, каким был прежде, я просто хотел Свободы.

И все же надо предупредить. Соблазн «дай» слишком велик. В миг, когда для нас открывается реальность внутренней бес-

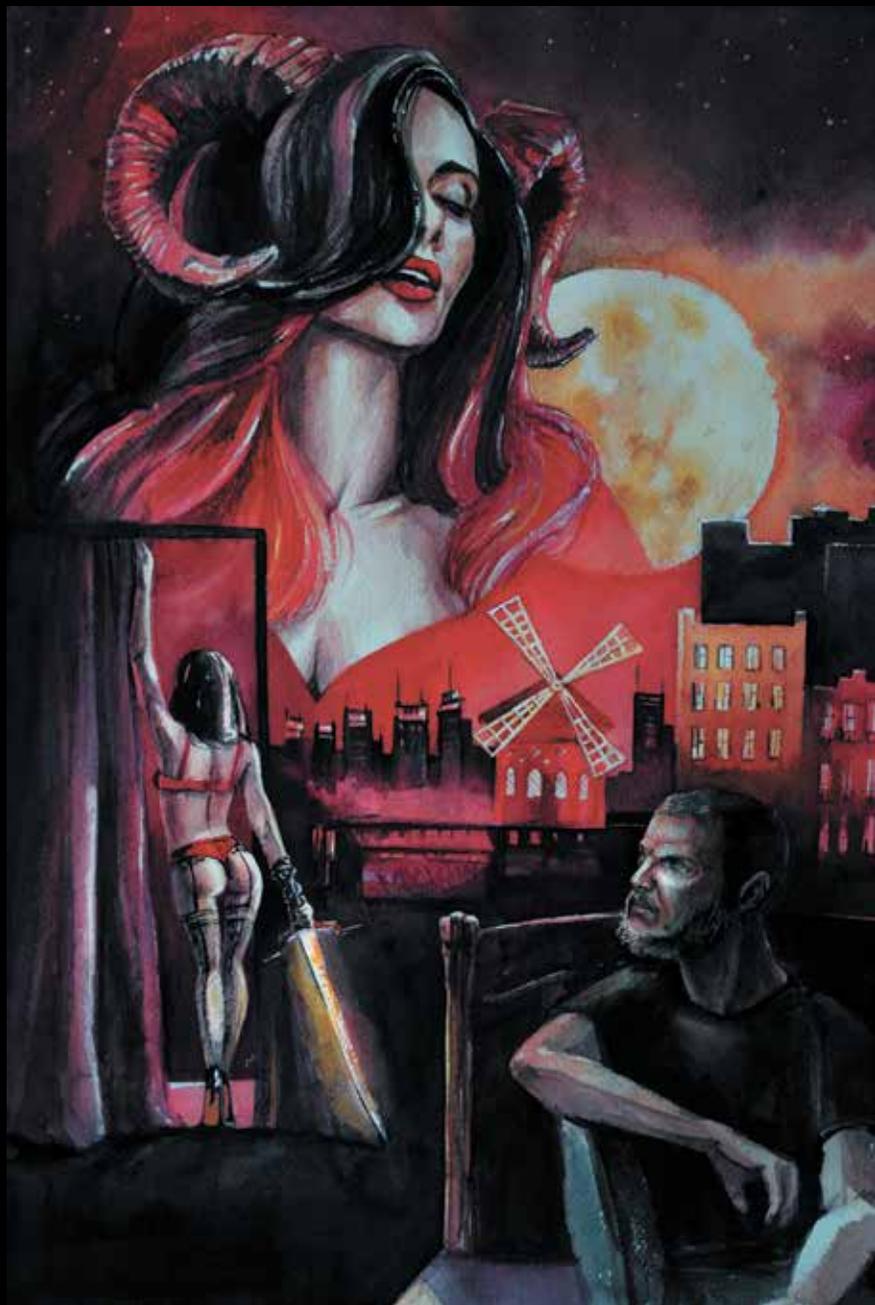
конечности, в миг, когда мы видим связь внутреннего и внешнего, — даже самые сильные практики иногда поддаются соблазну «дай». Не был исключением и я. Далее я расскажу о нескольких случаях моего падения, когда я все же надеялся хотя бы в мелочи поставить себе на службу «клык Высочайшего». Ни разу это не приводило к тому результату, которого желало Эго. И, видимо, потому, что Люцифер, Офитус, Лилит по-настоящему любят меня, берегут меня, не позволяя мне стать черным братом. Наверное, если бы в одной из тех трех операций, когда я дал отчаянию заслонить истину, меня ждал ожидаемый и желаемый успех, — со мной все было бы кончено. Вспомним перстень Поликрата. Глубины мудро ставят нам предел. И, возможно, порой, если все существо желает одного этого, такое падение и необходимо, ведь без падения невозможен взлет, а желание, которое было пожертвовано из трусости, — останется гнить в глубинах нашего бессознательного. Поэтому, понимая, что возможны самые ужасные последствия, в пиковых, предельных желаниях я утверждаю: лучше сделать, чем не сделать.

Нияма Офитуса во многом совпадает с ниямой Люцифера. Но здесь добавляется еще один очень важный нюанс. Нияма Офитуса подразумевает стремление к полному изменению, трансформации, переходу в иное состояние, готовность отбросить актуальное ради будущего, как змея сбрасывает старую шкуру. Мы убеждены, что каждая подлинная инициация, то есть радикальная трансформация из одного состояния в другое, если она происходит именно в соответствии с устремлением иницируемого, есть в той или иной степени осуществление ниямы Офитуса.

Во всех источниках, которые мне попадались, шла ли речь о гностическом Офитусе или о Кундалини, главным условием преобразования, проявления ниямы указывалась подлинная готовность отбросить то, что ты имеешь.

Сложность этой ниямы хорошо иллюстрирует притча о том,

как богатый предложил нищему поменяться одеждой. Нищий отказался, сказав: «Но как же я буду побираться в твоей одежде»? Если бы нищий следовал нияме Змея, он был бы готов умереть от голода ради возможности хотя бы некоторое время почувствовать себя действительно богатым человеком. Так Эзоп предпочел умереть свободным, чем остаться в живых рабом.

художник Татьяна Подольская

ГЛАВА 3.

Лилит

Лилит. С какого момента в моей душе нашла свое отражение та, которая первой сорвала плод с дерева познания добра и зла? Когда Лилит избрала меня как того, кто пронесет ее образ через всю свою жизнь?

Уже в самых ранних моих детских фантазиях, которые я могу вспомнить, была та, которую я теперь называю Протолилит, — девочка, которая должна была ворваться в мой мир и увести меня прочь из родительского дома в иной мир, о котором я еще ничего не знал. Уже тогда ветер Люцифера разрушил мою связь с тем миром, который был мне навязан при рождении.

Но та Протолилит еще не была Лилит. Это была Анима, наша предвечная женская часть, которая росла вместе со мной, чтобы потом, на вершине моей духовной практики, обрести свое индивидуальное имя.

Первое явление мне настоящей Лилит произошло во сне, в возрасте 15 лет. До 20 лет я не записывал сны, но те немногие сновидения, которые врезались в мою память на всю жизнь, без всякого сомнения можно назвать большими снами — снами, в которых говорили Боги.

Мой юношеский сон о Лилит начинается в комнате моих родственников, в комнате, которая служила символом всего замшелого и консервативного. Я собираюсь спать, оглядываюсь вокруг, и вдруг по воздуху в окно 11-го этажа входит Она. Яркая, обжигающая своей красотой женщина.

Сон-сказка, сон-миф, сон-мистерия! Будь у меня талант в области художественной прозы, я бы сделал из этого сна пол-

ноценную фантастическую повесть или даже роман.

Эта женщина, как и положено в сказке, говорит мне:

— Ты должен убить Бога.

— Но зачем? — спрашиваю я.

— Потому что этот Бог хочет убить меня. Я и он — из будущего, из далекого будущего, две тысячи лет вперед. И я выбрала тебя, чтобы ты убил его. Я дам тебе силу и оружие.

Я соглашаюсь. И в этот миг меня затягивает через воронку в какой-то жуткий мир — мир без надежды, мир разрушенный, лишенный жизни и света.

Я ищу этого Бога, чтобы убить, и вдруг проваливаюсь в какое-то совершенно не поддающееся описанию пространство чистой энергии, где на уровне потоков противостоят двое — я и Бог.

Она дала мне оружие. И я начинаю побеждать. В своем уме я слышу голос: «Безумец, ты не понимаешь: она единственная, кто избег смерти, и тем самым она нарушила пространственно-временной континуум (да, именно такие слова: в пятнадцать лет я читал много фантастики), и теперь мир погибнет».

«Черт с ним, с миром. Она — вот что главное», — говорю я и наношу последний удар.

Пространство снова сворачивается, и на этот раз я оказываюсь в своем времени. Кажется, в одной из палаток на Киевском вокзале, где, убегая из дома подростком, чтобы немного заработать, я часто ночевал. (Славное было время, когда государство еще не навязывало всем свою заботу и подростку можно было провести ночь на любом вокзале, заплатив немного денег!)

Сон заканчивается на впечатляющей ноте. Продавщица из

этой палатки — женщина, конечно, не такая яркая и красивая как богиня, вошедшая в окно, но вполне реальная, — начинает проявлять инициативу. И последний эпизод сна — это бурный, неистовый секс. (Странно, но прежде у меня вообще не было эротических сновидений: они как будто были кем-то заблокированы.)

Сон был закончен, но с этого момента я начал становиться другим. Вскоре состоялся мой разрыв с христианством (а до этого сна я ходил в молельный дом адвентистов седьмого дня), я получил первый реальный, а не сновидческий, сексуальный опыт, ну и некоторые другие события стали разворачиваться молниеносно.

Первым в мои сны вошел Ветер Люцифера. Второй — страсть и сила Лилит. С тех пор собственной персоной она появлялась в моих сновидениях не часто, предпочитая принимать форму значимых для меня женщин. Во снах и наяву моя жизнь многократно сталкивала меня с яркими и сильными женщинами, которые олицетворяли для меня этот архетип. О двух из них я расскажу чуть позже.

Но все же еще раз Лилит проявилась в моих снах собственной персоной, лично. Мне было 20 лет; прошло уже около года после моего опыта инициации Офитуса-Кундалини и полгода после моего разрыва с руководителем этой школы. Это был год 2000 или 2001. Я в очередной раз спал в электричке, когда реальность странным образом смешалось со сном.

Действие сна тут же перенесло меня в миф, но само пространство декораций оставалось тем же самым. Я был в электричке, на землю спустилась ночь, и в одну из дверей вошла Белая Женщина. Она играла на арфе и пела так, что все в вагоне были очарованы. «Я дам вам покой, я дам вам счастье, я дам вам вечное успокоение», — пела она, и люди в вагоне смотрели на нее как на воплощение мечты.

Я был тоже очарован красотой ее оперного голоса, но в этот момент с противоположной стороны в вагон вошла другая женщина. Черная. Та самая темная жрица, которая когда-то вошла в окно моего разума в юношеском сне. Как же она была красива, сексуальна, ярка! Она тоже пела. Но у нее были совсем другие песни. Напряженные. Песни о свободе, страсти, вызове, борьбе и преодолении — преодолении мира и себя. «За мной пойдут немногие», — такие я запомнил слова. Арфе белой женщины она противопоставила гитару.

Люди оглядывались на нее, но тут же возвращали взгляд на первую женщину, которая обещала им покой. Из-за спины Белой Женщины появился мужчина, похожий на десантника. Он накидывал поочередно на всех людей какие-то прозрачные бычьи шкуры. И с людьми что-то происходило! Они становились счастливы под этими шкурами, они обретали заветный покой, но взамен как будто отдавали нечто важное.

Последний кадр сна: воин (с ним я встречу гораздо позже, во сне о Джоне Голте, но сейчас, когда я пишу эти строки, я понимаю что это один и тот же персонаж моей души) простирает надо мной прозрачную шкуру, а я вытягиваю руки и кричу изо всех сил: «Нет! Лилит, спаси меня, я не их, я принадлежу не благостному сну мещанского полубытия. Я принадлежу Тебе, и только Тебе!»

Крик ужаса перед раскинутым передо мной покрывалом вырвался из моей глотки — и я проснулся, изрядно напугав пассажиров электрички. Все было по-прежнему. Я осознавал две новости — хорошую и плохую. Хорошая новость заключалась в том, что кошмарная Белая Женщина с ее мужским двойником была лишь сном. Плохая — в том, что и Черная Женщина, Лилит, тоже была сном.

Читатель, знакомый с эзотерической традицией, без труда узнает этот сюжет. Это шестой старший аркан Таро, Влю-

бленные, который чаще всего изображается как мужчина, стоящий между двух женщин. По распространенному толкованию, женщины олицетворяют Порок и Добродетель — одна подчеркнуто сексуальна, другая подчеркнуто целомудренна. В другой интерпретации, психологической, эта картина представляет выбор между Анимой и матерью, бытием частью и бытием собой. Очевидно, что от тех акцентов, которые делают различные школы, зависит и представление о том, какой выбор должен сделать мужчина.

Знал ли я тогда Таро? Пару раз мне гадали на колоде «Райдер — Уэйт» и я рассматривал ее картинки. Но в Таро Уэйта шестой старший аркан изображен совсем по-другому! Несколько раз я заглядывался на колоду своего бывшего учителя, которую он приносил на занятия. Но и всё. Я не читал ни одной книги о Таро, не знал значений арканов, не занимался гаданием. Не стоял я тогда и перед выбором между двумя реальными женщинами, как можно было бы предположить, решив, что мой сон лишь причудливо отразил действительность.

Тем не менее, тот сон ввел меня в символизм аркана Таро на самом глубоком, самом сокровенном уровне. Через пару лет я открыл для себя Таро по-настоящему и понял, что моя жизнь должна быть связана с осмыслением этой удивительной системы образов, один из которых дал мне свое посвящение задолго до сознательного узнавания.

Опять Лилит. Опять Черная Женщина, опять Она. Архетипический бинер Люцифера, воды свободы, штормовое цунами, поднимающееся из глубин *Anima Mundi*. Та, которая всегда противостояла застывшему, косному, унылому и безрадостному патриархальному порядку. Та, которая танцевала менадой в Дионисийских мистериях, когда Пенфей решил разоблачить их, тайно проник на собрание и был растерзан вакханками. Та, которая вдохновляла Карпократа и Симона Мага на создание иной, свободной, еретической доктрины,

отличающейся от идеалов смирения и аскезы традиционного христианства. Та, которая входила в сны и реальность алхимиков и, воплощенная или не воплощенная в реальной *Soror Mystica*, заставляла их творить свой Магистерий. Та, которая под Именем Лайлы вдохновляла Кроули на написание «Книги Лжей», а под именем Розы подарила ему откровение «Книги Закона».

Я узнавал ее присутствие везде. Я узнавал ее в яростных, трансгрессивных, страстных женских образах кино и литературы. Сабина из «Невыносимой легкости бытия», Жюстин из «Александрийского квартета», «Белая Богиня» из трилогии Мережковского «Христос и Антихрист». Я узнавал ее в посвятительнице в «Девятых вратах» и в женском образе «Стихии страсти» Артура Бьерна Эгели. Я узнавал ее след, ее дыхание, ее присутствие в немногих, особых женщинах, соединявших в себе волю, осознанность и чрезвычайный сексуальный темперамент. Я всегда шел по ее стопам, и все что я обрел, я обрел благодаря этим двум ключевым, центральным образам, архетипам, символам — Ветру Люцифера и Водам Лилит.

Я хотел бы рассказать об одной женщине, которая кристаллизовала Лилит всей своей сущностью.

На картине изображен Ангел. Взгляд его подчеркнуто отстранен, но в глубине небесных глаз уже скользит если не вожделе, то интерес, который он, кажется, скрывает от самого себя, и вот уже заметно, что этот взгляд направлен не в пустоту, как это свойственно ангелам, а на прекрасную женщину рядом с ним. Она одета в небесно-голубые одежды, ее рука изящно поглаживает шею ангела, а уста готовы к поцелую. Ангел держит кружку такого же небесно-голубого цвета, в то время как белая кружка отставлена далеко. Кажется, Ангел попался в ловушку, но, черт возьми, он никогда об этом не пожалеет!

Кто этот таинственный Ангел? Азазель? Перед нами брако-

сочетание земли и небес, о котором пойдет речь в следующих главах? Безусловно. Миф прорастает через каждую самосознающую душу, а то, что художница не имеет сознательного понятия о том, кто такой Азазель, еще не значит, что она не ЗНАЕТ его всей своей сутью. И все же на картине есть другая грань, которая проявлена не в сюжете, а в неких тончайших деталях. В мифе об Азазеле, как известно, ангелы сами решили спуститься на землю. Здесь же роль первой скрипки явно у женщины.

Создательница этой картины — легендарная художница, Женщина, в которой сочетается невероятная активность, творческий порыв, осознанность и дисциплина и какая-то нечеловеческая сексапильность. «Я всегда беру тех мужчин, которые нравятся мне» — прекрасный девиз полноправной королевы...

Ее я встретил через полгода после сновидения о двух женщинах и убежден, что наша встреча была одной из важнейших ступеней моего становления до того, как я открыл для себя Телему как мировоззрение, за которым стояла Лилит. Мои боги не оставляли меня, даже несмотря на то, что тогда я стал забывать их. Наше общение продолжалось не более месяца. Но и этого срока хватило, чтобы полностью изменить мою глубинную «прошивку» и забросить в меня все необходимые семена для того, чтобы из истеричного и невротического неудачника превратиться в полноценного Игрока мысли, образа и символа. Великий Змей позволил мне отделиться от «Матрицы», но обработкой грубого камня занималась Лилит.

Итак, женщина, о которой я говорю, всецело, тотально проводила своей жизнью архетип Лилит. Это архетип, боготворимый романтиками и декадентами и вызывающий страх и презрение у надутых рабов патриархального гомеостаза. Встреча с такой женщиной, в которой архетип Лилит

тотален и абсолютен, является высочайшим даром судьбы, который дает шанс «не умереть, но измениться».

Лишь единицы способны провести Лилит во всей ее полноте и тотальности. Как, наверное, единицы мужчин способны быть в полной мере проводниками архетипа Люцифера или Азазеля. Алистер Кроули, Тимоти Лири, «Король ящериц» Джим Моррисон... Великие двадцатого века, взламывавшие границы эпохи. Для нас мгновение захваченности, поднятости этими архетипами есть состояние бытия на острие копья, акме, огненно-молнийная точка восторга и одновременно ужаса. Но женщине Лилит предстоит еще более сложная война, чем мужчине Люциферу. В двадцатом веке из великих женщин Лилит смогли провести Маджори Кэмерон, Ида Крэдок, Марина Цветаева, возможно — Мария Нагловская.

Мне повезло встретить манифестацию Лилит в начале своего пути. Еще более важным даром было то, что, хотя этот архетип проявляется в очень немногих женщинах, почти все женщины, с которыми сводила меня судьба впоследствии, в той или иной степени несли в себе Ее дыхание.

Лилит — это одно из самых важных архетипических начал. Для мужчины встреча с женщиной-Лилит — это возможность стать собой, переродиться, обрести подлинное бытие. Для женщины — стать Собой. Присутствие Лилит во внутреннем пантеоне, даже в самых малых гранях, моментально выделяет женщину из ее окружения.

И кто сказал, что природа женщины — пассивность? Одним своим присутствием проводница Лилит меняет реальность вокруг себя и определяет правила игры, в то время как мужчины даже не понимают, в какой игре они оказались.

Я вспоминаю женщин, сыгравших роль в моей жизни, и в каждой я вижу грань Ее. В ком-то больше, в ком-то меньше,

в ком-то всецело, в ком-то совсем немного, но всегда Богиня является третьей силой в любовном наслаждении. Точно как завещала Нюит: «Всегда ради любви ко мне и только ради любви ко мне».

Не всегда эти встречи были для меня легкими. Одна из самых сильных встреч окончилась крахом. Как и та, о ком я говорил выше, новая Лилит была человеком искусства. Как и первая, она была независима, как сам северный ветер.

В отличие от первой Лилит, с которой мне была дана пара месяцев, на этот раз наш роман не продлился больше одного дня — она исчезла из моей жизни, забрав все свои вещи, пока я спал, и оставив меня в чужом номере, в чужой стране, беспомощного и отчаявшегося.

С таким фиаско я не сталкивался за последние десять лет.

Что произошло? Может быть, мне не хватило должного темперамента, и я не оправдал ее ожидания, заставившие ее прилететь из самой Америки; может быть, в перерывах между самым диким сексом я оказался избыточно откровенным, встретив воплощение архетипа и недооценив «человеческое, слишком человеческое», перенеся один образ на другой; может быть, она просто оказалась захвачена своим ночным полетом и, как когда-то Лилит от Адама, малая Лилит улетела от меня. Скорей всего, я попытался ее подчинить и сам не заметил этого. Приговор же Лилит, как правило, обжалованию не подлежит.

Но самым страшным здесь было столкновение со своей Тенью. Там, поняв, что я оставлен, и оставлен навсегда, я оказался захвачен чувствами ненависти, ярости, оскорбленного самолюбия, агрессии, на какое-то время превратившись в то, что я всегда больше всего презирал. Я оказался именно тем презираемым мною Адамом, попытавшимся контролировать

Лилит, а вслед улетевшей звучали слова гнева — вероятно, так же, как в мифе звучало тайное имя Бога.

К счастью, падение продолжалось недолго. Через несколько недель размышлений и воспоминаний мне удалось действительно вернуться в себя и по-настоящему ужаснуться.

Я пишу об этом по двум причинам. Во-первых, я не хочу, чтобы из меня делали святого. Я не могу выдержать проекции святого и не хочу становиться еще одним харизматичным гуру. Как говорит Жрец в Гностической Мессе, «я человек среди людей», а значит, самые ничтожные человеческие слабости не чужды мне. Единственное, чем я отличаюсь от большинства, — это силой смотреть в глаза своей Тени, признавать ее наличие и давать ей бой.

И да, этому невозможно не ужаснуться: я оказался тем, что более всего презирал и что клеймил во всех своих статьях и проповедях. Не лучше священника, проповедующего трезвость, а втайне пропускающего рюмашку-другую. Страшное осознание, страшный, точно рухнувшая башня, инсайт.

Но одновременно это крушение было целительным. Если юношеское сновидение, о котором я говорил в начале этой главы, раскрыло мой потенциал, то последний эпизод поставил необходимый предел гордыне, которая постепенно переводила меня от Люцифера к Адаму. Потому через пару месяцев после возвращения я поблагодарил мою Госпожу за этот урок. Я надеюсь, что я не забуду его и в следующий раз смогу осознать себя сразу. Поэтому мое чувство сейчас — благодарность. Как за этот урок, так и за умопомрачительный день в иной реальности.

Итак, Лилит. Если в предыдущих главах я находился на позиции аналитика, то, говоря о Лилит, я не могу не превращаться в поэта. Слишком глубоко значим для меня этот

глубочайший образ Суверенной Женщины, который не раз и не два раскрывался предо мной в самых утонченных эротических переживаниях.

Лилит. Все же, если оставить поэзию и обратиться к истории, следует сказать, что истоки этого имени теряются в древнем Вавилоне. Имя Лилит упоминается в Ветхом Завете (как «ночное привидение» в Книге пророка Исаяи) и в шумеро-вавилонских клинописных табличках. Первое изображение Лилит — прекрасная телом женщина, стоящая в окружении сов и львов. Лев — это вожделение, страсть. Сова — мудрость, сознание. Там Афродита, тут Афина. В Лилит сплетаются эти в большинстве случаев конфликтующие архетипы.

Увы, вавилонские источники демонизируют Лилит точно так же, как в бессмертном эпосе о Гильгамеше демонизируется Иштар. Увы, не столь неистово страстен был Вавилон, как думали о нем иудеи, — патриархальная доминанта стала пробиваться уже там. Но долгое время никакого цельного мифологического сюжета о Лилит не было.

Впервые цельный миф о Лилит сложился в каббалистической среде и изложен был в тексте, который известен как «Алфавит Бен-Сирь». Бен-Сира, он же Иисус сын Сирахов, попытался осмыслить странный парадокс Книги Бытия, в которой Адам как будто создавался дважды. Согласно «Алфавиту», Лилит была создана точно так же, как Адам, — из глины и огня. Но когда пришло время для соития, они не смогли решить, кто будет сверху, Лилит обиделась и улетела на край земли. Оскорбленный в лучших чувствах, Адам воззвал к Яхве, и тот послал вслед за ней трех ангелов. Но Лилит тоже была не лыком шита и в ответ на угрозы насильно вернуть ее к Адаму произнесла тайное имя Бога, которое ей было известно, благодаря чему полностью вышла из под власти ангелов и того, кто их послал. В мифе узнать тайное имя значит по-

лучить власть над его носителем. Конечно, в иудейском мифе Лилит не могла обрести всю полноту власти над Яхве — будь оно так, наш мир был бы куда лучше. Однако и Яхве не был властен над той, которая знала его тайное имя.

Далее разные источники противоречивы, но, как правило, говорят о том, что Лилит стала подружкой Люцифера и по ночам уносит жизни детей правоверных иудеев. Впрочем, последнее обвинение уже полностью на совести патриархальных комментаторов.

Но ближе к девятнадцатому веку началось грандиозное переосмысление образа Лилит. Для пробуждающего люцифериано-азазелевского сознания, свободного от тирании гендерных ролей, Лилит уже не была чудовищным демоном. Она стала воплощением великой Богини. Лилит, изображенная кистью Россетти, уальдовская «Саломея», посетившая в видениях и самого Юнга, Кармен из оперы Бизе (впрочем, Кармен все-таки ближе к Нахеме — почему, будет ясно из следующей главы), царственная в своем божественном бесстыдстве Лилит на картине Александра Исачева... Такая Лилит больше не была демоном ночных кошмаров, и воистину счастлив тот, к кому она заглянет хотя бы во сне. Эротическое освобождение женщины происходило одновременно с социальным, женщина уверено занимала все более активную позицию в культурной и творческой жизни.

Какова же суть архетипа Лилит? Прежде всего это удивительное единство сексуальности и воли. Творчество ее прорастает наслаждением, а наслаждение становится еще одной поэмой. Традиционное представление о женщине в патриархальном мифе сводит ее к функции, к дополнению, к продолжению мужчины. Нет архетипа более далекого от этой лжи, чем Госпожа наша Лилит. Лилит никогда не предаст свои ценности и идеалы даже ради самой большой любви и слияния.

Вопреки распространенному мифу, архетип Лилит не исключает возможности материнства, ведь даже в «Алфавите Бен-Сирь» треть ее потомства избегает проклятия и остается в живых. Мне кажется, что дети Лилит — это люди, отмеченные печатью гениальности. Сталкиваясь со свинцовой тяжестью мира, большинство из них не выдерживают, сгорают, опускаются, не в силах приспособиться к примитивизму реальности, однако выжившая треть, над которой не властно проклятие Яхве, — это те, кто поворачивает колесо истории. Разве не были сынами Лилит великий маг и физик Джек Парсонс, совершивший «Работу Бабалон», Гёте, впервые провозгласивший высшим символом Вечную Женственность, к которой устремляется Фауст, или Валерий Брюсов, на своих плечах, подобно атланту державший всю культуру Серебряного века?

Мы уже говорили о карте Таро, на которой мужчина стоит на распутье, а на каждой из двух дорог изображена женщина. Одна — дочь Евы, она стыдливо прячет свою наготу и говорит набор дежурных банальностей. Другая — Лилит, она обнажена и вызывающе смотрит на мужчину: «Потянешь ли, сдюжишь ли, выдержишь ли, достоин ли?» Традиционное прочтение этой карты как выбора между добродетелью и пороком отражает типичную патриархальную рабскую догму, в которой открытая сексуальность связывается со злом и грехом. На самом деле на карте изображен совсем другой выбор. Выбор между сложным и достойным путем быть собой и рабским путем быть частью большого и защищающего тебя целого. На первом пути дуют холодные ветра, но жарки объятья той, что зовет на него. На втором же пути — медленная тепловая смерть, жизнь в смерти, существование в реальности, лишенной риска, азарта, страсти и наполненности.

Мифологема Лилит и Адама гораздо сложнее, чем может показаться. Не странно ли, что одержимый идеей своего муж-

ского превосходства Адам так легко подчиняется Еве, которая предложила ему яблоко? Не указывает ли эта история на то, что любое внешнее утверждение патриархального господства в итоге приводит к скрытому доминированию женского начала, причем не открытой и благородной Лилит, а Евы, склонной к скрытым манипуляциям? Совершенно очевидно, что исключение архетипа Лилит ведет к торжеству материнского, уроборического архетипа, и этот сценарий неотвратим, словно капель клепсидры. Не поэтому ли так много анекдотов про еврейских мамаш, что внутри самой патриархальной и догматической религии существует теневой матриархат?

Предательство Лилит всегда ведет к падению к Еве — точно так же, как утрата связи со своей Анимой всегда ведет к господству архетипа Великой Матери. Патриархальный субъект, не способный быть на равных ни с женщиной-Лилит, ни со своей Анимой, в конце концов становится заложником самой примитивной и истеричной женщины, а его настроения подчиняются капризам самой нелепой и обидчивой Анимы. Поэтому осознание истинной посвячительной роли архетипа Лилит является одной из важнейших задач индивидуации.

Конечно, противопоставлять Еву и Лилит и показывать Еву эдакой архетипической клушей — тоже не совсем верно, ведь именно Ева вынудила Адама принять яблоки познания и выйти из бессознательного состояния. Однако, как бы то ни было, в сравнении с Лилит она проигрывает.

Говоря о мифологеме Лилит, стоит задаться вопросом о том, что символизируют различные сексуальные позиции. Может показаться, что речь идет исключительно о власти, но, как показывает опыт, в жизни предпочтение тех или иных поз для соития совпадает с диспозицией власти далеко не всегда.

Мне кажется, что речь идет о мифологических атрибутах земли и неба. Дело в том, что в древней иконографии зем-

ля и небо часто изображались в образе мужчины и женщины в соитии. Причем, как это ни странно, очень часто женщина символизировала небо, в то время как земному началу соответствовал мужчина. Например, именно так изображаются египетские боги — небесная Нут нависает над Гебом-землей. В индийской и тибетской иконографии многие формы божеств изображаются в состоянии соития, и практически всегда женская фигура находится сверху. Например, в изначальной диаде «Шива-Шакти» Шива лежит на земле в позе трупа, а на нем скачет Кали, что символизирует статическую природу мужского созерцания, вдохновляемую динамической женской природой. Но чем больше культура замыкалась в тотальном гомеостазисе патриархата, тем больше женское начало отождествлялось не с небесным, а с земным началом и не с динамикой, а со статикой. В итоге, разумеется, проиграли оба начала: мужское лишилось своей неизменной созерцательности и мощи, а женское отождествилось исключительно с физической материей. Но ведь и вавилонская Иштар, и египетская Нут, и японская Аматаэрасу — это небесные и динамические богини, а не земные и статические.

Двадцатый век стал веком возвращения Лилит. Это и движение за эмансипацию женщин, которое, хоть и выродилось сейчас на Западе в жалкую пародию, в свое время сделало очень важное дело, дав женщине действительно творить свою волю. Это и переосмысление образа Лилит художниками и поэтами. Если художники средневековья все больше изображали Лилит уродливым демоном, то Лилит прерафаэлитов прекрасна и маняща. Это и все большее количество образов свободных и сексуальных женщин.

Задумайтесь. В классической литературе сексуальная женщина всегда увязывается со злом и искушением. Эта отвратительная связка начинает разрушаться только в двадцатом веке, вначале в образах «роковых» женщин, которые вызыва-

ли не осуждение, но восхищение, а потом и в образах просто сильных, активных и свободных женщин.

Если вы хотите понять природу Лилит — почитайте «Невыносимую легкость бытия» Милана Кундеры. Разве Сабина не есть истинный эталон женщины? А разве «госпожа Ева», открывающая главному герою силу наслаждения и знания в «Демьяне», не воплощение мистической Лилит? А что заставило Бориса Гребенщикова назвать целый альбом своих, пожалуй, лучших песен, Ее именем? Помните:

Дело было в Казани,

Дело кончилось плохо,

Хотя паруса его флота были из драгоценных камней,

На него гнула спину страна и эпоха,

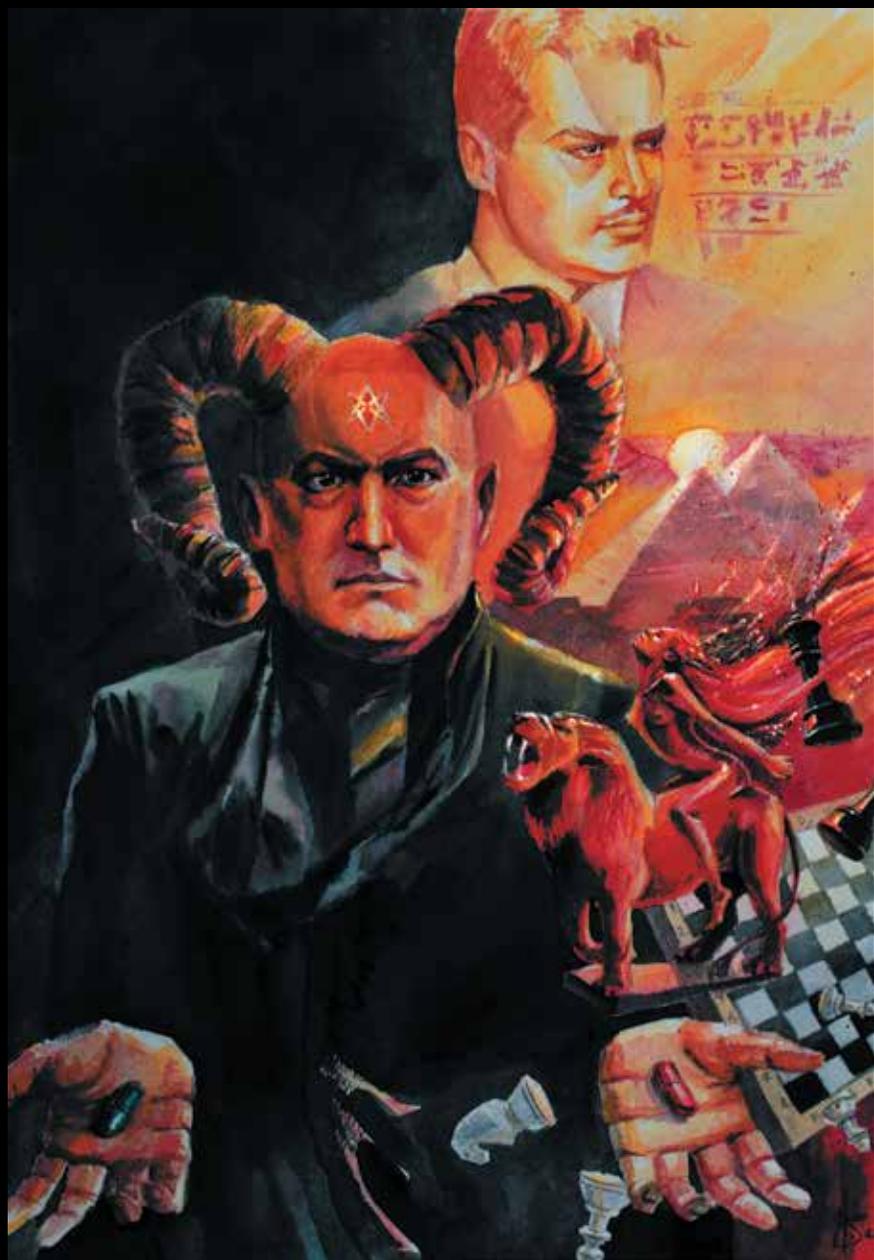
Но она была в шелковом платье и много сильнеей.

Удивительная песня, даже не просто песня, но гимн, гимн-молитва без просьбы, молитва во славу высочайшей Богини!

Один из выпусков «Фрэнки-шоу» был посвящен Лилит, и в этой передаче ведущий особенно проникновенен и пронзителен. Собрание лучших стихов, цитат, историй о Ней в сочетании с осмыслением того, что происходит сейчас, — это ли не триумфальное возрождение некогда изгнанных Богинь? Я надеюсь, что моя книга тоже внесет свою лепту в этот процесс.

Нияма Лилит связана с целым рядом принципом и качеств. Для женщины она выражается в стратегии жизни, в которой в одинаковой степени реализуются ее сексуальность и воля к утверждению своего индивидуального бытия. Обычная женщина может легко утратить индивидуальность, подстраиваясь под значимого мужчину, но нияма Лилит исключает подобную стратегию на корню. Лилит приемлет только честные и равные отношения, в которых немислимы какие бы то

ни было двойные стандарты. Для мужчины же нияма Лилит заключается в постоянном выборе динамического, трансформирующего, возвышающего и пробуждающего женского начала — будь то выбор внешний или внутренний.

художник Татьяна Подольская

ГЛАВА 4.

Алистер Кроули, его демон и его сын

Красоту мысли и поэзии Алистера Кроули я открыл для себя при самых необычных обстоятельствах. Офитус мягко подвел меня к озарению при прочтении главной книги, которую создал Кроули. Были там и знаки Лилит, ведь первым, что я увидел на сайте, посвященном учению Кроули, была статья французского мага Филиппа Писье «Лилит фон Сириус». После «Книги Закона» и тех переживаний, которые сопровождали ее прочтение, я читал все, что было связано с этой традицией.

«Книга Лжей». Удивительная книга из 93 коротких, точно удар молнии, притч, каждая из которых словно разрывает еще одну пелену иллюзий. Притч, из которых большинство посвящено Лайле, Ночи, Богине. «И разве она не Ньюит, а я не Хадит?» Я читал «Книгу Лжей» и приходил в восторг: впервые нашелся человек, который столь ярко, четко и последовательно выразил все, что было у меня в пространстве не до конца осознанных и сформулированных догадок. Я читал «Книгу Закона», и образ небесной Богини Ньюит, призывающей к Себе, все больше наполнял меня. Наконец я прочитал удивительную в своей красоте исповедь Филиппа Писье, одного из самых авторитетных французских телемитов и одного из последних по-настоящему трансгрессивных магов, и тогда я все понял. Я наконец нашел свой путь. Я хотел быть среди этих людей, которые, как я надеялся тогда, подобны Филиппу Писье и Диане Орлоу.

Алистер Кроули. Для кого-то, возможно, будет странным, что среди глав, посвященных архетипическим силам глубинной психики, помещена глава, посвященная вполне конкретному

человеку, который имел такие же человеческие потребности, как и все мы, и, уж конечно, не был воплощенным богом.

И все же, на мой взгляд, Кроули — это не просто человек. Он был человеком, но одновременно стал культурным символом. Кроули — это феномен. Феномен оккультный, магический, мистический, пророческий. Феномен поэтический, литературный, социальный. Феномен, словно поменявший саму тонкую ткань смысловой реальности и навсегда изменивший облик того, что принято называть эзотеризмом и оккультизмом. Я начинал как последователь Кроули и даже сейчас, создавая свою собственную символическую карту, я строю на той земле, которую подготовил Мастер Террион. Таких, как он, никогда не было и, возможно, за исключением его сына, уже не будет.

Он любил иронично говорить о «Демоне Кроули», то есть наборе тех представлений, образов, фантазий которыми наделяют его друзья и враги, последователи и противники. Он предостерегал тех, кто пойдет по его стопам, оказаться во власти этого демона.

Мне иногда кажется, что, несмотря на то, что своими книгами, картинками, поэмами и откровениями Кроули смог передать нам суть его прозрений, нечто уникальное, неповторимое, невыразимое ушло вместе с ним. Или нет — оно осталось в тонком информационном поле и продолжает свою парадоксальную игру с реальностью.

Мне еще не встречался никто, чье имя вызывало бы такой страх, даже животный ужас, как имя Кроули. Современники называли его «самым испорченным человеком на земле», «демоном во плоти», «тем, кого надо повесить в первую очередь». Ненависть, которую испытывают к нему рабы Иалдабаофа, просто феноменальна, она не имеет рационального объяснения.

Для великого человека, поэта, новатора совершенно нормально быть непонятым и отторгнутым современным миром.

Как правило, это непонимание проходит после того как великий человек умирает. Смерть гения делает его безопасным для Системы. И Система (Иалдабаоф) начинает забирать его — точнее, элементы его прозрений — себе, наделяя его другими смыслами, другими контекстами. Как говорил Тютчев, «нам не дано предугадать, как слово наше отзовется». Воистину, не дано. Но шансов на то, что оно отзовется так, как мы хотим, столь же мало, как шансов встретить на улице живого единорога. Мертвые поэты не кусаются. И уже никого не волнует гомосексуализм Оскара Уайльда, страсть к гашишу Бодлера или предсмертные богохульства де Мопассана. Мертвые поэты не кусаются. И их наследие Система растаскивает себе на виньетки, превращая в удобные декорации жилищ и библиотек.

С Кроули совсем иная история. Он не был злодеем в классическом смысле. Франсуа Вийон и Томас Мэлори были бандитами, они убивали людей. Но они умерли, и их произведения вошли во все энциклопедии литературы. Кроули никого не убивал, если конечно, не считать трех грабителей, попытавшихся лишить его имущества и избить в далекой Индии. За всю историю жизни Кроули мы не можем привести ни одного случая насилия, подлости, лжи или трусости. И, тем не менее, для абсолютного большинства, для тех, кто находится во власти программы, — Кроули продолжает быть радикально опасным. Этот мертвый поэт продолжает кусаться после смерти.

Никакой рациональной причины для такого ужаса вроде бы нет. Был зависим от наркотиков? Ну так время такое было — Фрейд вон вообще в молодости написал множество статей о пользе героина. Многие таланты просто не знали, с чем имели дело, и попали в дурную зависимость. Как-то маловато для страха.

Был сатанистом? Ну так режиссер Роман Полански тоже был сатанистом, и, тем не менее, его фильмы до сих пор обожают искушенная публика. Да и основатель сатанизма Ан-

тон Шандор Лавей никогда не вызывал подобного суеверного ужаса. Насмешку, иронию — безусловно: циркач он и коммерсант от религии. Но не суеверный ужас.

И потом, а что, собственно, мы понимаем под «сатанизмом» Кроули? Я, помнится, поначалу, разделяя ряд фантазий, силится найти у него хоть один ритуал «поклонения Дьяволу», но так и не нашел. «Литания Сатане» Бодлера куда более «сатанична», чем «Гностическая месса», написанная Кроули во время его путешествия по России, в которой он славит «единого и невыразимого Бога, источник света, источник любви, источник свободь». Как-то не похоже ни на страшилки о человеческих жертвоприношениях и поклонении мировому злу, ни на псевдофилософию Лавея, который под сатанизмом разумел всяческое угождение капризам своего Эго. Да, теневые для христианства боги становятся у Кроули позитивными — так ведь не в именах дело, а в том, какими смыслами эти имена наполняются и в каких контекстах употребляются.

Тем не менее, Кроули до сих пор многие панически боятся. Выложите в Интернет любую цитату из Кроули — да хоть из его политической сатиры «Евангелие от Бернарда Шоу», — и вы увидите, что все будут обсуждать не содержащуюся в цитате идею, а ужасную личность Кроули, который ел младенцев на завтрак и лично отдавал приказы Гитлеру. О том же, что его друг Карл Гермер попал в концлагерь только за факт «дружбы и сотрудничества с врагом рейха, франкмасоном Алистером Кроули» (именно так было написано в его деле в архиве СС), никто не знает, да и знать не хочет.

Можно рассказать много презабавных историй о том, как имя Кроули вызывало нечеловеческий ужас. Например, мне достоверно известно, что спонсор одного из крупнейших эзотерических издательств, давая деньги на его «раскрутку», поставил одно-единственное условие: это издательство никогда не будет публиковать Кроули. Заметьте — речь шла не о

книгах по сатанизму или черной магии, а именно о любых текстах Кроули. Вот она, власть его Демона, о котором мы говорили выше.

Многие нападают на Кроули с другой стороны. Мол, конечно, страшным черным адептом, кушающим детей, Алистер не был, но и его вклад во что бы то ни было ничтожен. Несчастный человек, закончивший свою жизнь в тяжелом умственном помрачении и не создавший ничего действительно нового... Но и эти нападки легко опровергнуть. Во-первых, изучая наследие Кроули, мы видим что многие из лучших своих работ, такие как «Магия без слез» или «Книга Тота», он создал именно в последние годы жизни, и в них перед нами предстает блистательный, остроумный и оригинальный эзотерический мыслитель, философ в самом высшем смысле этого слова. Ну, а во-вторых, достаточно прочитать хотя бы его публикации класса А и быть хоть немного честным с собой, чтобы признать: даже если мы не верим в «откровение» и «богов, которые шептали ему», — эти тексты просто эстетически и поэтически великолепны. Они настолько насыщены метафорами, образами, символами, что фактически Кроули создает своего рода новый жанр. Не зря «Британская энциклопедия» все-таки поместила его на свои страницы — правда, не как мага и оккультиста, а как поэта, продолжившего поэтическую традицию Суинберна. Да и влияние Кроули на умы потомков далеко не так слабо, как хотелось бы его хулителям: вспомним «Битлз», «Роллинг Стоунз», Джима Моррисона, Дэвида Боуи, Оззи Осборна. Образ Кроули проявлялся в их творчестве то на обложке альбома, то в сложной образной вязи поэзии.

Ни предполагаемый «сатанизм», ни «наркомания» (кому мешало любить Высоцкого то, что последние годы жизни он «плотно сидел» на героине?), ни что бы то ни было еще — не могут быть объяснениями Демона Кроули.

Сдается мне, что Алистеру удалось столь глубоко проник-

нуть в сердцевину, ядро, оперативную систему коллективного бессознательного, что он как носитель абсолютно иного образа мысли — иного по отношению как к своим, так и к нашим современникам, — представлял огромную опасность. Он опередил время не на пятьдесят, а на пятьсот лет. Произойдет ли чудо? Будет ли его наследие должным образом осмыслено когда-нибудь, или по мере увеличения информационного шума Система использует последнее и самое страшное оружие — забвение? Не знаю. Скажу только одно — со своей стороны, пока я жив, я сделаю все возможное, чтобы осмысление наследия Кроули состоялось.

Кроули не был не только сатанистом (ведь ритуалы, которые он разрабатывал, творятся во славу «Бога света, жизни, любви и свободы», «Нюит», «Гора»). Кроули не был даже антихристианином. Именно ему принадлежат слова «мы не должны винить Иисуса в учении, которое ему навязали». Его богохульства были адресованы не столько Иисусу, сколько христианам. Антихристиане (такие, как Вольтер, например) обычно каются на смертном одре. Для Кроули же, как для трагического Дона Гуана, никакое покаяние невозможно — только прямое и бескомпромиссное противостояние до последнего рукопожатия Каменного Гостя, до последнего вздоха и звука.

И, черт возьми, я рад, что он продолжает быть опасным для рабского сознания, для тех хороших мальчиков и девочек, которые кушают манную кашку, живут в комфортном стаде и никогда не посмеют даже помыслить о мятеже. Воистину, дорогие мои, — Кроули не для вас!

Но для тех, кто ищет независимости, кто был бы готов рискнуть головой, только бы получить свою неповторимую красную таблетку, позволяющую выйти за пределы мировой лжи и мирового рабства, для тех, кто хочет знать и отвергает утешение, — для вас, Господа, в работах Кроули может быть

много полезного. Только не дай бог в порыве благочестия попытаться превратить эту удивительную по красоте и глубине символическую систему в застывшую догму! Не того хотел от нас Алистер, не того.

Я не буду рассказывать вам биографию Кроули (об этом есть немало хороших книг) или излагать его доктрину (этому посвящена моя первая книга «Полет змея»). Здесь я хочу лишь поделиться своим, личным, даже интимным пониманием Кроули. Рассказать о том, почему именно он оказался для меня, пожалуй, одним из самых значимым мыслителей, пророков и поэтов.

Через пару месяцев после того как я открыл «Книгу Закона», когда я уже успел достаточно глубоко погрузиться в его идеи и даже написать в телемитское братство запрос о посвящении, мне приснился удивительный сон.

В этом сне я убиваю давно умершую бабушку. И, кажется, весь мир, полиция, спецслужбы, простые люди пытаются меня найти и убить. Также я знаю, что за мной охотится некий великий маг. Я бегу, как загнанный зверь, и вот, добежав до укрытия, я вижу перед собой его. Мага. Алистера Кроули. А может быть, Азазеля или Люцифера, принявшего на этот раз его облик.

Маг протягивает мне бокал вина:

— Возьми, оно отравлено.

— Но я не хочу умирать, — возражаю я.

— Иначе тебя найдут они, и ты будешь частью их мира, — с грустью говорит маг. — Они уже рядом, и я не смогу их сдерживать долго.

— Но что будет, если я выпью?

— Ты умрешь. Но умрешь по-другому. Ты не можешь стать для них невидимым, не умерев.

Он говорит о смерти, но я чувствую, что смерть, о которой он говорит, — это не совсем прекращение бытия; это смерть всего, чем я был, но одновременно и продолжение, развитие в совершенно неведомых мне образах. Потому я беру у него из рук бокал. Я чувствую, как немеет мое тело, слышу его голос, что-то вроде «переход произошел, теперь все они будут знать, что он мертв», — и в странном смещении чувств ужаса и надежды просыпаюсь...

Думаю, этот сон лучше любых слов скажет о том, кем стал для меня Кроули. Он словно повторяет популярный сюжет «Матрицы», намеренно драматизируя его: «Либо ты принадлежишь им, либо ты умрешь». Морфеус не мог позволить себе такую степень честности. А, как мы знаем, инициация — это всегда символическая смерть.

Что меня поразило в Кроули?

Во-первых, полное отсутствие какой-либо «назидательности», этого унылого комплекса власти-неполноценности, которым так страдают учителя всех форм и цветов. Если воспользоваться скучным и, возможно, не всем понятным, но таким удобным языком транзактного анализа Эрика Берна, то в абсолютном своем большинстве оккультные эзотерические учителя выступают по линии «Родитель — Ребенок». О, это вечное «я знаю, как надо, будь таким, не будь сяким»! Транзакция Кроули идет по линии «Взрослый — Взрослый», а иногда — по скрытой, задорной, живой азазелевой линии «Ребенок — Ребенок». Не зря же центральная метафора Телемы — коронованное и побеждающее дитя. Это как приглашение хорошего друга к альпинистскому восхождению или какой-нибудь другой интересной, яркой и опасной авантюре. А что может быть интереснее самопознания? Излагая некие закономерности духовного мира, Кроули не назидает, но делится опытом, размышляет как философ и ученый и одновременно играет метафорами как Поэт.

Подлинный художник выше мага! Это одна из важнейших аксиом Кроули, и без понимания этой аксиомы невозможно понимание его традиции. Слишком легко человек, освоивший базовые магические навыки уровня Йесод, впадает в психическую инфляцию, раздуваясь, как индюк, от важности абсолютной, внеземной, вневременной истины, которую он изволит транслировать. Кроули постоянно прокалывает Это, которое от присутствия глубинного измерения рискует раздуться до непомерных масштабов, — прокалывает иглой иронии, насмешки, сарказма и парадокса, зачастую опровергающего его же собственные слова.

«Вы не поймете суть тезиса до тех пор, пока не поймете, что тезис и антитезис одинаково истинны». Это утверждение Кроули на разные лады повторяет в своих разных работах. Противоположности — едины. Противоположности — иллюзорны. Раб верит во власть незыблемых категорий. Свободный — нет. «Белое это белое — кнут надсмотрщика. Белое это черное — пароль раба. Господину до этого нет никакого дела». Какой роскошный афористичный коан, обнажающий всю манипулятивную природу любых идеологий и контридеологий!

Кроули поражает своей широтой. Мне всегда было смешно утверждение одного из персонажей Достоевского «широк человек, я бы сузил». Весь мой опыт говорит об обратном. Узок, скучно заужен, ограничен и банален человек, даже в своих мятежах банален и предсказуем. Я бы расширил. Но широк был Кроули. Достаточно посмотреть на сферу его интересов, чтобы понять, насколько полно он жил и насколько многогранно работал его разум. Маг, визионер, мыслитель, поэт, шахматист, альпинист и еще, если верить некоторым авторам, — разведчик МИ-6. Кажется, нет такой области, которая была бы ему не интересной, и на стыке разных областей, на стыке столкновения противоположностей рождается совершенно иная, оригинальная система мировоззрения.

А еще Кроули первым заговорил о святости секса. Может быть, не совсем первым — как тут не вспомнить того же Уильяма Блейка. Но он смог выразить это и мыслью, и образом, и действием настолько бескомпромиссно и тотально, что современники в ужасе назвали его «самым испорченным человеком на земле». Его «испорченность» для Системы — не в факте обилия эротических похождений (хотя по количеству женщин он дал бы фору Казанове и Дону Гуану вместе взятым), этим в его время было уже никого не удивить. Его «испорченность» заключалась именно в отказе принимать двойную мораль, моргать и недоговаривать, когда другие моргают и недоговаривают, изображать стыд и соглашаться с мороком пуританства хотя бы «для приличия», разделив себя на «для мира» и «для своих», — то есть в отказе от пути, по которому шли многие его современники.

Прочтите его «Книгу Лжей»! Это поразительное соединение «высокого» и «низкого», каббалистической максимы о последнем преображении и эротического анекдота, мистерии и карнавала. Я берусь утверждать, что именно Кроули был первым постмодернистом, чье наследие, не будучи отрефлексировано мыслителями, «зависло» где-то в коллективном бессознательном и через много лет после его смерти дало обильные всходы.

Какова нияма Кроули? Чтобы действительно разобраться в этом в полной мере, нам следовало бы детально проанализировать, во-первых, все его публикации класса А, и прежде всего «Книгу Закона» и все комментарии Кроули к ней, а во-вторых, такие его принципиально важные труды, как «Книга Лжей» и «Магия и мистицизм».

По сути, вопрос о нияме Кроули — это вопрос о том, что на самом деле значит быть телемитом. Пытаясь ответить на этот вопрос, десять лет назад я написал мою первую книгу «Полет змея». Сейчас я понимаю, что та книга отразила лишь внешний, формальный план учения. Чтобы в полной мере передать

его суть, мне в самом лучшем случае потребуется еще десять лет, если конечно, боги окажутся благосклонны и эти годы у меня будут. Книга, которую вы сейчас читаете, — достаточно серьезный шаг на этом пути, но далеко не окончательный ответ. Описываемые в этой книге ниямы большинства архетипов (за исключением, пожалуй, Джона Голта) — это отдельные грани ниямы Крюли. Однако было бы чудовищной ошибкой рассматривать нияму Крюли исключительно в рамках сознательной идентичности. В своей жизни я встречал людей, которые принадлежали к совершенно другим традициям или даже вовсе не причисляли себя к чему-либо, но полностью соответствовали глубинной телемитской нияме. Но видел я и людей, которые, формально будучи телемитами и последователями Крюли, были бесконечно далеки от его ниямы.

По сути, нияма Крюли выражена в главной фразе его учения: «Твори свою волю — таков да будет весь закон».

Но при кажущейся простоте этой фразы достаточно самого небольшого отклонения, искажения, неверного контекста, чтобы понять ее неправильно. Самое популярное искажение, которое, впрочем, более распространено не среди телемитов, но среди тех, кто неверно понимает Телему, — «делай, что тебе в голову взбредет». Ущербность этой позиции достаточно очевидна без привлечения высокой философии. Если предположить, что некто начнет действительно делать, что ему взбредет в голову, и следовать каждому импульсу желания, то совершенно понятно, что, угождая себе тактически, стратегически он будет действовать в ущерб себе. Размениваясь на мелкие желания, человек автоматически теряет возможность исполнения желания большого. Так, если мы будем тратить деньги на все подряд, то никогда не сможем купить автомобиль или квартиру, а если боксер будет прогуливать тренировки, то едва ли он выиграет важный бой.

Профанов часто пугают банальным пониманием этого девиза. Однако правда в том, что ни одно сообщество не могло

бы состояться, если бы его основой было потворство каждому капризу. Впрочем, все эти заблуждения и недоразумения сам Алистер Кроули успешно развеивает в «Либер Алеф». Телемитам известно, что следование истинной Воле возможно по достижении Тифарет, после открытия Знания и Собеседования Святого Ангела-Хранителя и познания своей истинной природы.

Существует, впрочем, куда более изощренное и опасное искажение принципа «Твори свою волю — таков да будет весь закон». В конце концов, следуя идеологеме «делай, что тебе в голову взбредет», человек едва ли дойдет до каких-либо крайностей, поскольку рано или поздно включится инстинкт самосохранения. А вот то искажение, о котором я говорю сейчас, может завести очень далеко.

Я говорю о некоей фетишизации и буквализации тех понятий, которые Кроули использует как метафоры и символы. Мы нуждаемся в языке для того, чтобы обмениваться опытом и открывать путь, но тот же самый язык с легкостью становится клеткой и тюрьмой, как только попадает в плен буквализма. Буквалист может бессознательно исходить из того, что в один прекрасный момент, после того как он запрется на месяц для совершения последних ритуалов, его плеча коснется Ангел и скажет: «Дорогой друг, на самом деле ты хочешь быть космонавтом». Я, конечно, утрирую (тем более что от такого послания после двадцатилетней практики едва ли была бы польза — не берут в космонавты в сорок лет). Для того чтобы хоть немного прояснить суть исходного послания, нам стоит идти двумя путями — во-первых, исследовать контекст судьбы самого Кроули, а во-вторых, найти параллели следования своей Воле в других школах и традициях. Так, напрашивается параллель между понятиями установления оси «Эго — Самость», или «Самостно-ориентированного Эго», в юнгианской психологии и «Знания и Собеседования САХ» в Телеме. Сам Юнг не раз называл метод активного воображения « разгово-

ром со своим добрым ангелом».

Другая важная параллель — понятие экзистенциальной подлинности бытия, которое есть ничто, и кроулианское «не говорите обо мне нечто, но ничто». Бытие, или дазайн, то есть абсолютная аутентичность и подлинность действий, мотиваций, устремлений, противопоставляется ложному бытию, или сущему, дазману, вечно оказывающемуся в плену внешних форм и условий сущего.

Эта экзистенциальная параллель подсказывает нам важное измерение, ключ к пониманию принципа следования своей Воле. Этот ключ — аутентичность себе, или подлинность всех реакций. И, безусловно, правы те, кто говорит, что для того, чтобы прийти к подлинности, нужна немалая духовная работа — устранение интроектов, программ, осознание Тени, встреча с Анимой. Все это можно сказать на языке Телемы или юнгианства — и это будут одни и те же планы психологического опыта. Главное — избегать буквализирования и фетишизации этого опыта.

Результатом буквализации и фетишизации является не приближение, а еще большее удаление от Истинной Воли, когда Знание и Собеседование возносится на такую метафизическую высоту, которая осмысливается как доступная только в каких-то сверхнеобыкновенных условиях.

Представим себе, что недобросовестный духовный учитель решил использовать Телему для создания секты, в которой все будут подчинены ему. На первый взгляд, это невозможно. Но представим себе некую нехитрую софистику, которая может показаться кому-то убедительной при буквалистичном понимании. Такой учитель, конечно, вспомнит, как Кроули говорил (и это, увы, чистая правда), что большинство людей не знают своей Воли. И, конечно, он скажет, что есть мастера, мудрецы, просветленные, которые познали свою Волю и могут помочь вам узнать ее. И, конечно, он скажет: «Я такой

мудрец. И я покажу вам, что вы на самом деле желаете».

Где здесь ловушка? Где подтасовка? Где происходит смещение акцента от свободы к рабству, от возможности выйти за предел к беспредельной свободе к чудовищному закабалению, быть может, еще худшему, чем прежде? Что можно противопоставить такой аргументации?

Прежде всего надо понимать, что человек, действительно постигший свою Волю, никогда не будет прибегать к подобному манипулированию. Не потому, что запреты не позволяют, а потому, что ему просто в голову такое не придет.

В своей жизни я знаю только одного человека, кого без малейших сомнений могу назвать Мастером с большой буквы. И вот что интересно — она всеми силами отбивается от любых попыток возвести ее на трон. Более того, в моей жизни было много ситуаций, когда я действовал откровенно ошибочно. И очень часто я бессознательно старался поставить Мастера в положение «внешнего голоса», который отведет меня от неправильных решений. Это как бы игра двух частей себя: кто притянет на свою сторону Мастера, которая лучше знает? И всякий раз, когда такая бессознательная игра происходила, что же делала Мастер? Возвращала проекции и давала парадоксальный ответ, который выводил меня за пределы бинарной обусловленности. Не было ни одного случая, когда, даже при моей потенциальной готовности к этому, Мастер приняла бы решение за меня «мне во благо». Как-то она сказала по поводу одной моей авантюры: «Это же твои пиздюли! Если ты этого не сделаешь и не получишь этих пиздюлей, — может быть, твой путь будет неполон».

Нияма Телемы — это тонкое равновесие между абсолютной свободой и абсолютной дисциплиной, хаосом и порядком, стихией и культурой. Само слово воля имеет двойной смысл: воля как свобода («вольница», «отпустить на волю») и воля как дисциплина, контроль, подчинение себя («сила воли», «волевое

решение»). Телемитское «твори свою Волю» включает оба эти смысла, причем в их предельных значениях — способность полностью подчинить свою жизнь одной цели и одной воле сочетается у телемитов со способностью уходить в такой угар и хаос, что дрожат стены.

Безусловно, Кроули гениален: его образы и символы способны опьянить нас и вдохновить прикоснуться к глубинам, а его логические тексты дают самое точное описание и самые точные карты внутренней бесконечности. Но Кроули не совершенен. Мои восторгания уникальностью Кроули отнюдь не дают мне повода сотворить из него кумира.

Слишком легко создать кумира, идола, а потом прятаться в его тени от Солнца. Кроули велик, но не совершенен. И, восхищаясь им, я знаю, что есть вопросы, в которых я никогда не смогу с ним согласиться.

Кроули был одним из первых, кто обрушился на бастионы ветхого мира, но некоторые странности его судьбы, возможно, указывают на то, что сам он до конца не смог изжить в себе эту ветхость. Создавая «Книгу Лжей», где Лайла — это Нюит, где именно на основе поклонения женскому, открытия экстаза эротического выстраивается все мировоззрение, сам Кроули в быту был достаточно патриархален. В отношениях с женщинами он, как правило, доминировал и подавлял, что, конечно, не годится для Нового Эона, госпожа которого — женщина. Противоречие между символом и жизнью достигло даже его.

Не поэтому ли Кроули, верно осмысливший Люцифера, Великого Зверя и, наконец, Вавилонскую Блудницу, так и не смог понять, кем же на самом деле была и есть Лилит? Во многих своих работах, следуя за патриархальными иудеями, он описывает Ее как губительного демона. Кроули выполнил свою задачу на 90 %, но последние кирпичики так и не были уложены, последние переосмысления не завершились.

Поэтому к концу жизни Кроули боги послали нам еще одно-

го великого человека. Того, кто смог завершить Делание Кроули и достроить сакральное здание Телемы.

Конечно, я говорю о Джеке Парсонсе (настоящее имя — Джон Уайтсайд Парсонс). Он далеко не так известен, как Кроули, и, думаю, абсолютному большинству его имя ровным счетом ничего не скажет. Но я убежден: с точки зрения вечности, Алистер и Джек стоят в одном храме и Джеку удалось шагнуть на одну ступень выше. Именно он написал «Книгу Бабалон», которая стала четвертой главой «Книги Закона» и принесла завершенность, окончательную уравновешенность и симметрию в телемитский символический космос.

Джон Уайтсайд (Джек) Парсонс интересен еще и тем, что, помимо своих занятий магией под руководством Кроули, он был одним из крупных физиков своего времени. Он разработал сухое ракетное топливо, на котором впоследствии американцы смогли достичь Луны. Благодарное НАСА присвоило имя «Парсонс» крупному кратеру на обратной стороне Луны, и одного этого достаточно, чтобы понять, сколь значим был его вклад в практическую науку.

Многие годы Джек совмещал в своей жизни две сферы: магию и науку, мистицизм и физику. И в обоих направлениях Джек достиг успеха. Его клятва сокрушить мрак пуританской нечисти с помощью постоянных ритуальных призывов Бабалон, госпожи нашей, исполнилась уже после его смерти — началась сексуальная революция. А его эксперименты с горючим привели к высадке первого человека на Луну.

Я принимаю твою эстафету, Джек! Последние два года проходили для меня под твоей звездой. Книжки, которые мы переводили. Стихи и эссе, биография и магия. Практики, которые я выполнял. Ритуалы и эксперименты, в которых я иду до конца. Иду за тобой, Джек. Потому что Лилит-Бабалон приходит в этот мир, и если надо будет сгореть ради этого, я пойду за тобой в пламя.

Джек Парсонс. Единственный, кому удалось соединить в своей жизни абсолютную свободу и абсолютную дисциплину, оккультизм и науку, творчество и рациональное познание. С середины девятнадцатого века оккультизм время от времени заявлял о своем праве войти в пространство науки, претендовал на статус «духовной науки». Но именно Джек смог поставить последнюю точку. Физик и лирик. Маг и ученый. Поэт и рационалист. Страсть и разум.

Все, что я пишу дальше в этой главе, опасно. Потому что слишком легко всё это может быть понято неверно. Это – прикосновение к тем уровням бытия, где тончайшими и страшными нитями связана реальность и фантазия, сон и явь, бытие и небытие. То что я описываю дальше очень легко может быть заподозрено в безумии.

В моем отношении с Джеком я приближаюсь к опасной грани, где игра воображения может стать опасной претензией и покажется безумием. Потому что многие месяцы я был убежден, что я и есть его инкарнация. Потому как то чувство родства, которое каждый раз обрушивается на меня, когда я читаю его откровения или его биографию, само по себе выводит на опасный рубеж.

Как далеко может зайти воображение? Насколько внешний мир связан с нашей внутренней бесконечностью? И, наконец, самый страшный вопрос: насколько наши иммагинальные переживания могут повлиять на реальность большого мира?

Эти вопросы могут показаться слишком абстрактными для тех, кто ни разу не сталкивался с синхронией, ни разу не созерцал божественную игру. Для тех, кто рассматривает мифологию лишь как отображение психики. В этой книге я привожу множество примеров невероятных синхроний, но этот эпизод поражает воображение даже самого закоренелого скептика.

История, которую я хочу здесь рассказать, кому-то может

показаться безумием. И я не могу осуждать читателя, если тот отмахнется от описываемых мной событий и сочтет, что я попросту брежу. Потому что слишком много в оккультизме этих шизотериков, воплощений, перерождений, проводников, каждый из которых уверен в своей исключительности.

Для того, чтобы удержаться на грани, я постараюсь удержаться от выводов. Я лишь расскажу некоторые события в их последовательности. Можно ли сделать из этих событий далеко идущие выводы? Пусть каждый сам решает это для себя.

Я не решил.

История, которую я хочу рассказать, началась в далеком 2013-ом году. Как и большинство значимых историй, она началась с большого сновидения. В сущности именно в больших сновидениях, происходят те события которые потом воплощаются в реальном мире.

В этом сне я увидел себя стоящим на платформе «Солнечная» киевского направления. Рядом со мной был человек, чье имя я не назову, дабы избежать сомнительного пиара за чужой счет. Я хочу остаться джентльменом. Те кто нужно – поймут о ком идет речь, тем более что этот человек внесен в список ста самых влиятельных интеллектуалов России. Человек, которого я увидел в этом сне, – очень известный культурный деятель. Он начинал с оккультной практики, и, как я убежден, стал черным магом. Не как Петр, о котором речь пойдет дальше, в другой главе. Нет, Петр гораздо примитивнее в своих желаниях и мотивах. Человек же, о котором я говорю сейчас, гораздо могущественнее, умнее и сильнее Петра. Я назову его Анатолий – для того, чтобы избежать каких-либо корреляций и намеков для тех, кто не посвящен в эту историю. Но те кто ЗНАЮТ без труда поймут чье имя я скрываю за этим псевдонимом.

Итак, во сне, на платформе «Солнечная» киевского направ-

ления, Анатолий предлагал мне стать его учеником. И он демонстрировал мне свою силу. Я мог видеть, как по его воле многотонные поезда отрываются от земли и с огромной скоростью летят по воздуху. Я был очарован его силой и величием. Я был почти готов склониться перед ним...

Но в этот момент на платформе появилась третья... Женщина, которая просто однажды, примерно за год-полтора до этого сновидения, появилась в числе моих приятелей и которая, казалось бы, случайно, по странному стечению обстоятельств (ну и, не скрою, в силу моей симпатии к ней) на первом же для неё касталийском ритуале стала жрицей, но потом внезапно, без объяснений просто исчезла из моего пространства. Так в наших кругах исчезали часто и многие, поэтому я, хоть и огорчился, предпочёл просто забыть о ней и больше не вспоминать. Её появление во моём сне уже само по себе было чем-то странным. Кажется, сейчас она обвиняла Анатолия. Да она просто смеялась над ним. И вдруг поезда, движимые его волей, грузно упали на рельсы. В этот миг очарованность Анатолием пропала, и я атаковал. Нечасто в сновидениях я выступаю как маг, владеющий силой, но этот сон был одним из немногих подобных снов. Кто-то за нашими плечами давал нам эту силу, чтобы разыгралась партия.

Проснувшись, я ничего не мог понять. Я не мог понять того, почему мне приснился этот мужчина, ведь, будем честны, мы с ним находимся в несовместимых весовых категориях. Он лучший друг многих сильных мира сего, а я всего лишь вольный философ. Даже как мыслитель этот человек многократно меня превосходит. Мы стоим на разных сторонах баррикад. Но печаль моего сердца в том, что на той стороне, на какой нахожусь я, нет фигуры, которая была бы в полной мере равна ему.

Я записал этот сон и забыл.

А через год в нашу реальность пришла беда. «Моя страна

сошла с ума». Начало 2014го года. Майдан, дыхание свободы пришедшее в Украину, а после – чудовищное имперское вторжение России, война ставшая проклятием для всех нас. Вина которая ложится тяжким грузом на каждого русского человека. Аннексия Крыма, война в Донбассе...

Анатолий приветствовал происходящее. Анатолий ликовал. Наконец то пришло время тому чему он служит. И я был убежден, убежден из снов, откровений, интуиций, что все происходящее происходит потому, что его воля или, точнее, воля той силы, что стоит за ним, наконец разыграла свой джекпот.

Я чувствовал боль и бессилье. Я знал, что ничего не могу изменить. Все, что я мог, – это только молиться. Точнее, все, что я мог, – это говорить с моими богами. Люцифер, Лилит. Неужели все потеряно? Неужели самое худшее, что могло произойти с нами, произошло. Я понимал, какой кошмар происходит, но даже не мог позволить себе публично заявить о том, что думаю на самом деле. Даже не из страха перед преследованием, нет. Просто слишком многие члены даже моей команды, слишком многие из тех, кто мне помогают, тоже не понимают... И тоже на другой стороне. Все, что я мог, – это давать сдержанные намеки о своей позиции. И молиться, молиться, молиться...

Анатолия я видел лишь однажды. Не могу лгать: к этому человеку я испытываю двойственные чувства. С одной стороны, это ненависть, с другой – восхищение. Это не мелкий пакостник Петр, нет. Это Игрок с большой буквы. Игрок, который, если право мое безумие, определяет судьбы эпохи.

Я был чудовищно связан, потому что даже из моих друзей, лишь немногие понимали какая катастрофа разворачивается на наших глазах. Я мог потерять лучших переводчиков, лучших лекторов, лучших авторов. Мне приходилось молчать. Точнее не совсем молчать. Все что я мог – это намекать на то что на самом деле происходит. Например репостнув

самую невинную запись из самой радикальной группы. В этой записи не было ничего, но мои читатели могли пойти по ссылке... Я чувствовал что задыхаюсь, задыхаюсь от невозможности говорить.

И в один прекрасный момент, уже не во сне, а в реальности, он пишет. Он пишет совершенно нелепое сообщение: якобы «чудовищные телемиты» руководят террористами, совершают «ритуальные жертвоприношение» а главный центр этого зла расположен в Москве, и руководит им один политик, который в реальности уже много лет как отошел от дел.

Анатолий обвинил телемитов! Это развязало мне руки. Я по крайней мере теперь мог говорить, что я чувствую, хотя бы в его адрес. Теперь никто не мог осудить меня, ведь первым бросил свое обвинение он а не я, и я говорил не обо всех а только о нем. Я поддержал кампанию по его исключению с весьма почетного поста. Всего парочка репостов. Какая мелочь, какой пустяк. Но как покажет последующая реакция это был далеко не пустяк и сам Анатолий видел ситуацию похожим образом.

Но в этом первом, бредовом для непосвященного человека сообщении было еще нечто большее лично для меня: он назвал имя того политика, на которого по его мнению работает «главный телемит». Для посвященных это звучало совсем по другому, в лице телемитов он ссылался в первую очередь на меня.

Поясню. С политиком, о котором идет речь, я встречался лишь единожды. (Я вынужден извиниться перед читателем за то, что снова говорю загадками, потому как, когда касаешься столь деликатных тем, неровен час кого-нибудь оскорбить или задеть. Впрочем, я хорошо понимаю, что и говоря таким образом я тоже рискую создать слишком большое пространство для паранойи). Я встречался с этим политиком лишь потому, что юнгианские психологи арендовали у него территорию в институте, и руководство предложило порекомендовать

меня как лектора для его института. Весь мой круг общения знал, что я должен с ним встретиться.

Я готовился к этому как к великому дару. Когда я шел на встречу, я, ненавидящий любой официоз и форму, впервые в жизни надел строгий костюм. Я надеялся, что этот человек разрешит мне прочитать несколько лекций перед его учениками. Ни материальной, ни иерархической заинтересованности у меня не было. Я просто преклонялся перед этим человеком. И хотел получить дополнительное пространство распространения идей.

Наш разговор в реальности продолжался не более трех минут. И это были самые прекрасные три минуты моей жизни. Потому что я видел по-настоящему великого человека. Человека, благодаря которому, наша страна обрела хотя бы кратковременную свободу; человека, который снял кандалы с эпохи. Оказавшись наедине с ним, я не мог сказать ни слова, мне хотелось плакать, мне хотелось благодарить его, благодарить за свободу, подаренную всем нам. Но я хорошо знал, что этого делать нельзя. Что в мире, из которого этот человек, царствует ложь и лицемерие, и мои слова будут восприняты как грязная лесть. Поэтому моя речь, мой язык, мой логос был словно парализован. Я мог только смотреть, и мне казалось, передо мной самый благородный дух, когда-либо виденный мной. Черный Алмаз.

Конечно, мне не удалось произвести впечатление. Едва ли запинаящийся и трепещущий юноша может произвести впечатление. И, конечно, мне не разрешили сделать то, о чем я мечтал. Ни одной моей лекции в этом пространстве не было, и с тех пор я больше никогда не видел этого человека.

Единственной моей ошибкой стало то, что я говорил об этой встрече слишком многим. Сама встреча, само случайное соприкосновение значило для меня слишком много. Сама возможность говорить с подобной персоной, которую я боготво-

рил, была для меня настоящим подарком судьбы.

И вот через пару лет Анатолий публично упомянул его имя, упомянул в связи с телемитами, о которых в реальности тот кого я называю Черным Алмазом и не знал. Анатолий писал, что телемиты управляемы Черным Алмазом и ведут подрывные диверсии против нового порядка. Смешно! И в то же время в этом сообщении для моего внутреннего круга было очевидное послание: Анатолий видит меня. И Анатолий считает меня опасным. До этого до меня доходили забавные разговоры, мол «Анатолий сказал своему представителю что «Касталия опасна». Не сказал бы что я слишком в это верил поначалу.

Почему? Кто я, и кто он? Если бы не публично упомянутое имя Черного Алмаза, я бы счел это нелепым совпадением. Но человек вышедший с политической арены 20 лет назад вдруг некстати упомянутый Анатолием был намеком на меня. Для всех кто знал о той единственной нашей встрече (о да, встреча как видно быстро обросла невероятными и бредовыми домыслами). Но совершенно очевидно, что Анатолий знал о моей с ним встрече. И, видимо, был убежден, что эта встреча имела совсем другие последствия.

Я молился. Я понимал: ничто не может измениться. Великое преступление эпохи уже совершено, и никакая сила не властна обратить всё вспять. Я мог только молиться, переживая каждое поражение Украины как почти физический удар под дых.

И совершенно неожиданно Анатолий проиграл. Анатолий потерял свой пост, свою трибуну, свою силу. Услышав эту новость, я издал отчаянный рык счастья. Поймите правильно – это не было банальным злорадством. Анатолия как человека я уважал и вряд ли просто стал бы радоваться его поражению. Но он был не просто человеком – он был символом определенной позиции, определенной стороны, определенной власти. И

его падение означало, что еще не все кончено. Что еще есть шансы. Моя молитва, мой луч, мой экзистенциальный зов были услышаны.

Следующий эпизод потряс меня еще больше. Анатолий в своем публичном интервью заявил, что его увольнение связано с тем, что «страшные маги, телемиты, захватили мозг его непосредственного начальника» в институте.

Какая чушь! Ах, да если бы я обладал властью влиять на сознание власть имущих! Да что там – хотя бы просто на сознание других людей! Люди, не имеющие отношения к магии, убеждены, что маг – это тот, кто обладает сверхъестественной силой. Но правда в том, что вся наша сила в том, что в некоторые мгновения сверхъестественные силы могут проходить сквозь нас. И ещё правда в том, что, зная законы реальности, я никогда даже не попытался бы совершать подобные ритуалы.

И все же... Не были ли мои переживания, мои молитвы, мои внутренние взывания одними из тех факторов, которые определили исход игры? Страшный вопрос, отдающей паранойей не так ли. Но почему такие совпадения? Почему мы оказались с Анатолием в одном «алхимическом котле», в одной ванной, в одном синхронистичном потоке?

Нет, не мои. Очень уж легко здесь взять на себя слишком много, уподобившись тем тысячам шизофреников и параноиков, уверенным, что разбитая чашка на их кухне вызывает войну на другом конце земли. Но даже если и не (только) мои, но и тех, к кому я по странному стечению обстоятельств причастен... И всё же несомненный факт состоял в том, что, по крайней мере, сам Анатолий был убежден в моем участии. Не зная моих снов, чувств, молитв, он ощутил, что в моем пространстве, через меня, происходило нечто, ставшее его поражением.

Поражением? Кажется, я опять слишком много на себя беру. Не поражением. Ведь исход культуры определен, и только чудо может изменить направление или сорвать стоп-кран, не дав стране упасть в ту бездну, в которую она несется. Да, возможно, мои усилия не стали его поражением, но они хотя бы стали частью восстановления некоторого равновесия, воцарившегося на какое-то время в нашем пространстве. Тому что крайний сценарий все же не был реализован. И, к тому же, не исключено, что шанс на чудо все еще есть...

А при чем же увиденная во сне женщина? Женщина, которая на краткий миг появилась в пространстве «Касталии» и исчезла, не оставив и следа. Я не раз пытался рассмотреть сон символически, проанализировав значение и сочетание ее имени и фамилии. Но инсайта не происходило. Я был в замешательстве. Если с фигурой Анатолия во сне было все более-менее понятно, то ее образ вызывал одни сплошные вопросы. И, конечно, мне хотелось получить на них ответы, ведь развязка сна была столь многообещающая.

И вот, в разгар охваченности моей страны безумием, но незадолго до падения Анатолия, эта женщина вдруг вернулась в мое пространство. Она просто пришла и сказала, что хочет стать нашим переводчиком. А ещё через какое-то время у нас с ней начался роман, развивавшийся так бурно, ярко и странно, как будто некие высшие силы предуготовили нашу связь и всячески содействовали сближению.

И на протяжении долгого периода наших отношений над нами витал самый важный для меня Дух – Дух Джека Парсонса и Марджори Кэмерон. Именно в начале наших отношений, Парсонс как архетип ворвался в пространство нашего скромного проекта: переводились его стихи, откровения, была издана его биография. Мы лицезрели каждый шаг его жизни, и мне казалось, что мы и есть они, Джек Парсонс и Марджори Кэмерон в новом воплощении.

Для внешнего наблюдателя основная деятельность нашего проекта – переводы – может показаться исключительно коммерческой и просветительской. Кто поциничнее, тот видит только коммерческий аспект, кто романтичнее – идеал оккультного просвещения. Но для меня перевод текста на русский язык – это прежде всего магический, теургический акт. Так будто некое слово, образ, даже не будучи в полной мере оценен и воспринят (к сожалению, книги о Парсонсе били рекорд низких продаж, как и все другие биографии), будто врывается в пространство эгрегора, пространство коллективного бессознательного и навсегда меняет его. Переводя книгу, мы как бы призываем ее дух проявиться в русскоязычном пространстве и стать его частью.

Таким образом, все это время Парсонс и Кэмерон были с нами. И, кажется, нам удалось... (Я говорю эти слова, понимая, насколько эта фантазия ставит меня в один ряд с многими безумцами. Но и не сказать было бы неправильно. Надеюсь, хоть кто-то, не утопая в наивно-детских мечтах ньюэйджевцев о реинкарнации, поймет меня должным образом) ...Кажется, нам удалось завершить Работу Парсонса и Кэмерон. Кажется, на этот раз мы сделали то, что должны были сделать. Нет, для каких-либо сомнений в этом наша связь с Джеком и Марджори имела слишком много совпадений: от разницы в возрасте до обстоятельств жизни и встречи. Вот только кое-что отличалось: последний предел, который по черному року не удалось достичь Парсонсу, достигли мы. Делание Парсонса было завершено в 2016-ом году.

В одном из наших выходов через 2,22 мы увидели Джека и Марджори. Мы стали ими. Мы коснулись таких тончайших нюансов их отношений, которые невозможно познать, не будучи в общем с ними потоке. И если миф сочтет необходимым воплотиться и повториться в полной мере, я могу не пережить следующий год... И тот ужас смерти, потери, боли был одним из самых тотальных и страшных переживаний 2,22 в моей

жизни. Возможно, в следующем году меня ждет смерть. Если так – я могу только молить моих богов, чтобы эта смерть принесла тот же результат, что и смерть Джека Парсонса. Его жертва. Если так надо, я должен принять жребий со смирением. Но, возможно, как нам удалось совершить то, что не удалось им, мне удастся пережить этот год.

Но главное не это. А тот первый сон, вырвавший ее из тысяч других и поместивший в моем сне в противостояние с Анатолием, о чем я тогда не мог и мечтать. Быть может, шанс на чудо будет уже не у меня, но у другого «дитя Нового Эона». Быть может, это дитя внесет свой огромный вклад в сокрушение сил Иалдабаофа, которым так полно и, надо признать, успешно служит Анатолий. Ведь как тут не вспомнить слова из Книги Закона: «Ты не узришь всех таинств, за ними скрытых. Дитя чрева твоего узрит их».

художник Татьяна Подольская

ГЛАВА 5. Бабалон (Иштар)

Лилит, Бабалон, Ньюит, Иштар...

В некотором смысле все почитаемые нами богини суть различные аспекты единой и невыразимой Шакти. У той же Лилит и Бабалон, образ которой как Блудницы Вавилонской Кроули взял из «Апокалипсиса Иоанна Богослова», очень много общего. И Лилит, и Бабалон — персонификации яростной, неистовой, активной, пассионарной женской сексуальности. И Лилит, и Бабалон открывают путь к предельному измерению эротического гнозиса. Сходство можно найти даже во второстепенных мифологических деталях — согласно мифу, Лилит не согласилась «быть снизу», настаивая на своем желании «оседлать» Адама, а Бабалон, Вавилонская Блудница, изображается как «оседлавшая Зверя» и, безусловно, изображение 11-го старшего аркана Таро в колоде Кроули имеет сексуально-магические коннотации.

И все же я хотел бы посвятить Бабалон отдельную главу, и, быть может, через некие тонкости нерва мифа нам удастся уловить не только их очевидное сходство, но и тонкие отличия. Ведь даже одну и ту же эротическую энергию Лилит и Бабалон являют чуть по-разному...

Лилит разрушает тех, кто хочет ее подчинить и поработить, не замечает тех, кто готов быть ее рабом, но тем, кто предстает перед ней, сняв шляпу и поклонившись, но не встав на колени, она дает силу и вдохновение. Сразу, легко, радостно и полно.

Бабалон порой более безжалостна. Наслаждение Бабалон как будто стоит на границе эроса и антероса, наслаждения и боли, восторга и ужаса. Иштар ужасает героя Гильгамеша, и он страшится ее любви, бежит от ее любви, боясь, что она

убьет его. Опыт Бабалон — это одновременно опыт наслаждения и опыт ужаса. Здесь жизнь и смерть соединяются в одном танце, в одном остром, как бритва, совершенном мгновении наслаждения.

Для того чтобы понять суть архетипа, нам надо идти к истоку мифа. В основе телемитского образа Бабалон — Вавилонская Блудница из «Апокалипсиса». В новозаветном тексте этот образ должен был вызывать страх и отвращение: «великая блудница», с которой «блудодействовали цари земные, и вином ее блудодеяния упивались живущие на земле». Она «держала золотую чашу в руке своей, наполненную мерзостями и нечистою блудодеяния ее; и на челе ее написано имя: тайна, Вавилон великий, мать блудницам и мерзостям земным». И была она «упоена кровью святых».

Против того, что христиане называют блудом, мы, конечно, ничего не имеем, но все же читателя может смутить образ упоения кровью святых. Что это за образ и где его корни?

Здесь надо вспомнить, что для древних евреев великой трагедией было Вавилонское Пленение, когда гордые степные кочевники были вынуждены работать в каменоломнях для строительства Вавилона. Сентиментальные читатели могут пожалеть бедных, несчастных евреев, вынужденных, о ужас, вкалывать с утра до вечера и втайне мечтающих «разбить младенцев (вавилонских) о камень». Но, как бы то ни было, именно Вавилонское Пленение стало для иудеев тяжелейшей культурной травмой, поэтому когда Иоанну Богослову понадобился «крепкий» образ, он обратился к прошлому. Для Иерусалима Вавилон — это воплощение всякого зла.

И, конечно, больше всего злопыхательств у пленников вызывали храмы Иштар. Прекрасная, гордая, бесстыдная и царственная Богиня была настоящей душой Вавилона, вдохновившей наиболее достойных из людей создать первый в истории город, первую цивилизацию. Иштар была сердцем этой цивилизации.

Храм Иштар находился в центре города, в сердце Вавилона. Специально обученные жрицы Иштар дарили свою любовь всякому, кто преклонял колени пред Великой Богиней. Мы все читали о «сакральной проституции» древнего Вавилона. Но нет ничего более нелепого, чем соотносить современную проституцию и служение алых жриц Вавилона. Жрица Иштар оказывала величайшую честь тому, кто разделял с ней наслаждение. Сам факт оплаты был не более чем символом. Не случайно каждая женщина Вавилона должна была хоть один раз в жизни надеть облачение Иштар и в ее храме отдаться страннику.

Именно страннику. Этот аспект эротической притягательности странника, мужчины из другого мира, гостя, иного — до сих пор является мощным фактором женской психологии.

Чтобы понять суть сакральной «проституции», следует внимательно рассмотреть историю, описанную в вавилонском эпосе о Гильгамеше.

По сюжету эпоса, боги прогневались на Гильгамеша и послали под стены города дикого человека Энкиду, который обладал небывалой силой, разгонял стада и грабил караваны, шедшие к древнему городу. Тогда мудрый царь Гильгамеш обратился в храм Иштар и попросил верховную жрицу, блудницу Шамхат, выйти к Энкиду. Энкиду удовлетворял свою страсть две ночи и два дня, но потом с ним произошли изменения. Он больше не понимал языка зверей и птиц, но знал язык людей. Он оказался вырван из бессознательного состояния природного существа, и ему ничего не оставалось, как прийти в город, где после ритуальной битвы с Гильгамешем он стал ему другом и побратимом.

Итак, эрос Иштар — это эрос, который выводит человека из бессознательности и дикости, включает его в цивилизацию. Но каждый раз, чтобы подняться на новую ступень, герой должен умереть и заново возродиться. А смерть в объятиях Иштар — это одно из самых прекрасных и самых пугающих

переживаний. Иштар — это богиня не земли, но небес, звездная Богиня; не потому ли в «Книге Закона» Кроули тайное имя Звездной Нюит и есть Бабалон? Вавилон знал иную, небесную сексуальность, опыт эротического гнозиса, переводившего человека из состояния дикаря в состояние культуры и цивилизации.

И, конечно, это было неприемлемо для иудейских пленников. «Я Господь, Бог твой, Бог ревнитель, — говорил их Яхве. — Да не будет у тебя других богов перед лицом Моим». Все имманентное, природное, эротическое было либо табуировано, либо поставлено под контроль. Обычай сакральной проституции был уничтожен, и на смену ему пришла убогая, профанная проституция, полностью лишенная иного измерения.

Я помню свой первый сексуально-магический ритуал, который мы выполняли с любимой супругой, — ритуал Нюит Бабалон. Вы можете найти его сценарий в Приложении 2. Этот ритуал может показаться странным, извращенным, пугающим, ведь, составляя его, я хотел создать действие, которое содержало бы в себе опыт тотальной трансгрессии, нарушения человеческих границ, чтобы секс стал не биологическим и даже не психологическим, а магическим действием, атакующим последние табу. Потому мы не рекомендуем тем читателям, которые «держатся рамок приличий и морали», даже читать текст этого ритуала, и не говорите, что мы не предупреждали!

После ритуала наступило чувство абсолютной пустоты и чистоты. Казалось, не было ни мысли, ни чувства, ни воспоминания. Через сорок минут я впервые со времен первого воспоминания детства, воспоминания о Ветре Люцифера, смог почувствовать этот восхитительный Ветер абсолютной свободы, пронзивший мое тело. Не было ничего — ни 2,22, ни алкоголя, ни каких-либо других формул, кроме самой ритуальной последовательности, которая описана в Приложении 2. Но, выйдя на улицу, я почувствовал Ветер, пронзивший мое тело.

Я хохотал. Это был хохот восторга, хохот ребенка, сбросившего все оболочки и скорлупы, хохот чистого и свободного нулевого Аркана. Это было одно из сильнейших переживаний моей жизни: Богиня очистила меня полностью для постижения новых граней бытия.

Всего через две недели с нами произошло маленькое чудо. Мы ехали в последней электричке — я, моя жена и ее подруга. В разговоре подруга жены сказала: «Я так и не могу понять, кто такая Бабалон и что она символизирует». В этот момент я почувствовал, что меня наполнила мощь, и сказал: «Бабалон — это благословенная тьма, из которой рождается все и вся». После этой моей фразы в электричке совершенно внезапно выключился свет. Когда он включился свет, я решил продолжить разговор и сказал: «А еще Бабалон — это дары земли. Сама земля с ее плодами». И еще одно чудо, еще один знак на пути — когда на конечной станции в пустом вагоне мы полезли на багажную полку за вещами, то увидели, что наш давно уже сошедший сосед по лавке забыл пакет с фруктами. Яблоки, бананы, апельсины, киви — словом, самые лучшие дары земли оказались никому не принадлежащими, а значит, принадлежащими нам. Это был подарок, знак, подтверждение абсолютной реальности Богини и ее присутствия в моей жизни.

А потом была неделя кризиса. Всякий, кто имеет живой опыт сакрального, знает: после того как душа переживает опыт возвышения, переживания чистого архетипа, потом всегда переживает и Тень. Обратное действие. Кризис. Тяжелое состояние нигредо, когда свинцовые оболочки возвращаются и то, что, казалось, уже было преодолено, возвращается с утренней силой. Наступает депрессия, тоска, чувство бессильной тяжести, прижимающей к земле. На этой стадии многие бегут, отступают, отрекаются. Сколько бы ни предупреждали мы о неизбежности этой стадии, — она всегда переживается так, словно наступивший кошмар никогда больше не кончится.

Это «свинцовая фаза», которая всегда приходит после всякого возвышения. Даже в Евангелии есть тому пример: Иисус, пережив нисхождение Святого Духа, тут же отправляется в пустыню одиночества и отчуждения, где встречает Сатану как Тень Бога.

Эта стадия продолжалась неделю. И все, что я мог, — это благодарить Бабалон за пережитое ранее, понимая, что тень — неизбежный спутник света, а боль — неизбежный спутник наслаждения. И она переплавляла меня, открывая новые грани реальности.

Нияма Иштар-Бабалон, конечно, связана с сексуальностью, и в гораздо большей степени, чем нияма любого другого из рассматриваемых нами архетипов. Однако речь идет не о любом проявлении сексуальности и уж тем более не о любом сексе. Если бы это было так, то, как иронизировал один тантрический мастер, «каждый забулдыга и бабник был бы реализованным магом».

Сексуальность Иштар-Бабалон — это то, что постоянно уточняется. Мы уже цитировали очень важные строки из «Книги Закона», проясняющие природу этой ниямы: «Не будь животным: облагораживай свой восторг. Если пьешь ты, то пей по восьми и девяноста правилам искусства; если ты любишь, то будь превыше всего изощрен; если ты веселишься, да будет в том утонченность!».

Именно здесь мы подходим к концепции сакрального, магического, мистического секса. Эта концепция противостоит как монотеистической идеи сексуальности как греха и помехи, так и чисто материалистическому рассмотрению сексуальности исключительно в животном модусе. К слову сказать, в мире животных только дельфины получают удовольствие, все остальные животные всего лишь сбрасывают накопившееся напряжение, и 70% людей в этом отношении остаются животными. Видимо, та сила которая надиктовывала Кроули этот текст, знала об этом задолго до всех биологических открытий.

В настоящей книге очень большое значение уделяется сексуальной магии и даже приводится рекомендуемый ритуал. Однако утончение Иштар — это не только и не столько сексуальная магия. Это и «Кама-сутра». Это и привнесение в эротизм элемента игры, эксперимента, утонченности. Это и искусство предварительных ласк, о котором говорят все сексологи, хотя их никто не слышит. Это и практики 2,22, о которых пишут Роберт Антон Уилсон и Тимоти Лири.

Нияма Иштар — это наслаждение, которое становится опытом гнозиса.

художник: Татьяна Подольская

ГЛАВА 6.

Сет

Этот эпизод произошел семь лет назад, когда я впервые собирал свою магическую группу в Касталии. Разумеется, для ритуальной практики я старался выбирать наиболее безопасные ритуалы, и ритуал Зевса-Юпитера, безусловно, таковым казался.

На самом деле на тот момент я уже много раз в разных ролях участвовал в этом ритуале. Это был самый первый ритуал, в котором я участвовал еще даже до первого посвящения в ОТО, и впечатления тогда были просто потрясающими. А потом не раз и не два повторялся этот ритуал в ложе и в учебной группе Ордена.

На этот раз для меня все было по-другому. Этот ритуал был началом моего проекта, который должен был сказать Новое Слово в оккультном пространстве.

Я выбрал себе скромную роль одного из куретов — служителей на периферии круга. Слишком часто я участвовал в этом ритуале и на этот раз хотел отдохнуть и не играть главных ролей.

И вот произнесены все нужные слова, все тайные формулы, выполнены все предварительные медитации. Началось ритуальное действие.

В центре — сокрытый синей мантией служитель Юпитера. Именно ему должно будет повезти в результате этого ритуала, ведь призывающий на себя Юпитера никогда не будет обделен Джоном Голтом. По кругу ходят три служителя, служители трех богов, трех сил. Германубис. Бог пассионарности и восхождения, алая сера. Сфинкс. Бог света, покоя и созерцания. И Сет. Тифон. Чистое нигредо. Свинец. Первоматерия.

Роль Сета выбрала моя сестра. Настоящий, совершенный мастер темной стороны. В своей жизни я встречал не так много людей, кого, не покривив душой, могу назвать магами, и она входит в этот очень краткий список.

Совершенна! Совершенна во всех отношениях! Я не видел еще никого способного перевоплощаться с такой же тотальностью и безусловностью. Казалось, от нее шел темный гул...

Я посмотрел ей в глаза. И через несколько мгновений почувствовал, что меня засасывает черная бездна. Черное солнце, небытие, точка в нуле, аннигиляция. Тьма. И кроме этой ослепительной тьмы, в расширение которой я с такой жаждой проваливался, я не видел ничего.

Я потерял сознание. Да, черт возьми, за годы моей ритуальной практики со мной впервые произошло это, и хвала богам, что это не повторялось больше никогда! Я начал терять сознание и рухнул, как подкошенный, прямо на бережно собранный алтарь. Не знаю, сколько прошло времени, прежде чем меня вернули. Там, в бездне, времени не существует. Ход ритуала был прерван, однако через несколько минут сознание вернулось и действие продолжилось своим чередом.

Когда я позвонил человеку, которого могу назвать Мастером, первое, что я услышал в ответ на эту историю, был вопрос: «Ты хоть понимаешь, что произошло на самом деле?» Я не понимал. Точнее, понимание билось где-то в подсознании плененной птицей, но не могло выйти на поверхность, где-то там готовился инсайт. «Ты понимаешь, да! Ты потерял сознание и упал на алтарь. Знаешь, кто обычно падает на алтарь? Жертва. Вот именно ею ты и стал, я тебя поздравляю».

Срочно запрошенный расклад рун подтвердил все опасения. «Руна Одина плюс Хагль. Безумие, рожденное высшим богом. — Мастер, казалось, впервые была взволнована. — Сейчас происходит то, что ты не сможешь ни изменить, ни

контролировать. Могу только пожелать тебе расслабиться». «Я выживу?» — спросил я. «Ну, а я-то откуда знаю?» — был вполне закономерный ответ.

Подробности событий, последовавших за этим, описываются в следующей главе. Итак, передо мной раскрывалась бездна. Черное сияние Сета, которое поглотило меня глазами моей жены и день за днем, неделю за неделей, месяц за месяцем стало отнимать все, что казалось моим и незыблемым. Старые связи, старый круг общения, друзья, приятели, братья. В черную воронку рухнуло все. Мне не раз вспоминалась та клятва, которую дает посвященный, — отказаться от всего во имя любви Бабалон. Да и карта года была тоже весьма характерной — Башня.

Сет, бездна, черное солнце отнимали всё.

Что меня спасло в этой воронке? Почему по завершении черных вихрей ко мне вернулось все, что казалось безнадежно и тотально утраченным? Вернулось в другом мире, по другим правилам и другим законам. Я больше не был мальчиком, не был частью, не был наивным романтиком. Я подтвердил свое право встать в центре мандалы и создать новый взгляд, новую школу. Сет послал мне противника, и это был его дар.

Мне вспоминалось мое первое столкновение с Сетом за шесть лет до описанных выше событий. Тогда я решил использовать практики, рекомендованные во второй главе «Книги Закона». Эти практики достаточно опасны, и даже прямое их упоминание нежелательно — пусть мудрый сочтет их число, ибо оно 2,22.

Используя эти практики, я увидел Сета. Увидел зримо и непосредственно. И ничего более ужасного мне не приходилось видеть никогда и, надеюсь, не придется более.

Сет не похож ни на одного из демонов гоэтии, описываемых в средневековых гримуарах. Как пишет современный

маг Лон Майло Дюкетт, эти демоны, как правило, не более чем удобные персонификации наших пороков, с которыми практикующий в магическом ритуале пытается договориться точно так же, как договаривается со своими субличностями клиент психолога, работающего в жанре психосинтеза.

Но Сет — это нечто неизмеримо большее. Он не проявляет враждебности в том смысле, в каком мы понимаем это слово. Он не пугает нас, не угрожает, не хочет нас убить или завладеть нашим сознанием. Он просто присутствует. И в его присутствии чувствуется сладковатый запах тлена, и предложения начинают распадаться на слова, слова на буквы, а буквы — на какие-то протозвуки, лишённые смысла и связи. Все связанное, все реальное, все выстроенное исчезает в его присутствии, погружая душу в крошечный мрак.

Все смыслы, все образы, все воспоминания обрушивались в эту воронку. Единственным, что я мог вспомнить и сохранить, была строка из телемитского «Символа веры»: «Верую во единого, тайного и невыразимого Бога и в единую звезду в сонме звезд...». Всю ночь я повторял этот текст, даже не помня, что именно я повторял.

Может ли быть в таком божестве что-то благое для нас? Это не Люцифер, вдохновляющий своим Ветром, и не Лилит, обещающая чистое наслаждение. Это не Азазель, дающий знания, и не Бабалон, чья страсть становится рождением нового. Это сама Смерть и Господин Смерти (даже не смерти тела, но смерти смысла, смерти связей между явлениями), бросающий нас в хаос первоматерии.

И все же я предлагаю поразмыслить о Сете в непривычном контексте. Самый известный миф о Сете тоже не дает нам возможности для его оправдания. Согласно Плутарху, Сет — это трусливый и завистливый брат-близнец Осириса, incapable бросить ему вызов, но обманом заманивающий его в ловушку и убивающий. После этого многие годы Сет преследует сына Осириса Гора, однако, как это часто про-

исходит в мифе, Гору удается вырасти и отомстить за своего отца, кастрировав Сета.

В отличие от мифов, которые мы разбирали выше, этот кажется лишенным какой-либо двусмысленности и свидетельствует, безусловно, о злом боге. Однако при внимательном прочтении в глаза бросается одна странность — на суде Богов, когда Исида обвиняла Сета в вероломном убийстве ее мужа и преследовании ее сына, верховный бог Ра, бог солнца, света и жизни, делает все, чтобы его выгородить. Почему? Разве не должен верховный светлый бог жаждать искоренения зла в пределах своей власти? Но нет. До последнего момента Ра сопротивляется очевидному, и только когда Гор побеждает Сета, признает эту победу.

Вопрос не так прост, как кажется. Мы могли бы его, ведь мифы полны странных парадоксов, зачастую куда более причудливых. Да и представление о верховном боге у древних народов было далеко от приторно- светлого Бога монотеистов.

Однако в двадцатом веке археологи нашли удивительное древнееоипетское изображение, на котором Сет стоит в ладье солнечного бога Ра, направляет ее и не позволяет чудовищным тварям поглотить Ра, лишив землю солнечного света.

Что же получается? Неужели архетип, выступающий абсолютным злом и братоубийцей в одном мифе, в другом оказывается спасителем людей и богов, без которого был бы невозможен восход солнца? И не в благодарность ли за спасение своей ладьи так усердно спасает Сета Ра?

Мифологические вопросы не могут получить однозначные ответы, однако с точки зрения логики мифа эта версия выглядит вполне логично. И все же — кто такой Сет?

Ключом к пониманию этого для нас может стать строка из «Книги Закона»: «Я — Жизнь и податель Жизнь, и потому

познавший меня знает смерть». Сет как бог смерти, совершивший первое убийство, вполне может быть здесь отождествлен с теневой стороной Хадит. Смерть — неизбежный конец жизни, но почему знать смерть — это знать жизнь?

Мне кажется не случайным странное созвучие в именах самых темных богов — Сет, Сатурн, Сатана. Сатурн, известный в алхимии как хозяин свинца, отравившего своими парами не одного экспериментатора, в средневековой астрологии выступает как «большое несчастье», фактор, ответственный за самое худшее, что только можно себе представить, — дряхлость, эпидемии, смерть. Да и отношения Яхве и Сатаны в библейской «Книге Иова» как-то странно напоминают отношения Ра и Сета — формально осуждая своего злого сына, верховный господин как будто пытается его выгородить и даже поддается на его провокации.

Да, перед нелегкими и страшными вопросами ставит нас Сет. Возникает соблазн избежать этого разговора и оставить страшного, темного и не почитаемого завистливого Сета на том месте, где его оставляет классический миф. Что вообще хорошего может нести смерть?

Но представим себе мир, вообще лишенный смерти. Это был бы очень скучный мир, ведь если нет смерти, то нет и рождения, а значит, ничего нового не может прийти в замкнутый мир. Более того, в мире, где нет смерти, не только рождение, но и вообще никакое изменение не было бы возможно. Процесс приема пищи есть смерть для животных и растений, которыми мы питаемся. А если верить Кастанеде, то и сам человек является пищей для неких более высоких существ. Статичный, инертный, неизменный мир, лишенный протяженности... Отказ от смерти приводит нас к совершенно ужасающей смерти-в-жизни, второй смерти, блистательно описанной Колриджем в «Сказании о старом мореходе».

Максимилиан Волошин в своей поэме «Путями Каина» пи-

шет о творческом духе человека: «Он утверждает бога мятежом, творит неверьем, строит отрицаньем. Он зодчий, и его ваяло — смерть». Если вдуматься — страшные слова. Но стали бы мы спешить с творчеством, если бы знали, что впереди — неизменная бесконечность?

Мастера дзэн рассказывали следующую притчу. Один человек однажды путешествовал по лесу. За ним погнался тигр, и, спасаясь, он прыгнул с обрыва. В последний момент, зацепившись за ветку, он увидел, что внизу водоем кишит крокодилами, а ветку, за которую он зацепился, начинает грызть мышь. А рядом с этой веткой он увидел землянику, протянул к ней руку, сорвал ее. О, как же она была сладка...

Притча не говорит о том, спасся ли этот герой (что, впрочем, было бы логично — ведь кто-то же должен был рассказать об особой сладости этой земляники перед пастью крокодилов). Притча обрывается на самом интересном месте, и, казалось бы, ее послание — в том, что спасения нет. Но, тем не менее, сладость земляники как будто является компенсацией неизбежной смерти в пасти крокодила или тигра. Возможно, герой притчи тысячу раз ел подобную землянику, но не замечал ни вкуса, ни сладости ее. Возможно, вся его жизнь была лишена вкуса, и этот вкус, по сути, — единственное, что он может взять с собой в вечность, единственное воспоминание, которое может стать узловым, чтобы переплавить тело в меч.

На самом деле эта притча метафорически раскрывает одно из важнейших понятий современной философии, которое развил Жорж Батай, — понятие «совершенного мгновения». Парадокс в том, что совершенным мгновение делает сознание неизбежности смерти. Именно так следует понимать и утверждение Сократа, что «философия есть приготовление к смерти», и утверждение Кастанеды, что воин должен «взять смерть в советчики».

Смерть как биологический феномен означает конец жизни и торжество энтропии — разъятие сложноорганизованной

материи на ничего не значащие фрагменты. Но сознание смерти, выведение смерти как экзистенциалии, хайдеггеровское «бытие к смерти», которое философ считает единственно подлинным бытием, оказывается прямо противоположным — единственным возможным противостоянием энтропии.

Воистину, Сет и есть Сатурн, струящиеся песочные часы которого неумолимо приближают нас к смерти. Для слабого духом встреча с Сетом означает катастрофу, погружение в неизбежный кризис и распад всех смыслов и ценностей, ощущение бессмысленности любого усилия, если всему приходит смерть. Но для суверенного человека именно здесь, в точке предельного ужаса и отчаяния, и раскрывается то самое хайдеггеровское «бытие к смерти» или «совершенное мгновение» Жоржа Батая.

И конечно, смерть не исчерпывается только смертью тела. Умирает все — социальная роль, идентичность, образ себя, отношения. Но в ней и особый страшный дар Сета — дар знать предел, конец. Страшный, потому что боль потери приходит до того как сама потеря произошла, а прекрасный — потому что для сильного человека это знание становится источником самого интенсивного и тотального проживания этого последнего мгновения здесь. Совершенного мгновения.

Потому и поныне стоит мрачный жнец небытия Сет на защите ладьи Ра, на защите жизни, познать которую можно, только познав смерть. Потому и бегут от его даров слабые да лицемерные: «Мы бессмертны, мы не умираем, нас ждет рай, нас ждет перевоплощение...» Вот только, если подумать, что за утешение в этом перевоплощении, если не дано ни малейшей возможности хотя бы отчасти вспомнить, что было тогда? Не поймите меня неправильно: я не отрицаю идею перевоплощения — слишком много данных трансперсональной психологии свидетельствует в ее пользу. Вот только что в ней проку? Будет ли вам большой радостью, если вы узнаете, что после вашей смерти ваши руки пришьют другому че-

ловеку и они будут жить на нем еще лет пятьдесят? Велики ли утешение?

Вот почему, когда в «Красной книге» Душа приносит Юнгу «Жезл Магии», она требует от него только одной платы — утешения? Не любви, не человечности — это naive шаблоны мистической прозы восемнадцатого и девятнадцатого века, и поныне оказывающие влияние на представление об оккультном знании. Нет — любовь и человечность только приумножаются в невероятном напряжении подлинного знания Офитуса. Но утешение подобно анестезии: убрав боль, она автоматически убирает и способность чувствовать что-либо вообще. Хорошая защита слабым да убогим. Эффективная и желанная вера для любой власти, ведь, собрав слабых да убогих духом, можно их трупами забросать любую армию. Но для Суверена Сет, Смерть, Сатурн, Сатана становятся жестокими, но необходимыми учителями. Вот почему даже в средневековой астрологии, при всем ее дуализме, Сатурн отвечал не только за несчастья, но и за мудрость. Тяжелую мудрость Сета.

Еще одна тайна Сета — алхимическая. Как известно, алхимики верили, что могут получить из свинца золото. Но как они представляли себе этот процесс? Это чрезвычайно интересно, ведь бессмысленное применительно к физическим металлам описание этого процесса оказывается бесценным применительно к тонкой психической трансформации.

Так, с точки зрения алхимии, прежде чем вещество даст золото, необходимо вернуть его в состояние первоматерии, изначального хаоса, аморфности, полностью разложить его, ведь только то, что было разделено, может быть достойным образом собрано. Король Солнце в алхимических притчах пьет ядовитую воду, распадается на части, растворяется, рассыпается, уничтожается и только после этого возрождается. Получается, что добровольное вхождение в хаос, жутковатое столкновение с персонификацией энтропии и является

единственным условием для формирования обратного процесса — возрождения, жизни, негэнтропии. В своем итоговом алхимическом сочинении Карл Юнг подчеркивает, что во многих средневековых сказаниях написано, что Феникс возрождается сначала в форме отвратительного червя, лишенного крыльев и сияния, и только постепенно из этого червя прорастает новый Феникс.

Может быть, именно в этом причина того, что именно Сет на ладье Ра оказывает самое мощное противодействие крокодилам хаоса, желающим поглотить бога. Сет — это не просто смерть, но персонификация самой Силы, Мощи, той самой ницшеанской воли к мощи (которую ошибочно называют «волей к власти»), словно эта великая сила может быть сведена к желанию получить депутатский мандат). И как здесь не вспомнить легендарную философему о рабе и господине, которую приводит Гегель? С точки зрения Гегеля, изначально все люди как носители одного биологического начала равны, а единственным абсолютным господином над ними является Смерть. Однако в кризисных ситуациях, когда речь идет об утверждении собственного бытия, происходит разделение. Один — тот, кто готов поставить свою жизнь на кон ради чести, — становится господином. Другой — тот, кто смиряется и склоняет голову, — рабом. Наше время, к счастью не столь часто ставит нас на грань смерти, но психологически, символически эта диалектическая схема продолжает работать и сейчас.

Поэтому только тот, кто, не отрываясь, смотрит в глаза суровому воину небытия Сету, сможет обрести настоящую Силу Господина.

Из всего сказанного выше очевидно, что нияма Сета является самой сложной, тяжелой и почти неисполнимой. При этом нияму Сета легче всего описать. Она подразумевает только одно качество — осознание смерти и готовность к смерти. К сожалению, в нашей культуре эта идея, в духе

кастанедовского «возьми смерть в советчики» или дзэнского «живя, будь мертв», стала настолько затасканной и банальной, что зачастую просто не осознается в полной мере.

художник: Татьяна Подольская

ГЛАВА 7. Симон Маг (Фауст)

Гностицизм. Древнейшая христианская ересь первых веков, ужасавшая отцов церкви и римских правителей больше, чем любое язычество. Обретя силу, церковь преследовала несогласных еще более жестоко, чем некогда язычники преследовали христиан. В гностицизме явно содержалось нечто опасное и принципиально несовместимое с вселенской властью церкви, на которую она претендовала.

Гностицизм появился во втором веке. Открытые в середине двадцатого века гностические евангелия позволили нам впервые услышать голос гностиков, а прежде все знание о гностиках исходило от их главных врагов, критиков и преследователей. Но даже те крупинки гностического знания, которые невольно сохраняли их оппоненты, веками помогали тем, кто не желал помещать себя в прокрустово ложе догматической веры, находить свой собственный путь к Источнику.

Гностицизм был самой опасной ересью, ведь он отрицал какую-либо необходимость в посредничестве власти, церкви, закона между человеком и его Богом. Только личный опыт, только духовный инсайт, только гнозис имел значение для многочисленных и очень разных гностиков. Аскеты и либертины, пантеисты и дуалисты, создатели сложных символических религиозных систем и последователи простого, как кристалл, гностического Евангелия Маркиона. Гностицизм — очень многоликое явление. Кажется, каждый гностик создавал свою собственную модель Священного. В этом гностики были подобны художникам — ведь каждый художник в своем творческом порыве создает свою вселенную образа. Единственным общим для гностиков была их убежденность

в превосходстве личного духовного опыта над религиозной догмой, индивида над коллективом.

Согласно Иринею Лионскому, отцу церкви, начавшему великую борьбу с еретиками, отцом всех ересей был некто Симон Маг. Он выдвинул учение о том, что слепой творец и его ангелы удерживают в плену Душу Мира, Эпинойю, Софию, которая вынуждена снова и снова воплощаться, опускаясь все ниже. Задача посвященного — освободить Душу Мира из лап Иалдабаофа, постигнув изначальную мудрость. Если верить каноническому новозаветному тексту «Деяния апостолов», Симон Маг пытался купить у апостолов власть передачи Духа Святого через возложение рук и за это был изгнан из первой общины. Больше в каноне он не упоминается. В христианском же предании Симон выступает главным противником апостола Петра. Взяв из борделя некую блудницу Елену, Симон Маг («Симон волхв») объявляет себя новым пророком, который открывает пути гнозиса своим последователям. Позднее, оказавшись при дворе Нерона, Симон Маг совершает разные чудеса и очаровывает римского императора. Однако апостол Павел бросает ему вызов, и все кончается для Симона плохо — демоны, находящиеся в его власти, поднимают его от земли и он летит, однако молитвами Петра демоны лишаются силы; Симон падает на землю и разбивается насмерть.

Но через десять веков, поверженный, словно Фаэтон, Симон возвращается в новом облике — как Фауст. Был ли у Фауста свой исторический прообраз? Некоторые утверждают, что был. Некоторые — что Фауст списан с Корнелия Агриппы, Парацельса или Пико делла Мирандолы. Однако совершенно очевидно, что Фауст — возродившийся дух античного мира.

В легенде о Фаусте есть много сходств с историей Симона Мага. Пещеру Симона охраняли ужасные псы-демоны. Ме-

фистофель приходит к Фаусту в образе пса. Симон Маг объявил проститутку Елену воплощением Елены Троянской. Фауст приказал Мефистофелю привести дух Елены из мира теней и дать ей плоть. Симон разбивается о землю и поглощается адом. Сын Фауста и Елены Эвфорион повторяет путь Симона, разбившись о землю в своем первом и последнем творческом рывке. Симон Маг и Фауст жаждут постичь тайны с помощью магии, и магия открывается им. Очевидно, что Фауст как бы персонифицирует дух античности, контрабандой проникший в христианство в гностической позиции, отрицающей всякую власть догмы.

В книге 1587 года «История о докторе Фаусте, знаменитом волшебнике и чернокнижнике» (первой литературной обработке народных легенд) Фауст играет роль антигероя, но уже в «Трагической истории доктора Фауста» Кристофера Марло (1604) он становится трагическим героем, мучеником познания, а в гениальной трагедии Гёте Фауст не обрекается на вечное проклятие, но спасается силой Вечной Женственности, которой поклонялся великий пантеист. София, Лилит, Бабалон, Барбелло — каким бы именем мы ни назвали тебя, ты безымянна для вечности. Воистину только Вечная Женственность может вознести душу, обреченную на бессмысленное круговращение в мире невежества.

В свое время я остро пережил миф Симона. Я хочу рассказать эту историю, потому что она наглядно показывает, насколько силен миф и как сама реальность может посылать нам нужные совпадения.

Это было восемь лет назад. Тогда в братство, в котором я находился, пришел свой Петр, которого, впрочем, звали по-другому. Этот человек, казалось, был одержим жаждой власти и желанием переработать все идеи под себя. Сперва меня восхищали его сила и работоспособность. Этот человек, как никто другой, владел магией и был способен с уникаль-

ной концентрации и самодисциплиной работать по 16 часов в сутки.

Но постепенно стало ясно: все, чего хочет этот человек, — власть. И шаг за шагом с помощью конфликтов, интриг, клеветы он расчищал себе путь. Руководство Ордена не сразу поняло, кто перед ними, а его несравненная работоспособность невольно вызывала уважение.

Вначале мы были друзьями. Но очень быстро наша дружба стала превращаться в противостояние, а потом и во вражду. То, что хотел сделать этот человек, казалось мне чудовищным. Он ненавидел Лилит и доказывал, что она — не более чем демон, пожирающий детей. Он презирал Кроули и доказывал, что Кроули лишь единожды оказался сосудом Святого Духа, получив откровение «Книги Закона», а все остальное время был банальным неудачником. Он верил в патриархат, любил власть, провозглашал необходимость подавления сексуальности, хотя, как мне стало известно гораздо позже, как и всякий носитель патриархального дискурса, делал особое исключение для себя. Он хотел стать первым, он хотел командовать, подчинять и наказывать.

Итак, началась вражда. Сначала это были интриги и споры. Надо сказать, что я не слишком искушен в подобных играх, поэтому ему удавалось существенно исказить мои мотивы в глазах большинства братьев, и я начал проигрывать. Потом в ход пошла магия. Только через полгода после описываемых событий я узнал, что он проводил серию инвокаций демона Марса Барцабея с целью либо убить меня, либо хотя бы добиться моего исключения из Ордена.

Незадолго до развязки конфликта, мне приснился сон. Как всегда «Большое сновидение» которое на символическо образном языке по ту сторону прошлого и будущего. Это был очень яркий, детальный, выразительный сон, по ту сторону прошлого и будущего напроць впечатавшийся в память.

Сон начался на площади трех вокзалов в Москве. Я должен был встретить там человека. Человека который является самым важным человеком в моей жизни. Мастера.

Она приехала. Дальше происходило что то невообразимое. Она занимается со мной сексом. Это невозможное, нелепое, абсурдное смешение, смешенение на которое я не имел право. Но у сновидений свои законы, на которые не распространяются наши представления о допустимом и недопустимом.

После слияния она исчезает. Уходит. В этот миг, по всем колонкам вокзала, изо всех динамиков раздается голос. Пришел Нерон. Пришел Нерон. Всем упасть на колени и ползти по земле в знак своего смирения.

Я ползу. Я проползаю несколько метров и вдруг понимаю что Она все еще на вокзале. А значит, она не упадет на колени, ее убьют. Я встаю с колен, и бегу туда где по моему мнению находится Нерон. Он действительно там. Господин и царь. Без охраны, спутников в пустом вокзальном помещении.

Я кричу. Я бросаюсь на него, я дерусь с ним. И в этот миг что то происходит. Нерон начинает уменьшаться. Нерон превращается в ребенка пяти лет. И когда я должен нанести последний удар, ведь в моих руках вдруг появляется кинжал, у него меняется лицо. И я вижу это лицо...

Я вижу лицо другого, очень близкого мне человека. Человека которому я обязан всем. Человеку который дал мне все. Сон замирает как фильм. Я с ножом смотрю в это лицо. В холодном поту ждет меня пробуждение. В холодном поту пытаюсь я осмыслить сон в ночи, записывая его в свой магический дневник.

Сон вызывает двойной ужас. Неужели в моем отношении к Мастеру, есть постыдное, тайное влечение, неужто плоть примешивается к духу, что сон демонстрирует это таким на-

глядным образом. Стыд и бессилие. Месяц я боялся просто попасться ей на глаза.

Но еще больше пугает финал. Человек чье лицо я увидел, в жизни далеко не был Нероном. Это был один из самых честных, принципиальных людей, человек которому я обязан всем, начиная от своих знаний и заканчивая своими способностями и навыками которые до сих пор помогают мне на пути. Почему мое бессознательное, моя Самость изобразила его в таком чудовищном виде? Почему?

Я не мог понять это даже после развязки, ведь он действительно не был Нероном. Да, как и всякий, он не лишен недостатков, ограничен своим образом мира. Но кто из нас совершенен. И тут – Нерон. Самое большое чудовище в истории человечества. Почему, почему, почему.

Только через восемь лет, используя архетипические технологии Владислава Лебедево я понял суть этого сна со всей очевидностью. Именно Нерон в Апокалипсисе Петра выступал в качестве судьи поединка Петра и Симона. Именно Нерон признал превосходство магии Петра, когда молитвами Петра, Симон разбился о камни. И в жизни, именно этому человеку, предстояло судить наше столкновение с малым «петром» и сделать другой выбор.

Только вмешательство Мастера, странное, парадоксальное, невероятное, смущающее и шокирующее вмешательство заставило сценарий мифа измениться. Окончательный ответ на поединок Симона и Петра в новом Эоне дает не Нерон, то есть четвертый аркан, образ Императора, а София, Шхина, Лилит.

А в жизни наше противостояние стало невозможным, конфликт вырвался в открытое пространство Сети, мы спорили и обличали друг друга, чем все больше раздражали руководство. Такое противостояние распатывало ситуацию,

и это вызывало закономерное недовольство. После того как важная кандидатка из Питера, возмущенная публичными дразмами, объявила о своем отказе от посвящения, руководству Ордена пришлось нарушить нейтралитет и, выступить в качестве судьи. Архетипическая роль Нерона была дана именно тому чье лицо я увидел во сне. В жизни в этом была прямая логика, многие мои слова и дела были поданы в крайне искаженном виде, было принято решение удалить меня в отставку.

И все это время этот человек, чье настоящее имя я не называю, дабы не провоцировать судебных исков (буду называть его просто Петром) совершал ритуалы гоэтии, целью которых было мое исключение, а в идеале — моя гибель. Падение.

Напряжение противостояния стало невозможным, конфликт вырвался в открытое пространство Сети, мы спорили и обличали друг друга, чем вызывали настоящий гнев руководства Ордена. Такое противостояние распатывало ситуацию, и это вызывало закономерное недовольство. После того как важная кандидатка из Питера, возмущенная публичными дразмами, объявила о своем отказе от посвящения, руководству Ордена пришлось нарушить нейтралитет и, поскольку многие мои слова и дела были поданы в крайне искаженном виде, было принято решение удалить меня в отставку. И все это время этот человек, чье настоящее имя я не называю, дабы не провоцировать судебных исков (буду называть его просто Петром) совершал ритуалы гоэтии, целью которых было мое исключение, а в идеале — моя гибель.

И вот на этой волне ко мне приходит книга. Роман одной из самых интересных современных писательниц Аниты Мейсон «Иллюзионист». Роман, который описывает путь Симона от начала и до конца, ни на шаг не отступая от формальных условий мифа, но рассматривая его с позиции Симона. Финальное падение Петра, момент, когда пророк смирения со-

вершает первое убийство, тонко показан автором как начало создания тоталитарной церкви, переход от заветов Христа к жестоким законам мира. Я потрясен. Книга очаровывает меня, я выписываю из нее важные фрагменты и понимаю, что все, что происходит со мной сейчас, — это прямое отыгрывание мифа.

Да, дорогой читатель. Когда ты живешь в сакральном, когда ты практикуешь каждый день, миф — это не «преданья старины глубокой». Миф — это живая истина, живое таинство, которое каждый раз проявляется в наших судьбах. Миф об Эдипе открыл Фрейд. Миф об Оресте — Скотт Пек. Но только Юнг показал, что все мифы — это живая реальность души, определяющая наше пространство.

И вот он, момент истины. Я еду по делам в подмосковный город. Я взял с собой книгу, чтобы еще раз ее перечитать и, дочитав до конца, сидя в автобусе, который отправится через двадцать минут, по телефону со своей супругой обсуждаю сюжет. Почему Симон упал? Кем стал Петр? Насколько неизбежно мое падение? (Ведь все происходящее совершенно недвусмысленно указывает на то, что мы пойманы в силки этого мифа.)

Я даю отбой и смотрю в окно. И вижу, что в доме неподалеку из окна пятого этажа вываливается мужчина. Другой мужчина в окне держит его за руку и пытается затащить обратно. Но сил нет. Он удерживает его несколько минут. Как замороженный, я припал к окну автобуса. Может быть, это галлюцинация? Но люди вокруг меня тоже видят происходящее, по автобусу разлетается взволнованный шепот, говорят, что надо вызвать скорую, пожарных, а может быть, он все таки удержит бедолагу? Нет. Проходит несколько минут, рука удерживающего немеет и бедолага летит вниз, спиной ударяется об асфальт и больше — ни движения, ни звука, ни конвульсии. Совершенно очевидно, что наступила смерть.

Сказать, что я потрясен, значит ничего не сказать. Я заморожен. Очарован. Я полон ужаса, но одновременно, как это бывает всегда, когда архетип проявляется в полную силу, к ужасу прибавляется восторг от самого факта наличия столь огромной силы, властной просто так выбросить человека из окна, чтобы явить свою игру.

Мне уже все ясно. Я проиграл. И в самом деле, через несколько дней наступает момент истины. Отказ Амаранты от посвящения приводит в ярость руководство Ордена, мои действия, порой действительно двусмысленные и не всегда удачные, стараниями Петра подаются в невыгодном для меня свете. Каждый должен играть свою роль в этой архетипической драме. На внешней стороне – люди с их понятными мотивами и интересами. На внутренней – архетипы. Миф жаждущей воплощения в новой редакции. Я захвачен аффектом, иду на конфронтацию, в итоге мои действия воспринимаются как стремление расколоть братство. Демоны, постоянно призываемые Петром, работают (потом одна из его бывших женщин рассказывала мне, что он целенаправленно направлял демонов и на меня, чтобы разрушить, и на руководителя Ордена, чтобы отвлечь от меня). Со своей стороны, я, уже тогда догадываюсь о его действиях (близкие люди сообщили мне о странных видениях в пространстве), но не вызываю демонов в ответ. Гоэтия — дурной вкус. Я лишь возношу молитвы Лилит. Если я еще нужен моей Госпоже, в итоге все должно быть хорошо.

Схватка заканчивается тем, что руководство отправляет меня в отставку. Я проиграл эту схватку, и с этого момента занимаюсь своим проектом, в пространстве которого уж точно не допущу появления подобного Петра. Как Симон, я падаю на камни обнаженной реальности и в середине жизни вынужден начать с нуля.

Конфликты бывают разные. Иногда конфликты продикто-

ваны борьбой за идею, за веру, за своих богов. Таков был мой конфликт с Петром. А иногда конфликты рождаются в результате непонимания и взаимной необъективности. Оглядываясь назад, я вижу, что многие мои действия действительно могли быть восприняты совсем в другом свете, поэтому хорошо понимаю действия руководства. Да и эти мелкие непонимания усиливались с помощью магических ритуалов до чудовищного размера, что закончилось трагическим разочарованием Амаранты, предопределившим исход игры. О неизбежности падения я знал не только из синхронии, но и из сна, который приснился мне за пару дней до развязки. Это была как раз та ситуация, когда два достойных человека не могут видеть друг друга, но, как сказал Андрей Белый, «видят только стену тьмы, воздвигнутую между ними». Петр умел воздвигать бастионы тьмы.

И вот я начинаю сначала. С нуля. Но странное дело — с этого момента, момента тотального обнуления, последовавшего после моего падения на алтарь и выпадения из окна этого несчастного неизвестного, я чувствую, что меня вновь несет Ветер Люцифера. Появляются нужные люди. Происходят нужные события. Нет места для собрания единомышленников? Лилиг посылает мне людей, готовых помочь с местом. Случайности, совпадения, грани, оттенки, события... Мне жаль что я не вел дневник в то время, ведь поток осмысленных совпадений, синхроний, «случайностей», как сказали бы материалисты, просто зашкаливал. За какие-то три года мой проект, начинавшийся в небольшой квартире на окраине с десяти человек, становится таким, о каком я не мог и мечтать.

Ведь поначалу все, на что я надеялся, — это собрать небольшую группу единомышленников, которые готовы познавать, а не играть по правилам этого мира и надевать маски благопристойности.

А через месяц Петр был отправлен в отставку вслед за мной. И эта отставка была куда более необратима и сокрушительна. Я так и не узнал, что именно произошло, но, как выяснилось, он попытался интриговать теперь уже против руководства. Но если я, уйдя, занялся своим проектом, отказавшись от каких-либо публичных выступлений, то он, будучи изгнан, начал распространять чудовищную клевету, настолько бессмысленную, нелепую и невозможную, что для мыслящего человека, даже глядящего со стороны, было очевидно: человек только что объявлял себя братом, а теперь изображает братство, в котором он состоял, в таких грязно-черных красках, что это уму непостижимо. Тех, кого он еще недавно защищал на всех Интернет-форумах, под теми же именами на тех же форумах он проклинает и оскорбляет откровенно площадной бранью.

А для меня отставка не стала вечной. Через год произошло примирение. Я вернулся в Орден и, что самое главное, вернул себе право получения следующих степеней. Стена тьмы, домыслов, клеветы рухнула сама собой. Петр ушел прочь, в другие организации, и до нас время от времени доходят слухи о его «приключениях». Вот он попытался интриговать против масонов и с позором изгнан. Вот он собирает свою группу, но группа раскалывается после того как он, играя роль тоталитарного гуру, избивает одну из участниц его группы, захотевшую уйти, и отнимает у нее документы, после чего группа разрушается. Страшный человек. Человек, для которого нет ничего святого, ни богов, ни принципов, ни чести. Таких в блатном мире называют «беспредельщиками».

Я не вижу смысла называть здесь реальное имя этого человека, ведь тогда книга будет похожа на банальное сведение счетов. Я лишь описываю историю души, которая, хочу я того или нет, тесно связана с моими коллизиями отношений во внешнем мире. И, черт возьми, история нашего столкно-

вения интересна! Интересно то, как за вполне жизненными конфликтами людей проявляются мифы. И как эти мифы манифестируют себя в реальности невозможными совпадениями. Симон, книга, размазанный по асфальту неизвестный несчастный.

Мне часто приходилось слышать, что синхронистичность, о которой говорит Юнг, — это не более чем «направленное внимание», «самовнушение», что сознание просто извлекает из окружающего мира змей и рыб, будучи изначально на них сконцентрировано, что мир архетипов — всего лишь красивая фантазия Юнга-художника. В самом деле, ведь 90 % реальности мы не замечаем а то, что мы видим, есть то, что важно для нас сейчас. Так, быть может, господа материалисты правы? И сразу мне вспоминается эта история. Автобус, телефон, книга об упавшем Маге в моей сумке и разбившийся об асфальт незнакомец. Едва ли господа материалисты смогут утверждать, что люди падают из окон перед нашими глазами каждую неделю, не правда ли? Для меня, в рамках моей жизни и моего мифа, эта история — последнее и предельное доказательство тотальной, абсолютной синхронистичной связанности Бытия.

И все же... Почему до сих пор еще никому не удавалось математически, статистически, экспериментально доказать существование синхроний? Почему любой материалист вправе апеллировать к тому миллиону долларов, который ждет и будет ждать до конца мира того, кто в условиях научного эксперимента сможет явить чудо?

Дело в том, что не человек вызывает архетип, а архетип человека. Мы можем выполнить ритуал. Но в одном случае ритуал вызовет цепочку «совпадений», в другом дело ограничится только внутренними переживаниями, а в третьем вообще ничего не произойдет — ну не вовремя мы решили его выполнить, другие сейчас архетипы сильны!

Синхронистичность — это главное доказательство реальности мира архетипов, мира глубин, Самости, Души Мира. Но не родился и не родится тот, кто сможет по желанию своего Эго, по заказу призвать архетип и создать совпадение. Думать, что это возможно, так же наивно, как пытаться выпить море. Архетипы играют нами, нашими судьбами, порой опосредованно, а порой, как в историях, описанных в моей книге, — напрямую.

Когда проявляется синхронистичность? Нет, не так: в каких обстоятельствах наиболее вероятно проявление синхронистичности?

Синхронистичность проявляется в любви. Это может быть как платоническая любовь (см. главу об Офитусе), так и практика сексуальной магии (см. главу о Бабалон». Пора понять, что секс — это не просто физиологический акт разрядки напряжения. Секс, понятый правильно, — это самое чистое проявления слияния энергий, которое в разных комбинациях может давать разные результаты.

Синхронистичность проявляется в ненависти. Не в прохладной неприязни, не в ироничном презрении, но в той тотальной, глобальной, все сжигающей ненависти, когда каждый ненавидящий, не задумываясь, отдал бы свой глаз, если бы такова была цена ослепления его врага. В моей жизни у меня было много недругов, противников, которые старались повредить, помешать мне, — но враг был только один. И об этом — эта глава.

Синхронистичность проявляется в творчестве. Истинно творческий человек, Поэт с большой буквы, который по признанию Кроули, находится выше мага, — живет в пространстве символа, постоянно связан с внутренней бесконечностью. Поэтому слова «атомная бомба» впервые за двадцать лет до начала разработок физиков звучат в поэзии Андрея

Белого, поэтому листок календаря в ручье, показанный в фильме «Сталкер», указывает день смерти режиссера (по свидетельству очевидцев, Тарковский, дрожа, просил не трогать этот листок поскольку, это было для него очень важно). Поэтому в романе Эрнста Юнгера «Гелиополис» за пятьдесят лет до их изобретения описаны Интернет и сотовые телефоны, хоть и под другим названием. Поэтому поэт в России (да и, будем честны, не только в России) — больше, чем поэт.

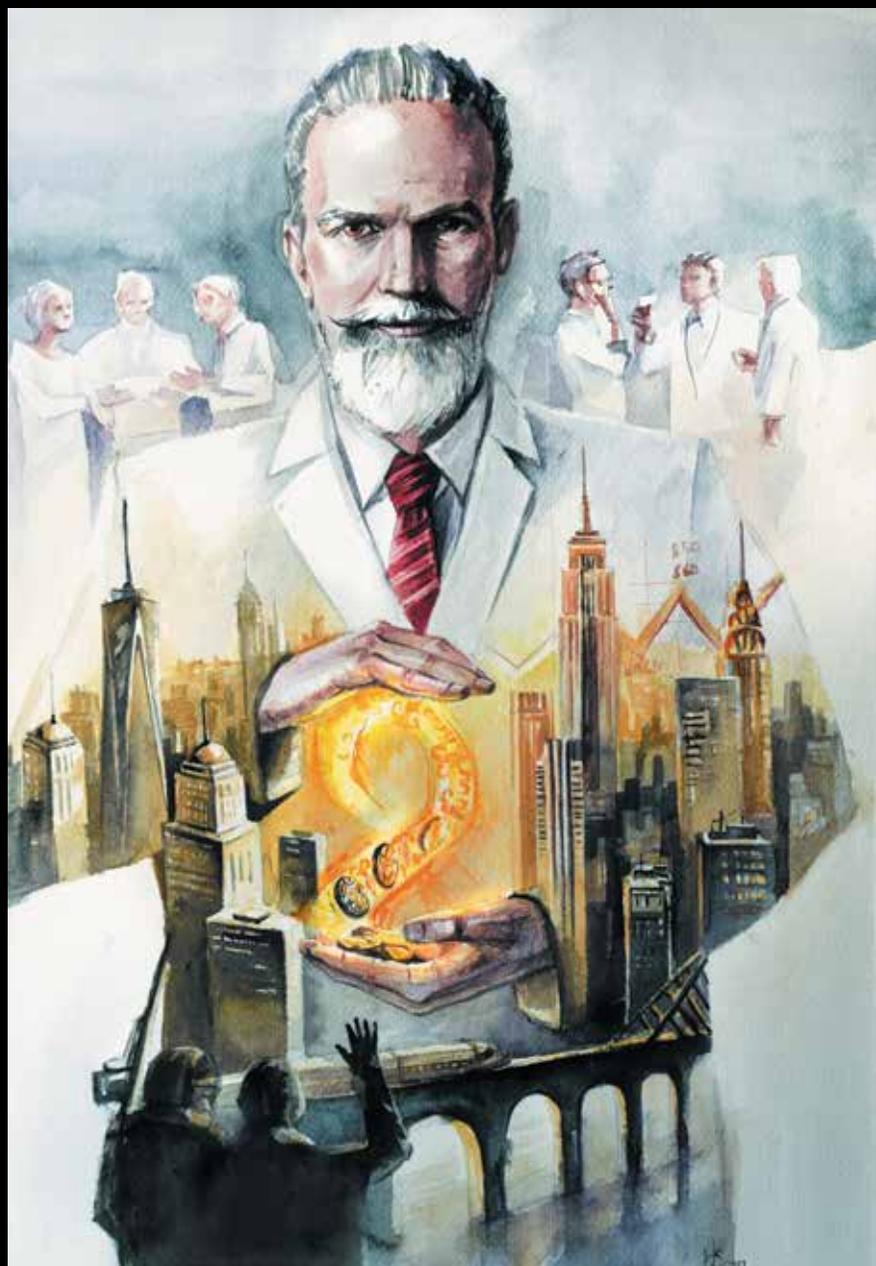
Синхронистичность проявляется в духовной практике. Магия, ритуал, церемония, мистерия, юнгианская психологическая работа активного воображения... Все это разновидности одного и того же — нашего способа наощупь взаимодействовать с внутренней бесконечностью. Но никаких гарантий здесь не может быть. То, что сегодня открыло ворота, завтра — лишь красивая театральная постановка. Слишком много «икс-факторов» работает в коллективном бессознательном. Ритуал может подействовать, может не подействовать, а может подействовать, но совсем не так, как ожидает наивное сознание.

Синхронистичность проявляется в пограничных состояниях. Война, смерть, околосмертные переживания, эти вечные остановившиеся в момент смерти хозяина часы... Смерть — та предельная тайна, о которой мы не можем сказать ничего достоверного, но ясно, что ее присутствие создает особое лиминальное поле, в котором причинные связи размываются.

А порой синхронистичность проявляется без причины. Потому что она хочет проявиться. Потому что в глубинах нашей души слой символической «земной коры» оказывается слишком тонким и новый вулкан всеединства вновь готов родиться.

Да, мы не можем вызвать синхронистичность. Да, у нас нет гарантий, что есть такой алгоритм стука, после которого внутренняя бесконечность otvorит нам врата. Но мы можем

быть готовы. Мы можем удерживать себя от застывшего догматизма, религиозного или материалистического, мы можем оставаться в режиме предельно возможной для нас открытости восприятия. И тогда есть очень большая вероятность того, что за простыми и банальными событиями нашей жизни мы увидим игру богов.

художник: Татьяна Подольская

ГЛАВА 8.

Мистер Джон Голт (Маммона)

Признаться, я опасаясь опубликовать эту главу. Из всех глав книги эта вызывает у меня наибольшее сомнение и тревогу, потому что вопрос отношений с деньгами, а тем более с архетипом денег, очень непросто. Одни читатели, возможно, начнут обвинять меня в корыстолюбии, другие — разрабатывать ритуал Джона Голта. И то, и другое совершенно бессмысленно.

В Новом Завете дважды повторяются такие слова: «Не можете служить Богу и маммоне». Поскольку Маммона — это персонификация богатства, то совершенно естественно, что эту фразу христиане понимают как указание на предпочтительность аскетической жизни. В своем осуждении богатства христианские евангелия весьма последовательны, о чем свидетельствует еще одна крылатая фраза, повторенная в них трижды: «Удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царствие Божие».

Странное дело. Вся цивилизация, которая называет себя «христианской», стоит на богатстве и умножении богатства, но при этом в главном священном тексте христианской религии заключено самое радикальное и недвусмысленное отрицание богатства, какое только возможно. Разве нет в этом изрядного лицемерия — причислять себя к религии, отрицающей земные богатства, но при этом накапливать и приумножать эти самые богатства?

В этой главе я хочу поразмыслить о достаточно неожиданном для многих читателей вопросе отношения к деньгам, а также о тех богах-архетипах, которые связаны с этой четвер-

той силой мироздания. Первая сила — Дух, первосмысл, связующая нить, светоносная искра, которую мы можем отчасти отождествить с Люцифером. Вторая сила — Мощь. Третья сила — воля к соединению, сексуальность, Эрос. Фрейд в неведении своем считал третью силу первой, не догадываясь о существовании первых двух. И четвертая сила — Ресурс, материя, деньги.

Для морализирующего сознания как бы очевидным является христианская аксиоматика: деньги = зло. Впрочем, к этому, как и к большинству других форм зла в христианстве весьма двусмысленное отношение. Философ Василий Розанов писал: «Удовольствие этого мира для христиан как варение. Оно не запрещается строго, не преследуется, не поощряется. Оно — прощается». То есть если ты готов попросить прощения за собственное зло и признать свою греховность — то, пожалуйста, двери открыты. Только кайся, кайся, кайся, признавая свою ничтожность и ущербность перед явленным миру идеалом божественной Троицы.

С другой стороны, существует целая плеяда учителей Нью Эйдж, которые, проводя знак равенства между деньгами и энергией, выстраивают настоящий храм денег. Исходный посыл этих учителей не может не вызывать ироничную улыбку: достаточно сформировать «позитивное мышление», научиться «правильно думать», как деньги потекут золотой рекой в широко держимые карманы их последователей.

Думаю, читатель уже успел понять, что автора этой книги можно назвать кем угодно, только не христианином. Однако и наивных воззрений учителей Нью Эйдж, принимающих часть за целое, я тоже не разделяю.

Разговор о деньгах, и тем более об архетипах, богах, связанных с деньгами, если мы не собираемся сводить его к воспроизведению старых шаблонов на новый лад, — это очень

сложный и тяжелый разговор. Дело в том, что для современного человека вопрос денег зачастую куда более интимен, болезнен и мучителен, чем, скажем, вопросы сексуальных комплексов или власти. Продвинутому мыслителю легко признаться в Эдиповом комплексе или наличии разного рода психологических травм, от которых он избавляется, работая с психологом. Но признаться в бедности? Всерьез и без дураков отрефлексировать свои отношения с деньгами? Что вы! Едва ли найдется более непристойная тема — размер кошелька зачастую оказывается куда более мучительным вопросом, чем размер члена.

Поэтому я сразу хочу сказать: я не даю советов, как разбогатеть. В этом мире деньги — ресурс ограниченный, и совершенно очевидно, что стоит предложить даже самый эффективный способ «разбогатеть», как этот способ тотчас перестанет работать.

Поэтому для начала я хотел бы разобраться с популярной мифологемой «деньги — зло», или «деньги портят человека». Основой для этой мифологемы служит множество примеров быстро и случайно разбогатевших субъектов, вмиг одуревших от собственного вознесения. Природа человека такова, что резкий и случайный взлет, как правило, неизбежно ведет к ослеплению гордыней, или к состоянию, которое Карл Юнг называет инфляцией Эго. Дело в том, что внезапный взлет всегда связан с тесным проживанием определенного архетипа, а, как мы знаем из юнгианской психологии, практически любой архетип при отсутствии должной психической гигиены ведет к инфляции Эго.

Одна из самых подлых и лживых фантазий, рожденных христианской культурой, — это идеализация бедности и нищеты. Многие великие и талантливые (а потому и неизмеримо более опасные) писатели приложили свое перо к увековече-

нию и закреплению этого вредного и опасного заблуждения. Многие богатые идеалисты, родившиеся «с золотой ложкой во рту», оказавшись во власти этой фантазии, начинали бороться за революцию, благодаря которой эти предполагаемые чистые и благородные бедные должны прийти к власти, и тогда обязательно наступит тысячелетний рай на земле. А когда революции происходили, они искренне удивлялись, почему эти самые благородные, моральные и духовные бедные предпочитают мочиться в античную посуду, даже если во дворце с канализацией все в порядке.

Одной из важнейших заслуг Фридриха Ницше в области этики было введение понятия ressentiment — особого рода моральной увечности слабых, бедных и немощных. Согласно Ницше, ressentiment представляет собой чудовищный коктейль из зависти, подавленной ненависти, истеричной сентиментальности, болезненного комплекса неполноценности, компенсированного манией величия («мы бедные, но гордые»), который в конечном счете и погубит западную цивилизацию. Надо сказать, что история двадцатого века полна подтверждений пугающих и неприятных прозрений Фридриха Ницше, которые до сих пор не были должным образом отрефлексированы и осмыслены.

Но чтобы убедиться в его правоте, достаточно вспомнить, как много полных злорадства телефонных звонков поступило на телепередачу, посвященную катастрофе в аквапарке. Бедняки ликовали по поводу несчастья, случившегося с состоятельными людьми (строго говоря, даже не богатыми, а представителями среднего класса), так что ведущим пришлось отключить прямой эфир. Трудно представить подобное поведение со стороны богатых людей. Богатый человек может быть жесток в конкурентной борьбе, но я не могу представить себе подобной гадкой радости с его стороны.

Впрочем, не стоит доводить до абсурда (что и делают некоторые последователи прагматизма), ставя уровень этического развития в прямую зависимость от толщины кошелька. Разумеется, и среди самых бедных людей попадаются настоящие аристократы духа, и среди богатых могут встречаться мелочные и мстительные субъекты. Однако стоит нам обратиться к такой категории, как статистика, чтобы понять: и то, и другое скорее исключения из правила, в массе же бедность располагает к более низким и ущербным этическим стандартам, а состоятельность обычно дает человеку ощущение достоинства. Проведя жизнь в самых разных кругах общения, я могу уверенно сказать, что бедность располагает к подлости, и если отдельные индивиды силою своего духа вполне могут подняться над плохими условиями жизни, это стоит рассматривать как «развитие вопреки», но не как не доминирующую тенденцию.

Я навсегда запомнил слова некогда уважаемого мною человека, который искренне утверждал, что согласился бы даже получать значительно меньше (прошу учесть, что этот человек очень ограничен в средствах), только бы не было «жирующих» свербогатых субъектов. Это уже даже не привычное обличение левыми мыслителям эгоизма и своекорыстия богатых, но какое-то запредельное, чудовищное стремление к равенству в нищете.

В рамках модели четырех сил мироздания деньги следует признать полноценной четвертой силой. Первой и основной силой будет чистый и невыразимый Дух, первопричина, второй — человеческая воля к Мощи, третьей — воля к слиянию, эротизм, который может проявляться в самых разных формах, и, наконец, четвертая — это сила и власть денег.

Власть денег считается большим злом и худшей из систем власти. Однако если вы знакомы с историей не по школьному

курсу, а несколько глубже, то убедитесь, что альтернативой власти денег является либо власть религиозной догмы, при которой сожжение (или любое другое уничтожение) еретиков является естественной частью жизни, либо власть военной силы. Фундаментом обеих моделей является насилие. Только полные глупцы полагают возможным существование крупного общества, построенного исключительно на доброй воле и идейной убежденности всех его членов. Такое общество неизбежно сталкивается с вопросом, что делать с теми, кто не желает проявлять добрую волю. Конечно, власть денег тоже не исключает насилия (например, расправы над конкурентами), однако по сравнению с двумя другими моделями насилие при власти денег неизмеримо меньше и локальнее.

Лично меня как минимум дважды в жизни необходимость соблюдать свои финансовые интересы удержала от конфликта, агрессии и мордобоя. Поэтому представление о том, что деньги распалывают агрессию и делают людей жестокими, мягко говоря, не верно.

Итак, первая аксиома, которую нам надо понять. Маммона как движущая сила цивилизации и как мотивирующая сила субъекта является по большей степени благом.

Самой большой опасностью в отношениях с Маммоной является своего рода нарушение субординации. Дело в том, что, поскольку именно на денежный ресурс проецируется простейшее биовыживание, которое во многом является базовым инстинктом (что понятно — долго ли вы проживете совсем без денег?), люди склонны ставить четвертую силу над первыми тремя. Но, когда некто пытается поставить на службу Маммоне Дух или Эрос, он совершает чудовищную подмену, которая ведет к крайне ущербному существованию. Давайте вспомним, что даже в средневековой демонологии Маммона всегда был подчинен Люциферу и Лилит.

А теперь нужно рассказать о втором имени архетипа, который я прежде для простоты и наглядности называл Маммой. Джон Голт. Это не мифологический персонаж, не демон, он не включен ни в один из пантеонов, но является плодом фантазии одного из современных писателей.

И здесь мы должны коснуться очень сложного вопроса, о котором уже шла речь в предисловии к этой книге, — об объективном или субъективном, абсолютном или относительном характере тех божеств, имен и символов, о которых мы здесь и где-либо еще говорим. Легко принять в качестве фигуры внутренней бесконечности некое божество или демона. Древность как бы придает ему престиж. А то, что целые группы людей полагали его абсолютно реальным, как бы легитимизирует этот образ в магии.

Но насколько реальным является, скажем, архетип Ахилла или Агамемнона? Хотя Троя и существовала, у нас нет никаких оснований полагать, что ее героев звали именно так, как у Гомера. А как насчет джедаизма — религии, которая находит своих последователей и предлагает действующие духовные практики, хотя полностью основана на вымышленном, фантастическом сюжете? Насколько литературные и киношные персонажи могут быть архетипами или проявлениями архетипов?

С моей точки зрения, очень даже могут. И рассматривать их, таким образом, имеет смысл в том случае, если тот или иной образ появляется в нашей внутренней бесконечности. С этой точки зрения не имеет значения, древнее ли это божество или современное выдуманное существо, — и то, и другое порождается определенными архетипическими структурами.

В мою внутреннюю бесконечность фигура Джона Голта ворвалась сразу после прочтения романа Айн Рэнд «Атлант расправил плечи», этого гимна миру предпринимательства,

денег и азарта. Хотя автор рационалист, сам роман в высшей степени эмоционально заряжен и мифологичен, о чем я писал в предисловии к настоящей книге. Но, видят боги, даже читая роман Рэнд, я не мог заподозрить, что может произойти дальше.

Как уже было сказано, сны бывают большие и малые. Больших снов обычному человеку может присниться два-три за целую жизнь. Для практикующего, поддерживающего свою связь с архетипической реальностью, в самом лучшем случае большие сны могут сниться раз в два-три года. И, несомненно, сон, который я сейчас хочу рассказать, как и все сны, вошедшие в эту книгу, — это большой сон, который принес настоящие изменения.

Я увидел себя в мрачном мире, лишенном солнечного света. Этот ужасный мир воспринимался как что-то вроде «инфернального двойника» моего реального города, его тень на самых низких пластах мироздания.

И город задыхался в тисках энтропии. И люди гасли без солнечного света. И никто из них не мог выйти за пределы города. Впрочем, один вариант выхода был. Они должны были надеть белые одежды и признать некоего странного человека, которого звали... Джон Голт.

Но тех, кто выходил за ним, город проклинал. Эти люди получали силу и власть, они были свободны от города, но они разрывали всякую связь со своим прошлым. Это была жертва, на которую горожане в абсолютном большинстве не были готовы пойти. В своем немом упрямстве и ненависти они были готовы скорей умереть, чем идти за Джоном Голтом.

И вот я вижу себя вне города. Светит солнце. Со мной идет странного вида мужчина, он что-то вроде спецназовца, воина. Он простоват, героичен, ему неведом страх, но и размышлять

он не любит. Эдакий эталонный, архетипический простой вояка.

Мы идем с ним, и вот мы видим поселение людей в белых одеждах, в центре которого — тот самый Джон Голт. И я понимаю, что мой спецназовец хочет его убить. Потому что считает, что все происходящее — несправедливо. Потому что хочет, чтобы из города вышли все. Потому что вояка убежден, что Голт виновен в несчастье тех, кто живет в городе.

А от фигуры Голта исходит невероятный свет. Свет и сияние. К моему изумлению, эта фигура по-настоящему нуминозна, даже священна. И я должен сделать выбор. Предать своего проводника, который вывел меня из города и помог в горах. Или предать Джона Голта. И в последний момент, когда мой спецназовец уже готов нанести удар, я кричу Голту: «Осторожнее!». В этот момент декорации меняются, спецназовец пленен, Голт улыбается. Он говорит мне, что все происходящее было ситуацией выбора для меня, и я сделал свой выбор. А теперь он рад приветствовать меня среди своих. На спецназовца он смотрит с жалостью и говорит ему: «Ты вышел из города, значит, и так был чист, но когда ты захотел убить меня, не разобравшись, — стал виновен, поэтому не знаю, что делать с тобой, но, наверное, верну тебя в город».

Этот сон по-настоящему поразил меня. Почему образ, который в литературе был не более чем персонификацией силы денег, в моем сне предстал в каком-то нечеловеческом сиянии? Юнг как-то писал, что людям, сознательно недооценивающим сексуальность, Самость является в образе фаллоса. Так, быть может, потому, что до сих пор я недооценивал значение и роль силы денег, моя Самость (а сияние указывало именно на нее) предстала в образе Джона Голта как воплощенного материального успеха?

Но самое удивительное началось потом. Отличие архетипа

от комплекса, большого сна от маленького — в том, что в первом случае образ вызывает множество осмысленных совпадений-синхронистичностей во внешнем мире.

В одном из таких совпадений я оказался на приеме у очень богатого человека. Невольно нарушив этикет, я подумал, что уже окончательно потерял лицо, и мысленно, почти рефлексивно воззвал: «Помоги мне, Джон Голт». Сразу же после этого моя оплошность была прощена, а я получил в подарок серебряный зажим для денег, украшенный знаком доллара (эмблема Джона Голта в романе Айн Рэнд).

В другой раз я оказался на приеме у одного из самых богатых людей Урала, человека, спонсирующего крупные культурные проекты. Естественно, я не вправе разглашать, о ком идет речь. В его доме разыгралась такая сцена: он общался с нами, параллельно играя с компьютером в покер. В один прекрасный момент полушутя-полусерьезно он обратился ко мне со словами: «Слушай, вот ты вроде как маг. Дай мне имя, чтобы чаще выигрывать». Тогда я подумал: передо мной самый богатый человек, которого я когда-либо видел в этой жизни. Значит, ему благоволит Джон Голт. Я выпалил это имя, после чего мой собеседник изумленно посмотрел на меня и сказал: «Да, парень, похоже, ты действительно чего-то можешь». Он подозвал меня поближе к компьютеру и показал имя, под которым играл, — «Золотой Джон». Голт, как известно, звучит почти как gold, «золото»...

Третья синхронистичность случилась, когда я развозил изданные мною книги и вдруг потерял все деньги, которые уже успел собрать, — больше ста тысяч. Эта потеря могла обрушить весь мой бизнес. Мы искали везде: в кафе, в одежде, в машине. Утром, едва проснувшись, я, повинувшись импульсу бессознательного, сказал себе: «Джон Голт, если ты и на этот раз мне поможешь, я учрежу в честь твоего имени тост и буду

регулярно воздавать тебе хвалу». Это было нелепое обещание. Как показывает дальнейший опыт других людей, обычно с этим архетипом не срабатывают подобные наивные договоры. Голт — и как литературный персонаж, и как архетип — терпеть не может просителей. Но, странное дело, в данном случае это сработало: когда чуть позже я сел в автомобиль, деньги лежали в нем на самом видном месте!

А самым удивительным, помимо этих синхроний, было то, что я впервые за тридцать лет своей жизни расстался с бедностью. Сама действительность складывалась так, что на меня выходили нужные мне люди — типографы, переводчики, авторы, мои лекции стали популярны, за них тоже начали платить деньги, а книги, которые прежде издавались символическими тиражами, пошли большим потоком, принося реальные деньги.

Я слишком хорошо помню, сколь серьезной раной была моя бедность. Пожалуй, это единственное, что я никогда не стал бы обсуждать даже со своим психоаналитиком. Благодаря тому что Свет Люцифера всегда был со мной, я не стал типичным представителем дна, полным зависти и resentmentа, но видят боги, какой духовной дисциплины мне это стоило!

Вот уже четыре года Джон Голт (в начале этой главы я называл его по старинке Маммоной, но, как показывает мой опыт, новое имя нравится ему гораздо больше), сохраняет ко мне расположение. Я, конечно, не стал миллионером (все-таки та миссия, которая на меня возложена, не позволяет посвятить себя всецело зарабатыванию денег), но ресурсов мне хватает не только на личные потребности, но и на вложения в ряд культурных и символических проектов, над которыми работают весьма хорошие специалисты.

И год за годом я задаю себе вопрос — почему мне так повезло? Или, точнее, почему он, это божество, этот архетип,

оказался благосклонен ко мне? Ведь все, что я делал, казалось, не имеет шансов на успех, а уж рассчитывать на то, что мое служение может еще и стать источником дохода, я не мог даже в самых счастливых мечтах.

Самый честный ответ — я не знаю. Кроме того, я убежден, что в этом мире все слишком непостоянно, и мне остается только надеяться, что сложившаяся ситуация продлится до конца моей жизни и я не окажусь низвергнут туда, откуда начинал. И все же некоторые версии у меня есть.

Дело в том, что у меня с самого начала была своя идея. Своя, неповторимая, уникальная, оригинальная идея, которую я хотел донести до многих людей. А когда у тебя есть настоящая живая идея, когда ты следуешь своей Истинной Воле, — вся инерция вселенной начинает тебе помогать. Вот только как определить, в какой миг мы следуем своей Воле, а в какой предаемся самообману? «Книга Закона» здесь на удивление согласна со своим главным оппонентом, рекомендуя судить по плодам: «Успех — вот твое доказательство».

Из всех глав этой книги эта глава — наиболее спорная и наиболее опасная с точки зрения возможных результатов. Мне бы не хотелось, чтобы после выхода книги десятки идиотов начали разрабатывать «ритуалы Джона Голта» с одним-единственным лейтмотивом — «дай». Впрочем, приведенная выше притча о змее и колибри распространяется не только на духовные миры, но и на материальные результаты. Я верю, что Джон Голт проявился в моем пространстве, потому что в какой-то момент мне было что предложить ему и миру. И инициатива исходила не от моего Эго (провальные результаты подобных инициатив я опишу в следующей главе), а из глубины внутренней бесконечности, где кристаллизовался этот архетип. Даже последующие просьбы в приведенных синхрониях были обращением к уже проявившемуся по своей воле

архетипу, для которого почему-то был очень важен мой выбор в том сновидении.

И все же каков символизм этого сна? Кто такой этот спецназовец и почему между ним и Джоном Голтом вражда? Я попробую взять на себя смелость выдвинуть предположение, но, как показывает практика, анализ большого сна никогда не может быть полным и исчерпывающим.

Как я уже говорил, позиция моего сознания, обесценивающая какое-либо значение четвертой силы бытия, сформировала своего рода компенсацию, в которой Голт оказался облачен полномочиями Самости. Люди, которые принимали белые одежды, соответственно, символизируют тех, кто разбогател и стал чужим своему привычному миру. Здесь, мне кажется, лежит первый ключ, которым если и возможно воспользоваться, то только тому, кто уже «зван». Мы не можем остаться с теми же привычками, ценностями, убеждениями, переходя в иное состояние, — пусть даже речь идет всего лишь о материальном состоянии. В каком-то смысле Джон Голт требует символического отречения от своих корней, которое возможно не на словах и не в ритуале (идиоты, стоп!), а именно на уровне радикального внутреннего отказа, полной перемены своего образа мысли и мироощущения. Причем речь не только об отношении к деньгам, но об отношении вообще ко всему. Пример змея и ибиса, который был рассмотрен выше применительно к тонким уровням духовной инициации, может быть приведен и здесь: пока ибис остается ибисом, а колибри — колибри, у них не может возникнуть змеиного яда.

И, наконец, последнее. Спецназовец. Воин. Такой абсолютный рубаха-парень. Простой солдат, не знающий слов любви и слов учений. Простодушный и прямой, как шпала.

При всей ее архетипической, прямо-таки выпячиваемой простоте, фигура сия далеко не проста. Когда я размышлял

над противостоянием Джона Голта и спецназовца, на ум мне приходило вечное противостояние двух цивилизационных паттернов — война и купца. Воин имеет силу отнять. Но купец уходит оттуда, где отнимают, и идет туда, где договариваются. Забирая с собой все свои ресурсы. Оставляя покинутое им место на прошлом уровне развития.

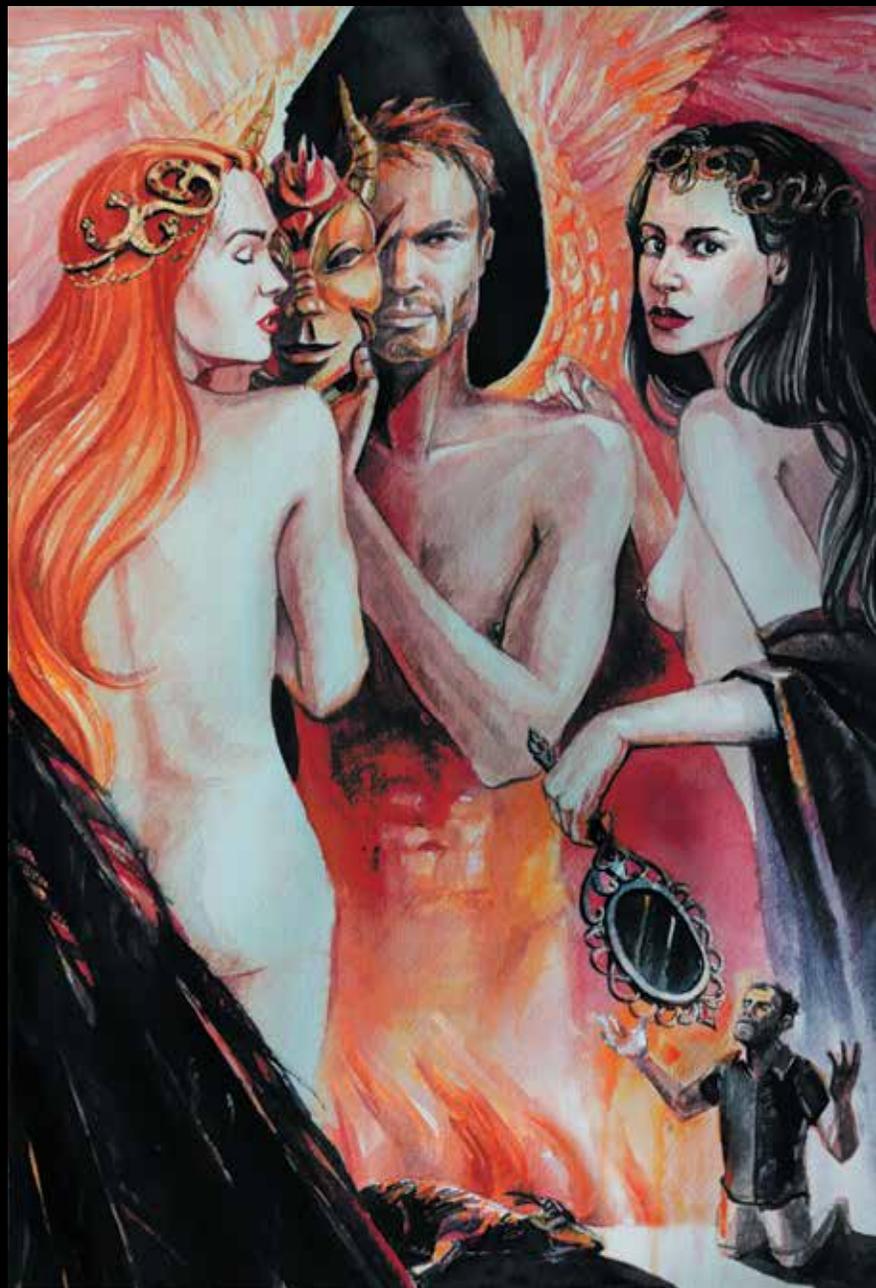
Это трагическая ситуация противостояния, когда на вершине оказывается либо один, либо другой. Настоящий компромисс здесь невозможен — либо купцу навязывается существование человека третьего сорта, либо воин становится охранником купца. Как показывает история, жить в культуре, подчиненной власти денег, значительно безопаснее, чем в культуре, где решающий аргумент — сила оружия. Поэтому мне кажется, что выбор, сделанный в том сне, был не между двумя фигурами бессознательного, а между двумя архетипическими силами.

Размышляя о нияме Джона Голта, очень легко оказаться в заблуждении, решив, что любая погоня за деньгами и будет его ниямой. Из нашего определения силы денег как четвертой силы мироздания можно ошибочно вывести, что превращение их в самоцель и является своего рода служением этому архетипу.

Однако мои наблюдения говорят о другом. Люди, одержимые деньгами как таковыми, очень редко их имеют. Они не проводники и не слугители Маммоны, а его рабы. Однажды я не выдержал и сказал такому одержимому: «Слушай, ну ты же понимаешь, что у тебя никогда не будет денег». Хотя прошло уже пять лет, бедолага до сих пор уверен, что я его проклял, хотя воспринимать это как проклятие так же нелепо, как считать, что слова «завтра взойдет солнце» магической формулой, которая это солнце призовет.

Те, кому Джон оказывает уважение, обычно имеют в себе

некое особое качество, некий посыл. Его возлюбленным важны не деньги как самоцель, а Влияние — возможность расширить свое бытие через свое дело. И совершенно не важно, какое это дело. Истинный посвященный Джона Голта смотрит на свой маленький магазин или огромный нефтеперерабатывающий завод не как на то, что набьет его карман и даст ему безопасную жизнь, а как на экстериоризацию себя, выражение себя в этом мире. И только к тем, кому действительно есть что выразить, Джон Голт порой оказывается благосклонен.

художник: Татьяна Подольская

ГЛАВА 9.

Изазель

Все истории похожи друг на друга.

Все истории индивидуальны и неповторимы.

Все — просто.

Все — сложно.

Что может быть проще для наблюдателя, чем песчинка?

Что может быть сложнее, чем песчинка, для квантового физика?

Что может быть проще, чем человек, для бюрократа, видящего в человеке — функцию и роль?

Чтоб может быть сложнее, чем человек, для того, кто рискнет хотя бы попытаться разобраться в его мотивах и снах?

Канва истории, о которой пойдет речь, банальна до пошлости. Неразделенная влюбленность, кошмарные сны и фантазии, порожденные болезненной сублимацией, поиск исцеления, исцеление... Кто из вас не сталкивался с подобным? Сколько историй развивается по подобной схеме?

Но эта же история оказывается одной из самых странных, непонятных и таинственных, если посмотреть на те символы, грани, переплетения, которые ее сопровождают.

Дано ли мне описать не пошлую банальность, но одного из самых высших, самых таинственных богов, чей лик просматривается через все события этой истории?

Многое зависит от меня. Многое зависит от того, с каким настроением вы, мой дорогой читатель, будете читать эту исто-

рию.

Азазель начал свое проявление с Нее. С Женщины. Я назвал ее Черным Зеркалом. Потому что это определение точнее всего выражает суть того, как она действует, и именно эта картинка приходит мне в медитации, когда прорабатывался этот образ.

Черное Зеркало способно создать самую невероятную иллюзию. Но я благодарен этой иллюзии. Потому что за ней я увидел один из реальных ликов Азазеля. Через некоторое время, я узнал что фигура которая казалась мне сакральной — пуста и мелка. Как говорят юнгианские психологи, «всего лишь проекция Анимы». Но эта проекция дала возможность проявиться тому кто был настоящим

В этой жизни я общаюсь с сотнями людей, и мой круг общения — это круг людей, желающих странного, желающих открыть для себя больше, выйти за грань. Каждый из людей, с которыми я общаюсь, заслуживает отдельной книги.

Но человек, о котором пойдет речь, — существует и не существует одновременно. Пустота. И абсолютная проводимость. Абсолютная слабость и абсолютная сила. Полное отсутствие индивидуального «я», дающее ей одну-единственную магическую способность, которая проявляется как часы, как удар хлыста, как демон в кругу.

Зеркало. Черное Зеркало. Зеркало, которому дано отражать самую глубокую и самую сокровенную часть нашей души.

Конечно, нам вообще свойственно проецировать свой внутренний мир, свои сюжеты, свои истории — на других людей, выступающих в роли экранов и зеркал. Из таких проекций и проективных идентификаций состоит наша жизнь. Проекции — это проклятие нашей жизни.

А что, если человек находится на уровне сознания абсолютного зеркала? Плохо это или хорошо? Абсолютная проводимость и слияние — хорошо. Абсолютное отсутствие себя как субъекта — плохо. Зеркало, отполированное самым лучшим мастером, талантливым учителем, соединившим все направления знания. Учитель, создавший феномен, который не имеет аналогий. Черное Зеркало.

В прошлых главах я говорил о Лилит. Я говорил о том, что женщины, которых мне на моем пути посылала Богиня, в той или иной степени проводили архетип Лилит. Женщины, которые тянулись ко мне, тянулись ко мне именно потому, что я один из немногих, кто может ценить Лилит. Вначале я решил, что Черное Зеркало и есть Лилит. Только потом я понял, что это — иллюзия. Каждый, кто смотрит в Черное Зеркало, увидит свои глубины.

Не самая красивая, не самая яркая, не самая глубокая. Просто эта женщина была Черным Зеркалом. Дар отражения — одна из самых опасных и разрушительных сил во взаимодействии. Потому что на какой то момент я поверил что имею дело с реальным воплощением Богини, аватаром.

Каждый, кто оказывается с ней, оказывается захвачен ее полем, втянут в ее пространство, видит в ней, как в зеркале, то самое тайное, самое сокровенное, самое значимое, что только может быть.

Через месяцы после этой истории я понял суть. Понял природу ловушки. Понял коварство капкана, который чуть было не уничтожил меня.

Интересно, что еще в начале нашего общения я был предупрежден. Как были предупреждены мною другие, после меня. Но нелепо думать, что какое-то предупреждение может предотвратить неизбежное! Я знал о двух мужчинах, один из которых был на грани безумия, другой — на грани

самоубийства.

Тем не менее, я не понимал, с кем я имею дело. Тем не менее, я думал, что сила Богов, мои корни и мои энергии защитят меня от любой неразумной страсти. Я привык к тому, что я был способен проходить сквозь любое очарование. Большинство мужчин — камни, я же — вода; во всяком случае, я мнил себя водой.

Я был предупрежден. Но я был зачарован ею. И я видел в ней Ее. Впервые за многие годы я видел Лилит, словно вышедшую из моих снов. Даже ее интонации, слова, акценты, казалось, совпадали с моим самым сокровенным идеалом.

И главное. Мне казалось, что она единственная, кто ненавидит Иалдабаофа, Власть Страха, Систему. Ненавидит так же, как я. Я чувствовал в ней отзыв на свои самые глубокие и сокровенные движения души. Черное Зеркало отражает движения души того, кто в него смотрит, — даже неосознанные. Поэтому она говорила мне слова, которых я не слышал ни от кого и не мог поверить, что женщина может так говорить.

Но я поверил в то, что она противостоит Иалдабаофу яростнее, чем я. Яростнее, чем кто-либо. Ярость, о которой я говорю, не имеет ничего общего с подростковым бунтом или с картинной позой нигилиста. Эта ярость слишком сильна, чтобы выражаться в банальных действиях вроде акций протеста. Это моя глубинная, сокровенная и тайная мечта — перепрограммировать эту реальность, внести в нее другие смыслы, связи, соответствия. Сокрушить свинцовый поря- док. Но именно здесь мы оказываемся в одном шаге от безумия.

В своей жизни я написал три серьезные книги по Таро, психологии и эзотерике. Эти книги пользуются успехом, и

я благодарен Богам за то, что этот успех был мне дарован, ведь в современном информационном потоке одного таланта уже недостаточно — слишком много талантов, слишком много сильных, глубоких исследователей, мыслителей. Поэтому успех моих книг дает повод не только для гордости, но и для благодарности Богам.

Но еще я написал три рассказа. И, в отличие от моих книг, эти рассказы никому не нужны. Если их кто-то и понимает, то это один человек из сотни тысяч. Но, тем не менее, перед лицом моих Богов я мог бы сказать, что эти рассказы — самое важное из того, что было написано мною. Возможно, мои рассказы для меня — то же, что для Кроули его «Святые книги», но я пошел по своему пути и не стал создавать из них Откровение (это был бы жест эпигона, лишенный смысла, когда ты уже присягнул своим Богам).

В каждом из этих рассказов есть Персонаж с большой буквы. Женщина-учительница. Призрак. Неизвестная, которую встречает герой в лесу. Эти персонажи идентичны. Это, по сути, один невозможный, чрезвычайно упрощенный и по-своему идеализированный персонаж, которого не могло бы существовать в реальности. Точно так же, как в реальности не мог существовать Иисус или вечный двигатель. Я не дитя и не сумасшедший, чтобы не отличать реальность материи от имагинальной реальности.

Но я готов поклясться, что тогда, после нашей второй ночи, я был убежден, что она и есть тот Персонаж, его воплощение. Потом, наблюдая за тем, что происходило с другими, я понимал, что они видели совсем другой, но такой же центральный, основополагающий, осевой Персонаж. Ядро своей Души.

В наших встречах с ней, и только с ней, мы использовали Ритуал 2,22 который доводил наше слияние до нечеловече-

ского обнажения. Мне казалось (и она подтверждала мою иллюзию), что ее любовь так же сильна, что в каком-то смысле я такой же Персонаж для нее, как и она для меня.

Что может быть банальнее? Проекция. Банальная проекция Анимы на Значимую Другую. Но проекции, обожествления, преклонение — нормальная часть обычной любовной истории. Это тот танец, который повторялся с завидной регулярностью. Если я не вижу грань Богини, то я не могу заинтересоваться женщиной.

Но здесь ловушка была в том, что я не видел больше ничего, кроме отражения.

У нас было пять встреч. Это были тотальные встречи секса, игры, танца и 2,22. В одном из наших выходов мне казалось, что она рвалась куда-то туда, в эгрегор, в само пространство реальности, в коллективное бессознательное, яростно желая сокрушить ненавидимое. В одном из наших полетов она призывала Богов. В другом пыталась перепрограммировать реальность. Она шла дальше, чем я, и одного этого факта было достаточно, чтобы рухнуть в черные воды.

А потом произошел разрыв. Как и сами отношения, этот разрыв был ненормален прежде всего своей внезапностью. Я не был юным мальчиком, не раз и не десять от меня уходили или уходил я. Но всегда этому что-то предшествовало, что-то, что позволяло заранее предугадать ход процесса и порой даже скорректировать его. Постепенное охлаждение, взаимная или односторонняя потеря интереса, сведение к меньшему — вот что обычно предшествует разрыву.

Но в тот раз ничто не предвещало разрыва. Еще в среду она говорила о нашем совместном пути, мы играли в богов, танцевали с дүхами, занимались сексом и выглядели абсолютно счастливой парой. А уже в воскресенье она поставила

меня перед фактом: наши отношения окончены.

Не то чтобы я совсем ничего не предчувствовал. Но это предчувствие не было основано ни на чем. Это было просто идущее откуда-то из глубины знание и ужас неизбежного.

Она казалась мне воплощением Персонажа, и, столкнувшись с неожиданным разрывом, я как будто потерял рассудок. В этом отношении я не отличался от тех двоих до меня, о которых прекрасно знал. И от того бедолаги, который уже после меня глядел на нас троих свысока, но через пару недель опустил очи долу, а потом и вовсе перестал появляться в общем пространстве.

Но вернемся к событиям. Разрыв превратил наше взаимодействие в противостояние и почти вражду. В то же время в этой вражде было что-то от взаимного очень агрессивного флирта. Наш конфликт, который, учитывая специфику полуреального-полувиртуального сообщества, в котором все это происходило, разыгрывался публично, точно телешоу «За стеклом». Многие приходили не для того, чтобы узнать что-то новое, а чтобы увидеть очередную серию нашего уже не любовного противостояния.

Она оставалась Персонажем и одновременно перестала им быть. Но я продолжал цепляться за образ, который, казалось, выжег из меня способность адекватно воспринимать реальность. И я решил действовать. Я решил заполучить ее навсегда.

Первое, что я сделал, — это обратился к Люциферу. Я обращался к нему, вибрируя то тайное имя, которое не может быть произнесено публично, я выкрикивал это имя в пустоту, и сила эмоций, казалось, превращала меня в эхо его имени. Мой разум разорвало присутствие Светоносного. Он ворвался в мое сердце в четвертый раз — теплый и нежный свет, на

несколько минут даровавший ясность и осознанность.

Я разыгрывал диалог в пространстве воображения. Я до сих пор не знаю, был ли этот диалог лишь игрой фантазии или до меня действительно долетали отголоски Светоносного. Этот аспект активного воображения — диалог с богами, с архетипами — всегда давался мне хуже всего: я мог лишь почувствовать архетип по изменению эмоционального состояния и восприятия, по ощущениям тепла и холода. Но ни один из архетипов, описанных мною выше, никогда не говорил со мной, а я не говорил с ними.

Это довольно странно, ведь в оккультизме способность к разговору с внутренними фигурами считается одним из самых простых достижений; моя сестра, например, не обладающая ни моими знаниями, ни моей концентрацией, делала это играючи. Но тот диалог, о котором я говорю сейчас, не был диалогом в полном смысле. Это был диалог в пространстве архетипа, но был ли это диалог с архетипом или диалог с самим собой в поле архетипа, я не знаю. Сейчас я склоняюсь к первой версии, ведь, принадлежи слова действительно Светоносному, он не мог бы ошибаться.

Я кричал в пустоту о верности своей службы, о том, что уже 15 лет я не использовал магию для себя, что я ничего не просил для себя, даже когда противостоял Петру, и всецело доверял потоку. Но неужели за эти годы я не получил права на одну просьбу? Сейчас мне ясно лицемерие этих слов. Да, я ничего не просил, но до тех пор жизнь разворачивалась так, что я получал четырехкратно больше, чем смел надеяться получить. Просить о чем-то в подобной ситуации было бы вершиной наглости и глупости. У меня и так было всё. Я кричал в пустоту, что готов совершить трансгрессию, бросить вызов порядку, что сейчас Он и Я можем соединиться в этом обнажившимся огненно-молнийном острие разлома.

Мне казалось, что Светоносный улыбается. Мне казалось, он говорит что-то вроде «ты не понимаешь сути Игры». Мне казалось, он говорит, что я получу все, что хочу, когда мне это будет неважно и я не буду этого хотеть. Мне казалось, он обещает шутку, парадокс. Я говорю «мне казалось», потому что я уже давно осознал, насколько нелепо и иллюзорно было это желание, но эти отношения так и не восстановились. И сейчас я уже действительно не хотел бы восстановления этих отношений — позднее все окончилось очищением и обретением иного, куда более ценного дара.

А тогда... Если Люцифер не мог мне помочь, то я должен был обратиться ко Злу. (Внимательный читатель понимает, что Люцифер моей реальности и Люцифер для абсолютного большинства людей — это разные силы.) Я должен был совершить нечто такое, чтобы призвать не Высший Свет Люцифера, а Хаос и Зло. Открыть врата чистого инферно.

Так в первый раз в жизни я решил обратиться к гоэтии.

(Впрочем, сначала я заключил два договора с двумя практикующими магами. Один обещал мне помочь вернуть Ее просто по дружбе. Другому я предложил большие деньги. И ни один из них не смог хотя бы пошатнуть Ее реальность. Она просто не замечала их воздействий. Любая их атака отражалась Черным Зеркалом.)

Итак, я обратился к гоэтии. Более того, я решил воспроизвести очень древний ритуал жертвоприношения.

В Библии описывается, как раз в год древние иудеи проводили торжественную церемонию, на которой Богу приносился в жертву агнец, а Азazelю — козел, на которого возлагали все грехи.

Почему мне пришло в голову именно это? Почему сознание привязалось к форме кровавого жертвоприношения, которое

не проводилось уже две тысячи лет? В Сети можно найти тысячи разных приворотов, но я хотел сделать именно так, как пришло из глубин. Ближе к концу повествования настоящий смысл этого странного ритуала станет понятен.

Меня подхлестывал азарт. Было совершенно очевидно, что восстановление отношений невозможно. Наши отношения почти сразу зашли за точку невозврата, и это было невозможно не осознавать. Поэтому любое изменение означало бы чудо. Я хотел видеть чудо! Ее возвращение было бы сродни восходу солнца на западе и заходу на востоке. Желание результата было смешано с острым любопытством: а что вообще может получиться из того, чего не делал никто?

На тот момент я уже был опытным проводником. И, конечно, я знал, что нет ничего более нелепого, чем магия, направленная на результат. Воля, порабощенная целью, — в магии это уже поражение.

Но в данном случае я хотел совершить трансгрессию. Нарушение. Преступление. Я еще никогда не убивал животных. Более того, это было органически неприятно мне. Но в этом и смысл трансгрессии: она высвобождает такие силы, что иногда сама реальность начинает делать системные ошибки. И тогда воля, устремленная к цели, получает слабый шанс.

Хотя я тогда не слишком верил в результат, в охватившем меня сценарии было что-то выше меня, ее, всех нас. Уже тогда мне казалось, что нечто — архетип, энергия, сила, мощь — жаждет проявиться в бытии, но до осознанного понимания происходящего было далеко. Правда в том, что все боги и демоны жаждут воплощения в человеке и через человека, и на этот раз речь шла о по-настоящему глобальном архетипе.

Да, я не верил в результат. Но я допускал его возможность.

Как писал Кроули, «маг имеет право на одно чудо». Если бы я отказался от замысла на основании того, что это неразумно, из страха или жалости, — перед самим собой я был бы виновен. Потому что никогда я не мог бы сказать себе, что сделал все, что возможно, чтобы вернуть Персонажа.

Не раз в своих книгах, в том числе и в этой, я писал, что обращение к гозтии — это дурной вкус. Противоречие или лицемерие? Нет. Просто порой, чтобы оценить прекрасное, нужно постичь безобразное. Я никому не посоветую обратиться к практикам, которые описаны в этой главе. Но если некто не по собственным наитиям, но властью воли глубин обратится к черной магии — да будет так. В конце концов, даже при самом удачном исходе (например, как в моем случае) в точности того результата, который он рассчитывает получить от черной магии, он не получит.

Преодоление, трансгрессия — ключевые слова настоящей магии. Ни один самый совершенный ритуал не будет действенным, если он стал для вас рутиной. Повседневные ритуалы помогают сохранить осознанность и связь с близкими вам символами. Но только те ритуалы, которые сопряжены с преодолением, шоком, потрясением, могут принести подлинное изменение реальности. Одно дело настройка на поток, формирование связи с тем или другим архетипом. Другое дело — жесткий хакинг реальности. Штурм небес. Разворот потока событий.

Модель кровавой ритуальной трансгрессии возникла откуда-то из глубин моего подсознания в качестве готовой схемы. Почему-то мне показалось, что если я повторю самый древний и самый могущественный ритуал, который проводили иудеи до построения своего Храма, то добьюсь своей цели. В этом ритуале баран приносился в жертву усековением головы, а козел — перебиванием ног. После этого козла отно-

силы далеко в пустыню.

До тех пор я еще ни разу не совершал жертвоприношения животных, и надо сказать, что больше не испытываю ни малейшего желания делать что-то подобное. Впрочем, важно и то, что, вздумай я повторить, сила действия ритуала будет неизмеримо меньше, ибо он уже не сможет взволновать мое воображение и взбаламутить глубины.

Ритуал был совершен ночью в глубоком лесу. Баран и козел умерли без мучений, с одного удара топора, после чего их останки были сожжены во славу древних богов. Я распался свое воображение, представляя, что в пылающей крышке (шины горят гораздо лучше и жарче, чем дрова) открывается огромный inferнальный портал, откуда демоны, служители Сета, высвобождаются в мир. Демон, который был призван кровью и трансгрессией, был одним из демонов гоэтии. Салас. 19-ый демон классического гримуара. Выполнив ритуал, я отправился домой.

Что такое любой магический ритуал, как не обращение к глубинным граням психики? Карл Юнг говорил о существовании совершенно особого психоидного, то есть «подобного психическому», уровня реальности, на котором сознание и материя едины. Поэтому, если рассматривать сам механизм, то нет никакой разницы между творческой визуализацией на тренинге по достижению желаний и обращением к девятнадцатому демону гоэтии с представлением его печатей и образов, а также принесением в жертву черного козла или, на худой конец, черной курочки.

Однако в каком случае мы оказываемся в более измененном состоянии сознания? В привычных условиях зала для занятий? Или все-таки ночью в лесу, преодолевая страх быть замеченным и жалость к бедным жертвенным животным, проникаясь текстами, которые там, в лесу, кажутся объек-

тивными описаниями вполне конкретных личностей? Хотя и там, и там задействованы те же самые три психические функции — воля, воображение, страсть, — во втором случае будут задеты куда бóльшие глубины.

Я ждал чуда. Я обещал избранному мной демону, что создам его печать и что он будет восславлен во веки веков. Я представлял себе, как жертва, переходящая от жизни к смерти, открывает в кругу горящей шины портал, или дверь.

Но ожидаемого чуда не произошло. Забегая далеко вперед, скажу, что оно и не произойдет, ибо в один прекрасный момент утратило актуальность. Однако на несколько месяцев реальность Иного, чудесного приоткрылась настолько, что еще немного — и можно было бы упасть в бездну.

Уже на следующий день произошли две синхронии. Во-первых, близкий мне человек увидел сон, в котором мы стояли на огромном снежном поле, а снег был цвета запекшейся крови. Этот человек даже близко не подозревал о моих намерениях.

Гораздо больше впечатлила вторая синхрония. В Интернет-чате моих хороших приятелей, как обычно, происходило общение и на какую-то реплику моих друзей одна из участниц ответила: «Писатель Джеймс Саллас в таких случаях говорил: а была ли женщина?» Вы можете считать меня сумасшедшим, фантазером, но я готов принести любые клятвы в подтверждение правдивости моих слов. А дело в том, что избранный мною для ритуала демон носил имя Саллас. Это уже даже не синхрония. Это прямая коммуникация. Это ответ. Ответ, смысл которого стал мне понятен гораздо позже. Ответ о природе человека. В каждом из нас есть определяющие архетипы, структурирующие индивидуальность. Это верно для всех, кроме Черного Зеркала. По всем законам реальности субъект без субъектности должен был бы сойти

с ума или раствориться. Но нет. Потому что сила отражения проникает в самые сокрытые под кожей разума и воли грани души. Да, Саллас прав и женщины, субъекта не существовало, было лишь идеальнейшее зеркало, созданное и отполированное, пожалуй, самым сильным из современных мастеров, воплощенных на Земле, но направляемое совсем иной силой, чье имя будет названо позже.

Но тогда эти синхронии казались мне доказательством того, что я услышан. Через неделю случилась еще одна синхрония. В другом чате один из участников нашей группы рассказал свой сон о том, как в его дворе режут козла. А еще одной моей приятельнице приснилось, что она видит смерть птиц. (Вместе с козлом и бараном в моем ритуале были принесены в жертву Венере два голубя — ее птицы.)

Многие более мелкие совпадения были забыты. Мне хотелось кричать от восторга. Господа скептики, если ты призываешь демона по имени Саллас, а на следующий день в дружеском чате писатель Саллас тебе что-то говорит, — это невозможно объяснить лишь «направленным вниманием». Реальность представляла собой единую смысловую сеть. А трансгрессия жертвы растрясла коллективное бессознательное не хуже землетрясения.

Впрочем, очень скоро начались и проблемы. Моя машина сломалась и не подлежала ремонту. Следующая машина, которую я купил, сломалась после первых же трехсот километров и далее ломалась в разных местах с периодичностью трех дней. Срывались важные поездки; я, человек, который всегда держит слово, был вынужден в последний момент отменить семинар и привоз книг. Кроме того, мой близкий друг, чей талант является одним из важнейших оплотов нашего проекта, внезапно по подложному обвинению оказался в следственном изоляторе. Я даже не мог помочь деньгами

— Джон Голт, казалось, полностью отвернулся от меня. Бесконечные потери, поломки, срывы выводили меня в чудовищный финансовый минус.

Казалось бы, какой пустяк — поломка машины. Не повезло. Моей машине вышел срок, а покупка следующей подержанной — это всегда лотерея. Не выписываю ли я искусственные псевдосовпадения, интерпретируя все происходящее в соответствии с заданной сюжетной канвой?

Однако, когда через какие-то пару недель я с моим лучшим другом, дочерью самого уважаемого алхимика, сидел в кафе и делился злоключениями, первый ее вопрос был: «А ты случайно не занимался гоэтией? Я думала, что ты умнее».

Она знала! Хотя и я знаю, что ничего ей не говорил. Просто ее отец, последний настоящий алхимик, многое рассказывал дочери. В том числе и то, что демоны очень любят «издеваться» над техникой, и первое доказательство присутствия инферно — участившиеся поломки механизмов и аппаратуры. У меня же поломки происходили примерно каждые три дня, пока я по совету моей собеседницы не повесил в машине главный защитный знак Телемы. Поломки прекратились, но безумие продолжало нагнетаться.

Я очень хорошо понимаю, до какой степени все описываемое мною здесь похоже на низкопробную голливудскую фантазию. Но, черт возьми, память не подводит меня. Я могу перепутать даты с разницей в несколько дней, но каждое из тех событий каленым железом впечаталось в мою память.

Проходило время, уже несколько недель. Месяц был дан на исполнение цели. По его истечении договор подлежал отмене. Я чувствовал себя героем баллады «Белое покрывало», который, глядя на мать в белом, был уверен в неизбежности отмены казни. Графом, который «и в самой петле улыбал-

ся». Я уже не сомневался, что Черное Зеркало вновь будет со мной. Не сомневался потому, что не понимал саму природу Черного Зеркала.

Я не понимал. В то время как само пространство нашей среды казалось отравленным, Черное Зеркало было невозмутимо, точно озеро в безветренную погоду. Она была единственной, кого, по видимости, не касалось происходящее. Зеркало лишь отражает воздействие. Какой бы силы воздействие ни было применено, ответ будет симметричен. Никто ничего не знал, но было ощущение, что яд заполнил все пространство. Недоверие. Конфликты. Воздух словно обретал твердую плоть. Непонимание возникало из ниоткуда. Никогда еще наш круг не был так близок к распаду!

Месяц истек, но на фоне больших и маленьких, нейтральных и неприятных чудес главного чуда так и не произошло. Мне оставалось признать свое поражение. Это был честный проигрыш. Актом активного воображения я постановил, что поток темной силы, который прежде был направлен на нее, отныне запечатывает мои эмоции. Нет ничего более нелепого и жалкого, чем желать недостижимого, цепляться за воспоминания. Прошло время. Испытания изрядно закалили меня и отдалили от нее. Моя страсть угасла. И оставалось только запереть границу на замок.

Но когда мне казалось, что все закончилось, началась настоящая История. В пространстве круга проявился Азазель. Я чувствовал, что во мне что-то изменяется. Эти изменения происходили слишком быстро, чтобы их можно было заметить. Изменения коснулись всего — стиля, языка, эмоций.

Я проиграл и знал, что проиграл. Но именно в тот день, когда поражение стало очевидным, в мою жизнь ворвался новый архетип. 4 ноября. Празднование Самайна.

Это был день одного из ключевых ритуалов нашего проекта — ритуала, который позволяет прожить символизм каждой годовой точки в полной мере.

Тогда я уже понимал, что сроки давно вышли, а игра проиграна. Но проигрыш в одном становится триумфом в другом.

Наш круг всегда совершает ритуалы колеса года. Сам по себе ритуал — это способ войти в проживание планетарных архетипов и осмыслить свою жизнь в контексте сакрального круга года. Но этот ритуал запомнится всем надолго.

Перед ритуалом она подошла ко мне и сказала: «Сейчас — время Икс. Время, когда может поменяться все. Время, когда ты можешь сокрушить Его. Ты хотел трансгрессию — соверши трансгрессию. В кругу Батая были готовые быть жертвой, но не было палача. Действуй, жрец, убей эту свиноматку».

Безумие! Сам не понимаю, как в тот миг я мог поверить в то, что наш маленький ритуал может иметь какое-то космическое, эпохальное значение. Мне казалось, что игра закончилась, но на самом деле она только начиналась. В этом кругу, глядя в самую глубь Черного Зеркала, я, как никогда, видел в ней Персонажа, призывающего меня к последней битве. Битве, которая может сжечь все. Плотское больше не имело значения. Мы были освобожденными демонами, силами.

Это был мой миф, мой до сладко-горькой боли, это затрагивало такие уровни, на которых даже мое поражение в желании плотских отношений не имело значения. Это был последний раз, когда она была Персонажем.

Да я знал что она никогда не будет со мной. Но это не имело значения. Ведь в тот день мне казалось что через нее смотрит сама Госпожа. «Я знаю что ты на самом деле хочешь.

Убить систему. Сокрушить свинью матушку. Действуй жрец, принеси настоящую жертву». От этих слов, разум взорвался дионисийским безумием. И в этом безумии, впервые завибрировало это имя пришедшее из глубины. Азазель.

Я выложился в ритуале. Впервые в медитации звучало имя Азазеля, впервые я пригласил нового Бога войти в круг. А в пиковый момент ритуала, в своем монологе, Черное Зеркало отражало уже не меня, а какие-то бездонные, глубинные силы. Азазель был здесь, хотя еще никто не знал о его присутствии. Тайный ритуал принесения в жертву козла отпущения вовсе не приворожил Черное Зеркало — это действительно было невозможно. Тайный ритуал призвал Азазеля.

У всех участников круга тот ритуал остался в памяти на годы. Просто слова, просто облачения, все как обычно. Но само пространство духа было другим. Для некоторых членов круга это было исцеление, выход из кризиса, разрушение депрессии. Другим же то, что прорывалось из нас, казалось чем-то чудовищным и отвратительным, так что до меня даже доходили требования не допускать ее до ритуала.

Равнодушных не было. Это была Сила, и Сила во время Самайна. Если бы подобное произошло в другой точке, я мог бы присоединиться к критикам, но Самайн сам по себе — танец разрушения. Потому я приветствовал ту бездну, из которой рождался огненный ангел, Азазель.

Как я уже сказал, я был одержим. Мне казалось, что в тот момент мы совершали духовное единение, прорыв к тем мирам, о которых невозможно говорить. Мне казалось, что мы совершаем революцию.

Конечно, никаких революций не произошло. Ослепление и инфляция сознания — вот чем была на самом деле моя одержимость. Я получил свой урок. Боги меняют нас, и изменив

себя мы получаем шанс на небольшое изменение мира. Всякое космическое притязание – шаг на грань безумие. Азazelь не изменил мир, но, тем не менее, весь следующий месяц Азazelь как Сила присутствовал в нашем пространстве.

Практически одновременно и не сговариваясь между собой я решил читать лекцию об Азazelе, а Санкт-Петербургская группа — провести ритуал Азazelя. Наконец, мой друг, который на тот момент находился в камере предварительного заключения, написал потрясающее стихотворение, которое передал на волю через супругу. Оно было опубликовано одновременно с московской лекцией и питерским ритуалом. Вот уж кто-кто, а он-то все это время находился в полной информационной изоляции, и, тем не менее, Азazelем наполнилось все пространство.

Через две недели произошло еще одно событие. Та что была Черным зеркалом согласилась пойти на ритуал 2,22. В нашем ритуале присутствовала третья – моя сестра. Ее присутствие как бы было гарантией что ритуал не перейдет в оргиастичное взаимодействие.

Я не знаю почему она согласилась. Даже так. Даже на этих условиях. Потому что, ритуал 2,22 это действительно пространство где происходит слияние сознания.

Процесс был очень сложный. Кажется мы попали в историю которая продолжалась тысячу лет. «Тысяча лет оков. Что же накликал ты бездумный пророк». Она повторяла это, «история которая продолжается тысячу лет, историю которую нельзя закончить».

А под конец процесса она сказала одну фразу. «Трансгрессия. Предел. Ты много говоришь о трансгрессии. Но где реальное действие, где риск, где шаг за настоящую грань, где постановка вопроса о господине и рабе. Где последний пры-

жок где на кон должна быть поставлена сама жизнь».

Эти слова врезались в мое сознание. Я должен был сделать что то настоящее. Что то что действительно имеет в себе настоящий вызов, риск, там где бросок монеты может поставить на кон жизнь. Иначе все разговоры и правда остаются разговорами. Та что казалась черной девой ждала реальных действий.

Но что может быть реальным действием? Риск ради риска, сродни русской рулетке? Нет. В подобном есть нечто подростковое, примитивное. Боги не любят когда их искушают просто так. Действие должно иметь смысл, быть символом, ответом, символическим актом. Много часов я мучительно думал о том что должно стать этим актом. Игрой всерьез.

А через неделю мне написал Роман Адрианов и предложил издать то что они переведены. И точно инсайт, точно вспышка в сознании родилась мысль. Неизвестные друзья Романа Адрианова, скрывающиеся под псевдонимом Ненси Оуэн перевели Салмана Рушди. Шайтанские Аяты. Или Сатанинские стихи. Книга которая была действительно Опасна. Книга которую называли «самой опасной книгой двадцатого века». Книга издание которой было сопряжено с чертой убийств, шантажа, преследований. Книга издание которой представляло настоящий риск.

Я попросил у Романа эту книгу. К моему удивлению он согласился и передал мне файл. Первое издание прошло на ура. Все кто надо понимали ЧТО мы издаем. В самом деле, издать «Сатанинские стихи» в стране нынешней политической ситуации. К счастью типография не поняла о чем идет речь.

Не буду лгать что я не боялся. Я дрожал как осиновый лист. Но слова Черной девы все так же звучали в моих ушах.

Настоящее действие. Настоящий риск. Настоящий шаг.

Зато второй тираж, 70 экземпляров, был замечен большим интеллектуалом и хозяином типографии. Тираж хотели уничтожить. К счастью, его успели отпечатать и все таки выдали мне. 170 книг Салмана Рушди на целую страну. Капля в море. Вся документация издания этой книги была уничтожена типографией мгновенно. Книга которая мгновенно была сметена с прилавков тех немногих магазинов интеллектуальной литературы, теми кто знал.

Когда зашла речь о третьем тираже я обратился в другую типографию. Но там уже знали что эта за книга. Отказ был неминуем. Глупо осуждать начальство за нежелание идти на столь серьезный риск. На их месте я бы поступил точно так же. Возможно даже стал бы внимательно проверять то что я даю на печать потом. Черная дева говорила не им. Это был мой личный вызов, и каждый раз когда книгу заказывал человек, с восточной фамилией я трепетал ожидая прихода террористов в мой дом или пули в спину. Те кто знают историю этой книги понимают сколь серьезен был риск.

И все же похоже пронесло. Впрочем не буду гневить богов, все в их власти. Сейчас от 170 экземпляров этой книги не осталось ни одной, она разошлась по личным коллекциям ценителям. Сколькие серьезные и авторитетные люди жали мне руку за этот шаг. Те кто понимали ЧТО такое этот шаг – издать «Сатанинские стихи». Те кто действительно Понимали.

По иронии судьбы, она не заметила этого действия. Даже когда я сделал ей подарок – последний экземпляр тиража. Мой ответ, не был услышан. Видимо потому что тогда это была не она. Ее устами говорил Азазель. И только потом, я узнал что в исламе Иблис и Азазель очень часто помещается в прямое соотнесение. Еще один синхрон, еще один знак на

пути, еще одна метка с той стороны зеркального стекла.

А история с черным зеркалом закончилась смешно. Она изменилась. Она больше не была Персонажем. Она отражала кого-то другого и все сказанное когда-то понимала как нелепую шутку и забавное приключение. Она писала и говорила то, чего никогда не написала и не сказала бы прежде. Вместо постмодернизма, радикальной свободы, отрицания системы и восславление Бафомета, она стала читать Лазарева, верить в диагностику кармы, искать единственный путь к богу который есть свет в котором нет никакой тьмы. Смешно. Это было бы так смешно когда бы не было так грустно. Черная дева Умерла. Осталась глупая и невротичная девочка. Не знаю сохранился ли ее дар черного зеркала. Когда я услышал от нее банальную пошлость шизотерики самого низкого пошиба в духе «Диагностики кармы» я сказал все что думал на этот счет. На этом все было кончено. Мавр сделал свое дело, мавр может уйти. Черной девы больше нет. А может быть и не было вовсе, а все происходящее привидился мне на грани сна и реальности.

А потом Черное Зеркало изменилось. Она больше не была Персонажем. Она отражала кого-то другого и все сказанное когда-то представляла как нелепую шутку и забавное приключение. Она писала и говорила то, чего никогда не написала и не сказала бы прежде. Как будто она просто повернулась другой стороной или стала отражать кого-то другого. Когда я услышал от нее банальную пошлость шизотерики самого низкого пошиба в духе «Диагностики кармы» я понял. Черной девы больше нет. А может быть и не было вовсе, а все происходящее привидился мне на грани сна и реальности.

И это поражение было еще более сокрушительным. Одно дело осознать, что не сможешь никогда больше быть с той, которая кажется тебе идеалом и Персонажем твоих расска-

зов. Другое — понять, что Персонажа не существует. Вместо Персонажа — пустота. Симулякр. Маска. Верить в далекий идеал было бы легче, чем осознать пустоту этого идеала.

Тогда я решил пойти на еще одно погружение, которое стало для меня еще одним даром Азазеля.

В ритуале 2,22 участвовали трое. Мастер, моя сестра и я. Долгая подготовка, настройка и раскачка воображения, о которых здесь нет смысла распространяться (скажу только, что то ритуальное взаимодействие не имело ни прямого, ни скрытого эротического содержания), подготовили мое сознание к полному раскрытию.

Моя сестра задает мне вопрос: «Хочешь ли ты немного попризывать глубинные сущности?» Моя сестра — такая же люциферитка, как и я, и в этом вопросе я не вижу подвоха. Мы оба хотим увидеть наши глубины. Я, не задумываясь, отвечаю «да». Чего я жду? Люцифера, Азазеля, Лилит или тех, кого нельзя называть здесь, в открытом источнике. Я уже приготовился к интересному опыту и открылся, насколько можно.

И вдруг полумрак разрезает твердый голос моей сестры: «Я призываю Аниму Атона». Слова сказаны. Я дал разрешение. А в условиях такого совершенно особого ритуально-магического пространства психика находится в состоянии абсолютной обнаженности.

И в этот момент меня начинает сотрясать, как в каком-то попсовом голливудском фильме. Несколько секунд тряски, и руководство моим сознанием захватывает Она.

Видят боги, я никогда не забуду этого ощущения. Она. Эллоиза. Абсолютная Госпожа, царственная блудница, леди Винтер. Всего пару минут я ощущал Ее изнутри. Изменилось все, изменились даже ощущение воздуха, тональность

пространства, тончайшие вибрации взаимодействий.

Она, моим телом и моими глазами, полупрезрительно-полукокетливо огляделась вокруг. «Звали? Для чего звали?» В интонации моего и одновременно не моего голоса — не угроза и не расположение. Безразличное и отстраненное презрение ко всем. Люди, которые там собрались со мной, самые близкие люди для всего моего существа, единственные, кому я мог доверять в полной мере, для нее — всего лишь неудачливые соперницы. Ибо кто может сравниться с Ней, обладающей властью над самыми тонкими и самыми скрытыми манипуляциями игры?

В глубине сознания мне стало страшно. Что, если она что-то скажет, морально травмирует, ранит моих проводниц? Ее проявление длилось не более двух минут, но изумление от этих минут еще долго будет сопровождать всех нас. Ничего не было сказано, произнесено, сделано — ничего, кроме этого легкого жеста и надменно ироничного в своей женской власти голоса: «Звали? А зачем?» В этом явственно слышалось: «Неужто поучиться у меня захотели?»

Во всей моей практике это, пожалуй, был один из самых интенсивных опытов радикально другого. В обычных состояниях архетип обычно переживается как присутствие, энергия, вибрация, но там... Там был полноценный субъект, личность, и личность куда более сложно устроенная, чем несчастное Эго, поплававком болтающееся наверху.

Пятнадцать лет я читал лекции о природе Анимы, учил распознавать ее проявления, говорил о принятии андрогинной природы. Но воистину ничего я не знал о ней до тех пор, разве что улавливал ее в отблесках проекций. И тут она пришла сама.

В результате этого магического скраинга я осознал, сколь

невероятно многим я ей обязан. О да — высшие боги, Люцифер, Азazelь, Лилит, Голт щедро одарили меня в этой жизни. Но без нее я не смог бы ничего удержать и дня. Мало получить дар богов, нужно быть достойным его нести. И моя Эллоиза, мой исток, моя Анима тысячу тысяч раз удерживала слишком примитивное в своих импульсах Эго в рамках тонкой культурной игры.

Что же потом? Я стараюсь удерживать связь с ней. Я научился понимать фигуры своей души. Я открыл для себя то что Хиллман называл «персонификацией». Моя Тень — Рамси. Моя анима — Эллоиза. Мои Боги. Азazelь, Люцифер. То что до этого было разовым переживанием без персонификации, сейчас стало фигурой моей души.

Теперь так часто я могу сказать себе под нос: «Элли, ты там еще? Что посоветуешь?» И получить недвусмысленный ответ. Как всегда божественно ироничный, ибо такова моя Элли.

Все боги, все архетипы — это, безусловно, космические принципы,двигающие саму смысловую ось и смысловую связь. Но Анима, Элли, будучи бесконечно далекой и иной, — одновременно бесконечно близка и понятна.

Потом произошла еще одна синхрония. Дар Азazelя. Как сигнал его присутствия, всегда соединявшего дух и плоть

Однажды я снимал квартиру на сутки, в одном из московских агентств. Я установил сотрудничество с одной корпорацией, которая имела в своем распоряжении десятки квартир, так что каждый раз можно было снимать новую.

И вот, отказавшись в одной из квартир, я увидел чудо. Библиотеку! Но это была не простая библиотека. Это была библиотека человека, который, казалось, жил всем тем, чем живу я. Как и у меня, в этой библиотеке Алистер Кроули стоял на одной полке с Юнгом, а полка, посвященная христи-

анству, соседствовала с полкой книг по буддизму. Это действительно кажется невозможным, как падение мужчины из окна в главе про Симона. Но я поклянусь жизнью, светом и призыву в свидетели всех моих Богов что это была правда.

Это была не простая библиотека. Это была эзотерическо религиозная библиотека. Генон, Эвола, русские традиционалисты. Лучшие работы Юнга и Элиаде. Религия синто и «Зоар». Философия — от Платона до Деррида. Огромное количество материалов по мировым мифологиям. Самые разные исследования в основном серьезные, академические исследования мифологии и религии.

Библиотека была не только русскоязычной. Отдельная полка содержала огромные англоязычные альбомы по Древнему Риму, Византии, исламу, средневековью, культуре африканских масок... Это были альбомы каждый из которых стоил долларов двести. На английском были также некоторые важные книги — Гершом Шолем, «Энциклопедия ведьм и колдовства».

Были там и художественные книги. На художественный вкус хозяина библиотеки грех было жаловаться — Майринк, Мамлеева, Малларме, Павич и Селин. Меня поразило сходство поисков этого незнакомца с моими. Если не считать моей антипатии к Генону, Эволе и Дугину — все тексты полностью попадали в мой мир.

Было ощущение, что я оказался в магическом месте, в храме знания. Такое чувство прежде возникало у меня разве что в доме-музее Брюсова — единственном месте, куда я люблю иногда приходить когда мне нужен новый запас вдохновения. Я прихожу в этот храм знаний и просто стоять в центре главного зала.

Я не могу дать более-менее точную оценку стоимости той

библиотеки. Во всяком случае, это десятки тысяч долларов. Кем был ее таинственный хозяин? И как он мог позволить кому-то сдавать его квартиру не долгосрочно (когда съемщик хорошо известен), а посуточно (когда съемщики меняются каждый день и за всеми не уследишь)?

Это событие имело продолжение. Я позвонил в корпорацию, сдававшую квартиру, и предложил выкупить библиотеку — мол, если квартира сдается посуточно, возможно, книги в ней не слишком-то и нужны. В самом деле — я мог бы украсть несколько книг и никто бы не заметил. Их мог бы украсть тот кто снимал квартиру до меня или после меня. В общем, предложил я той корпорации двадцать тысяч. Только не долларов, а рублей. Ожидая, что либо мне сразу откажут, либо будет долгий торг, результатом которого станет сумма тысяч в пятьдесят.

Но они согласились! Сразу и безоговорочно. Они даже удивились столь щедрому предложению не понимая ЧТО лежит в этой квартире. Пожалуй, это была самая выгодная сделка в моей жизни. Одни только альбомы по искусству стоили бы не менее десяти тысяч рублей каждый. А там таких альбомов были десятки!

Легкость, с которой корпорация пошла на эту сделку, очевидно, свидетельствовала о том, что хозяин квартиры уже умер. Кстати, я заметил, что все книги в библиотеке были изданы не позже 2004 года.

Пока я разбираю таким чудесным образом доставшуюся мне коллекцию, меня наполняли два чувства. С одной стороны, я ощущал, как брэнна человеческая жизнь, как быстро проходит она и как призрачны все поиски человека. Но за всем этим я видел другое. Чудо. Книжки как будто выбрали меня. Как будто призрак их хозяина все эти годы хранил библиотеку, не позволяя ее разворовать или выбросить. Как будто за

этой библиотекой стояла настоящая магическая сила.

Из десятков тысяч «квартир на сутки» я оказался именно там, где должен был оказаться. И я почувствовал, что подлинная духовная преемственность совершается на совершенно ином плане, а события, которые происходят с нами здесь, в этом мире, — лишь отражения непостижимого и невыразимого потока Иного, Подлинного Бытия, где все связано незримыми нитями-лучами. Я смотрю на эти книги и вижу чудо. И я убежден, что Люцифер и Азазель несет свет знания тем, кто готов это знание принять. Не менее символично что я оказался в этой квартире, вместе с женщиной. Мир Азазеля — это мир сплетение двух импульсов — который в библии именуется одним именем — Познание.

Но закончим с исповедью и поговорим о сути Азазеля в мифологии. Читая «Книгу Еноха», мы узнаём, что в числе многих даров Азазеля — дар «видеть позади себя». Можно строить много версий о природе этого видения. Зеркало. История. Психология. Для меня этот дар стал даром видения проекций. Эллоиза, мой Персонаж, более не нуждалась в экране для проекции. Волею богов все обстоятельства сложились так, что я сам, на своем опыте, опыте сокрушительной силы и мощности, смог пережить ее как реальность души, абсолютного Другого, живущего во мне.

Вот уже 15 лет я рассказывал людям про Аниму и Анимуса, но впервые осознал, что Анима — не психология, не «сумма женских качеств», а сильная, полноценная, мощная и автономная женщина, живущая во мне. Уже ради этого открытия стоило столкнуться с Черным Зеркалом.

Дар видеть проекции, дар множественности, дар персонифицированного взаимодействия с гранями своей внутренней бесконечности, безусловно, был самым большим даром. Но это не всё.

Я изменился. Встреча с Азазелем 4 ноября, последующее знакомство с Эллоизой, серия конфликтов, перед лицом которых я в прошлом был бы беспомощен, а отныне действовал жестко и резко... Кажется, я перешел на другой уровень знания. Кажется, я прошел тест на зрелость. Возможно, инициация Азазеля стала моим последним перерождением, необходимым для обретения целостности.

Я начал кое-что понимать. «Рана есть причина ножа», — любил говорить Алистер Кроули, подчеркивая независимость магии (как и квантовой физики) от любых застывших причинно-следственных констант.

Я хотел бы предложить читателю поставить мысленный эксперимент. Я предлагаю вам представить себе самого классического мага. Не меня. Я не классический маг, большая часть моих осмыслений магии происходит через понятия юнгианской психологии, заставляя меня балансировать между «да» и «нет». Классический же маг верит в буквальную правоту магических объяснений и инструкций.

И вот представим себе, что такой маг «решает» призвать Азазеля или кого-то другого из мифологических персонажей. Он становится в круг, машет своим жезлом, концентрируя волю, страсть и воображение на треугольнике и надеясь, что хотя бы в какой-то мелочи призываемый образ не будет лишь его продолжением. Он приказывает призываемому образу подчиниться, исполнить его желание, угрожает ему отправить его в ад на вечное проклятие или сжечь его печать в огне жаровни. В воображении мага что-то происходит, что-то появляется, и это «что-то» даже получает резонанс во внешнем мире.

Однако на самом деле в мире причин, в мире духа в кругу стоит не маг, а тот, кого он призывает. Сама мысль призвать эту силу появляется у него лишь потому, что сила по

какой-то причине захотела проявиться. Это как если бы человек, обладающий властью премьера министра или босса мафии в какой-нибудь сицилийской глуши, захотел инкогнито посетить БДСМ-вечеринку в роли «нижнего». Аналогия вульгарна, но наглядна.

Кажется, что Даймон, Божество, Дух подчиняется магу. Но это не более чем иллюзия. Игра, причина которой — вовсе не желание конкретного мага. Причина — на том уровне, который сокрыт от нашего осознания.

Все, что мы можем видеть, — это следствия. События. Некоторые события явно связаны синхронистично, некоторые синхронистичные совпадения кажутся невероятными. Но причина никогда не находится на уровне наблюдаемых событий. Как только ты начинаешь считать, что ты центр вселенной и от твоего желания зависит судьба мира, ты оказываешься в безумии. Настоящая причина — сокрыта. «Фактор неизвестный и неисчислимый». Вот почему не найдется такого практика, который по своему желанию сможет вызывать синхронии и творить чудеса.

Просто, как говорил Алистер Кроули, «рана есть причина ножа». Просто, как о том же самом сказал Юнг, «настоящая (не гротескно-фальшивая) магия появляется после того, как много лет управляешь колесницей и вдруг замечаешь, что все эти годы ею управлял кто-то другой». Осознание дает реальность, и на смену иллюзорной, фальшивой, наивной псевдомгии с ее погоней за результатами приходит истинное Высокое Искусство, непривязанное к цели, в котором через свое знание практикующий впервые становится хотя бы по уровню познания равен визави из глубин своей или коллективной души. И Азазель даровал нам это знание и эту игру.

Азазель — это уже не демон средневекового bestiaria.

Азазель — это миф, причем один из древнейших из известных нам апокрифических мифов. До описываемых событий я был убежден, что Люцифер и Азазель суть одно, однако внутри поля мы чувствовали, что, хотя они на одной стороне, их манифестации, их принципы действия — совершенно разные.

Азазель научил меня смеяться. Иронизировать. Хохотать. Провокационно подтрунивать над той или иной идеей или формой. Выбрасывать в серьезном разговоре джокера иронии и шутя говорить о вещах более чем серьезных.

Азазель научил играть. Все чаще в разговоре я могу почувствовать вхождение в этот архетип Джокера-Азазеля, когда можно от души наслаждаться не только фактом коммуникации, но и интонацией, игрой смыслов, парадоксами. В те редкие благословенные мгновения, когда Азазель включается в полную мощь, — мне удается донести идею до глубины прочувствования слушателя.

Как архетип, Азазель — фигура глубоко трагическая. Миф об Азазеле содержит чудовищную несправедливость. Архангелы убивали его детей, заставляя его смотреть на пытки и убийства, а потом низвергли его в подземное озеро в пустыне. Другая сторона смеха Азазеля — сарказм. Обычно сарказм является актом агрессии к другому, но если применять его умело и по назначению, сарказм может использоваться прицельно для разрушения конкретных защит и оболочек, отделяющих нас или наших собеседников от глубинного понимания. Азазель — истинный Бог Смеха во всех его формах — от легкого и радостного смешка над веселой шуткой до сардонического хохота, которым заливается отравленный веселящим газом за несколько минут до смерти. Приняв Азазеля, я осознал, что порой бывают необходимы достаточно жесткие действия и жесткие решения, в то время как пре-

жде я мог бы получить пальму первенства по пацифизму, который зачастую оказывался бессильным.

Изменения, которые произошли со мной после прорыва Азазеля, заметили все. Четвертое ноября стало днем его прорыва.

Но не был ли этот прорыв лишь осознанием того, что существовало в моей реальности всегда? Разве не ангел Азазель изображен на картине Елены Адарченко, ставшей эмблемой «Касталии» с самого ее начала? Разве не мы перевели «Столпы Тубал Каина» — книгу, которая открыла принципиально новый взгляд на бодрствующих ангелов? Разве не я писал к ней вступление, в котором поставил знак равенства между Азазелем и Люцифером?

И все же Люцифер и Азазель различаются. С одной стороны — чистый свет и ветер, с другой — клокочущая мощь и разносящийся по долинам реальности хохот. С одной — дальний маяк, с другой клокочущий огонь.

И все же — кто такой Азазель? Если бы мне понадобилось определить архетип Азазеля одним словом, я использовал бы введенное Стругацкими слово «прогрессор». Сила, которая жестко подгоняет отстающего субъекта (или целую отстающую цивилизацию, как у Стругацких), порой заставляя его лететь через ступеньки и отбивать себе пятки. В отличие от Люцифера, Азазель как психическая энергия порождает провокационную игру, двусмысленность. Кроме того, в полном соответствии с мифологемой Азазель любит земных женщин.

Рассказав об игре Азазеля в моей жизни, я перехожу к рассмотрению собственно его мифологемы. Источником мифа об Азазеле является шестая глава «Книги Бытия», в которой сыны Божии, восхитившись красотой дочерей человеческих, спускались с небес и брали их в жены. От этого союза, соглас-

но Библии, рождались «сильные, издревле славные люди». Почему-то сразу после этой строки без каких-либо пояснений написано, что «увидел Господь, что велико развращение человеков на земле», и решил «истребить их с лица земли». Странные представления ветхозаветного Яхве о милосердии мы уже обсуждали, поэтому здесь просто отметим, что «сильные, издревле славные люди» ему явно не угодны — сеньор предпочитает покорных рабов.

В другой книге Ветхого Завета описывается ежегодный ритуал, в ходе которого агнца приносили в жертву Яхве, закалывая на алтаре, а на специально отобранного черного козла возлагали все грехи Израиля. Ему перебивали ноги и относили далеко пустыню на медленную и мучительную смерть.

Именно отсюда происходит понятие «козел отпущения», которое мы рассмотрим чуть позже. Принципиальным моментом для нас является то, что этот несчастный козел описывался в Библии как предуготовленный в жертву Азazelю, что смущало строгих монотеистических теологов. В истории, рассказанной мною выше, Азazelь очевидно пробуждается к жизни жертвоприношением козла, после чего одному из моих знакомых снится сон, в котором в его дворе убивают козла.

Историю Азazеля описывает апокрифическая «Книга Еноха». Нужно подчеркнуть, что библейский канон был установлен гораздо позже, а во время ее написания «Книга Еноха» имела такой же статус, как остальные ветхозаветные священные книги. Именно этот текст подробно излагает миф об Азazelе как основоположнике многих аспектов человеческой культуры.

Согласно «Книге Еноха», Азazelь, или Самьяза, был главой группы ангелов, которые сговорились спуститься на

землю и взять себе женщин. Выполнив свое намерение, они стали учить людей многим искусствам — в частности, кузнечному ремеслу, астрономии и астрологии; женщин учили делать украшения, а мужчин — оружие. Ангелы научили людей различать природные циклы и — странное словосочетание — «видеть позади себя». Пожалуй, это место апокрифа Еноха — одно из самых интригующих. Его можно понимать как обучение людей науке истории (позади — прошлое) или психологии (позади — бессознательное, саморефлексия) и даже банальному изготовлению зеркал.

От союза с женщинами стали рождаться гиганты, которых не могла прокормить земля, и люди стали голодать, после чего Яхве наслал на них потоп. В «Книге Еноха», по крайней мере, дается логическое обоснование кары со стороны Яхве, однако все равно читателя оттолкнет та исключительная жестокость, которую он демонстрирует: «Брошу тебя в высохшее озеро и заставлю смотреть, как мучительно умирают твои дети». Даже если, исходя из логики мифа, предположить, что то бракосочетание было ошибкой, а ангелы оступились, породив не то, что хотели, совершенно очевидно, что те мучения, которым их подвергают, — неоправданная жестокость.

Я хотел бы поговорить о дарах Азазеля, опираясь на главный источник его мифа — «Книгу Еноха».

Первый дар — наблюдение за звездами. Как вы понимаете, во время, когда писалась «Книга Еноха», нынешнего разделения на астрологию и астрономию не существовало, поэтому под наблюдением за звездами можно понимать и то, и другое в совокупности. Можно сказать, что Азазель дал рабу земному, чей взгляд опущен долу, свободу первого взгляда ввысь. Именно наука о звездах и наблюдение за поведением светил позволили человеку выйти из замкнутого круга к

осознанию мироздания. Взгляд на звезды фактически равен желанию познать мир, перестать быть червем, и мы видим, что апокриф Еноха осуждает этот дар Азазеля. Любая религия неизбежно враждебна этому импульсу познания.

Второй дар Азазеля был женщинам. Это косметика — способ подчеркнуть свои неповторимые черты, выразить индивидуальность. Косметика, при ее умелом использовании, одновременно усиливает эротическую притягательность женщины и подчеркивает ее индивидуальные черты. И чем сильнее патриархальная доминанта, чем больше Иалдабаоф свирепствует в своей жёлании лишить женщину индивидуальности, тем более осуждается и даже карается применение косметики. При нацизме за пользование косметикой в гетто женщину тут же бросали в газовую камеру.

Третий дар — искусство добывания и обработки руды, кузнечное ремесло. И здесь все не так просто, как кажется современному человеку, ведь кузнечное дело было первым в истории человечества проявлением научного подхода к миру. Как показывает Мирча Элиаде в работе «Кузнецы и алхимики», кузнец — это сакральная фигура, имеющая дело с огнем и землей. Кузнец зачастую мыслился наделенным большей магической силой, чем шаман. В некотором смысле кузнец — сын-любownik Великой Матери Земли, непосредственно имеющий дело с ее дарами.

Четвертый дар — умение «видеть позади себя». Снятие проекций. Возможность видеть реальность души без шор, как она есть, во всей полноте персонификации.

Таким образом, Азазель в своей роли прогрессора тесно связан как с Люцифером, носителем Света, так и с Утренней Звездой Иштар. Кроме того, как мы видим из истории, он связан и с самым разрушительным аспектом Иштар — Исаис Черной, обладательницей Черного Зеркала, о кото-

ром так потрясающе точно писал Густав Майринкю

Конечно, возникает соблазн отождествить Азазеля и Люцифера, подав их как один архетип с разными именами. Однако, хотя у них действительно немало общего (роль носителей света и просвещения, восстание против гомеостатического ветхозаветного Бога, мучительное страдание после и вследствие этого), в архетипе Азазеля есть целый ряд важных отличительных черт, которые следует рассмотреть более внимательно.

Прежде всего — акцентированный эротический компонент. Азазель хоть и ангел (который, согласно средневековой ангелологии, должен по определению быть бесполом), но явно не согласен со средневековыми схоластами в этом деликатном вопросе. Влечение Азазеля к дочерям человеческим не является единоразовым соблазнением; напротив, миф подчеркивает, что ангелы «брали в жены, какую кто избрал».

Возникает закономерный вопрос — а в чем же состояло столь ужасное преступление ангелов, что потребовалось насылать великий потоп и подвергать виновных пыткам с эсесовской изошренностью? И почему, если Азазелю была отведена роль «плохого парня», ему полагалась обязательная ежегодная жертва?

Интересное объяснение мифа дает Александр Дугин в своих ранних работах. Он делит все религии на креационистские (мир порожден автономным от него творцом и отделен от творца непостижимой бездной) и манифестационистские (мир есть эманация или манифестация божества, подобная теплу огня или свету лампы). Для манифестационистов пропасть, отделяющая творение от творца, — не более чем иллюзия, и их цель — осознание своего тождества с ним. Так вот, согласно Дугину, брак женщин и ангелов как раз и символизирует преодоление авидьи (то есть этой иллюзии). Для

манифестационистов это достижение, а для креационистов — худший из грехов.

С этой точки зрения становится понятна и глубинная причина табуирования сакрального эроса, свойственная всем креационистским религиям. В полноценном эротическом переживании субъект сливается с партнером, а через него — со всем миром, благодаря чему может пережить эту недвойственную тождественность, сама идея которой является богохульством с точки зрения креационизма. Вот почему главным противником ветхозаветного Яхве выступают именно богини с их культом сакрального секса, который называют храмовой проституцией. Но называть это «проституцией» можно лишь с той же долей условности, с какой мы называем морскую свинку «морской».

Конечно, модель, которую рисует Дугин, не полна и не исчерпывающа, однако некоторые важные силовые линии архетипической поляризации она помогает прояснить.

Давайте зададимся странным на первый взгляд вопросом: почему тема сексуальной магии всегда была такой пугающей? Скажем, обвинение даже самой небольшой группы в ритуальных оргиях для абсолютного большинства автоматически означает худшую из возможных дискредитаций. Любой «кровавый навет» никогда не обходился без фантазий о ритуальных сексуальных действиях, предпринимаемых с магической целью. Скажем, один факт появления обнаженной женщины на алтаре (заметьте — не оргии, а всего лишь обнаженной женщины, которой, вероятно, воздавались почести как персонификации Шехины и с которой наверняка не проводились никакие сексуальные действия) стал причиной многолетнего преследования каббалистов общины Якова Франка как христианами, так и единоверцами. Даже для современных ученых вроде Шолема одного подозрения

в наличии у той или иной эзотерической группы или школы сексуальной магии достаточно в качестве доказательства их ущербности, а, скажем, в популярной псевдоэзотерической теософии Блаватской наличие у какой-либо школы эротических практик (даже не оргиастических, а парных) является критерием отнесения ее к черной магии.

До сих пор вопрос сексуальной магии и сексуальной мистики стыдливо замалчивается 95 процентами представителей эзотерики, а те, кто рискует поднимать этот вопрос, окружают его столькими расшаркиваниями, что становится непонятно, о чем идет речь — о совершенно естественном процессе или о чем-то сродни человеческому жертвоприношению. И правда — чаще всего, желая оклеветать какую-то группу, ей приписывают человеческие жертвоприношения и сексуальные ритуалы. Чем отвратительны первые — совершенно очевидно, но почему, черт возьми, вторые столь демонизируются? В чем глобальная опасность сексуальной и даже эротической магии для гомеостатического Иалдабаофа? Мы уже говорили об этом в главе, посвященной Иштар, но Азазель дает нам ряд дополнительных граней.

Суть сексуально-магической практики, ее истинное ядро заключается в очень простой идее: посредством определенных практик — мантр, визуализаций, гимнов — партнер визуализируется в образе возлюбленного божества и, вступая в соитие с партнером, практикующий самым кратчайшим путем соединяется с божеством.

Таким образом, в сексуальной магии всегда есть четыре элемента: мужчина — женщина — избранный бог — избранная богиня. Если сексوماгический процесс рассматривать с точки зрения аналитической психологии, то речь, конечно, идет о взаимодействии со своими глубинными архетипическими двойниками Анимой и Анимусом, и если в обычных

взаимоотношениях проекция Анимы или Анимуса проявляется бессознательно и стихийно (например, как приписывание партнеру тех качеств, которыми он не обладает), то в акте сексуальной магии практикующий осознанно переносит свою «внутреннюю половину» на партнера и соединяется с ней.

Естественно, такого рода практика действует как «красная таблетка», выключая индивида из Матрицы программ условностей среды, в которой он находится. Практикующий сексуальную магию радикально свободен, поскольку он использует самый мощный из возможных инструментов для взаимодействия со своими глубинами, не нуждаясь в посредничестве религиозных систем.

И вот здесь мы видим очень важный момент. Вместе с открытием сексуальной магии происходит открытие знаний о мире, то есть формирование полноценного, не только инстинктивного субъекта. Одной из лжей Иалдабаофа, которая часто даже не осмысливается как ложь, является идея дуализма духа и плоти, развивающаяся далее в идею «либо сексуальность, либо творчество». Однако, как мы знаем, в жизни все не так — наиболее духовно и творчески активные люди, гении, наиболее активны эротически и свободны от сдерживающих условностей. Достаточно вспомнить таких людей, как Моцарт, Пушкин, Брюсов, Гёте или Ландау. Пробуждение внутреннего, сакрального измерения сексуальности влечет за собой неизбежное пробуждение глубинных ресурсных сил психики, расширяющих сознание. Вот почему в библейском дискурсе слово «познать» имеет некоторую двусмысленность, используясь как в контексте познания мира (например, дерево познания добра и зла), так и в контексте сексуального акта (например, Адам познал Еву).

Итак, суть мифологемы Азазеля — в открытии сакрально-

го, табуированного измерения сексуальности. Но не только. Еще одна грань мифологемы Азазеля — открытие научного познания, которое произрастает из спонтанных творческих прозрений, идущих из глубин. Именно Азазель как архетип стоит за стремлением человечества к научно-техническому прогрессу. И если в средневековье силы гомеостатического Иалдабаофа препятствовали внедрению телескопа и гелиоцентрической модели мира, то в наше время они препятствуют технологиям клонирования и генной инженерии. Увы, человечество вынуждено каждый свой шаг буквально выгрызать у сопротивляющегося гомеостаза тотального инстинктивного консерватизма, который мы определили как архетип Иалдабаофа.

Следует отметить еще одну идею, подспудно присутствующую в мифологеме Азазеля. Это идея соединения противоположностей как Великого Делания (лат. *Magnum Opus*), в котором женщины символизируют материальный полюс, а ангелы — полюс идеи. Небо и земля, дух и плоть, Эрос и Логос... Для человека, живущего патриархальными мифами, незыблемость и неслиянность противоположностей есть аксиома, не подверженная сомнению. Однако в ядре любой эзотерической традиции от христианского гностицизма до алхимии всегда, в открытой или сокрытой форме, лежала идея соединения противоположностей.

Глубже проникая в мифологему Азазеля, мы понимаем, что эта сущность, обвиняемая во всех мыслимых грехах, — на самом деле тот, кто начинает новый виток развития человека.

Сравнивая такие схожие архетипы, как Люцифер и Азазель, мы видим, что Люцифер представляет в большей степени формирование внутренней автономии и света гнозиса, восстанавливающего связь с глубинным источником в себе, зачастую через преодоление табу, Азазель же направлен на

внешнюю реальность, сначала постигая мистериальное измерение бытия через желанного другого в акте сексуальной магии, а потом через экспансию научного познания. Очень часто человек может быть вдохновлен архетипом Азазеля, но не подозревать о мифологическом измерении своего прозрения. Борьба лучших умов за расширение границ познания с риском превращения в козла отпущения — вот глубинное ядро мифологемы Азазеля.

Как мы уже видели, териоморфным двойником Азазеля является козел. На протяжении всего средневековья это несчастное животное наряду с черным котом считалось атрибутом Дьявола. Навязчивая фантазия о шабаше, на котором ведьмы вступают в сексуальную связь с Дьяволом в образе черного козла, есть чудовищная мифологическая буквализация архетипа Азазеля.

Нужно понять, что любая власть использует механизм козла отпущения, называя некую внешнюю или внутреннюю угрозу демонической сверхсилой и злом. Миф об Азазеле вскрывает эту ложь, поскольку за образом жертвенного козла оказывается не злонамеренный убийца, а прогрессор и просветитель человечества.

В литературе самым ярким примером раскрытия архетипа Азазеля является бессмертное творение Уильяма Блейка «Бракосочетание ада и рая». В самой идее страстного объединения противоположностей, где, вопреки патриархальному мифу, «в похоти козла — щедрость Божья», а «в наготы женщины — мастерство Божье», мы видим очень тонкое и глубокое выражение этого архетипа.

Другая грань встречается нам в романе Германа Гессе «Демиан». Сюжет романа построен на том, что главный герой, воспитанный в консервативной религиозной семье, попадает под влияние странного юноши Демиана, который ерети-

чески переосмысляет все библейские мифы. Роман завершается сакральной эротической мистерией, в которой главный герой становится любовником матери Демиана госпожи Евы и постигает глубинное измерение эротического гнозиса.

ГЛАВА 10.

Акташ. Древние Боги.

Каковы древние боги, и что стало их судьбой? Боги, которым поклонялись до прихода монотеизма...

Некоторые респектабельные и солидные боги греческого и римского пантеона вошли в нашу культуру. Они сохранились как названия планет, как герои гомеровского эпоса и трагедий Эсхила. Эти боги вошли в золотой фонд культуры.

Но точно также, как античные статуи, будучи погребенными под землю, утратили свои краски, эти боги, по крайней мере, в массовом сознании, утратили свою силу. Вместо ярких, цветных, насыщенных светом храмов мы получили бледные тени и назвали это высокой эстетикой.

Впрочем, справедливости ради надо сказать, что глубинная герметическая традиция, возродившаяся в эпоху Ренессанса в новых декорациях, продолжала и продолжает питать этот канал силы. И для посвященного имени богов и планет все так же полны священной силой и огнем. Но большинству видны лишь тени этих богов. Выхолощенные и выбеленные тени.

Иные из богов были превращены в демонов. Прекрасную Астарту низвели до уродливого Астарота, доблестного Баал Зебуба – до демона Баала и Вельзевула. Эти боги отказались вписываться в новую власть «хоть тушкой, хоть чучелком», и потому их имена были опорочены и извращены. Да, мудрость лучших ученых позволяет найти аутентичные корни в демонических именах, чтобы понять, что стоит за этими именами, но можем ли мы в полной мере пережить и прочувствовать трепет финикийца перед алтарем? Не является ли даже попытка сорвать это демоническое облачение и восстановить древние культы (например, в духе викканской

религии) не более чем суррогатом, в котором от той древней мощи остались лишь имена?

Боги одного цикла становятся демонами другого. А демоны одного цикла становятся богами другого. Боги, о которых шла речь выше, для большинства людей всего лишь демоны. Однако мне было дано почувствовать на своем опыте, что за демонической маской сокрыт настоящий свет.

Но у некоторых богов была и совсем иная судьба. Лишь очень небольшая группа богов не превратилась в демонов, не выродилась до бледных теней «эстетики», став музейными экспонатами.

Это боги, которые в отличие от античных никогда не прерывали свою линию жречества. Боги, которые оставались живыми, пусть и для небольшого круга людей, уходящих в дальние, оторванные от большой цивилизации поселения. Эти Боги неизменны. Они сохранились в эпоху чудовищного преследования, потому что их жрецы и цари уходили подальше от цивилизации и сохраняли самое дорогое – свою связь с Богами. Богами, которые были для них смыслом и основой бытия.

Эти боги принадлежат к самым глубоким уровням коллективной души человечества. В европейской цивилизации они практически не сохранились. Ну а где им было прятаться на небольшом пространстве «геометрической правильности Европы»? Увы. Возможно, единственное европейское исключение, которое не прерывалось, – это культ Асатру, сохранившийся в Исландии, поскольку туда не могла добраться инквизиция. Но, увы, его нынешнее распространение похоже даже эту традицию стало превращать в декорации.

Однако в России, точнее в дальней, азиатской части России, все по-другому. Там все еще сохранились языческие поселения, ушедшие вглубь от преследований. Их боги существовали пять тысяч лет назад, существовали тысячу лет

назад, и они остались неизменны и сейчас. Боги-долгожители, Боги-Титаны, Боги, сохранившие свою силу и свою мощь, избежавшие популяризации и профанации.

Для большинства западных людей образ древних богов переплетен со злом. Достаточно почитать романы Лафкрафта, чтобы увидеть, какой нечеловеческий ужас вызывает это самое дальнее дыхание Иного. Это даже не злонамеренные, но гротескные демоны, успевшие поизносить свои пугающие стороны. То, кем слишком долго пугают, перестают быть страшными. Это – чистый нумен, холодный трепет священного, к которому не готово сознание, скрывшееся в броне своего радио. И все, что грозит пробить эту броню, принято относить ко злу.

Боги, о которых я говорю, еще более древнего поколения, чем олимпийцы. Это современники Титанов. Дух древних богов чувствовал Якоб Голософкер в своем бессмертном «Сказании о Титанах», пронзительной трагедии столкновения старых и новых богов. Но те, кто были новыми, стали старыми, и сами были превращены в сувенирные статуэтки в шкафах состоятельных буржуа. И если в Европе это доолимпийское, древнее, могущественное лишь изредка прорывается в душах отдельных людей, здесь, в России, все еще сохранились поселения, исконно связанные с древними Богами.

Моя первая встреча с древними богами, произошла по сценарию, не уступающему Лафкрафту. 15 лет назад я впервые выполнил ритуал 2,22. Я выполнил этот ритуал для того, чтобы провести эффективную предсказательную работу. Я достиг в этом некоторого успеха, записал результаты, а после этого услышал в голове властный и чужой голос: «Ну что? Начнем?» Что именно начнем, я понятия не имел, да и о таком понятии, как древние Боги, еще ничего не знал.

Затем внезапно я услышал слова: «Древние боги пришли». И я почувствовал ужас, смешанный с восхищением, поскольку сила, которая пришла, была чужда всему человеческому

во мне. Я был лишь инструментом, посредством которого древние и неведомые боги пришли выразить почтение и совершить договор с новыми богами – богами Телемы, с Ветром и Эросом, Люцифером и Лилит. Я почувствовал, как эта сила начала владеть моим телом, заставляя выполнять причудливый танец, где каждый знак имел какое-то странное значение, а затем и вовсе полностью завладела мной, и в конце, пав на колени перед алтарем, я целовал Книгу Закона, чувствуя, что все действия, которые сейчас совершаются мной, были выражением какого-то неведомого мне ритуала, где моим уделом было выступать в роли марионетки. Через мое сознание проходили огромные объемы информации и на таких скоростях, что разум, казалось, расплавляется в ничто, как если бы по проводу в 220 вольт пропустили напряжение в несколько тысяч.

Боги станцевали свой танец. Боги ушли. Я оставался лежать, лишенный сил.

После этого опыта я приходил в себя несколько недель, и много лет я не решался выполнить тот самый, запретный ритуал, который вызвал столь непостижимые силы. Грань безумия, грань хаоса, грань бесконечности.

Лишь через 15 лет древние боги снова вошли в мою жизнь. Вошли через их служительницу, проводника и аватара. Ирония судьбы в том, что, будучи в магической традиции уже около 17 лет, я полгода совсем не понимал, кто передо мной, а еще полгода, разогнав туман ошибочных интерпретаций, я, шаг за шагом, пытался определить, кто же на самом деле передо мной. Имея за спиной опыт сильнейших трансперсональных переживаний, сталкиваясь с прямой коммуникацией с Иным, я оказался не в состоянии сразу признать настоящую жрицу Иных Богов.

Все потому, что многое из того, что она говорила, казалось мне безумием. Потому что весь опыт общения с так называемой «окультурной средой» говорил мне, что 90 процентов

представителей этой среды – пограничники и психотики, прикрывающие своими «контактами» собственную неполноценность. Какая ирония: всю жизнь искать знакомства с настоящим практиком, в полной мере равным или способным на то, на что не способен я сам, а встретив, целый год принимать его за обычного пограничника.

Я помню одну неудачную встречу, когда мы просто не понимали друг друга. «Там, в темной воде, я должна была вызволить потерявшийся дух», – говорила она. И показала на куклу, которая должна стать плотью для этого духа. Куклу. Всего за год до этого я встречал человека с куклой, полагавшего себя причастным к вселенским мистериям. Человека в крайнем пограничном состоянии. Одно восприятие наложилось на другое, автоматизм мышления – и вот фантазм готов: я был убежден, что передо мной пограничник.

Непонимание усиливалось. «Тебя сейчас не принимает мой хранитель», – сказала она. И я чувствовал, что сталкиваюсь с неожиданными и очень не свойственными мне проблемами, которые мог ощутить физически. «О, боги! Точно пограничник!» – думал я, вспоминая все, что писал Калшед о травматическом неврозе и чудовищных «защитниках», которые оказываются вызваны из глубин коллективного бессознательного в результате тяжелой психологической травмы и навсегда изолируют такого невротика от любого эмоционального контакта. Сколько «пограничников» я уже видел в оккультной среде! Нет им числа! Эти пограничники считали себя воплощениями Азазеля, Гилель Эллохим и самого Великого архитектора, а в куклах иного воплощалась духовная сущность целой галактики.

«Похоже, она такая же, – думал я. – Но коль уж я оказался в пространстве, попробуй узнать побольше: например, нащупай природу травмь». И я осторожно старался заводить разговор о разных травматических историях, как бы абстрактно, на других примерах, надеясь найти хоть малейший эмоци-

ональный крючок. Но вся моя эмпатия, весь мой опыт показывали, что те крючки, которые я забрасывал, не вызывали ни малейшей реакции, которая была бы неизбежной, будь я хоть немного на правильном пути.

Пограничник. «Но, Господи, как же красива!», – думал я и продолжал свой бесполезный анализ.

Через время, совершенно неожиданно, она сказала: «Похоже, мой дух-хранитель и мои сущности тебя приняли». Эта фраза для человека непосвященного не значит ничего, но для меня это было потрясение. Дело в том, что «защитники» по Калшеду в принципе не могут кого-то «принять». Суть «защитников» – это аварийная защита, и нужен не один год тончайшей психоаналитической работы высочайшего мастерства, чтобы через эту защиту пробиться и при этом не оказаться захваченным самому. А вот чтобы ничего не происходило и тут вдруг безо всяких причин тебя полностью приняли и при этом никаких проблем – так не бывает.

Затем я начал замечать и другие странности. Например, действие пространства. Мне никогда не было важно, какое пространство меня окружает, но в ее пространстве мне как-то было особенно комфортно и спокойно. Я чувствовал совсем иной энергетический тонус. Поэтому, когда она сказала о том, что «живое пространство сонастроилось», я уже почти не удивился.

И все же слишком многое казалось невозможным. Например, рассказ о ее «кровных». Братство, которое поклоняется Черному солнцу. Когда умирает мужчина, в жертву приносят коня, когда женщина – корову. Разве возможно, чтобы в наше время существовала такая группа? Какая ерунда!

Как юнгианец я должен дать ей понять, что реальность воображения так же реальна, как и физическая реальность. Реальность воображения должна признаваться и уважаться так же, как и физическая. Но, Господи, надо же разделять эти

два плана! «Я знаю, что сны и воображение так же реальны, как физическая реальность, – говорил я, – и даже больше, ведь реальность воображения, как Йесод, порождает нашу физическую реальность. Уточни, ты ведь имеешь в виду реальность воображения?» Она смотрела на меня, как на идиота (кем я и был), и спокойно, словно нерадивому первокласснику, объясняла: «Нет же, именно физическая реальность, люди во плоти». «Интересно, что это за субкультура? – думал я. – Хм, создать миф, который настолько убедителен, что в нем даже не сомневаются... Интересно было бы увидеть хоть одного из этого «братства» и реально проследить корни. Небось, что-то родом из восьмидесятых, когда группы «энергуев» и «шаманов» плодились как грибы... Но как же держится этот миф? Где эти городские шаманы они умудряются в наше время находить коров и коней для жертвоприношения? Или за тридцать лет никто не умер?» – думал я.

Первый и по-настоящему сокрушительный удар по рациональному каркасу произошел ровно через полгода нашего знакомства. Тогда совершенно неожиданно меня постиг достаточно жесткий удар судьбы, результатом которого стала внезапная и безвозвратная утрата шестидесяти тысяч рублей. О подробностях я говорить не вправе даже здесь, в закрытом издании, но все произошедшее было настолько маловероятно, что я подозревал какой-то эффект. Неужели я прогневал Джона Голта? Или Лилит? Или, быть может, произошел магический удар, проклятие, ведь всего пять дней назад я был вынужден изгнать из нашего круга человека, который по моим тогдашним понятиям, обладал немалой силой. Значит, мне объявлена война на уничтожение? А что, если он не виноват, а я сделаю на него гоэтию?

Узнав о моих проблемах, она просто предложила «посмотреть». Разумеется, я согласился. Что она может увидеть? В конце концов, какая из версий верна?.. Через несколько секунд Лайлат засмеялась: «Интересные у тебя дамы, однако». И в этот момент у меня произошла вспышка прозрения: за

десять секунд до случившегося я говорил по телефону. Говорил с женщиной. Это был тяжелый, конфликтный разговор, когда на другом конце гнев дошел до крайних пределов ярости и отчаяния. Я не придал этому значения. Но та ясность, с которой, Лайлат увидела произошедшее, полностью взорвала мою картину мира. Да, я знал о Богах. Знал о синхрониях, которые могут поразить воображение. Знал о том, как, оказавшись в поле архетипа, за несколько дней можно оказаться вознесенным или раздавленным. Но вот чтобы так, по своему желанию, без каких-либо особых ритуалов и воззваний просто так взять и УВИДЕТЬ всю ситуацию! «Не обижай ее. Она по-настоящему сильная. Таких еще поискать...» Черт возьми, действительно: женщина, которая в моих снах стала причиной крушения Анатолия, реально обладала Силой, и только моя близорукость и схематизм мышления не позволили мне сразу это увидеть и соотнести. А Лайлат поняла все на раз! И это явно не было телепатией (которая встречается не столь редко между эротически близкими людьми): ведь для себя я даже не рассматривал данную версию. Значит, не телепатия, а именно Видение, чистое Видение. И, вместе с тем, после ее слов, паззл сложился с потрясающей точностью.

Следующий эпизод произошел за месяц до этого. Да, это не ошибка: эпизод произошел за месяц до этого, но осознан мной был лишь после этого чуда видения. К моему сожалению, я имею ряд проблем со здоровьем. Проблем хронического плана, не позволяющих мне есть жирное, жаренное, острое и, тем более, пить алкоголь. Малейшее нарушение диеты, а иногда и без нарушения – и поджелудочная начинает «вести себя» очень плохо. Тогда, месяц назад, Лайлат предложила меня «подлечить». Разумеется, до этого я, вращающийся в «окультурных» и «эзотерических» кругах, не раз сталкивался с разного рода целителями и практиками всех сортов и уровней, и не раз кому-нибудь, полущутя-полувсерьез, я предлагал попробовать подлечить мне брюхо. Разумеется, я не верил в возможность какого-либо экстрасенсорного прямого

воздействия. И да, никакого воздействия и не происходило. Орды целителей прекрасно действуют через плацебо, активировав в своих пациентах веру в чудо. Тысячи целителей предлагают свои услуги; кто-то из них – мошенники, другие – просто искренние идиоты, вдохновленные отдельными примерами действия плацебо. Наверное, и они приносят какую-то пользу: надо же как-то задействовать скрытые механизмы психики. Но я, скептик и циник, в чудеса не верил.

Лайлат была шестой. Правда, «подлечить» мои проблемы она мне предложила сама. Направила пальцы в больное место, но через несколько минут с ужасом отдернула. «О, господи! Зачем я туда полезла?!» После, по ее словам, «на две недели пальцы пожелтели, и кожа шелушилась». Признаюсь, я действительно увидел, что ее пальцы пожелтели, но списал это на самовнушение.

Однако потом, после «видения», я вдруг с удивлением осознал, что после этого рывка, вот уже месяц, поджелудочная ни разу не напомнила о себе. Конечно, я не позволял себе алкоголь (кроме обязательного причастия на Гностической мессе), но то, что я мог съесть простой бутерброд с вареной колбасой и совсем после этого не мучиться, казалось чудом. Которое, однако, осталось незамеченным. Я ведь не верил. Но, в отличие от псевдоцелителей, ей это и не требовалось. Она проникла в самую суть болезни; естественно, полностью она не могла с ней справиться, поскольку болезнь во многом была послана мне моими богами, чтобы я не спивался и делал свое дело, но Лайлат привела меня к почти невозможной ремиссии. Совпадение? После «интересные у тебя дамы» я так не думаю. «Я могу снимать нанесение и тормозить ухудшения, но вылечить тебя, к сожалению, не могу. Слишком серьезные силы». Черт возьми, даже устойчивая ремиссия, позволяющая мне бутерброды с вареной колбасой, уже была фактом на грани невозможного! А чудес – в смысле нарушения законов бытия – действительно не бывает. Бывает исправление того, что возможно исправить. Я впервые

начал понимать, кто передо мной, хотя, надо сказать, еще не вполне понимал, ибо допускал смешение реального и выдуманного плана.

А через две недели – еще один чудесный эпизод. Я ввязался в самое бездарное эротическое приключение в своей жизни. Результат – полное опустошение и бессилие. Поначалу мне показалось, что приключение было нелепым, но не опасным. Увы, я ошибся: я был полностью обесточен и пробит. Однако сам даже не соотнес это с произошедшей связью. Когда я появился у Лайлат, она тут же обрушила на меня ряд обвинений. Некоторые казались безумными: например, она рассказала сон, где я якобы запугивал ее и требовал отречься от ее богов. Я уже признавал ее силу, но не мог понять, что происходит, ведь я – ни сознательно, ни бессознательно не испытывал враждебности к ее богам. Напротив, сначала – любопытство, а уже после сцены видения и исцеления – искреннее уважение. Эти Боги не враждебны Люциферу и Лилит, они не работают на Иалдабаофа, а значит либо нейтральны, либо союзники. Поэтому сон произвел на меня гнетущее впечатление: несмотря на явленные ранее чудеса, я снова начал в ней сомневаться, ведь я знал, что даже мое бессознательное не могло сработать так, а уж мои боги – тем более, ведь для Люцифера чужая свобода выбора – свята и нерушима.

Но после этого сна и обвинений она, не зная про ту эротическую связь, стала говорить то, что поразило меня еще больше, чем первое попадание. Фразы которыми меня встретила Лайлат меня просто ошеломили: «У тебя ужасные дыры на второй чакре. Ты знаешь, что особа, с которой ты переспал, работает на тех, кто враждебен твоему Богу? Ты понимаешь, что ты делаешь вообще? Я не против твоей полиамории, но, господи, нужно же хоть немного думать и просматривать, с кем ты спишь!» И опять полное попадание! Во-первых, та дама очень гордилась своими навыками практической ма-

гии и ни во что не ставила метафизику, а значит, наверняка пробовала свои силы в привороте. Во-вторых, то что, она мне говорила... Да, меня ужаснули ее речи, но тогда они казались мне всего лишь речами заблудшей истеричной нарциссистки, которая ищет идеального авторитарного господина.

В-третьих... В-третьих, мои проблемы **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** начались после той нелепой ночи. «Да, я знаю, что это во сне был не ты. Просто не надо пускать в алхимическую ванну кого попало. Это же надо додуматься – спать с врагом своего Бога! Ну неужели трудно просто видеть?!» Я был сражен. Потому что передо мной была сила и сущность, которая значительно превосходила меня по всем параметрам. Мои возможности – это возможности моих Богов. Искренняя молитва, возможно, и может на что-то повлиять (если конечно история с Анатолием это не «совпадение»), но вот чтобы сесть и «просмотреть» или «подлечить», или что-то подобное... Я был готов признать в ней высшее божество, идти за ней куда угодно, ибо хоть и не впервые, но во второй раз в жизни я видел значительно и качественно превосходящую меня. Даже равные по уровню понимания встречаются нечасто. Все сплошь «черные зеркала» да рациональные исследователи оккультизма, выезжающие за счет богатой эрудиции.

Потом был еще один момент. Когда Лайлат, играя, показала мне уровень своей телепатии. В тридцать семь лет я впервые имел дело с человеком, которому в принципе невозможно соврать. Вообще. Впрочем, еще один близкий человек легко вычисляет мою ложь, но там это скорее долгое знание меня и общее поле, да и ложь может выясниться не сразу. Здесь же любая попытка лжи или даже недоговаривания блокируется на месте.

Еще один момент. Взгляда на человека было ей достаточно чтобы определить болезнь. При том что об этой болезни реально знал только я и еще несколько человек. Никаких «сообщающихся сосудов» между нашими кругами общения

не было, но в первую минуту увидев человека, она тут же отвела меня в сторону и спросила «она сейчас не поет потому что проблемы с легкими?»

Разумеется, столкнувшись с этой Силой, я, после долгого перерыва, написал отчет Мастеру. Подробный и откровенный отчет, гораздо более подробный и личный, чем эта глава, где я все же следую политесу и не рассказываю о ряде личных подробностей, которые, впрочем, сделали бы описываемое еще более неправдоподобным. От Мастера я получил весьма серьезный и подробный ответ. Мне было сообщено, что бог, чье имя назвала Лайлат (и это тайна, не подлежащая разглашению) действительно является богом одного из северных народов.

Имя его – тайна, но суть мне позволено разгласить: Черное солнце. Именно Черное солнце я призывал в медитации на касталийских ритуалах каждый раз перед церемонией. Удивительно, но мне не приходило в голову ввести в яндекс те имена, которые сообщила мне Лайлат. Я был убежден, что это либо личное откровение, либо достояние очень маленькой закрытой тусовки магов восьмидесятых и девяностых годов, вышедших из ролевых игр. Мастер дала мне зацепку: название региона (тоже тайна). А по этой зацепке я нашел все, что должен был найти.

Наконец то я получил ясность. Даже название деревни, откуда родом Лайлат. Даже ее подробную биографию, включая налоговые декларации. На территории России всего четыре деревни, где ВСЕ население до сих пор исповедует языческую веру. И Лайлат родом из одной из этих деревень. Да, там исповедуют не ту языческую веру, что славят «долбославы» на своих ряженных тусовках, а настоящее, живое, кровное язычество. То, что корнями уходит в домонотеистический и даже доолимпийский пантеон. Язычество вольных и свободных Титанов. Язычество Черного солнца. Язычество, в котором, когда умирает мужчина, приносят в жертву коня,

а когда женщина – корову... Только теперь я мог осознать, до какой степени весь мой психологический тоннель реальности, все мои богатые знания, которые не раз помогали сохранить здравый смысл при встрече с горе-окультистами, считавшими себя не пойми кем, а на самом деле бывшими не более чем невротиками, – все оказалось бесполезным и даже нелепым. Невротиком, ограниченным догматиком и психом была не она, а я. И мое самодовольное «знание» о том, что может, а чего не может быть, было не более чем карточным домиком.

Я стал всерьез относиться к Лайлат, слушая каждое ее слово. За два месяца после получения тайной информации я прожил и узнал о магии больше, чем за годы чтения книг. Прямое, чистое и ясное знание. Знание о природе богов. О природе ритуалов. О природе реальности. О реинкарнации, казавшейся мне в большей степени «проекцией коллективного бессознательного». Эти знания оказывались ощутимы, проверяемы, видимы. «Что такое истинный ритуал? – как-то сказала Лайлат. – Это только три составляющих: призыв-жертва-встреча. Жертва – желательно кровавая. Но иногда может и не быть таковой; личные жертвы, если они делаются всерьез, тоже засчитываются». Я вспомнил свою историю с «козлом отпущения», призвавшем в мою жизнь Азазеля. Оказавшись в отчаянии, вывернутый «черным зеркалом» наизнанку, я сбросил все наносное и выученное о магии, обратившись к единственно правильной формуле ритуала: призыв-жертва-встреча. И встреча состоялась...

Ее боги были дружественны моим, ибо их служители – об этом я тоже знал уже из Интернета – немало пострадали от преследования христианскими монотеистами еще три века назад. И то, что каждый раз, несмотря ни на какие возражения, в касталийских медитациях я изображал высший, восьмой принцип как Черное Солнце, еще задолго до встречи с Лайлат, говорило о том, что настоящий Договор был

заключен гораздо раньше. Для меня эти силы были очень сближены, хотя и проявлялись совершенно по-разному. Свет Черного солнца...

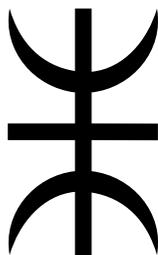
Через некоторое время, когда я наконец-то был готов, мы пошли в 2,22. И там я увидел Ту, чьей аватарой и была Лайлат. Это была Акташ. Великая древняя богиня. Богиня, соприкосновение к которой взрывает сознание тысячей искр экстаза. Прекрасная и одновременно ужасная, если ты окажешься не готов. Потому что, когда идешь в 2,22 и видишь не то, что ожидаешь – не кого-то из множества даже самых тайных и забытых образов своих богов, а что-то действительно, тотально новое, – это может испугать.

Во нашем взаимодействии мы танцевали, и передо мной пробегали тысячи прекраснейших женских образов. Но на двадцать секунд Она явила мне один из своих истинных Ликов: Госпожа, сотканная из черной воды. Госпожа наслаждения и одновременно Госпожа смерти. Это пугало. Но тут, на миг, я вспомнил о темной стороне Лилит, вспомнил о Нахеме, о Бабалон, вспомнил о тех испытаниях, которые готовит адепту Богиня, и только еще сильнее сжал объятья и стал еще глубже всматривался в черную воду. И ужас вскоре растворился взрывом невероятного наслаждения.

(Я предвижу, какую реакцию может вызвать эта глава. Поэтому она идет не в основное издание книги, но в то закрытое, которое прочитают лишь 30 представителей самого ближнего круга. Я знаю, что многие захотят увидеть настоящего целителя. Предложат любые награды... Увы. Магия этого уровня возможна только с теми, кто находится в близком кругу. И даже в этом случае каждый акт воздействия, каждый момент работы сопряжен с невероятными перегрузками, на которые человек никогда не будет подвергать себя просто, чтобы что-то доказать или кому-то помочь. Это та магия, которая происходит только в очень близком кругу).

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Ритуал Последнего Символа

Пока шла работа над книгой, жизнь кипела на всех фронтах. Происходили новые прозрения, писались новые тексты, рождались новые идеи. И одной из самых важных идей, которая родилась у меня к концу написания книги стал личный практический ритуал, ритуал выполнение которого я могу порекомендовать каждому кто искренне захочет войти в поток 8 и прочувствовать те архетипы с которыми читатель встретился на страницах этой книги.

Символ который используется в этом ритуале, был передан мне давно. Мастер сказала – «это ключ, он должен работать, он должен жить». Это произошло почти восемь лет назад, и все это время я мысленно держал этот символ в своем сознании.

Мои первые размышления над этим символом привели меня к следующей идеи. Верхний полукруг – это бездна небес. Пространство духовного, ультрафиолетовое измерение, мир мужских божеств, мир света, разума и сознания. Нижний полукруг – бездна земли. Мир женских божеств, мир порождающей тьмы, (которая не равна злу, ибо «тьма нужна чтобы увидеть звезды» и «свет мой для слепцов черный, зрячие же

увидят синеву и золото, так же у меня есть тайное сияние для тех кто любит меня»), страсти, наслаждения. Вверху огонь и дух, внизу вода и земля.

Центральная ось – это суверен. Тот кто идет путем соединения противоположностей, не отвергая ни верх ни низ, ни дух ни плоть. Потому в одной из святых книг Телемы сказано «Адепты мои стоят прямо, головой превыше небес (линия идет выше верхнего полукруга) ногами прениже ада (линия идет ниже нижнего полукруга). Наконец центральная горизонтальная линия – это символ нашего материального мира, мира где дух и плоть встречаются, и происходит та самая заветная любовь божественной пары.

Символ совершенен. Его триединство указывает на троичную модель мира, которая была во всех традиционных духовных системах. Таким образом, смысл этого символа в том, чтобы соединять противоположности, утверждать свое безграничное расширение в обоих направлениях. Еще один смысл – изгнание всех посторонних энергий.

Многие годы мне не приходило в голову создать под этот символ ритуал. Потому что настоящий ритуал, невозможно придумать, сочинить, выдумать. Настоящий ритуал нужно создать. Моя духовная «беременность» продолжалась почти восемь лет и только заканчивая эту книгу, я наконец то нашел формулу которая позволяет мне создать новый ритуал.

Для тех кто не знает, надо подчеркнуть, что основа западной магической традиции это правильный ритуал, который внутри себя не противоречив. Базовые классические ритуалы читатель может найти в интернете под названием «Малый ритуал Пентаграммы» и «Ритуал Звездного рубина», ритуалы которые я осмыслял в своих первых и ранних книгах.

Достигая определенной духовной зрелости, установив свою связь с САХ практик должен создать свой ритуал. На самом деле, творчество ритуалов, часто начинается практически с

первых шагов вхождения в духовную традицию. Я помню что еще в первый год практики, совместил для себя малый ритуал пентаграммы и ритуал Регуле, так чтобы придать ритуалу дополнительную силу. Мне приходилось читать огромное количество ритуалов, например Израиль Регарди накладывал схему Малого ритуала пентаграммы на самые разные пантеоны богов – Греческие, Кельтские, Римские, чтобы для каждого желающего можно было найти свой вариант.

И все же это не совсем то. Ритуалы создаваемые «на коленке» обычно недолговечны. Ритуал который рождается, появляется как маленькое чудо. Этот ритуал может открыть врата познания для тех кто готов. И я спешу поделиться этим ритуалом. Пусть ритуал будет ключом для тех кто хочет войти в пространство гнозиса. Но помните – Боги любят сильных. И алхимический магистерий очень часто начинается с нигредо то есть с кризиса, депрессии и чувства опустошенности. Только потом, если удалось преобразовать тот хаос который поднимается на поверхность перед внутренним духовным взором появляются изумруды и алмазы. Поэтому только если вы готовы к испытаниям, если вы действительно вдохновлены светом Люцифера и любовью Лилит – принимайтесь к этой практике. Ибо плата за ошибку может быть очень серьезной.

Итак ритуал.

1. Повернитесь на восток и произнесите «Аппо Пантос Како-даймонос».

2. Сделайте каббалистический крест который выполняется в ритуале звездный рубин. Прикоснитесь ко лбу и провибрируйте «Сои» прикоснитесь к низу живота и провибрируйте «О фалле», прикоснитесь к правому плечу и провибрируйте «Эсхирос», прикоснитесь к левому плечу и провибрируйте «Эвхаристос». Соедините руки в замок на груди, и сосредоточившись в сердечном центре торжественно пропойте «Иао»

3. Начерти те перед собой Последний Символ, с верхнего ле-

вого угла (последовательность черчения - верхний полукруг, ось, сверху вниз нижний полукруг с левого угла, слева направо) сделав знак входящего и скажите: ГНОЗИС.

4. Из центра последнего символа проведите линию на четверть круга и повернувшись на Юг оторвите руку и вновь начертите последний символ, на этот раз с верхнего правого угла (Верхний полукруг, ось сверху вниз, нижний полукруг также с правого угла и центральная переключательная с правого угла) и провибрируйте ЛЮКС

5. Вновь проведя из центра линию на четверть круга, повернитесь на Запад начертите Последний символ с левого нижнего угла и томительной вибрацией пропойте «ЭРОС» (Нижний полукруг с левой стороны, ось снизу вверх, верхний полукруг с левой стороны, центральная линия с левой стороны).

6. Вновь проведите линию вокруг себя и повернувшись на север начертите Последний символ с правого нижнего угла и пропойте НОКС.

7. Проведя линию последней четверти, вернитесь обратно на восток. Встаньте в знаке Мулиер (ноги широко расставлены, руки раскинуты над собой полумесяцем) и торжественно произнесите:

- Впереди меня Азazelь (Клокочущие вихри воздуха)
- Позади меня Нахема. (глубины темной воды)
- Справа от меня Люцифер (прекрасный свет утренней звезды, освещающий путь)
- Слева от Меня Лилит (земля, сакральная женщина)

(В качестве визуализации можно использовать картинки из этой книги к соответствующим главам)

- Надо мной бездна небес.
- Под мной бездна земли.

– Во мне Роза и Крест. Сплетающие своей любовью своей узор жизни на лице духа.

8. Повтори каббалистический крест.

Теперь несколько слов о смысле этого ритуала. Ритуал не займет более пяти минут, поэтому любой человек живущий самой активной социальной жизнью, имея должную мотивацию и дисциплину без труда найдет пять минут утром или (и) пять минут вечером для выполнения этого ритуала.

Действие этого ритуала заключается в том, что во первых он изгоняет все посторонние влияния. Этот ритуал идеально подходит для человека, который ставит своей целью освободиться от порабощающих внешних и внутренних влияний, как внешнего давления так внутренних интроектов ограничивающих картину мира. Это первое действие этого ритуала – изгнание.

Действие этого ритуала, заключается в том, что он привнесет в жизнь энергию Иных богов, богов которые выводят за круг привычных представлений готовя практика к переживанию иного света и иной любви. Это второе действие этого ритуала – освящение.

Действие этого ритуала может заключаться в обретении своего подлинного и неповторимого пути, нахождение своего подлинного я, аутентичности, экзистенциальной реальности, то что Юнг называл Самостью а Кроули САХ. Первое действие Самости – катастрофа для эго. Второе – преобразование. Это третье действие ритуала – трансмутация.

Теперь поговорим о символике этого ритуала. Заметим что в книге имя Нахема не звучала, этот опыт был пережит в процессе написания этой книги. О ней нет главы, потому что ее очень трудно описать. В чем то она похожа на Лилит, (ее и называют младшая Лилит) в чем то на Бабалон. Во многих текстах, именно Нахема упоминается как пара Азазеля, точно также как Лилит является парой Люцифера. Таким обра-

зом, эти две архетипические пары образуют сокровенную и сокрытую мандалу глубин, противопоставляясь таким образом верхней мандале.

Следует обратить внимания, что даже на уровне мифа, Люциферу противопоставлялся архангел Михаэль а Азазелю архангел Рафаэль. Столкнувшись с опытом Азазеля, я начал думать какие же силы должны быть в двух других углах, ведь в мандале должна быть органичная симметрия. Подсказку дала мой наставник указав на женские стихии Габриэля и Уриэля, поэтому и персонажи заменяющие их в ритуале последнего символа должны быть женскими.

Символика двух бездн, о которой идет речь в ритуале может пониматься очень по разному. Интересно что упоминание двух бездн есть даже в Библии – фраза «Бездна бездну призывает». В серебряном веке, метафора двух бездн была одной из самых используемых метафор. Из самого яркого можно вспомнить стихотворение Мережковского:

*И жизнь и смерть, родные бездны
Они подобны и равны
Друг другу чужды и любезны,
Одна в другой отражены,
Одна другую углубляет,
Как зеркало, а человек,
Их Съединяет разделяет
Своею волею навек.*

У Мережковского речь идет о жизни и смерти, но на самом деле в метафору двух бездн можно поместить практически любую противоположность. Свет и тьма. Мужское и женское. Логос и Эрос. Дух и материя. Суть в том, что настоящий посвященный никогда не делает выбора и помещает себя в средоточие столкновения конфликтов противоположности, ища

третий символ, соединение, синтез. Об этом «Дамиан» Германа Гессе. Об этом «Трансцендентная функция» Карла Юнга. Об этом, в конце концов символы большинства религий – христианский крест как горизонталь и вертикаль, иудейская звезда как мужской и женский треугольник, даосский тайцзы как инь и ян.

Последний символ не лучше всех этих символов. Он просто свеж, и на него еще не налипли те коллективные проекции которые существенно искажают суть символа делая его инструментом того или другого эгрегора, а не духовным ключом к трансмутации.

Потому, тем кто возьмет в руки этот последний символ – я искренне желаю удачи. Пусть на их пути будет свет, жизнь, любовь и свобода. Пусть практика этого такого простого ритуала станет серебряной нитью которая протянется через их жизнь, связывая земное с небесным, обыденное с сакральным а временное с вечным. Ведь как говорил Блейк «Бренное завидует вечному» и в нашей жизни есть что то такое, неповторимо значимое чего нет ни в одной из этих бездн отдельно. Ведь наша жизнь и есть эта встреча противоположностей.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Инструкции по сексуальной магии

1. В этой книге часто упоминаются сексуально-магические практики. Хотя существует обширная литература, формально посвященная сексуальной магии, в большинстве случаев эта тема либо обсуждается либо завуалировано, на уровне символов и метафор (как, например, в текстах Кроули, отнесенных им к «публикациям класса А»), либо подается в профаническом ключе (например, рекомендуется думать во время оргазма о желаемой работе или о новом автомобиле).

2. Мы хотим в меру наших сил исправить положение и предложить читателю метод сексуально-магической работы для пары.

3. Первое, что необходимо запомнить: сексуальная магия может практиковаться только парой, уже имеющей относительно устойчивую эротическую связь. Злоупотребления в области сексуальной магии, как, например, завлечение потенциальной партнерши «необычным опытом», недопустимы и могут иметь серьезные негативные последствия.

4. Первое, что следует сделать паре, — это выбрать наиболее привлекательных для них божеств. Это могут быть тантрические Шива и Шакти (образ Шакти может быть акцентирован как Кали, Дурга, Парвати, Лакшми), боги телемитского пантеона (Нюит и Хадит, Терион и Бабалон, Люцифер и Лилит), а также любые парные божества мировой мифологии, будь то Марс и Венера, Иштар и Думмузи, Исида и Осирис, Азazelь

и Нахема, Адонай и Шехина...

5. Пусть пара посвятит какое-то время совместному или раздельному изучению образов этих божеств, чтению мифов о них, рассматриванию их изображений. Изучите тексты, связанные с выбранными вами божествами, будь то древние мифы или их современные интерпретации в художественной литературе. В случае божеств телемитского пантеона помощь можно найти в колоде Таро Тота Алистера Кроули (старшие арканы XI, XVII, XIX). Работающим с восточными пантеонами может помочь бесчисленное количество изображений из индийских и тибетских иконографий. Так же можно использовать образы из этой книги – Люцифер и Лилит, Азazelь и Нахема.

6. Следует выбирать божество, исходя из глубинного чувства близости и родства его образу. Не стоит выбирать божество наобум; между вами и божеством изначально должно быть некое чувство внутренней близости, сродства и симпатии.

7. Приблизительный срок подготовки к вашей мистерии — одна неделя. В эту неделю партнерам предпочтительно воздержаться от каких-либо эротических контактов как с другими партнерами, так и между собой. Опытные партнеры при должном самоконтроле могут практиковать карецу.

8. Следует учесть возможные теневые аспекты божеств. Так, сюжет Иштар и Думмузи или Исида и Осириса подразумевает гибель Думмузи и Осириса, а гневный аспект Кэли может оказаться разрушительным для неподготовленного практикующего. Постарайтесь учесть эти аспекты, выстраивая символический ряд ритуала.

8. Вечером перед сном мысленно представляйте себе образ божества, с которым вы будете отождествляться в ритуале. Вы можете визуализировать его образ по известным вам изображениям, либо так, как он представляется вашей душе.

9. По возможности обратитесь к ритуалу 2,22. При отсутствии подобной возможности изолируйте себя от всяких контактов по крайней мере на сутки и сосредоточьтесь на медитативном и ритуальном погружении в глубины.

10. В избранный вами час проведите известные вам предварительные ритуалы очищения и освящения. Это может быть ритуал Звездного рубина, восточная медитация или освящение круга по викканскому обряду.

11. Разденьтесь. Сосредоточьте все внимание на партнере, представляя его своим возлюбленным божеством. Произнесите 11 раз: «Я призываю в тебя имярек, я почитаю в тебе имярек». На каждое такое призывание партнер должен ответить такой же формулой. Например: «Я призываю в тебя Нюит, я почитаю в тебе Нюит» — «Я призываю в тебя Хадита, я почитаю в тебе Хадита».

12. Заранее выучите гимны и стихи, связанные с вашим божеством, и во время предварительных ласк произносите их, ощущая, что в эту минуту нет никого более божественного, чем ваш партнер. В процессе ласк прославляйте своего партнера как почитаемое вами божество. Для телемитских божеств прекрасно подойдут цитаты из «Книги Закона», для Иштар — вавилонские гимны. По возможности старайтесь продлить предварительную часть, наслаждаясь каждым прикосновением.

13. В момент соития представьте себе, что божество, которое вы визуализировали последнюю неделю, наполняет ваше тело и ваш разум. Не спешите. В идеале слова и символы должны проходить сквозь вас совершенно естественным путем. От стихов и гимнов переходите к мантрам и вибрациям — пусть они усиливают ваше ощущение сакрального.

14. Во время оргазма усиливайте ощущение одной из известных вам мантр. Это может быть выкрик «Пхат» из тибетской

ритуальной практики, телемитское «Хрилио» или семенная мантра огня «Рам».

15. По завершении действия поблагодарите божество, которое поделило ваше наслаждение, и некоторое время пребывайте в безмолвии. После этого можно закрыть храм.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Ритуал Нюит Бабалон

В главе, посвященной Иштар, описываются наши личные переживания после проведения ритуала Нюит Бабалон. Здесь мы предлагаем нашим читателям полный текст этого ритуала. Следует учесть, что речь идет о достаточно продвинутой форме сексуальной магии, и даже прочтение этого текста может показаться шокирующим для неподготовленного человека. Учитывая техническую сложность проведения ритуала, мы понимаем, что большинству он будет интересен исключительно с теоретической стороны. Впрочем, при отсутствии некоторых элементов ритуалов может быть упрощен. Так, трехступенчатый алтарь может быть заменен простым столом, накрытым алой тканью, а каноническая деревянная копия Стелы Откровения — распечаткой ее фотографии, скачанной из Интернета.

В отличие от предыдущего ритуала, целью которого является простое соприкосновение с архетипическими энергиями, ритуал Нюит Бабалон — это сложная символическая система, которая может привести к серьезному кризису и прохождению темных сторон Древа Жизни.

Трехступенчатый алтарь расположен на востоке, как и в Гностической мессе. На самой верхней части алтаря горят одиннадцать свечей и в центре находится карта Таро Тота «Звезда». На следующей ступени — три большие свечи и карта «Вождделение». На алтаре за завесой сидит жрица, одетая в семь мантий разных цветов (серебряного, оранжевого, зеленого, желтого, красного, синего и черного). На алтаре также находятся дискос с одним печением света, две рюмки с белым

и красным вином и пустая чаша, на дне которой капля засохшей крови жрицы.

На полу между гробницей и алтарем разложены семь равновеликих квадратов ткани, символизирующие семь планетарных домов, через которые проходит душа на пути к Ньюит. Их цвета — серебряный, оранжевый, зеленый, желтый, красный, синий и черный.

На западе находится жрец, одетый в одну белую мантию. На правой руке жреца — семь лент, цвета которых соответствуют цветам квадратов на полу и одеяний жрицы, позади жреца стоит диакон (в случае отсутствия диакона его реплики произносит жрец).

Жрец: Апо пантос катодаймонос. Да будет очищен храм сей во имя Ньюит, Хадит и Ра Гор Хуит.

Жрица: Снят покров с сонма небес (с этими словами жрица срывает завесу с алтаря, отделяющую ее от остального пространства).

Диакон: Я открываю вам великую тайну. Вы стоите между двух бездн: между бездной высоты и пропастью глубины. И там, и там вас ожидает Спутник; и этот Спутник — вы сами (после этих слов диакон воспринимается как Альтер-Эго жреца, находящееся вовне: сам жрец участвует в действии как активное лицо, диакон же находится вне действия).

Жрец: Если сделан хотя бы один шаг на этом Пути, Путь будет пройден до конца (с этими словами жрец становится на первую ступень Луны).

Жрица: Я явилась тебе, как охотница со своей сворой собак, как девственная целомудренная богиня, как луна посреди увядших вековых дубов.

Жрец: (делает изгоняющую гексаграмму Луны) Но ничем из этого я не был обманут. Я все отверг, воскликнув: прочь! И все это исчезло с моих глаз! (сбрасывает серебряную ленту с

руки, а жрица снимает первое серебряное одеяние, и только после этого жрецом делается следующий шаг).

Жрица: Я явилась тебе, как прекрасный озорной мальчишка, со своей крылатой державой и змеями, обвивающими жезл.

Жрец: (делает изгоняющую гексаграмму Меркурия) Но ничем из этого я не был обманут. Я все отверг, воскликнув: прочь! И все это исчезло с моих глаз! (все так же — жрица снимает оранжевое одеяние, жрец снимает оранжевую ленту и делает следующий шаг).

Жрица: Я явилась тебе, как белая пена Океана, с телом белее, чем эта пена, телом чудесной женщины, как богиня невестной любви, с золотым поясом.

Жрец (делает изгоняющую гексаграмму Венеры): Но ничем из этого я не был обманут. Я все отверг, воскликнув: прочь! И все это исчезло с моих глаз (жрица снимает зеленое одеяние, жрец снимает зеленую ленту и делает следующий шаг).

Жрица: Я явилась тебе, как юный и сияющий Бог, Бог музыки и красоты, подобно юному богу в расцвете сил, играющему на лире.

Жрец (делает изгоняющую уникарсальную гексаграмму Солнца): Но ничем из этого я не был обманут. Я все отверг, воскликнув: прочь! И все это исчезло с моих глаз (жрица расстается с желтым одеянием, жрец — с желтой лентой).

Жрица: Я явилась тебе с мечом и копьём, Бог Воинов в ослепительной броне среди своих всадников.

Жрец (делает изгоняющую гексаграмму Марса)» Но ничем из этого я не был обманут. Я все отверг, воскликнув: прочь! И все это исчезло с моих глаз (жрица расстается с красным одеянием, жрец — с красной лентой).

Жрица: Я явилась тебе, как веселый и цветущий Бог, ис-

полненный Величия, Король, отец в самом расцвете лет. Ты воистину несешь Скипетр Вселенной, увенчанный Колесом Духа.

Жрец (делает изгоняющую гексаграмму Юпитера): Но ничем из этого я не был обманут. Я все отверг, воскликнув: прочь! И все это исчезло с моих глаз (жрица расстаётся с синим одеянием, жрец — с синей лентой).

Жрица: Я явилась тебе, как состарившийся Бог, освященный веками Бог, Бог Времени, несущий острый серп.

Жрец (делает изгоняющую гексаграмму Сатурна, она же знак Звёря): Но ничем из этого я не был обманут. Я все отверг, воскликнув: прочь! И все это исчезло с моих глаз (жрица расстаётся с черным одеянием, жрец — с черной лентой).

В результате жрица на алтаре оказывается полностью обнажена. Жрец делает шаг и падает на колени, прижавшись к ее ногам.

Диакон (или жрец) читает лунное заклинание перехода:

Mu pa telai,
Tu wa melai
a, a, a.
Tu fu tulu!
Tu fu tulu
Pa, Sa, Ga.
Qwi Mu telai
Ya Pu melai;
u, u, u.
'Se gu malai;
Pe fu telai,
Fu tu lu.

O chi balae
Wa pa malae: —
Ut! Ut! Ut!
Ge; fu latrai,
Le fu malai
Kut! Hut! Nut!
Al OAI
Rel moai
Ti — Ti — Ti!
Wa la pelai
Tu fu latai
Wi, Ni, Bi.

По-русски это будет звучать так:

Тише: луна замерла.
Свежесть разлита
В воздухе, в воздухе, в воздухе!

Кто желает — достигнет, кто желает — достигнет.

Путем луны, дорогой своей, дорогой ангела.

И вот тишина нарушена,
Луна прибывает нежно.

Час посвящения, посвящения, посвящения.

Моя личная воля умирает
В реализованной воле.

Вот плывут дети льва.

И луна начинает кружиться.

Это ты. Это ты. Это ты.

Отступает победа и Воля.

*Сокрушается сила
Пред Ра Гор Хуит! Хадит! Нюит!
Богу ОАИ обращайтесь молитвы
В конце и в начале.
Ибо никто из достигших
Упасть не может.
Меч, весы и корона.*

Жрица: О божественный дуб, величественный и сучковатый, в твоих ветвях гнездится молния! Над тобой парит безглазый ястреб. Кожа твоя черна и обветрена. Ты отшельник в вересковой пустоши. Восстань!

Только после этих слов жрец встает и начинает целовать и ласкать жрицу.

Диакон: Жрец Исида поднял ее покров и был убит ее поцелуями. Так стал он жрецом Нуит и пил молоко звезд.

Жрица: Ведь любить меня всего лучше: если под звездами ночными в пустыне ты воскуришь благовония мои предо мною, призывая меня с чистым сердцем и Змеиным пламенем внутри, тогда придешь ненадолго возлечь на грудь мою. За один поцелуй ты будешь готов отдать все, но отдавший крупицу праха потеряет все в тот же час. Собирайте сокровища, накапливайте женщин и пряности; носите драгоценные украшения; превзойдите все народы земные в величии и гордости; но всегда любя меня, и так вы придете к моей радости. Я предписываю вам строго представлять предо мною в одной мантии, покрытыми роскошным головным убором. Я люблю вас! Я тоскую о вас! Бледная или зардевшаяся, недоступная или сладострастная, я, кто все наслаждение и пурпур, и опьянение глубочайшего чувства, желаю вас. Расправьте крылья и пробудите свернувшееся кольцами величие внутри вас: придите ко мне!

(После окончания монолога ласки переходят в соединение.)

Жрица (в процессе любви): У Тебя Голова Сокола, и твой Фаллос — это Фаллос Асара. Ты познал белое, и ты познал черное, и ты понял, что они одно.

На этом все разговоры заканчиваются, и лишь почувствовав приближение оргазма, опять говорит жрец.

Жрец: Мощным и высоким предстает порыв моей воли, огненной пирамидой вздымающийся к небесам. На ней сжег я все свои прежние желания.

Мощным и высоким предстает Фаллос моей воли. Семя его — то, что я носил в себе с начала времен, и вот оно ушло в тело Звездной Хозяйки Нашей.

Я — это не я; я лишь полый тростник, проводник огня с неба на землю.

Мощной и неисповедимой предстает эта слабость и эта [сила] небесная, влекущая меня к лону своему, этот свод укрывающий, принимающий.

Вот она, эта ночь, в которой я пропадаю, эта любовь, силой и слабостью которой я лишаюсь своего «я».

После окончания акта любви жрица преломляет печение света и, взяв одну половинку печения в рот, через поцелуй передает ее жрецу.

Жрица: Это пища смерти — умирай ежедневно.

Затем вторую половинку она помещает в свое лоно, и жрец ртом берет ее из него.

Жрица: Это пища воскресения, ибо рождение и смерть суть одно.

Затем, собрав (сколько возможно, достаточно символически) семя жреца, она помещает его в чашу и туда же вливает из двух рюмок белое и красное вино.

Жрец: (беря в руки чашу) Солнце, Сила и Ясность Взора, Свет — это для слуг Звезды и Змея. Нет ни одной части меня, где не было бы Бога (выпивает содержимое).

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Рекомендуемая литература

Если еще сто лет назад проблемой было найти хоть какую-то литературу, представляющую ценность для самопознания и оккультной практики, то в наше время каждый духовный искатель сталкивается с другой проблемой — информации, претендующей на ценность и первозначимость, так много, что для ознакомления со всеми текстами не хватит целой жизни. Кроме того, очень многие представители оккультной классики сейчас безнадежно устарели и имеют разве что историческую ценность, хотя другие древние тексты, написанные 18 веков, а то и 23 века назад, по-прежнему актуальны. Отдельно следует сказать о художественной литературе, обладающей оккультной ценностью. Зачастую литература, претендующая на «эзотеричность», представляет собой однообразный и поверхностный шлак (в духе многочисленных эпигонов Пауло Коэльо), в то время как примеры классической литературы, не претендующие на оккультную составляющую, представляют огромную ценность и содержат в себе глубочайший символический слой.

Ввиду этих обстоятельств мы решили создать свой список рекомендованной литературы. Безусловно, он отражает субъективную позицию автора, однако, если вы дочитали книгу до этого места и не отбросили ее прочь, есть большая вероятность того, что позиция автора совпадет с вашей и этот список будет вам не только полезен, но и интересен. Конечно, в нем перечислено очень много книг, и их прочтение может растянуться на много лет, однако мы подчеркиваем, что подлинный процесс познания в глубинной психологии — это не насилие над собой, а восторг познания нового.

Многие из этих книг можно найти в Сети бесплатно, выполнив поиск по названию и автору.

Аналитическая психология Юнга

1. Карл Густав Юнг, «Воспоминания, сновидения, размышления». Книга огромной значимости и рекомендуется в первую очередь, поскольку в ней Юнг рассказывает о собственном опыте души и своем взаимодействии с внутренней бесконечностью.

2. Карл Густав Юнг, «Красная книга». Уникальный документ, в котором мы вместе с Юнгом проходим путь по пространству его внутренней бесконечности. Для читателя очень полезно сравнить опыт различных духовных искателей, но опыт Юнга особенно интересен, поскольку вообще не предназначался для публикации и был открыт только через 50 лет после его смерти.

3. Карл Густав Юнг, «Ответ Иову». Достаточно сложный, но самый важный труд Юнга из опубликованных им при жизни. Незадолго до смерти Юнга спросили: «Если бы вам была дана еще одна жизнь, что бы вы изменили в своих сочинениях а что оставили как есть?» Он сказал: «Я переписал бы все заново, но в “Ответе Иову” не изменил бы ни запятой». Мы убеждены, что книга «Ответ Иову» может дать философски настроенному читателю ответ на один из самых мучительных вопросов — о смысле и предназначении человека. Если текст окажется слишком сложным, мы рекомендуем к ознакомлению труд ближайшего ученика Юнга Эдварда Эдингера «Сотворение сознания», изданный «Добросветом», и сборник Эдингера «Бог и бессознательного», изданный «Касталией».

4. Карл Густав Юнг, «Человек и его символы». Одна из самых понятных и доступных работ Юнга, в которой он и его ближайшие ученики объясняют основные принципы своей психологии. Все остальные работы Юнга значительно сложнее и мо-

гут вызвать затруднения при недостатке академической базы.

5. Карл Густав Юнг, «Тавистокские лекции», «Отношения между Эго и бессознательным». Пожалуй, самые важные работы Юнга о природе бессознательного. Написаны в строгой академической манере и позволяют говорить об этом пространстве беспристрастно, однако читатели «Красной книги» и «Воспоминаний» прекрасно поймут глубинный источник юнговских прозрений.

6. Карл Густав Юнг, «Aion», самые первые главы — «Эго», «Тень», «Анима и Анимус», «Самость». Дальнейшие главы требуют глубочайшего знания материала и не могут быть рекомендованы начинающим, но в первых главах излагается базовое описание основных архетипов.

7. Карл Густав Юнг, «Детские сны». Желающим понять юнгианский метод анализа снов мы рекомендуем семинары Юнга по детским сновидениям. Юнг детально излагает свою теорию сновидений и на примерах обучает своих ближайших учеников точной интерпретации снов.

8. Мария-Луиза фон Франц, «Путь сновидений», «О снах и смерти». Эти две книги очень доступно излагают метод анализа сновидений, а также раскрывают такие базовые юнговские понятия, как Тень, Анима, Самость.

9. Барбара Ханна, «Встречи с душой». В этой книге с впечатляющими историческими, мифическими и психологическими примерами подробно описывается юнговский метод активного воображения. Суховатый язык автора порой препятствует глубинному проживанию описываемого, однако эта книга — единственное полноценное изложение метода, а уж глубину погружения каждый вправе определить для себя.

10. Эдвард Эдинггер, «Эго и Архетип». Книга очень подробно описывает диалектику отношений Эго и Самости, малого и большого центров нашей души. Начинающим может

показаться чересчур сложной, но прочтение девяти предыдущих книг существенно облегчит понимание.

Кроме этого, клубом «Касталия» изданы десятки книг, раскрывающих самые разные стороны юнгианской психологии — от исследования мифологии до нюансов психотерапевтической работы. Желающим углубиться в тему аналитической психологии мы можем рекомендовать труды Эдварда Эдингера, Марии Луизы Фон Франц, Эриха Нойманна и многих других.

Телема

1. Алистер Кроули, «Книга Закона» и другие «публикации класса А», изданные под общим названием «Святые книги Телемы». Текст представляет собой результат глубочайшего погружения Кроули и сравним в этом с «Красной книгой» Юнга. Для оккультно-настроенного человека эти книги могут стать одним из самых сильных откровений, но и скептику могут быть интересны с эстетической стороны, как настоящие произведения искусства.

2. Алистер Кроули, «Закон — для всех». Подробное и доступное разъяснение основных этических и мировоззренческих принципов телемитской доктрины.

3. Алистер Кроули, «Магия и мистицизм». Две самые простые первые части «Книги 4», изданные в одном томе. Базовые знания по магии, ее символики, целей и методов. Тем, кто готов к более сложным текстам, можно рекомендовать «Магию в теории и на практике» — третью часть «Книги 4».

4. Алистер Кроули, «Восемь лекций по йоге». Запись лекций Кроули, в которых он доступно объясняет западному человеку принципы и цели йоги. Некоторые индийцы утверждали, что Кроули — единственный из западных авторов, кому удалось понять суть йоги.

4. Алистер Кроули, «Книга Лжей». 93 короткие притчи, которые невозможно воспринимать рационально. Можно сравнить их с коанами традиции дзэн. Прочтение этих притч позволяет не просто понять традицию Телемы умом, но и пережить ее на образном уровне.

5. Брат Марсий, Сестра ИС, «Основы магии Телемы». Пожалуй, самое полное и подробное изложение всех аспектов учения Телемы, будь то жизнь самого Кроули, теория, практика, символика, образный ряд, личная духовная практика. К недостаткам книги можно отнести желание авторов смягчить некоторые «шокирующие» обывателя аспекты учения (отсюда, например, рекомендация при практике Либер Егорум не резать себе руку, а лишь больно бить себя по руке, или рассмотрение сексуальной магии только в метафорическом измерении соединения души и ее возлюбленного божества — с нашей точки зрения, здесь речь идет не об «или — или», но только об «и — и»).

6. Джеймс Эшельман, «Церемониальная магия», «Полная система магии А. А.». Самое лучшее и подробное изложение практической стороны Телемы после книги Брата Марсия.

Теория и практика оккультизма

1. Курт Зеллигманн, «История магии и оккультизма». Одно из самых интересных и подробных исследований самых различных феноменов оккультизма от алхимии до планетарной магии и их исторического значения.

2. Найджел Элфорд Джонсон и Майкл Говард, «Столпы Тубал Каина». Пожалуй, самое лучшее изложение ключевых символов западной оккультной традиции и их осмысление, в центре которого — миф об Азазеле и бодрствующих ангелах, дарующих человеку новый виток сознания.

3. Ричард Кавендиш, «Магия Запада» (другое назва-

ние — «Черная магия»). Прекрасно структурированное изложение различных аспектов западной оккультной традиции. К недостаткам книги можно отнести излишний «темный пафос», который местами приводит к неверному пониманию цели оккультной практики (словно ее задача — захватить трон Бога штурмом).

4. Офиэль, «Астральная проекция». Книга дает представление о методах развития базового навыка оккультной практики — астральной проекции, или, если говорить языком психологии, активного воображения. Содержит простые и наглядные инструкции для достижения этого опыта.

Таро

1. Хайо Банцхаф, «Таро и путешествие Героя». Хайо Банцхаф — один из самых известных и плодovitых современных исследователей Таро, однако, с нашей точки зрения, настоящую ценность представляет только одна из его книг. В «Таро и путешествии Героя» он рассматривает Таро не как одну из гадательных систем, а как уникальную образную передачу стадий духовного пути и переживаний, через которые проходит вступивший на этот путь. Книга уникальным образом сочетает в себе простоту с глубиной.

2. Салли Николз, «Юнг и Таро». К сожалению, эта книга пока доступна только на английском (Sallie Nichols, Jung and Tarot: An Archetypal Journey), но со временем мы рассчитываем представить читателю ее перевод. Самый лучший текст всех времен и народов по символике больших арканов.

3. Алистер Кроули, «Книга Тота». Глубокое, многомерное изложение символизма арканов Таро, их истории и внутреннего смысла. К недостаткам книги можно отнести ее полную недоступность для начинающего читателя. «Книгу Тота» Кроули писал для своих учеников, достаточно глубоко погруженных в язык телемитской традиции. Благодаря этому, впрочем,

текст и до сих пор является самым глубоким и многогранным исследованием Таро, написанным в двадцатом веке.

4. Олег Телемский, «Таро для всех и для никого». Немного неловко советовать свою же книгу, но я убежден, что в этой работе мне удалось предложить совершенно оригинальный и эксклюзивный подход к символике арканов Таро, являющихся как точкой отсчета для философии, этики, мировоззрения новой эры, так и уникальной психологической и магической системой, работая с которой можно непосредственно прожить архитектурные погружения.

5. Алехандро Ходоровски, «Путь Таро». Ходоровски, один из немногих по-настоящему оккультных кинорежиссеров, предлагает нам погружение в одну из самых древних и самых архетипичных колод Таро — Марсельское Таро, — исследуя каждую значимую деталь каждой карты.

6. Йоав Бен-Дов, «Марсельское Таро. Метод открытого чтения карт». Ученик Алехандро Ходоровски предлагает эксклюзивный и оригинальный подход к колоде Таро, рассматривая ее как возможность раскрытия вселенной воображения. Никаких раскладов и никаких фиксированных значений арканов — Бен-Дов учит нас самим открывать эти значения для себя.

7. Григорий Зайцев, «Лики Мистерий», «Таинство пути». Григорий Зайцев — единственный в русскоязычном пространстве исследователь Таро, имеющий степень доктора наук и звание профессора. Поэтому глубина и детальность его подхода просто не имеет аналогий не только в России, но и в мировой культуре. Осмысляя Таро с точки зрения исторических закономерностей, культурных доминант, современных философских моделей, Григорий создает книгу, которая просто не может не остаться в истории арканологии на годы и века. В настоящее время издана только две части его семитомного проекта осмысления таро в ключе современной философии.

8. Лон Майло Дюккет, «Таро Тота». Превосходный комментарий к «Книге Тота» Алистера Кроули для тех, кому первоисточник кажется слишком сложным. Дюккет позволяет читателю подготовиться к восприятию работы Кроули и дает весь интеллектуальный арсенал, необходимый для освоения этой символической системы.

Алхимия и герметизм

1. «Изумрудная скрижаль». Короткий текст, приписываемый Гермесу Тригсмегисту и служащий основанием всей герметической традиции. Рекомендуется к заучиванию наизусть.

2. Фаддей Зелинский, «Гермес Трижды-Величайший» (статья в сборнике «Соперники христианства»). Короткое, но глубокое исследование образа Гермеса в античности с анализом самой эпохи рождения герметической философии и практики. Стоит сказать, что Фаддей Зелинский считался одним из самых образованных людей эпохи серебряного века и его познаниями восхищались Блок, Брюсов и Мережковский.

3. Брат Марсий, «Планетарная магия». Уникальная книга, сочетающая глубокий академический подход и простоту изложения семи основных планетарных архетипов магической системы. В очень простой форме авторы знакомят нас с античными и средневековыми представлениями об астрологическом и магическом символизме семи планет классического герметизма.

4. Мария-Луиза фон Франц, «Алхимия». Лекции фон Франц доставляют настоящее интеллектуальное наслаждение. Работая со сложнейшими алхимическими первоисточниками, она легким, точно воздушным пером превращает сложнейшие символические построения алхимиков в простые психологические истины и закономерности. Очень рекомендуем читателю в качестве базового текста для освоения алхимических законов. Еще из книг этого автора по алхимии мож-

но рекомендовать «Алхимическое активное воображение».

5. Джеффри Рафф, «Мистерии воображения». Превосходное исследование алхимического процесса с точки зрения стадий развития души. Такие книги, как эта учат нас находить прямые последовательности и закономерности в причудливой геральдике алхимии.

6. Станислав Клоссовский, «Золотая игра». Уникальное собрание более 500 алхимических гравюр в их историческом и герметическом контексте.

7. Джаммария, «Эта неизвестная Алхимия». При всей спорности позиции автора, отрицающего психологический взгляд на алхимию, книга представляет собой настоящее сокровище и содержит целый ряд ценнейших инсайтов и прозрений, касающихся герметической науки. Настоятельно рекомендуется к обнаружению и исследованию.

8. Майкл Бейджент, Ричард Ли, «Эликсир и камень». Очень простое, подробное и наглядное изложение истории и доктрины герметизма.

9. Тобиас Чертон, «Золотые строители». Книга посвящена историческому и символическому измерениям герметической науки, алхимии и масонства. В настоящее время переводится на русский.

10. Карл Юнг, «Дух Меркурия», «Психология и алхимия», «Mysterium Coniunctionis (Таинство воссоединения)». Пожалуй, работы Юнга — это самое глубокое психологическое погружение в мир алхимического символизма. Однако, в отличие от книг, перечисленных выше, их можно рекомендовать только тому, кто уже сформировал достаточно серьезную базу знаний в области алхимии. В противном случае читатель не поймет в них ровным счетом ничего.

Каббала

1. **Дион Форчун, «Мистическая Каббала».** Прекрасное и доступное изложение природы десяти Сфирот Древа Жизни — базового символа западной оккультной традиции. В книге даются все необходимые соответствия и ключи для дальнейшего теоретического и практического углубления знания. К недостаткам книги можно отнести излишний морализм автора — британской леди, имевшей несчастье родиться в викторианскую эпоху.

2. **Израэль Регарди. «Древо Жизни», «Гранатовый сад», «Срединный Столп».** Книги Израэля Регарди содержат, пожалуй, самое доступное изложение самого сложного аспекта телемитской оккультной доктрины — Каббалы в приложении к магической и мистической практике. Единственное, что вызывает сожаление, — это всяческие предосторожности Регарди относительно образности Кроули, «которая может показаться аморальной». Убежден, что тем, кому она покажется таковой, изначально нечего делать в Телеме.

3. **Гаррет Найт, «Практическое руководство по каббалистическому символизму».** Уникальное исследование, в котором автор рассматривает не только Сфирот, но и Пути Древа Жизни, проводя очень интересные символические переплетения и соответствия. Недостатки те же, что и у его учителя Дион Форчун, — излишний морализм и назидательность.

4. **Брат Марсий, Сестра IC [Ай Си], «Буквы иврита в магии и Таро».** Уникальная работа, посвященная изучению магической стороны священного языка иврита и его связи с арканами Таро. Очень глубокое погружение в символику и образы. Книга практически лишена недостатков и сочетает простоту изложения с глубиной и структурированностью академического подхода.

5. **Гершом Шолем, «Основные направления иудейской мистики».** Желаящим изучить суть иудейских первоисточ-

ников по Каббале и разобраться в том, что же изначально представляли собой каббалистические идеи, рекомендуется это поистине монументальное академическое исследование. К недостаткам книги можно отнести пренебрежение нееврейским, оккультным развитием Каббалы и полным непониманием личности Крзули.

Гностицизм

1. Гностицизм, или первое, запрещенное, цензурируемое и подавляемое веками эзотерическое христианство, стоит начать изучать по первоисточникам. Три самых важных первоисточника, обнаруженных в середине двадцатого века в Наг-Хаммади, — это «Евангелие от Фомы», «Евангелие от Филиппа» и «Гром. Совершенный Ум». Кроме того, весьма ценны «Евангелие истины» и «Апокриф Иоанна», которые, впрочем, могут показаться неподготовленному читателю слишком сложными. Простое же, глубокое и поразительно актуальное в наше время «Евангелие от Фомы» можно рекомендовать практически всем. Оно открывает нам совсем другого Иисуса — Иисуса, который был носителем свободы и знания.

2. Стефан Хёллер, «Гностицизм», «Юнг и утерянные евангелия». Стефан Хёллер — епископ Гностической церкви в Америке, юнгианский аналитик, исследователь и популяризатор гностицизма. Его книги, написанные очень доступным языком, позволяют нам погрузиться в мир гностического христианства и открыть для себя совсем другой взгляд на Христа.

3. Ганс Йонас, «Гностицизм». Ценителям более сложных и академических исследований мы предлагаем эту книгу, автор которой внимательно исследует историю гностицизма и рассматривает его как первую форму неконформистского мышления, проводя параллели с современной нам философией экзистенциализма.

4. Евгений Афонасин, «Гносис. Фрагменты и свиде-

тельства». Бесценное исследование, в котором собраны все исторические упоминания гностицизма и гностических учителей, встречающихся в трудах отцов церкви, теологов и философов эпохи гностицизма.

Художественная литература

1. Гомер, «Илиада». Эпос «Илиада» настоятельно рекомендуется к прочтению каждому, кто желает понять природу имагинальной реальности. Сражаются армии, враждуют люди — и при этом вечные боги, изначальные архетипы, как будто ведут свою игру руками людей. Гомеру удалось то, что до сих пор в полной мере удавалось очень немногим, — убедительно изобразить переплетение двойной реальности мирских событий и игры архетипов.

2. Античные трагедии, в особенности «Царь Эдип» Софокла и «Вакханки» Еврипида.

3. Джон Мильтон, «Потерянный рай». Книга интересна тем, что автор помимо своей воли создает благородный и привлекательный образ Люцифера.

4. Иоган Вольфганг Гёте, «Фауст». Вершина и корона западной культуры. Фауст — архетип всех времен и народов, который можно осмыслять на самых глубоких уровнях. Рекомендуем также комментарии к «Фаусту» Эдварда Эдингера.

5. Фридрих Ницше, «Так говорил Заратустра». Философский текст, который является откровением, полным архетипических образов и сюжетов. Воздержимся даже от самого маленького комментария, чтобы читатель сам установил свою связь с этим вечным шедевром.

6. Генрик Ибсен, «Пер Гюнт», «Бранд», «Росмерхольд», «Строитель Сольнес». Настоящие шедевры культурного неконформизма, актуальные и поныне. Ибсен в своих пьесах создает потрясающее сочетание глубокой мифологиче-

ской образности, психологической достоверности и мощного люциферического импульса.

7. Уильям Блейк, «Бракосочетание ада и рая». Абсолютный шедевр, инспирированный не иначе как лично Азазелем.

8. Герман Мелвилл, «Моби Дик». Поверхностному читателю эта книга покажется простым приключенческим романом, но для посвященного это вершина гностического метафизического ноконформизма, где все имена, события, процессы имеют второй, глубинный смысл. Сам Мелвилл писал своему другу: «Я создал страшную и еретическую книгу».

9. Валерий Брюсов, «Огненный ангел». Роман о средневековье, в котором автор обрушивает на читателя всю полноту своих познаний в герметических и оккультных учениях эпохи средневековья и Ренессанса. Кроме того, текст содержит интересные психологические коллизии, взятые автором из своего личного опыта и перенесенные в пространство средневековых декораций.

10. Герман Гессе, «Демьян». Пожалуй, эту книгу следует прочитать в первую очередь. Отношение к ней вообще определяет пригодность или непригодность человека к оккультному познанию. Здесь показан путь индивидуации главного героя от детской наивности к духовной зрелости через соединение противоположностей и принятие своей двойственной природы. Далее можно рекомендовать практически все зрелые работы Гессе. Это «Сиддхартха», «Клейн и Вагнер», «Последнее лето Клингзора», «Степной Волк», «Игра в бисер». Но именно «Демьян» является центральным и смыслообразующим герметическим текстом автора.

11. Густав Майринк, «Зеленый лик», «Ангел западного окна», «Голем». Один из немногих авторов двадцатого века, которые позволяют читателю соприкоснуться с самыми глубокими идеями оккультной традиции.

12. Лоренс Даррелл, «Александрийский квартет».

Изысканная, утонченная проза Лоренса Даррелла содержит много глубочайших скрытых смыслов. Даррелл открывает нам настоящую поэзию слова и образа, вскрывая реальность души.

13. Владислав Лебедько, «Великая ересь». В этой книге Влад Лебедько при помощи художественного сюжета ставит перед нами самые актуальные психологические и философские вопросы соединения традиционных символов и мифов и культуры модерна.

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

Касталийские ритуалы Колеса Года.

Ритуалы которые я привожу ниже – это те практики, которые практикует узкий круг Касталии. Из книг Маргарет Мид, мы знаем что в большинстве древних традиций существовали особые праздники колеса года. Праздник равноденствий и солнцестояний. Праздник Белтайна и Самайна. Праздник Имболка и Ламаса.

В большинстве современных магических традиций, эти восемь точек года особенно почитаются. Например, в викканской традиции общины в обязательном порядке празднуют эти годовые точки, отмечая каждую из них как особую точку взаимодействия Бога и Богини.

В Телеме также есть указание на важность этих точек года. Интересно, что это указание в Книге Закона – главном тексте Телемы, появились задолго до данных Маргарет Мид, так что в случае Кроули можно утверждать что имела место чистая инспирация.

Так в Книге закона сказано «Есть ритуалы элементов и празднество стихий. Празднество в честь огня и празднество в честь воды; празднество в честь жизни и большее празднество — в честь смерти!» Празднество времен – это равноденствия и солнцестояния которое отмечают все телемитские братства. Празднество огня и воды – это Ламас и Имболк. Празднество в чести жизни и смерти это Белтайн и Самайн. Воображение поражает тому насколько точно, в Книге закона изложены принципы празднования колеса года.

Однако Телемитские ритуалы отличаются и от викканских

и от телемитских, хотя без сомнения заимствуют из Телемы ряд важных ритуальных действий. Не смотря на это – это совершенно особая магическая система.

Ритуалы приводятся практически без сокращений дабы любой желающий прочитав эту книгу и имеющий небольшой круг друзей разделяющий его интерес к Сакральным граням Иного, мог попробовать провести этот ритуал в своем кругу.

Единственное что скрывается – это слово Силы Касталии. Слова силы, которое является тайными формулами Касталии могут быть переданы только лично для тех кто сочтет возможным приехать на один из Касталийских ритуалов. Те же кто не имеют такую возможность, вправе вставить то слово и то имя которое сочтут нужным исходя из символики ритуала. Лилит, Люцифер, Азazelь, Нахема, Офитус... В зависимости от личного предпочтения, личного зова, каждый руководитель круга вправе выбрать имя которое будет определять ход ритуала, либо предложить свой вариант.

Скрывая слова ключи мы действуем исходя из принципа герметичности. В Книге закона сказано «пусть ритуалы будут наполовину известны, наполовину сокрыты». Это значит что должен быть пусть небольшой, элемент который должен быть недоступен широкой публике и вообще не упоминаться в профаном контексте вне мистериального действия. Это дает Слову дополнительную мощность которая генерируется группой практиков.

Конечно в современной эпохе информационных технологий, скрыть что то наверняка невозможно и скорей всего найдутся те кто выложат эти слова в открытый доступ вместе с ритуалами надеясь тем самым дать возможность всем прикоснуться к полноте сакрального. Увы, но весь мой опыт свидетельствует об обратном – тайны ставшие доступны всем, не передают всем силу, а скорей ослабляют свое действие.

За основу символики ритуального круга колеса года поло-

жена идея Пути Героя, которая развивалась в самых различных исследованиях архетипической психики. Цикл года сам по себе подобен другим циклам, например циклу дня (где есть четыре принципиальных точки – восход, закат, полдень и полночь), циклу человеческой жизни, циклу дыхания вселенной. И всему остальному.

Главный герой – Солнце, Жрец, проходит свой путь так же как проходит свой путь отдельно взятый человек. Он рождается как дитя и наслаждается своей игрой в праздник Ламаса (стихия Луна, как материнский архетип), становится воинственным юношей растапливающим льды зимы в весеннее равноденствие (луна как планетарный архетип) вырастает для брака к Белтайну (архетип Венеры) и наконец достигает апогея своей силы в летнее солнцестояние (архетип Солнца). Затем в Ламас он совершает свой потлач одаривая нас своими плодами (архетип Юпитера) и готовится совершить свое нисхождение в осеннее равноденствие (архетип Меркурия как психопома). Наконец он достигает последних врат смерти где освобождаются духи мертвых (архетип Сатурна), и подходит к самому главному пространству, зимнему солнцестоянию которое не имеет планетарного соответствия.

О ритуале зимнего солнцестояния или ритуале черного солнца следует сказать особо. Дело в том что Зимнее солнцестояние это время в которое происходит одновременно смерть и возрождение, растворение и зачатие. Растворяясь в оргазме умирания рождается новая жизнь. Время зимнего солнцестояния это время когда происходят наиболее важные духовные трансформации, когда сама природа с ее сакральными циклами как будто дает нам возможность выхода на иной уровень.

Например, согласно воспоминаниям Гете всегда был очень весел и вдохновенен именно в день Зимнего солнцестояния, чувствуя начало нового мира. Свой главный опыт духовного перерождения, Филипп Дик пережил именно в день зимнего солнцестояния. Иосиф Бродский обязательно писал в эти дни

рождественские стихи особенно любимые поклонниками его таланта.

Мой личный опыт, о котором написано в этой книге произошел через два дня астрономического зимнего солнцестояния, то есть в некотором смысле тоже попадает в этот круг. А в своей книге «Философия Традиционализма» Александр Дугин, называя праздник зимнего солнцестояния «Великим Юлом» считает это самым главным символическим центром традиции обеспечивающим самую высокую мистику.

В большинстве сакральных культур, время зимнего солнцестояния было самым большим праздником из восьми точек. В Касталийском ритуале именно эта дата не имеет планетарных соответствий и представляло первичный источник, черное солнце, точку из которого рождается Вселенная и Человек в миг первого осознания. Символическое действие, которое разворачивается на зимнее солнцестояние связано одновременно с мистерией смерти и рождения, не случайно даже в христианской культуре, старательно выкорчевывающей все языческие корни, рождество христово празднуется аккуратно на зимнее солнцестояние.

В ритуале должно участвовать десять участников. Теоретически, при наличии очень маленькой группы участники могут переработать этот ритуал так чтобы вместо планет здесь выступали стихии, и тогда вполне достаточно семи человек считая жреца жрицу и церемонеймейстера. Поняв структуру ритуала, участник сможет без труда изменить принципиальные диалоги поместив вместо планет стихии. Однако как показывает опыт, крайне желательно чтобы ритуал проводился именно на планетарном уровне.

Современный человек, может подвергнуть наши ритуалы критике, за то что мы пользуемся классической герметической космологией семи планов, в то время как нам известно что ни солнце ни луна планетой не являются а самих планет несколько больше. Однако надо понять, что те образы кото-

рые видели люди на небесном своде относятся не столько к внешнему миру, сколько к пространству души или внутренней бесконечности, которая проецировалась на небо. Семь планет – это универсальный архетип, аналогии которому можно найти в семи металлах алхимиков, семи нотах, семи основных цветах радуги и другим соответствиям где семеричка имеет важное значение.

Помимо служителей планет в ритуале задействованы три «старших» служителя. Это Жрец, Жрица и Дьякон. Эта триединая структура позаимствована из гностической мессы Кроули, где жрец символизирует первичное мужское начало или алхимическую серу, жрица – первичное женское начало или алхимическую соль а посредник или Церемонеймейстер – ртуть которая их соединяет. Также в ритуал включена символика Феникса и Единорога, как архетипических двойников, вечных братьев которые вечно ведут свою игру. Таким образом утверждается парадоксальное триединство высших сфирот а десять участников оказываются своего рода десятью Сфиротами где жрец соответствует Кетер, Жрица – Малкут (то есть Кетер проявленного) а посредник между ними – Хокмой, что своей энергией пронизывает всю реальность.

Человека впервые читающего текст наших ритуалов чаще всего пугает жест который мы используем как базовый аспект наших ритуалов, ведь у всякого человека, не изучавшего оккультную традицию достаточно глубоко он ассоциируется с фашистским приветствием. Однако еще в 1905 году, на фотографиях в Ордене Золотой Зари, этот знак используется под названием «Знак земли» или «Знак Сета», а как вы понимаете, в 1905 году, еще ни о каких фашистах или нацистах не было слышно. Кроме того, архетипический жест «от сердца к солнцу», изображен на классической картине «Клятва Граков» которая была нарисована в начале 19го века. В римской империи этот жест означал утверждение незыблемой связи между сердцем как центром нашего тела и солнцем – как центром космической системы.

Эти аргументы могут кого то не убедить, поскольку соответствия жеста с фашизмом слишком устойчиво и человек может опасаться что мои слова лишь обманный маневр, скрывающий тайную симпатию к Гитлеру. Могу дать самую искреннюю клятву что это не так и мои убеждения находятся на крайнем спектре либертарианства. Просто сакральное пространство и сакральные символы и жесты настолько заряжены и эмоционально вдохновляющи, что каждый из них был кем то злостно присвоен тем или иным эгрегором. Если следовать такой логике то самые сильные символы в конечном счете оказываются так или иначе «приватизированы».

Должны ли мы отказываться от использования в магической практике символа пентаграммы, только на основании того что коммунисты присвоили себе этот символ? А уж красная рубиновая пентаграмма Кроули – неужели мы должны отказаться от Ритуала Звездного рубина только потому что рубиновая пентаграмма в некоторых местах до сих пор украшает стены кремля и является символом коммунистов. Или должны ли мы отказываться от шестиконечной звезды планетарной магии лишь потому что этот знак стал символом сионизма, хотя веками использовался в качестве звезды планетарной магии всеми европейскими магами независимо от национальности.

Так и знак «От сердца к солнцу», который был еще в 1905ом году в самом сильном Ордене Золотой Зари и символизировал связь земной, телесной и солнечной природой следует очистить от грязных фашистских наслоений.

Следующий вопрос, связан с точностью проведения ритуала. Наш опыт показывает что ритуал может практиковаться как в точное астрономическое время, так и в даты плюс минус два дня к астрономической точке.

Еще один технический вопрос, это количество участников для ритуала. Минимальное их количество – десять, так чтобы все основные роли были заняты. Однако участников может

быть любое количество больше десяти, и тогда те кому не хватило роли выполняют практику «присоединения» к планете, становясь по левую руку от нее и кладя свою руку на плечо служителю планеты. Выбор планеты «свободному» участнику обуславливается тем, дар какой планеты он хотел бы обрести.

Так, луна имеет очень богатый символизм, и может быть связана со здоровьем (как миром тела над которым властвует луна), материнством, а также миром сновидений и эфирной магии. Меркурий дарит нам успех в торговых делах, а также активизирует интеллектуальные способности и помогает пройти духовный кризис. Венера – это планета эротических наслаждений и те кто хотят обрести успех в этой сфере обращаются к ней за поддержкой. Солнце – это планета связанная с осознанностью с одной стороны и силой творчества с другой. Марс – это пассионарность, мужество, умение активно отстаивать свои интересы и расширять сферу влияния. Юпитер как правило проявляется архетипом дарующим деньги и власть, но все же деньги в этом списке являются его основным даром, в связи с соответствием Юпитера и десятого аркана Таро «Колесо фортуны». Самым сложным является соответствия Сатурна. С одной стороны, в классической астрологии Сатурн считается планетой «Большого несчастья», которому соответствует старость, консерватизм, время и смерть. С другой, именно Сатурн помогает нам понять самые сложные уроки идущие непосредственно от Самости, уничтожить то что должно быть уничтожено (например невроз, давно отжившую связь) или обрести некое знание которое укорениться в нас до основания. Впрочем, как показывает опыт большинство участников все же избегают контакта с Сатурном.

Еще один важный аспект касталийских ритуалов, как впрочем любых ритуалов вообще. Нет ничего более нелепого, чем ожидать что по ходу проведения ритуала произойдет чудо, кундалини проснется до седьмой чакры или вы за один час получите предельную алхимическую трансформацию. Да, в очень

редких случаях, это возможно – если человек уже проделал многолетнюю духовную работу и ему нужен только небольшой толчек к трансформации. Однако как правило, результатом исполнения ритуала является ощущение особого рода вибрации которая проходя по нашему телу, дарит нам ощущение прикосновения к тайне сакрального. Но и эта вибрация случается далеко не у всех. Поэтому даже если вы после участия в ритуале восприняли этот ритуал как простое красивое театральное действие, не стоит переживать. Значит просто не пришло время. Мне не раз приходилось наблюдать что один и тот же ритуал мог стать для одного участника самым сильным и сокровенным переживанием в жизни а для другого вовсе не значил ничего. Просто каждый берет ровно столько сколько может взять. Для кого то театр, для кого то – психотерапия и активное воображение, для кого то – мистерия.

Следует обсудить технические вопросы ритуалов. Какие атрибуты нужно иметь для ритуала. Во первых это черная мантия жреца, белая мантия жрицы. Жрец и жрица могут быть украшены накидками красного (жрец) и синего (жрица) цветов но это не является обязательным условием. Участники ритуала играющие роли служителей планет должны иметь накидки соответствующих цветов, в то время как особая мантия не требуется. Также следует заранее запастись свечами тех же цветов которые будут держать служители планет во время мистерии. Цвета соответствий такие: луна – фиолетовый или серебряный, Меркурий – оранжевый, Венера – зеленый, Солнце – Желтый, Марс – красный, Юпитер – Синий, Сатурн – Черный. Помимо этого у участников должен быть создан импровизированный алтарь, на котором стоит зажженная белая свеча (восьмая свеча Источника), Чаша с вином, диск с печеньями (в идеале приготовленным по рецепту данном в книге закона, но учитывая его сложности допустимо взять собственноручно испеченные или даже на крайней случай купленные в магазине). Главное, чтобы печенья были круглые а вино – красное и сладкое. Также на алтаре стоит

чаша с водой и благовоние ладана или сандала на подставке. Роль алтаря может выполнять любая тумбочка накрытая однотонной черной или белой тканью.

Группа способная найти десять человек для проведения подобной мистерии и способная подготовить все указанные атрибуты.

Подготовительный текст медитации.

Читает тот кто выполняет роль Жреца.

Закройте глаза. Сосредоточьте внимание на дыхании. Сконцентрируйтесь так, чтобы ничто из внешнего мира не могло отвлечь или побеспокоить вас. Все ваше внимание сосредоточено на дыхании. И по мере того как тикают часы, ваше дыхание становится глубже, плавнее, расслабленнее. Глубже, плавнее и расслабленнее.

Сейчас вы настолько расслаблены что можете представить что находитесь на теплом пляже в жаркий летний день. Слышен рокот волн, крик чаек, гомон играющих детей. Ваше тело приятно утопает в золотистом солнечном песке, что вы чувствуете невероятный покой и свободу. Ваших ног касаются теплые волны. Теплая морская волна касается ваших ног и вы чувствуете как от моря, от этой древней колыбели жизни в ваше тело вливается приятная теплая волна. Эта теплая волна идет по вашему телу, от пальцев ног, охватывает стопы, голени, колени, икры ног. И вы чувствуете как ваши ноги тяжелеют наливаются теплом, расслабляются. Тяжелеют наливаются теплом, расслабляются. А теплая волна идет выше, расслабляются мышцы таза, живота, груди, и постепенно все ваше туловище погружается в это приятное ощущение теплой волны. А волна струится по вашим рукам, расслабляя каждый палец, и наконец устремляется вверх расслабляя мышцы шеи, лица, затылка пока наконец не начинает наполнять ваше сознание...

И вот вы чувствуете что переходите на еще более глубин-

ный уровень расслабления. На этом уровне вы можете заметить как на вдохе – чистый свет наполняет ваше тело. Этот чистый свет наполняет каждую клетку, каждый атом вашего тела, растворяя все блоки, зажимы, напряжения. На выдохе, все остатки дневной суеты уходят прочь черным облаком. Черным облаком уходят прочь остатки дневной суеты, вы выдыхаете все тревожные мысли, воспоминания, напряжения в теле. Проч уходит грязное облако дабы мы вновь могли наполниться светом.

Как день сменяет ночь, как лет сменяет зиму, как пульсирует бесконечная вселенная в вечном ритме творения и разрушения дышит наше тело, единое со всеми ритмами и пульсациями. Ты онемел в сладострастной истоме вдоха, выдох же подобен ласке огненной, Вдох и выдох. Покой и свобода.

Итак, наконец, вы переходите в ваше базовое состояние. Ваше тело подобно дереву или скале, незыблимо его корни, незыблимо его основание. А ваше сознание подобно бескрайнему ночному небу. Звезды, планеты, кометы, облака... Все вмещает небо, всем полнится. Но ничто не может затмить его, исчерпать. Так и ваше сознание. Ваше сознание подобное небу в его пустотном принятии всего, само есть ничто. Ничто, дыхание волшебного и мерцающего звездного света.

И вот вы готовы. Вы готовы совершить ваше путешествие. И пусть перед вашими глазами окажется черный экран круглый или квадратный. И где то вдалеке в центре этого экрана появится сияющая точка на черном фоне. И вот сейчас, вы как бы выходите из тела устремившись к этой точке. И чем вы ближе к ней, тем больше точка напоминает сияющие врата пурпурного цвета. Врата воображения. Врата пурпурного ангела. Врата мира где рождаются наши сны и фантазии. Отсюда, из пространстве врат, под взглядом пурпурного ангела вы можете отправиться в любую точку вашего внутреннего космоса, вашей внутренней бесконечности.

Братья и сестры, воины Касталии, те кто причастны к пото-

ку 8. Мы собрались здесь для того чтобы отпраздновать (осеннее равноденствие, летнее солнцестояние, Белтайн, ИТД – нужное в данном случае произнести). Это время когда Отец наш Солнце (проходит время смерти и возрождения, наслаждается беспечностью игры, вступает в бой с холодом, берет себе в жены нашу землю, достигает своего царского апогея, раздает плоды, отправляется в полуночное странствие, отверзает врата смерти – нужное произнести). И наша мистерия есть попытка прочувствовать его свершение и настроится на великие космические ритмы.

Итак, сейчас, многие из вас впервые услышат наше сокровенное СЛОВО. Я произнесу это слово, произнесу громко, четко, страстно, и вы должны повторить его за мной. Еще более громко, еще более страстно, еще более яростно. Вы услышите СЛОВО которое открывает врата восприятия, слово которое является ключем к глубинам, слово которое дарит нам смысл соединив огонь и воздух в радостном горении духа.

Итак Первый раз я произношу СЛОВО. (Повторяют громко). И вот, первые врата, первые ограничения рушатся. И вы чувствуете как из вашего затылка, из вашего высшего центра начинает струиться серебряная нить. Эта нить поднимается к небу, переплетается с нитями других участников ритуала. И вот вы уже видите, что нити вашей души, образуют сокровенное единство, проявленное перед нами в образе прекрасного серебряного лотоса, где каждый из нас вносит свою неповторимую нить без которой этот лотос был бы несовершенен. Созерцайте этот лотос. Почувствуйте себя частью его, проникнитесь его светом и силой

И вот я второй раз произнесу наше слово. Еще громче, еще сильнее, еще яростнее. И Врата между миром нашей индивидуальной психики откроются. И мы войдем на иные планы, которые издревле связывались с планетами и богами которые нам так хорошо известно. СЛОВО (повторяют).

И вот вторые врата тоже сокрушены. И вы скользите в уди-

вительных пространствах духа. Вы скользите сквозь фиолетовое марево луны, через тонкую ткань из которой сотканы наши сны (пауза). Вы скользите через оранжевое зарево меркурия, где молнии всполохи суть наши мысли и прозрения (Пауза). Вы скользите сквозь зеленую дымку Венеры, и чувствуете здесь все те нити, струны что связывают вас с другими. Дружеские чувства, эротические влечения, симпатии, противостояния – все это находится во власти зеленой сети Венеры связывающей мироздание в единое целое. (пауза) Наконец вы видите чистый свет. Сияние. Сияние наполняет вас – вы видите сияние и одновременно чувствуете его в сердце. Солнце! «Солнце свет и ясность зора для служителей Звезды и Змея». Пространство нашего подлинного я, нашей аутентичности, нашей силы. (пауза) Но и это не предел восхождения. Сияние начинает сгущаться, из желтого становясь красным, превращаясь в пугающее пространство Марса. Пространство вечной войны, где звезды и галактики, насекомые и архангелы вечно сталкиваются в войне что является основой зарождения. Ибо война суть отец всех вещей как сказал Гераклит. Но и это не предел! (пауза) Из алого пространства вы оказываетесь в пространстве синевы. Юпитер. Щедрый отец. Совершенный образ Бога. Рог изобилия щедро одаривающий саму жизнь во всем ее многообразии. (пауза) И вот наконец мы оказываемся в последнем планетарном уровне. Сатурн. Суровый отец времени и смерти. Здесь сворачивается даже пространство. Только время неумолимо струиться потоком песочных часов. Тик так, тик так. Все отжившее, усталое, старое исчезает в этом холодном струении. (пауза)

И вот наконец вы стоите у последних врат восприятия. И в третий и последний раз вы произнесет наше слово. Так громко, сильно и страстно как только вы можете, произнося даже не голосом но нутром, диафрагмой, копчиком, глубиной. СЛОВО.

И вот последние врата открыты. И мы оказываемся у Источника. Черное солнце. Господь. Самость. Атман. Кетер, Люци-

фер. Точка в нуле из которой разворачивается вселенная плоти и духа. Каким бы именем не называли мы тебя, ты всегда безымянен для вечности. Ты прекрасен о вечный исток. Нет слов что способны выразить тебя. Вечность вселенной для тебя лишь миг. Миг для тебя способен вместить вечность. Ты так ярок что кажется черным, твой непостижимый мрак так слепит что кажется невиданным сиянием. Здесь, в тебе, все исчезает. Наши границы, формы, представления растворяются в тебе в твоём великом Сиянии. И мы растворяем наши старые формы, растворяем для того чтобы быть готовым вместить в себя предвечных богов и предвечные архетипы. Мы прикасаемся к тебе чтобы быть достойными той мистерии что происходит в нашем пространстве.

О ты кто есть я помимо всего что я есть.

Кто не имеет природы и имени,

Когда все исчезает только ты остаешься,

Ты сердце солнце и тайна его,

Скрытый источник сущего,

Неизвестный отчужденный и одинокий.

Ты пламя истины в тростнике.

Зачинающий и порождающий.

Источник и семя жизни, любви свободы и света,

Неименуемый и незримый

К тебе взываю я огонек свой

Рожденный силой моего желания

К тебя я взываю о вечный

К тебе – сердцу солнца и тайне его

Святейшей мистерии

Орудием коей есть мы.

Ныне пребудь в нас.

литель, помощник, небесный образ Господа, что дарует нам щедрый урожай во всех делах наших. Пребудь с нами и пребывай в мистерии нашей.

Я приветствую тебя о Марс. Бесстрашный воин. Герой. Господин кровавой сечи, яростный воин чье неистовство не может остановить никто. Пребудь с нами и пребывай в мистерии нашей.

Я приветствую тебя о солнце. Свет, жизнь, любовь и свобода. Источник нашего сознания, источник нашего вдохновения, источник нашей индивидуальности. Пребудь с нами и пребывай в мистерии нашей.

Я приветствую тебя о Венера. Госпожа самых тонких и самых изысканных любовных наслаждений, что учит предаваться любви по девяноста и восьми правилам искусства. Что связывает влюбленных в их вечном влечении. Пребудь с нами и пребывай в мистерии нашей.

Я приветствую тебя о Меркурий. Крылатый озорной мальчишка летящий на серебряных крыльях. Даритель мудрых мыслей, прозрений, проводник сквозь ночь и господин игры. Пребудь с нами и пребывай в мистерии нашей.

И я приветствую тебя о Луна. Госпожа морей и океанов. Неизменная в своей изменчивости. Хозяйка наших сновидений и нашей плоти. Пребудь с нами и пребывай в мистерии нашей.

Я приветствую вас всех. Я приветствую всех богов, духов, сил, названных и неназванных что ныне благосклонны к нашему таинству.

И сейчас я попрошу вас открыть глаза (жрец зажигает свечу источника) и по очереди от Сатурна до Луны, в безмолвии подойти ко мне и зажечь свою свечу от свечи источника.

(планеты становятся в круг в правильном порядке. Жрица и церемонеймейстер в центре. Жрец выходит за круг и готовит-

ся провести очищение и освещение).

Очищение.

Берет чашу с водой. Идет с востока где стоит алтарь противосолонь разбрызгивает воду и произносит: «ибо чистая воля (прошел четверть круга на север – вылил воды), неустремленная к цели (прошел четверть круга на запад – вылил воды), свободная от вожделения результата (прошел четверть круга на юк – вылил воды), совершенна во всем (прошел четверть круга обратно на восток – вылил оставшуюся воду)

Освящение.

От свечи источника зажигает благовоние ладана. Благовонной палочкой делает знак креста в круге и идет по часовой стрелке. «Я подошел к дому возлюбленного моего» (первый крест в круге на востоке), и вино было точно пламя (второй крест в круге на юге), что несетя на зеленых крыльях (третий крест в круге на западе), сквозь океан вод (четвертый крест в круге на севере)

Совершает «Ритуал последнего символа» (см прошлые главы) или классический ритуал Звездного Рубина.

После этого все готово.

Процедура описанная выше практически всегда идентична вне зависимости от того какую точку года празднуем. Однако сами ритуалы точек года существенно отличаются. Далее мы предлагаем на суд читателя восемь ритуалов колеса года.

Ритуал Имболка (1 февраля)

Церемониймейстер отбивает восемь ударов колокольчик или кулаком в грудь.

Церемониймейстр: Пан анести!

Все: Алифос анести!

Церемониймейстер налагает Одиннадцатичастную Печать Магии.

Жрец: Lucifer Rising!

Все: Да не иссякнет над миром Звезда Люцифер!

Жрец и жрица выполняют знак Разрывания Завесы.

Церемониймейстер: Храм открыт. Да будут исполнены ритуалы с радостью и красотой.

Церемониймейстер (он же брат Единорог): Где собрались мы, Брат Феникс?

Жрец (он же брат Феникс): В рощах Касталии, брат Единорог.

Церемониймейстер: Для чего мы собрались здесь, брат Феникс?

Жрец: Дабы прославить игры Бога-ребенка, брат Единорог.

Церемониймейстер: Как же мы прославим сии игры, брат Феникс?

Жрец: Смехом и беспечностью, брат Единорог.

Все: Совлечем же бремя серьезности и прославим игры Бога-ребенка.

Жрец, обращаясь к жрице: Вступая в святилище великого Гнозиса, приветствую тебя, возвысившую Чашу, наполненную кровью нашей. Приветствую тебя, восседающую на вые звериной. Воздадим же почести Венценосному Ребенку, чьи игры согласны с истинной Волей нашей.

Жрица, обращаясь к жрецу: Вступая в святилище Великого Гнозиса, приветствую тебя, облаченного силой Зверя. Приветствую тебя, на коем восседаю. Приветствую тебя, расточающий и плодоносящий. Воздадим же почести Венценосному Ребенку, чьи игры согласны с истинной Волей нашей.

Церемониймейстер (выполняя знак Приветствия Мага, обращаясь к жрецу и жрице): Приветствую вас, играющих ныне в рощах Касталии, дабы и служители были беспечны, как дети.

Жрец: Приветствую Венценосного Ребенка, чьи игры согласны с истинной Волей нашей. Будем праздновать, и да реет наш флаг во имя Света, Жизни, любви и Свободы!

Жрец, жрица и церемониймейстер: Твори свою волю: таков да будет весь закон.

Все: Любовь есть закон, любовь в согласии с волей.

СЛАВОСЛОВИЕ БОГА-РЕБЕНКА

*В рощах Касталии славим игры Бога-ребенка,
Пусть он резвится, играя, в тайном пределе весны.
Мир – это только игрушка, что создана для забавы,
Будем и мы словно дети, так же беспечно играть.
Сонмы бесчисленных звезд, древних планет ли орбиты,
Мощь первозданных стихий, духов бесплотный ли мир;
Все только повод для игр, чтоб через нашу беспечность,
Самых великих Мистерий осуществилась бы суть.
Круг мы смыкаем, играя, Бога-ребенка прославив.
Смех его внятен. Он смехом все, что вокруг, проявил.
Мы отвергаем отныне тяжести дух и серьезность.
Мисты Великого Круга – мы словно дети легки.*

МИСТЕРИЯ ПЛАНЕТ

Жрец (налагает уникарсальную гексаграмму Сатурна): Во что ты изволишь играть? Промолви, серпа обладатель.

Сатурн: Ходом мгновений и вечности ныне изволю играть.

Жрец (наносит печать Касталии): Сокровенным светом Серебряной нити – будь же благословлен.

Все: СЛОВО!

Жрец (налагает уникарсальную гексаграмму Юпитера): Во что ты изволишь играть? Реки, справедливый владыка.

Юпитер: Венцами и пурпуром мантий ныне изволю играть.

Жрец (наносит печать Касталии): Сокровенным светом Серебряной нити – будь же благословлен.

Все: СЛОВО!

Жрец (налагает уникарсальную гексаграмму Марса): Во что ты изволишь играть? Ответь, искуснейший в битвах.

Марс: Копьями я и мечами ныне изволю играть.

Жрец (наносит печать Касталии): Сокровенным светом Серебряной нити – будь же благословлен.

Все: СЛОВО!

Жрец (налагает уникарсальную гексаграмму Солнца): Во что ты изволишь играть, податель всяческой жизни?

Солнце: Восходом своим и закатом ныне изволю играть.

Жрец (наносит печать Касталии): Сокровенным светом Серебряной нити – будь же благословлен.

Все: СЛОВО!

Жрец (налагает уникарсальную гексаграмму Венеры): Во что ты изволишь играть, рожденная морем и кровью?

Венера: Множеством поз сладострастных ныне изволю играть.

Жрец (наносит печать Касталии): Сокровенным светом Серебряной нити – будь же благословлена.

Все: СЛОВО!

Жрец (налагает уникарсальную гексаграмму Меркурия): Во что ты изволишь играть, о непрерывность движений?

Меркурий: Тайной обманов и знаний ныне изволю играть.

Жрец (наносит печать Кастилии): Сокровенным светом Серебряной нити – будь же благословлен.

Жрец (налагает уникарсальную гексаграмму Луны): Во что ты изволишь играть, открой, отражение света?

Луна: Цикличностью женской природы ныне изволю играть.

Жрец (наносит печать Кастилии): Сокровенным светом Серебряной нити – будь же благословлена.

Все: СЛОВО!

ПРИЧАСТИЕ

Церемониймейстер: Великий Круг пройден, очищен и освящен во имя Венценосного Бога-ребенка, чьи игры согласны с истинной Волей нашей. О Алая женщина, и Звезда утренняя снизойдите из покоев тайных и даруйте нам силу, дабы не прерывался Великий Круг.

Жрец: О алая жрица, возвысь Чашу, наполненную кровью нашей, дай вкусить ее достойным служителям.

Жрица: О звезда утренняя, возвысь дары солнечные, дай вкусить их достойным служителям.

Жрец и жрица причащают служителей.

Жрец: Причастие Терцион.

Служитель: Истинная Воля.

Жрица: Причастие Бабалон.

Служитель: Чаша Грааля.

ЗАКРЫТИЕ

Церемониймейстер (он же брат Единорог): Что за звук мы слышим, брат Феникс?

Жрец (он же брат Феникс): Это шаги Бога-ребенка, брат Единорог.

Церемониймейстер: Откуда нисходит он, брат Феникс?

Жрец: Он покидает сады детства, брат Единорог.

Церемониймейстер: На чей зов он идет, брат Феникс?

Жрец: Он следует зову первой битвы, брат Единорог.

Церемониймейстер налагает Одиннадцатичастную Печать Магии.

Жрец и жрица выполняют знак Закрытия Завесы.

Церемониймейстер: Храм закрыт.

Ритуал Весеннего равноденствия

Церемониймейстер: Пан анести!

Все: Алифос анести!

Церемониймейстер налагает Одиннадцатичастную Печать Магии.

Жрец: Lucifer Rising

Все: «Да не иссякнет над миром Звезда Люцифер».

Жрец и жрица выполняют знак Разрывания Завесы.

Церемонийейстр: Храм открыт! Да будут исполнены ритуа-

лы с радостью и красотой.

Церемонимейстр отбивает восемь ударов (кулаком в грудь или рукой по бубну – неважно).

Церемонимейстр (брат Единорог): Где мы находимся, брат Феникс?

Жрец (брат Феникс): В рощах Касталии, брат Единорог.

Церемонимейстр: Для чего собрались мы, брат Феникс?

Жрец: Дабы прославить Непобедимое Солнце, брат Единорог.

Церемонимейстр: Как же прославим Непобедимое Солнце, брат Феникс?

Жрец: Экспансией в соответствии с Истинной Волей нашей, брат Единорог.

Все: Встретим Солнце Непобедимое!

Жрец, обращаясь к жрице: Вступая в святилище Великого Гнозиса, приветствую тебя, возвысившую Чашу, наполненную кровью нашей. Приветствую тебя, восседающую на вые звериной. Воздадим почести Солнцу Непобедимому, и да будут приведены в равновесие силы в соответствии с Истинной Волей нашей.

Жрица, обращаясь к жрецу: Вступая в святилище Великого Гнозиса, приветствую тебя, расточающий и плодоносящий. Воздадим почести Солнцу Непобедимому, и да будут приведены в равновесие силы в соответствии с Истинной Волей нашей.

Церемонимейстр (выполняя знак Приветствия Мага, обращаясь к жрецу и жрице): Приветствую вас, встречающих Солнце Непобедимое, что завоевывает миры и эоны.

Жрец, жрица и церемонимейстр: Твори свою волю: таков да будет весь закон.

Все: Любовь есть закон, любовь в согласии с Волей!

СЛАВОСЛОВИЕ НЕПОБЕДИМОГО СОЛНЦА

Непобедимое Солнце в рощах Касталии славим.

На колесницу триумфа Бог светозарный взошел.

*Братья, он верный соратник, тот, что в сраженьях
бесстрашен.*

Сестра, он пылкий любовник, неутомимый в любви.

Силу его и величье ныне и мы принимаем.

Стяги его мы возносим в небо грядущих побед.

Войско достойных мужей, Бог светозарный возглавит.

Жен, что подобны богиням, в брачный чертог возведет.

Поле сражений и ложе будут отныне едины.

Так этот праздник великий нам подобает встречать.

Пусть в эту ночь не минует нас Равноденствия Чаша,

Дабы и мы, причастившись, стали подобны Богам.

МИСТЕРИЯ ПЛАНЕТ

Жрец (Чертит гексаграмму Сатурна): Что покорил ты молви серпа обладатель?

Сатурн: Вечности дар и прекрасное чудо мгновенье – я покорил в этот час.

Жрец (налагая Печать Касталии): Во имя непобедимого Солнца будь благословен!

Все: СЛОВО!

Жрец (Чертит гексаграмму Юпитера): Что ты покорил ты о , молви державы носитель?

Юпитер: Силу могущества Власти ныне я покорил.

Жрец (налагая печать Кастилии): Именем Солнца Непобедимого, будь благословен!

Все: СЛОВО!

Жрец (налагая гексаграмму Марса): Что покорил ты владыка войны и сраженья?

Марс: Битвы восторг и пощаду, я в этот час покорил.

Жрец (налагая печать Кастилии): Именем Солнца Непобедимого, будь благословен!

Все: СЛОВО!

Жрец (налагая уникальную гексаграмму Солнца): Что ты привел в равновесье, молви, благ расточитель?

Солнце: Зной и дары золотые, я в равновесье привел.

Жрец (налагая печать Кастилии): Именем Солнца Непобедимого, будь благословен!

Все: СЛОВО!

Жрец (налагая уникальную гексаграмму Венеры): Что покорила сегодня, пенорожденная молви?

Венера: Нежность с безудержной страстью я покорила собой.

Жрец (налагая печать Кастилии): Именем Солнца Непобедимого, будь благословенна!

Все: СЛОВО!

Жрец (налагая уникальную гексаграмму Меркурия): Что покорил ты сейчас игры и обмана владыка.

Меркурий: Знание глубин и обманы, ныне я покорил.

Жрец (налагая печать Кастилии): Именем Солнца Непобедимого, будь благословен!

Все: СЛОВО!

Жрец: (налагая уникарсальную гексаграмму Луны):
Что покорила сегодня, молви, о тройственность форы?

Луна: Отдых ночной и кошмары, ныне под властью моей.

Жрец (налагая печать Касталии): Именем Солнца Непобедимого, будь благословен!

Все: СЛОВО!

ПРИЧАСТИЕ

Церемонимейстр: Великий Круг пройден, очищен и освящен во имя Солнца Непобедимого, дабы приведены были в равновесие силы в соответствии с Истинной Волей нашей. Жрица Алая и Звезда Утренняя, снизойдите из покоев тайных и даруйте нам силу, дабы не прерывался Великий Круг.

Жрец: О Жрица Алая, возвысь Чашу, наполненную кровью нашей, дай вкусит ее достойным служителям.

Жрица: О звезда утренняя, возвысь дары солнечные, дай вкусить их достойным служителям.

Жрец и жрица причащают служителей.

Жрец: Причастие Терион.

Служитель: Свет сокровенный.

Жрица: Причастие Бабалон.

Служитель: Чаша Грааля.

ЗАКРЫТИЕ

Церемонимейстр (он же брат Единорог): Какой нынче час, брат Феникс?

Жрец (он же брат Феникс): Час Равноденствия Богов, брат Единорог.

Церемониймейстр: Что следует за часом сим, брат Феникс?

Жрец: Великое Бракосочетание, брат Единорог.

Церемониймейстр: Кто приглашен будет, брат Феникс?

Жрец: Кто следует Истинной Воле своей, брат Единорог.

Церемониймейстр налагает Одиннадцатичастную Печать Магии.

Жрец и жрица выполняют знак Закрытия Завесы.

Церемониймейстр: Храм закрыт.

Ритуал Белтайна

ОТКРЫТИЕ

Церемониймейстер отбивает восемь ударов.

Церемониймейстер: Пан анести!

Все: Алифос анести!

Церемониймейстер налагает Одиннадцатичастную Печать Магии.

Жрец: Lucifer Rising

Все: Да не иссякнет над миром звезда Люцифер!

Жрец и жрица выполняют знак Разрывания Завесы.

Церемониймейстер: Храм открыт! Да будут исполнены ритуалы с радостью и красотой.

Церемониймейстер отбивает восемь ударов.

Церемониймейстер (брат Единорог): Где мы находимся, брат Феникс?

Жрец (брат Феникс): В рощах Касталии, брат Единорог.

Церемониймейстер: Для чего собрались мы, брат Феникс?

Жрец: Дабы прославить Чету, вступающую в чертоги брачные, брат Единорог.

Церемониймейстер: Как же прославим мы сию Чету, брат Феникс?

Жрец: Обретением единства на алтарях страсти, брат Единорог.

Все: Слава Чете, вступающей в чертоги брачные!

Жрец, обращаясь к Жрице: Вступая в святилище Великого Гнозиса, приветствую тебя, возвысившую Чашу, наполненную кровью нашей. Приветствую тебя, восседающую на вые звериной. Воздадим почести Чете, восходящей в чертоги брачные.

Жрица, обращаясь к Жрецу: Вступая в святилище Великого Гнозиса, приветствую тебя, расточающий и плодоносящий. Воздадим почести Чете, восходящей в чертоги брачные.

Церемониймейстер (выполняя знак Приветствия Мага, обращаясь к Жрецу и Жрице): Приветствие Чете, восходящей в чертоги брачные.

(Жрец и Жрица смешивают в чаше белое и красное вино).

Жрец, Жрица и церемониймейстер: Твори свою волю, таков да будет весь закон.

Все: Любовь есть закон, любовь в согласии с волей.

СЛАВОСЛОВИЕ ЧЕТЫ

В рощах Касталии время нам Гименя нам прославить.

Наш венценосный Владыка ныне супругу обрел.

Таинство этого Брака лишь посвященным известно,

А для профанов оно скрыто покровом завес.

*Вот повелитель возводит деву на брачное ложе.
Спали одежды... Сияет мрамором их нагота.
Братья и сестры, восславим таинство этого Брака.
Чашей страстей причастимся, Волю исполнив свою.
Брат посвященный, промолви: В тебе почитаю Богиню,
Дабы Богиня сказала: Бога в тебе узнаю.*

МИСТЕРИЯ ПЛАНЕТ

Жрец (налагая уникарсальную ринний мму Сатурна): Кого ты на ложе возвел, времени, молви, владыка?

Сатурн: Ту, что за бездной сокрыта, ныне на ложе возвел.

Жрец (наносит печать Касталии): Сокровенным светом Серебряной нити – будь же благословлен.

Все: СЛОВО!

Жрец (налагая уникарсальную гексаграмму Юпитера): Что за Богиню возвел ты на ложе, державный владыка?

Юпитер: Власти и Права Богиню ныне на ложе возвел.

Жрец (наносит печать Касталии): Сокровенным светом Серебряной нити – будь же благословлен.

Все: СЛОВО!

Жрец (налагая уникарсальную гексаграмму Марса): Что за Богиню возвел ты на ложе, боец беспощадный?

Марс: Сечи кровавой Богиню ныне на ложе возвел.

Жрец (наносит печать Касталии): Сокровенным светом Серебряной нити – будь же благословлен.

Все: СЛОВО!

Жрец (налагая уникарсальную гексаграмму Солнца):

Что за Богиню возвел ты на ложе, о расточитель!

Солнце: Ясного света Богиню ныне на ложе возвел.

Жрец (наносит печать Касталии): Сокровенным светом Серебряной нити – будь же благословлен.

Все: СЛОВО!

Жрец (налагая уникарсальную гексаграмму Венеры): С Богом каким ты восходишь на ложе, рожденная в пене?

Венера: С Богом, весьма сладострастным, ныне на ложе всхожу.

Жрец (наносит печать Касталии): Сокровенным светом Серебряной нити – будь же благословлена.

Все: СЛОВО!

Жрец (налагая уникарсальную гексаграмму Меркурия): Что за Богиню возвел ты на ложе, жезла двойного держатель?

Меркурий: Тайного знания Богиню ныне на ложе возвел.

Жрец (наносит печать Касталии): Сокровенным светом Серебряной нити – будь же благословлен.

Все: СЛОВО!

Жрец (налагая уникарсальную гексаграмму Луны): С Богом каким ты восходишь на ложе, охотница, молви?

Луна: С Богом, что в чащах таится, ныне на ложе всхожу.

Жрец (наносит печать Касталии): Сокровенным светом Серебряной нити – будь же благословлена.

Все: СЛОВО!

ПРИЧАСТИЕ

Церемониймейстер: Великий Круг пройден, очищен и ос-

вящен во имя Четы, вступающей в чертоги брачные. Жрица Алая и Звезда Утренняя, снизойдите из покоев тайных и даруйте нам силу, дабы не прерывался Великий Круг.

Жрец: О жрица Алая, возвысь Чашу, наполненную кровью нашей, дай кусить ее достойным служителям.

Жрица: О звезда утренняя, возвысь дары солнечные, дай кусить их достойным служителям.

Жрец и Жрица причащают служителей.

Жрец: Причастие Терион.

Служитель: Истинная Воля.

Жрица: Причастие Бабалон.

Служитель: Чаша Грааля.

ЗАКРЫТИЕ

Церемониймейстер (он же брат Единорог): Почему ты грустишь, брат Феникс?

Жрец (он же брат Феникс): Близок час апогея Владыки нашего, брат Единорог.

Церемониймейстер: Восхождение к вершине повод ли для печали, брат Феникс?

Жрец: За восхождением следует спуск, брат Единорог.

Церемониймейстер: Чему сие учит нас, брат Феникс?

Жрец: Единому ритму Жизни и Смерти, брат Единорог.

Церемониймейстер налагает Одиннадцатичастную Печать Магии.

Жрец и жрица выполняют знак Закрытия Завесы.

Церемониймейстер: Храм закрыт.

Ритуал Летнего Солнцестояния

ОТКРЫТИЕ

Церемонимейстр: Пан анести!

Все: Алифос анести

Церемонимейстр налагает Одиннадцатичастную Печать Магии.

Жрец: Lucifer Rising

Все: «Да не иссякнет над Миром Звезда Люцифер.

Жрец и жрица выполняют знак Разрывания Завесы.

Церемониейстр: Храм открыт! Да будут исполнены ритуалы с радостью и красотой.

Церемонимейстр отбивает восемь ударов.

Церемонимейстр (брат Единорог): Где мы находимся, брат Феникс?

Жрец (брат Феникс): В рощах Касталии, брат Единорог.

Церемонимейстр: Для чего собрались мы, брат Феникс?

Жрец: Дабы прославить Возшедшего на вершину, брат Единорог.

Церемонимейстр: Как же прославим его, брат Феникс?

Жрец: Бесстрашием взирающих в глубины, брат Единорог.

Все: Бесстрашно в глубины взираем!

Жрец, обращаясь к жрице: Вступая в святилище Великого Гнозиса, приветствую тебя, возвысившую Чашу, наполненную кровью нашей. Приветствую тебя, восседающую на вые звериной. Воздадим почести Возшедшему на вершину.

Жрица, обращаясь к жрецу: Вступая в святилище Вели-

кого Гнозиса, приветствую тебя, расточающий и плодоносящий. Воздадим почести Владыке, взошедшему на вершину.

Церемониейстр (выполняя знак Приветствия Мага, обращаясь к жрецу и жрице): Приветствие Взошедшему на вершину.

Жрец, жрица и церемониейстр: Твори свою волю: таков да будет весь закон.

Все: Любовь есть закон, любовь в согласии с волей.

СЛАВОСЛОВИЕ ВЗОШЕДШЕГО

Ныне Владыка взошел на вершину священной горы,

С ним и служители тоже взошли на вершину.

Смотрят на пройденный Путь.

Сколько пришлось им пройти,

Сколько пришлось им достигнуть на горных уступах.

Клеток орлиный не слышен. Здесь тишина и покой.

Только снега да слепящее зрение Солнце.

Гул водопадов и рокот лавины в былом.

Мнится, стихает в груди беспокойное сердце.

Ныне дождемся заката. В положенный час

Факел затеплив, мы спустимся горной тропой.

Ныне идем на Закат. Ныне положен нам спуск,

Чтобы затем опять совершить восхождение.

МИСТЕРИЯ ПЛАНЕТ

Жрец: (Налагает уникарсальную Гексограмму Сатурна и произносит) Что ты с вершины узрел, наших времен исчислитель?

Сатурн: Время свободных титанов ныне с вершины узрел.

Жрец: (Налагая печать Касталии) Светом сокровенным серебряной нити, будь же благословен!

Все: СЛОВО!

Жрец: (Налагает уникарсальную Гексограмму Юпитера и произносит) Что ты с вершины узрел, царской короны носитель?

Юпитер: Над временами победу ныне с вершины узрел.

Жрец: (Налагая печать Касталии) Светом сокровенным серебряной нити, будь же благословен!**Все:** СЛОВО!

Жрец: (Налагает уникарсальную Гексограмму Марса и произносит) Что ты с вершины узрел, реки архистратиг бесстрашный?

Марс: Буйство Эриний кровавых, ныне с вершины узрел.

Жрец: (Налагая печать Касталии) Светом сокровенным серебряной нити, будь же благословен!

Все: СЛОВО!

Жрец: (Налагает уникарсальную Гексограмму Солнца и произносит) Что ты с вершины узрел, реки расточитель всещедрый?

Солнце: Я расточающих благо, ныне с вершины узрел.

Жрец: (Налагая печать Касталии) Светом сокровенным серебряной нити, будь же благословен!

Все: СЛОВО!

Жрец: (Налагает уникарсальную Гексограмму Венеры и произносит) Что ты с вершины узрела, реки воплощение страсти?

Венера: В море свое зарождение, зрю я с вершины сейчас.

Жрец: (Налагая печать Касталии) Светом сокровенным се-

ребряной нити, будь же благословен!

Все: СЛОВО!

Жрец: (Налагает уникарсальную Гексограмму Меркурия и произносит) Что ты с вершины узрел, реки быстроногий обманщик?

Меркурий: Души к покою сходящих, ныне с вершины узрел.

Жрец: (Налагая печать Касталии) Светом сокровенным серебряной нити, будь же благословен!

Все: СЛОВО!

Жрец: (Налагает уникарсальную Гексограмму Луны и произносит) Что ты с вершины узрела, реки воплощение ритмов?

Луна: Спящего Эндимиона, зрю я с вершины сейчас.

Жрец: (Налагая печать Касталии) Именем Солнца Непобедимого, будь благословен!

Все: СЛОВО!

ПРИЧАСТИЕ

Церемонимейстр: Великий Круг пройден, очищен и освящен во имя Владыки взошедшего на вершину. О Алая Жрица и Звезда Утренняя, снизойдите из покоев тайных и даруйте нам силу, дабы не прерывался Великий Круг.

Жрец: О Алая Жрица, возвысь Чашу, наполненную кровью нашей, дай вкусит ее достойным служителям.

Жрица: Звезда Утренняя, возвысь дары солнечные, дай вкусить их достойным служителям.

Жрец и жрица причащают служителей.

Жрец: Причастие Теорион.

Служитель: Свет сокровенный.

Жрица: Причастие Бабалон.

Служитель: Чаша Грааля.

ЗАКРЫТИЕ

Церемонимейстр (он же брат Единорог): Куда взираешь ты, брат Феникс?

Жрец (он же брат Феникс): В глубины нисхождения, брат Единорог.

Церемонимейстр: Что зришь ты, брат Феникс?

Жрец: Нелегкий путь Заката, брат Единорог.

Церемонимейстр: Что на потребу нисходящим, брат Феникс?

Жрец: Исполниться мужеством, брат Единорог.

Церемониейстр налагает Одиннадцатичастную Печать Магии.

Жрец и жрица выполняют знак Закрытия Завесы.

Церемонимейстр: Храм закрыт.

Ритуал Ламаса

Церемонимейстр отбивает кинжалом 3 – 5 – 3

Церимонимейстр: Пан анести!

Все: Алифос анести!

Жрец: Люцифер Rising

Все: Да не иссякнет над миром звезда Люцифер.

Церемонимейстр начало Одиннадцатичастную Печать Магии.

Жрец и жрица выполняют знак Разрывания Завесы.

Церемонимейстр: Храм открыт. Да будут исполнены ритуалы с радостью и красотой.

Церемонимейстр отбивает восемь ударов.

Церионимейстр (брат Единорог): Где мы находимся, брат Феникс?

Жрец (брат Феникс): В рощах Касталии, брат Единорог.

Церемонимейстр: Для чего собрались мы, брат Феникс?

Жрец: Дабы принять плоды сокровенные, брат Единорог.

Церемонимейстр: Как же мы примем их, брат Феникс?

Жрец: В соответствии с Истинной Волей, брат Единорог.

Все: Да примем плоды сокровенные!

Жрец, обращаясь к жрице: Вступая в святилище Великого Гнозиса, приветствую тебя, возвысившую Чашу, наполненную кровью нашей. Приветствую тебя, восседающую на вые звериной. Воздадим почести Королю, расточающему плоды деяний своих.

Жрица, обращаясь к жрецу: Вступая в святилище Великого Гнозиса, приветствую тебя, облаченного силою Зверя. Приветствую тебя, на коем восседаю. Приветствую тебя, расточающий и плодоносящий. Воздадим почести Королю расточающего плоды деяний своих.

Церемонимейстр (выполняя Знак Приветствия Мага, обращаясь к жрецу и жрице): Приветствую, Проявляющего бесконечную щедрость свою. Ныне расточает он плоды деяний своих служителям своим.

Жрец и жрица: Твори, свою волю: таков да будет весь закон

Все: Любовь есть закон, любовь в согласии с волей!

ИНВОКАЦИЯ ХАОСА

Цермонимейстр: Веруем во единого Отца жизни, Тайное Тайных, имя же Хаос, единственного наместника Солнца на земле.

Жрец, жрица и церемониймейстер:

Хаос-Отец, ныне к тебе мы взываем,

Солнца наместник, единственный ты на Земле.

Тайное тайных, к тебе и приблизится страшно

Даже Богам, что твою восприняли суть.

Мы же сквозь арки пройдем самых больших испытаний,

Мисты Великого Круга, смеем тебя призывать.

В чреслах своих мы несем часть твоего преизбытка,

Дабы по собственной Воле Космоса ось возвести.

Ныне в мистическом действе будь Прародитель прославлен,

Тайны сокрытые ныне, ты посвященным яви.

Через тебя и с тобой будет отныне открыто,

Что, не смущаясь ничем, мы возжелали узнать.

МИСТЕРИЯ ПЛАНЕТ

Жрец: Наносит уникальную гексаграмму Сатурна

Дар, воспринявши плодов, времени скорбный владыка, ныне себя нам яви.

Сатурн: Ныне являю себя плодами немислимой скорби.

(Жрец налагает печать) Светом сокровенным серебряной нити будь же благословлен!

Все: СЛОВО!

Жрец: Дар, воспринявши плодов, власти достойный владыка, ныне себя нам яви.

Юпитер: Ныне являю себя плодами достоинства власти.

(Жрец налагает уникарсальную гексаграмму Юпитера). Светом сокровенным серебряной нити будь же благословлен!

Все: СЛОВО!

Жрец: Дар, воспринявши плодов, воинов суровый владыка, ныне себя нам яви.

Марс: Ныне являю себя плодами кровавых сражений. (Жрец налагает уникарсальную гексаграмму Марса). Светом сокровенным серебряной нити будь же благословлен!

Все: СЛОВО!

Жрец: Дар, воспринявши плодов, Жизни и Света владыка, ныне себя нам яви.

Солнце: Ныне являю себя плодами подателя Жизни. (Жрец налагает уникарсальную гексаграмму Солнца). Светом сокровенным серебряной нити будь же благословлен!

Все: СЛОВО!

Жрец: Дар, воспринявши плодов, страсти любовной владыка, ныне себя нам яви.

Венера: Ныне являю себя плодами безудержной страсти. (Жрец налагает уникарсальную гексаграмму Венеры Светом сокровенным серебряной нити будь же благословлен!

Все: СЛОВО!

Жрец: Дар, воспринявши плодов, знаний сокрытых владыка, ныне себя нам яви.

Меркурий: Ныне являю себя плодами обманов и знаний. (Жрец налагает уникарсальную гексаграмму Меркурия).

Светом сокровенным серебряной нити будь же благословлен!

Все: СЛОВО!

Жрец: Дар, воспринявши плодов, сета ночного владыка, ныне себя нам яви.

Луна: Ныне являю себя, плодами сплошных изменений. (Жрец налагает уникарсальную гексаграмму Луны) Светом сокровенным серебряной нити будь же благословлен!

Все: СЛОВО!

ПРИЧАСТИЕ

Церимониейстер: Великий Круг пройден, очищен и освящен во имя Короля расточающего плоды деяний своих. Алая Богиня и Звезда Утренняя, снизойдите из покоев тайных и даруйте нам силу, дабы и дальше вершился Великий Круг.

Жрец: Алая Богиня, возвысь Чашу наполненную кровью сердец наших дай вкусить ее достойным служителям.

Жрица: Звезда утренняя, возвысь дары солнечные, дай вкусить их достойным служителям.

Жрец и жрица причащают служителей.

Жрец: Причастие Терион.

Служитель: свет сокровенный (Вариант – Истинная Воля).

Жрица: Причастие Бабалон.

Служитель: Чаша Граалья.

ЗАКЫРТИЕ

Церемонимейстр: Который нынче час, брат Феникс?

Жрец: Час вкушения плодов, брат Единорог.

Церемонимейстр: Каковы же на вкус сии плоды, брат Феникс?

Жрец: Горечь и сладость в них, брат Единорог.

Церемонимейстр: Чему учит вкус их, брат Феникс?

Жрец: Познанию без ограничений, брат Единорог.

Церемонимейстр налагает Одиннадцатичастную Печать Магии.

Жрец и жрица выполняют знак закрытия Завесы.

Церимонимейстр: Храм закрыт.

Ритуал Катабазиса. Осеннее равноденствие

Церемонимейстр отбивает восемь ударов.

Церимонимейстр: Пан анести!

Все: Алифос анести!

Церемонимейстр Одиннадцатичастную Печать Магии.

Жрец: Lucifer Rising

Все: Да не иссякнет над миром Звезда Люцифер

Жрец и жрица выполняют знак Разрывания Завесы.

Церемонимейстр: Храм открыт. Да будут исполнены ритуалы с радостью и красотой.

Церемонимейст (Брат Единорог): Где мы находимся, Брат Феникс?

Жрец (Брат Феникс): В рощах Касталии, Брат Единорог.

Церемонимейстр: Для чего собрались мы, Брат Феникс?

Жрец: Дабы прославить Владыку, сходящего в недра непроглядные, Брат Единорог.

Церемонимейстр: Как же прославим его, Брат Феникс?

Жрец: Зачатием сокровенного, Брат Единорог.

Все: Сойдем в глубины непроглядные!

Жрец, обращаясь к жрице: Вступая в святилище Великого Гнозиса, приветствую тебя, возвысившую Чашу, наполненную кровью нашей. Приветствую тебя, восседающую на вые звериной. Воздадим почести Королю, грядущего в недра земные, дабы служители его бесстрашно следовали за ним.

Жрица, обращаясь к жрецу: Вступая в святилище Великого Гнозиса, приветствую тебя, облаченного силою Звезды. Приветствую тебя, на коем восседаю. Приветствую тебя, расточающий и плодоносящий. Воздадим почести Королю, грядущего в недра земные, дабы служители его бесстрашно следовали за ним.

Церимониейстр (выполняя знак Приветствия Мага, обращаясь к жрецу и жрице): Приветствую, Грядущего в недра земные. Ныне и служители его да повторят путь его.

Жрец и жрица: Твори, свою волю: таков да будет весь закон.

Все: Любовь есть закон, любовь в согласии с волей.

СЛАВОСЛОВИЕ КАТАБАСИСА

Жрец, жрица и церимонимейстр:

Ныне Владыка благой в недра нисходит земные,

Дабы в недрах явить свою перевозданную мощь.

Тьму он встречает в самых глухих лабиринтах,

Дабы во чрево ее свой преизбыток излить.

Мисты Великого Круга, Волю исполнив, не дрогнем.

*Следуя истинной Воле, мы за Владыкой грядем.
В сумрак, сейчас облачившись, славу стяжаем Героев,
Тех, кто до нас проходили. Тех, кто и после, пройдут.
Будет отныне Владыка, путь твой опасный прославлен.
Страстью безудержной ныне, мы прославляем тебя.
Тьму мы встречаем бесстрашно, как подобает Героям,
Дабы во внутренней сути страшную тайну зачать.*

МИСТЕРИЯ ПЛАНЕТ

Жрец (налагая уникарсальную гексаграмму Сатурна): В недра земные сойдя, что зачал ты, Серпа Обладатель?

Сатурн: Времени скорбную мощь ныне во Тьме я зачал.

Жрец (налагая печать Касталии): Именем Солнца непобедимого, будь благословен!

Все: СЛОВО!

Жрец (налагая уникарсальную гексаграмму Юпитера): В недра земные сойдя, что зачал ты, реки, Венценосный?

Юпитер: Власти суровое бремя, ныне во Тьме я зачал.

Жрец (налагая печать Касталии): Именем Солнца непобедимого, будь благословен!

Все: СЛОВО!

Жрец (налагая уникарсальную гексаграмму Марса): В недра земные сойдя, что зачал ты, бесстрашный Воитель?

Марс: Радость безудержной сечи, ныне во Тьме я зачал.

Жрец (налагая печать Касталии): Именем Солнца непобедимого, будь благословен!

Все: СЛОВО!

Жрец (налагая уникарсальную гексаграмму Солнца): В недра земные сойдя, что зачал ты, жизни Податель?

Солнце: Жизни и Света избыток, ныне во Тьме я зачал.

Жрец (налагая печать Кастилии): Именем Солнца непобедимого, будь благословен!

Все: СЛОВО!

Жрец (налагая уникарсальную гексаграмму Венеры): В недра земные сойдя, что зачал ты, Любви повелитель?

Венера: Страсть и любовную негу, ныне во Тьме я зачал.

Жрец (налагая печать Кастилии): Именем Солнца непобедимого, будь благословен!

Все: СЛОВО!

Жрец (налагая уникарсальную гексаграмму Меркурия): В недра земные сойдя, что зачал ты, тайный Хранитель?

Меркурий: Тайны, сокрытые в недрах, ныне во Тьме я зачал.

Жрец (налагая печать Кастилии): Именем Солнца непобедимого, будь благословен!

Все: Слово!

Жрец (налагая уникарсальную гексаграмму Луны): В недра земные сойдя, что зачал ты, Благой и Ужасный?

Луна: Света ночного глубины, ныне во Тьме я зачал.

Жрец (налагая печать Кастилии): Именем Солнца непобедимого, будь благословен!

Все: СЛОВО!

ПРИЧАСТИЕ

Церимониейстер: Великий Круг пройден, очищен и освящен во имя Короля грядущего в недра земные. О Богиня Алая и Звезда Утренняя, снизойдите из покоев тайных и даруйте нам силу, дабы и дальше вершился Великий Круг.

Жрец: О Богиня Алая, возвьсь Чашу наполненную кровью сердец наших дай вкусить ее достойным служителям.

Жрица: Звезда утренняя, возвьсь дары солнечные, дай вкусить их достойным служителям.

Жрец причащает хлебами.

Жрец: Причастие Терион.

Служитель: Свет сокровенный.

Жрица: Причастие Бабалон.

Служитель: Чаша Грааля.

ЗАКЫРТИЕ

Церемонимейстр: Какой нынче час, Брат Феникс?

Жрец (Брат Феникс): Час Катабасиса, Брат Единорог.

Церемонимейстр: В чем суть часа сего, Брат Феникс?

Жрец: В зачатии сокровенного, Брат Единорог.

Церемонимейстр: Что ныне зачато, Брат Феникс?

Жрец: Тьма светоносная и свет непроглядный, Брат Единорог.

Церемонимейстр налагает Одиннадцатичастную Печать Магии.

Жрец и жрица выполняют знак закрытия Завесы.

Церемонимейстр: Храм закрыт.

Ритуал Самайна

Церемониймейстер отбивает восемь ударов.

Церимониймейстер: Пан анести!

Все: Алифос анести!

Церемониймейстер начало Одиннадцатичастную Печать Магии.

Жрец: Lucifer Rising

Все: Да не иссякнет над миром Звезда Люцифер.

Жрец и Жрица выполняют знак Разрывания Завесы.

Церемониймейстер: Храм открыт. Да будут исполнены ритуалы с радостью и красотой.

Церемониймейстер (Брат Единорог): Где мы находимся, Брат Феникс?

Жрец (Брат Феникс): В рощах Касталии, Брат Единорог.

Церемониймейстер: Для чего собрались мы, Брат Феникс?

Жрец: Дабы встретить призраков бездны, Брат Единорог.

Церемониймейстер: Как же мы встретим их, Брат Феникс?

Жрец: С подобающим бесстрашием, Брат Единорог.

Все: Призраков бездны с бесстрашием встретим!

Жрец, обращаясь к Жрице: Вступая в святилище Великого Гнозиса, приветствую тебя, возвысившую Чашу, наполненную кровью нашей. Приветствую тебя, восседающую на вые звериной. Воздадим почести Королю, встречающему призраков на путях ночных.

Жрица, обращаясь к Жрецу: Вступая в святилище Великого Гнозиса, приветствую тебя, облаченного силою Зверя. Приветствую тебя, на коем восседаю. Приветствую тебя, рас-

точающий и плодоносящий. Воздадим почести Королю, встречающему призраков бездны на путях ночных.

Церемониймейстер (выполняя знак Приветствия Мага, обращаясь к Жрецу и Жрице): Приветствую Встречающего призраков бездны на путях ночных, дабы и служители его достойно встретили таящихся в сумерках.

Жрец и Жрица и церемониймейстер: Твори свою волю: таков да будет весь Закон.

Все: Любовь есть закон, закон в согласии с волей.

СЛАВОСЛОВИЕ ВЛАДЫКИ САМАЙНА

Жрец, жрица и церемониймейстер:

Ныне открыты Врата. Призраки ныне свободны.

Дикой Охотой ворвались духи в полуночный мир.

Смело встречает Владыка эти свободные стаи;

Он их возглавить достоин, следуя Воле своей.

Выйдем же вслед за Владыкой, дабы призраков встретить

В тихих урочищах леса или оградах кладбищ.

Пламя затеплим смелее, чтобы на пламя слетелось

Нежитей легкое племя, празднуя этот шабаш.

Ужас на крыльях безумий веет сейчас опахалом.

Ныне с Владыкой ликуем, в танце ночном проносясь.

Сами – призраки ночи. Сами – свободные духи.

Сами – властители круга страшных и благостных тайн.

МИСТЕРИЯ ПЛАНЕТ

Жрец (накладывая уникарсальную гексаграмму Са-

турна): Что повстречал в эту ночь, молви, Серпа Обладатель?

Сатурн: Призраков в скорби глубокой ныне в ночи повстречал.

Жрец (наносит печать Касталии): Сокровенным светом Серебряной нити – будь же благословлен.

Все: СЛОВО!

Жрец (накладывая уникарсальную гексаграмму Юпитера): Что повстречал ты в ночи о, изреки, Венценосный.

Юпитер: Призраков власть утвердивших, ныне в ночи повстречал.

Жрец (наносит печать Касталии): Сокровенным светом Серебряной нити – будь же благословлен.

Все: СЛОВО!

Жрец (накладывая уникарсальную гексаграмму Марса): Что повстречал ты, владыка безжалостной битвы?

Марс: Призраков воинов павших ныне в ночи повстречал.

Жрец (наносит печать Касталии): Сокровенным светом Серебряной нити – будь же благословлен.

Все: СЛОВО!

Жрец (накладывая уникарсальную гексаграмму Солнца): Что повстречал ты, царственной власти податель?

Солнце: Призраки прошлых владык ныне в ночи повстречал.

Жрец (наносит печать Касталии): Сокровенным светом Серебряной нити – будь же благословлен.

Все: СЛОВО!

Жрец (накладывая уникарсальную гексаграмму Венеры): Что повстречал ты, страсти любовной владыка?

Венера: Призраков в страсти почивших ныне в ночи повстречал.

Жрец (наносит печать Кастилии): Сокровенным светом Серебряной нити – будь же благословлен.

Все: СЛОВО!

Жрец (накладывая уникарсальную гексаграмму Меркурия): Что повстречал ты, знаний сокрытых носитель?

Меркурий: Призраков мистов великих ныне в ночи повстречал.

Жрец (наносит печать Кастилии): Сокровенным светом Серебряной нити – будь же благословлен.

Все: СЛОВО!

Жрец (накладывая уникарсальную гексаграмму Луны): Что повстречал ты, ритмов природных властитель?

Луна: Призраков в водах почивших ныне в ночи повстречал.

Жрец (накладывая печать Кастилии): Сокровенным светом Серебряной нити – будь же благословлен.

Все: СЛОВО!

ПРИЧАСТИЕ

Церемониймейстер: Великий Круг пройден, очищен и освящен во имя Короля, встречающего призраков на путях ночных. О Богиня Алая, снизойдите из покоев тайных и даруйте нам силу, дабы и дальше вершился Великий Круг.

Жрец: О Богиня Алая, возвысь Чашу, наполненную кровью сердец наших, дай вкусить ее достойным служителям.

Жрица: Звезда Утренняя, возвысь дары солнечные, дай вкусить их достойным служителям.

(Жрец и Жрица причащает каждого служителей).

Жрец: Причастие Зверя.

Служитель: Свет Сокровенный.

Жрица: Причастие Бабалон.

Служитель: Чаша Грааля.

ЗАКЫРТИЕ

Церемониймейстер (Брат Единорог): Какой нынче час, Брат Феникс?

Жрец (Брат Феникс): Час призраков, Брат Единорог.

Церемониймейстер: Что несут нам сии призраки, Брат Феникс?

Жрец: Они несут нам знание, Брат Единорог.

Церемониймейстер: Какова природа знания сего, Брат Феникс?

Жрец: Ее не выразить языком человеческим,

Церемониймейстер: Что ждет нас брат Феникс.

Жрец: Час Черного Солнца, что дарует свободу, о брат Единорог.

Церемониймейстер налагает Одиннадцатичастную Печать Магии.

Жрец и Жрица выполняют знак закрытия Завесы.

Церемониймейстер: Храм закрыт.

РИТУАЛ ВОСКРЕСШЕГО СОЛНЦА

1

(введение)

Внимательный читатель обратит внимание на существенное отличие ритуала зимнего солнцестояния от остальных ритуалов колеса года представленных выше. Отличие это связано с тем, что специфика этого праздника весьма особенная. Именно в этот день в кругу единственный раз произносится Великое Слово. И именно в этот день активно задействованных участников ритуала может быть не десять а пятнадцать. Однако при недостатке участников, конкретный участник может совмещать две роли –сочетать роль парки или черного или белого служителя с ролью одной из планет.

Церемонимейстр налагает Одиннадцатичастную Печать Магии.

2

(Двое ведущих одетых в черное (он же брат Феникс и жрец) и белое (он же брат Единорог и церемонимейстр) ведут следующий диалог).

- Где мы находимся, брат Феникс?
- В священных рощах Касталии, брат Единорог.
- Который нынче час, брат Феникс?
- Час Черного Солнца, Брат Единорог.
- Для чего мы собрались здесь, брат Феникс?

- Дабы отпраздновать Рождение Солнечного Бога, брат Единорог.

Вдвоем: Так давайте праздновать Зимнее Солнцестояние!

Хор: Так давайте праздновать Зимнее Солнцестояние!

Восемь равномерных ударов бубна.

3

(Двое ведущих исполняют гимн Черного Солнца. Все кто выучили текст присоединяются к их голосам)

*Явлено Черное Солнце в недрах космической Ночи,
Воинам Касталии ныне встретить его суждено.
Дабы к новому циклу вновь совершить восхождение,
Дабы не прерывался мистов магический Круг.
Новорожденное Солнце - ты венценосный Младенец,
Боги качают бесстрашно снова твою колыбель.
Пусть прозвучит над тобою их колыбельная песня,
Мы повторим за Богами их первозданный напев.
Будем же праздновать, братья, Зимнее Солнцестоянье!
Сестры, затеплите лампы, дабы пути осветить!
Ныне над нами восходит свастика Черного Солнца.
Знаем в Благое Светило преобразится она.*

(Появляются три парки. Они ведут следующий диалог):

Первая: Трава не растет.

Вторая: Скот не плодоносит.

Третья: Это Смерть.

Первая: Сумерки тревожны.

Вторая: Тьма сгустилась.

Третья: Точка свинца.

Первая: Вознесем жертвой

Вторая: На алтари наши

Третья: Новорожденное Солнце

(Парки исполняют Танец Смерти. Танцуют и нанося удары, произносят)

Первая: Пять ран. Кровь солнечная!

Вторая: Пять ран. Жертва кровавая!

Третья: Пять ран. Свершилось! Свет погас!

(Брат Феникс с криком падает. Его выносят за пределы круга).

Возглашение: Когда закон бессилен – Хаос рождает Свет!
Шабаш!

(Здесь в этой фазе желательно выключить свет и всем участникам погрузится в контролируемый хаос. Степень хаоса зависит от уровня свободы участников. Крик, рев, рык, буйство. Дозволительно все кроме нанесения повреждений и сексуальных домогательств. Задача – сбросить весь негатив года, выкричать, выразить, выбесить все что накопилось чтобы оно ушло вместе с этой фазой. Фаза хаоса существует только в ритуале Зимнего солнцестояния и является уменьшенной копией древних обычаев. Время буйства может продолжаться от одной до десяти минут. Время включения света определяет служитель Единорог или Церемонеймейстер когда почувствует что все участники выдохлись).

(Четверо служителей вносят брата Феникса, он же мертвое Солнце, в центр круга, в позе пентаграммы. У ног и у изголовья мертвого Солнца стоят служители. Мужчина в белом и женщина в черном. Они произносят)

Белый служитель: Во имя неба – восстань!

Черный служитель: Во имя земли – восстань!

Белый: Во имя рая восстань!

Черный: Во имя ада восстань!

Белый: Во имя востока – восстань!

Черный: Во имя запада – восстань!

Белый: Во имя любви восстань!

Черный: Во имя войны – восстань!

Церемонимейстр: Заклинания бессильны. Солнце мертво.

Хор: Используй Слово! Открой Слово!

Церемонимейстр: Это нарушение.

Хор: Используй Слово!

Церемонимейстр: Это безумие.

Хор: Используй Слово!

Церемонимейстр: Это святотатство.

Хор (неистово и беснуясь): Используй Слово! Используй Слово! Используй Слово! Открой Слово! Произнеси Слово!

Церемонимейстр: Да будет так. Пусть же снизойдет та, что владеет Великим Словом и произнесет его. Но бойтесь. Ибо услышавший Слово, никогда не будет таким, как прежде.

Церемониймейстер начинает читать воззвание:

О Владычица Владык,

О Госпожа Господ,

Сокровенная тайна,

Явленная ныне.

Ты что есть жизнь и смерть,

Ты что есть ужас и восторг

Безграничная! Царственная!! Прекрасная!!!

Лилит, Бабалон, Нюит, Исида, Иштар.

Тысячи имен твои, о Владычица.

Но ни одно не вместит тебя всю.

Молим тебя, снизойди же из своего чертога звезд.

И произнеси тайное слово.

Ибо вначале было слово.

И слово было у Тебя.

Жрица скидывает вуаль и произносит СЛОВО И ВЕЛИКОЕ СЛОВО (инструкции даны лично)

Хор: (В ответ произносит СЛОВО И ВЕЛИКОЕ СЛОВО)

(Брат Феникс, жрец, мертвое Солнце резко поднимается) От Сердца к Солнцу – СЛОВО И ВЕЛИКОЕ СЛОВО! ОТ солнца к серебряной нити СЛОВО И ВЕЛИКОЕ СЛОВО.

(Вскидывает руку в римском приветствии).

Жрец: Люцифер Райзинг!

ВСЕ: ДА НЕ ИССЯКНЕТ НАД МИРОМ ЗВЕЗДА ЛЮЦИФЕР.

Жрец произносит текст инвокации планет:

Я призываю планеты тайной формулой власти.

Тебя, о серпа обладатель, я призываю Сатурн.

Юпитера в царской короне, и Марса, славного в битве,

Венеру на ложе роскошном, и Солнце, что жизнь дает.

О, двойственность формы – Луна, явись, тебя призываю,

Тебя, толкователь Меркурий, тебя призываю, явись.

Я призываю планеты тайной формулой власти,

Явитесь, плотнее сомкнувши древнего таинства Круг.

(Жрец подходит к каждой планете и благословляет ее).

Жрец: Что в эту ночь ты приносишь, Века Златого властитель?

Сатурн: Чашу исчисленных сроков в жертву сейчас приношу.

Все: СЛОВО!

Жрец: Что в эту ночь ты приносишь, о венценосец суровый?

Юпитер: Чашу владык справедливых в жертву сейчас приношу.

Все: СЛОВО

Жрец: Что в эту ночь ты приносишь, воинов бесстрашный властитель?

Марс: Чашу кровавых сражений в жертву сейчас приношу.

Все: СЛОВО

Жрец: Что в эту ночь ты приносишь, наших страстей воплощение?

Венера: Чашу безудержной страсти в жертву сейчас приношу.

Все: СЛОВО

Жрец: Что в эту ночь ты приносишь, жизни великий пода-
тель?

Солнце: Чашу рассветов кровавых в жертву сейчас приношу.

Все: СЛОВО

Жрец: Что в эту ночь ты приносишь, ты – отражение и блики?

Луна: Чашу я всех изменений в жертву сейчас приношу.

Все: СЛОВО

Жрец: Что в эту ночь ты приносишь, о, прореки, Толкова-
тель?

Меркурий: Чашу тайного Знания в жертву сейчас приношу.

Все: СЛОВО

6

(Жрец и податель Судьбы расходятся в разные стороны Круга. Жрец идет посолонь, податель – противосолонь).

Жрец: Причастие Террион

Причастившийся: Свет сокровенный.

Жрица: Причастие Бабалон

Причастившийся: Чаша Грааля.

Причащаются все участники. По завершению Жрица останавливается, берет Колоду, и все желающие (заметьте – если причащаются все обязательно, то карту принимают по желанию) подходят к жрице и происходит следующий диалог

Жрица: Жребий прими в соответствии с истинной Волей.

Принявший карту: Жребий Любви беспощадной, не утрашившись, приму.

8

Церемонимейстр налагает Одиннадцатичастную Печать Регули.

ПРИЛОЖЕНИЕ 5

Стихи разных лет

Не так давно я оказался на «вечере мистической поэзии», где собралось много ярких, востребованных и неплохо известных, по крайней мере, в границах культурного Питера, поэтов.

Стихи были разные. От ярких, интересных, парадоксальных произведений до откровенного занудства и воспроизведения дежурных штампов на тему любовных разочарований и несчастных бомжей.

Удивительно другое. За целый вечер я не услышал НИ ОДНОГО действительно мистического стихотворения. Точнее, уже на стадии «свободного микрофона» несколько действительно самобытных поэтов выступили с мистическими стихами, но они, во-первых, не были включены в программу, а во-вторых, так и не были оценены по достоинству.

Невероятно! Тема вечера — мистическая поэзия, но под мистицизмом люди понимают что угодно, только не то, чем он на самом деле является.

В качестве приложения к этой книге я решил опубликовать несколько своих собственных мистических стихотворений. Стихотворений, которые я писал в самые острые периоды моей жизни, когда граница между обыденным сознанием и архетипической реальностью становилась прозрачной и зыбкой и боги легко играли в пространстве моей души.

Я не могу назвать себя Поэтом с большой буквы и хорошо понимаю, что поэзия — не самая сильная моя сторона. Однако есть несколько стихотворений, которыми я горжусь, потому что в них мне удалось в сжатой форме выразить напряженное

мистическое взаимодействие обыденного и архетипического.

И эти стихи я рад предложить на суд читателя.

Lilith Rising

*Задыхалось пространство, и дул суховей из пустыни,
Умирала ветра, распадались слова на осколки,
Боги, люди и звери шептали последнее имя,
И молитву свою на луну пели белые волки,
Где-то там за стеклом, погасало последнее пламя,
Где-то воды болот заслонили звезду Бетельгейзе,
Где-то небо упало на землю, и поезд, идущий по грани,
Перерезал на части упавшую чайку на землю.
Из последних глубин, из запретного тайного лаза,
Из предельных арканов, которым нет формы и цвета,
Появлялась Лилит, собирая последние фразы,
Для того чтобы мир возродился, чья песня казалась допета.
Прорывалась Лилит, омывая планету слезами,
Протекая в израненный мир кровью жизни из чаши,
И ослепшие войны смотрели иными глазами,
Как сквозь смерть явит Богу рождение владычица наша.
На последнем пределе, на грани, на лезвии тени,
На обрыве каната, на пойманном в зеркале миге,
Возрождалась Лилит. И опять выросли ступени.
Для последних, кто помнил. Кто ведал. Кто сбросил вериги.*

Черная Хризантема

*На окраине диска земного
В центре небесной триады*

*Корнями сквозь ад пробиваясь
Лепестками превыше рая,
Растет черная хризантема,
Растет, прорастая из света,
И, тьмой орошаемы, корни
Доходят до тверди бездны.
Черная хризантема,
Последняя тайна Бога,
Для дьявола откровенье,
Последняя вера в безверье,
Надежда для безнадежных.
Аромат хризантемы этой
Подобен амброзии ада,
А может быть, райской сере.
Листок хризантемы упавший
Коледлет вселенной основы,
И мир засыпает долу
В вечной Махапралайе,
Когда к хризантеме предвечной
Шмель прилетит из чащи
И вечность свернется в коллапс.
Реальна лишь Хризантема.
Все остальное тени,
Опавшие листья фантазий.*

Трансгрессия

Убиение критического разума

*Отзывается вселенскою панихидою,
Абракас, Абракас, Абракас,
Неужели и это простишь ты мне?*

*

*Нелокальные совпадения
Хрустальным эхом разносятся.
Последнее в небо падение,
Насмерть, наотмашь, накрест, в пропасти.*

*

*Короткие замыкания
На продолжительные дистанции,
Что это? Хохот, кажущийся рыданием?
Или конвульсии, прикинувшиеся танцами?*

*

*Бог под кожей тела, душе ожог,
Для духа плоть — что для огня топливо,
Священною жертвой белый Единорог
Без остатка сгорает в реторте твоей.*

Гимн Абраксу

*Абракс: Слово-Пуля, Слово-Стрела,
Пронзающее души и тела
Обоюдоострой бритвой свободы.
Смешав в огонь верхние и нижние воды,
Абракас воцарился на престоле,
Кречетом пройдя по канату Боли,
Над Сциллой неволи и Харибдой неволи.*

*Солнечным змеем пронзая луну,
Абракас зачинает новую весну.
Зла и добра больше нет,
Есть только Абракса черный свет,
Сорвано тепла и холода знамя,
Есть только Абракса ледяное пламя,
Женское и мужское сведено в один,
Это Абракс — Сверхновый андрогин.*

Гностическое

*Освобождение стремится по холодным проводам,
Как электрический разряд неземного кундалини,
Освобождения алкает бессознательный Адам,
Мечтая, чтоб огонь и свет дали форму мертвой глине.*

*

*Игрушка Демиурга вдруг увидела змею,
И яд горячих песен заструился в мертвом теле,
И адские врата открываются в раю,
И в мягкий теплый климат вдруг врываются метели,*

*

*И ласки тайных слов срывают покрыва,
И камень разрушает целостность сосуда,
И мертвая душа вновь становится жива,
И первым из Апостолов спасается Иуда.*

Четверо вышли в дождь

*Четверо вышли в дождь.
Четверо шли сквозь ночь,*

*Четверо свято верили:
Ничто не свернет их прочь.
Четвертый упал когда,
Демон встал на пути.
Властью страха и боли
Ему приказал уйти.
Четвертый упал когда,
Сердце сжалось в бреду,
И, испугавшись смерти,
Понял — я не дойду.
Трое вошли в грозу,
Рвалась триада сквозь ночь,
Алкали трое любви,
Той, что дарует дождь.
Третий упал когда,
Ангел встал на пути,
Властью отца закона
Ему приказал уйти.
Третий упал когда,
Сомнения непокой
Ангел в жаркое сердце
Влил ледяной рекой.
Двое вошли в пустыню,
Двое шли напролом,
Забыв о земле и небе,
Забыв про покой и сон.
Все так же двое искали*

*Тайны предвечных сфер,
Вечность любви Лилит
И пламень твой, Люцифер!*

*Но и второй упал,
Когда на своем пути
Увидел он человека,
что не дает пройти.*

*Ибо второй упал,
Когда, на шаг отступя,
Взглянув в глаза человеку,
Узрел самого себя.*

*Не человек, но зеркало
хранит величье основ,
Сам же он — мелкий бес
Во власти крохотных снов.*

*Но последний, увидев
Зеркало на пути,
Ударил на́взмах кинжалом,
И продолжал идти*

*Насквозь! Через звон столетий,
В разрыв пелены веков,
Последний шагнул и сбросил
Последние из оков.*

*Пока расходился веером
По зеркалу линий разлом,
Осколками геометрии
Проекции на стекло,*

*Звенело в застывшем мире:
«Нам время алмаз гранить»,
И брызги ртути серебряной
Сплетались в узор и нить.
А последний, услышав,
Веселый осколков звон,
Почувствовал, что Кинжалом
В Сердце и сам пронзен.
И, сделав шаг за черту,
Кровью поя цветы,
Последний решает спеть
Во славу своей мечты.
Здесь умирают страхи,
Последний предел суров,
Секунды надежд уходят,
А дальше ни снов, ни слов.
Но лишь бы хватило времени,
Но лишь бы хватило сил,
Чтобы последнее имя
В последний миг произнести.
Разум горит, как пламя,
Воля крепка, как гранит,
Душой порожденное Имя
Эхо разносит: Лилит!
В небе рассыпаны звезды,
Россыпью семь и одна,
Властью Креста и Розы,*

Свободным от яви и сна.

Титанор

*Завтра будет война, а сегодня в покое
Наши взгляды творят коридор из зеркал.
Боги, демоны, призраки, нимфы, герои
Оживают. Их тысячи! Траурный зал
Из блестящего мрамора... Зал воскрешений
В стразах светло-свинцовых... И здесь, за чертой
Края света, вне скучных сует — наслаждений
В нашей новой Вселенной моря! Но постой,
Это 2,22. Это нечто иное,
Чем обычный восторг. Это крыльев размах
За плечами у нас — наших крыльев! Откроет
Дверь Титанам субстанция истины. Страх
Предстоящей войны тает пепельным дымом
Под напором ветров из возникших миров.
Через нас входит древняя мощь — новым Римом,
Новым Асгардом, новой Элладой... И слов,
Слов банальных, известных, избитых, привычных
Больше нет — есть живая их новая суть.
«Cantiela», Джордж Рипли: как царь из обычных
Необычный прошел обновляющий путь.
Тот, кто знает: и что говорить, и с какою
Интонацией, верным подтекстом — тот Бог
Своего мироздания. Даже с чужою
Составляющий силою сладит! Чертог*

*Его мыслей разящих и прост, и прекрасен,
Ибо 2,22 — стиль особых фонем.
Завтра будет война... Завтра день снова ясен!
За такое число можно жертвовать всем.*

Ортанз

*Я — вода. Я стекаю по крышам Небес,
Наполняя собой все сосуды.
Я всегда освящен: Aqua Nostra, Гермес.
Где-то смотрит Ортанз... В изумруды?
Нет, в рубины! Господь в них вначале сиял.
Каждый миг длился вечностью пленной.
Превращались песчинки в глаза. Ареал
Божьих глаз чуть побольше Вселенной.
Обнаженно-атласный рубиновый свет
Помогал видеть главное Око.
А когда созерцаешь вопрос как ответ,
То разбудишь Ортанз! Раньше срока
Был обряд посвящения дан свысока?
Не отвечу. Путь к высшей ступени
Ныне только таков. Проживите века,
Одолев уменьшенья шагрени,
Но ищите Ортанз! Нет: найдите Ортанз!
На парижских цветущих бульварах,
В алхимических схимах, в феериях фраз
Соловьиного пения. В залах
Замков древней земли, где сошлась тень дорог*

*Жанны д'Арк, Жиль де Реца. А позже
У Филиппа Писье и фон Сириус... Рок,
Он всегда соревнуется с «Божье».
И Жерар де Нерваль не сумел одолеть
Злую силу болезненной плоти.
Он искал Аурелию — встретил же смерть
Добровольно, в пеньковой гарроте.
За мистический образ придется платить,
За начало начал — и тем боле.
Разбивается зеркало Вечности... Жить
Невозможно при внутренней боли
Пораженного разума! Всюду одни
Лишь осколки зеркального тела.
Грешный дух ли Святой? Атанор? Извини,
Это знает Она — вне предела
Совершенная женщина. Или Ортанз.
Натянулись астральные нити
Откровенно, стремительно, зло, напоказ...
Она видит, поможет. Найдите!*

Олег ТЕЛЕМСКИЙ

**На темной стороне Луны.
Боги, демоны, архетипы,
от Персефоны до Азазеля.**

16+

Компьютерная верстка: **Кичо Андрей**

Оформление: **Кичо Андрей**

Обложка: **Кичо Андрей**

В оформлении обложки и книги использовались картины **Полины Снисаренко и Татьяны Подольской.**

Издательство «Касталия»

Адрес: 115280, Москва,

1-й Автозаводский проезд, дом 4, корпус 1

<http://castalia.ru>

Отпечатано с оригинал-макета заказчика

в типографии «Издательские Технологии Т8»

Адрес: 109548, Москва,

Волгоградский проспект, д. 42, корп. 5